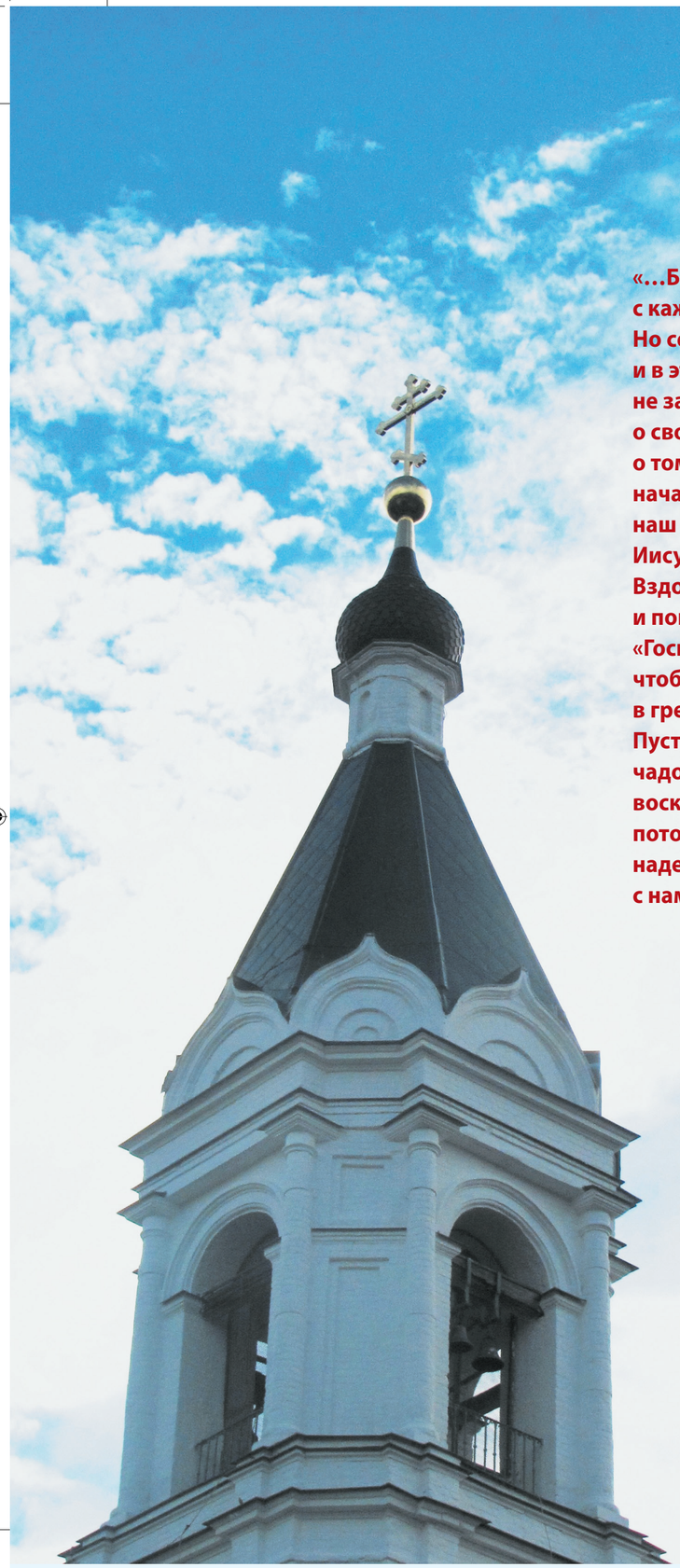


«…Бог весть, что будет завтра
с каждым из нас.
Но сегодня мы ликуем,
и в этом ликовании пусть
не забывает смертный человек
о своей бессмертной душе,
о том, что над нами есть
начальник жизни –
наш Воскресший Господь
Иисус Христос.
Вздохнём же сегодня к Нему
и попросим Его:
«Господи! Продли дни жизни нашей,
чтобы не погибли наши души
в грехах и беззакониях!»
Пусть милосердный Господь
чадолюбивый Отец наш,
воскресит наши души в будущем,
потому что мы любим Его,
надеемся, что Он всегда будет
с нами в нашей жизни».

Протоиерей
Александр Сайгушев

Ольга Новикова ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР САЙГУШЕВ. ЖИЗНЬ

Ольга Новикова

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР САЙГУШЕВ. ЖИЗНЬ

Cover_Saygushev.indd 1 12.04.2016 22:58:50

Ольга НОВИКОВА

Посвящаю
моим дорогим родителям

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР САЙГУШЕВ. ЖИЗНЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

КОЛОМНА
СЕРЕБРО СЛОВ
2016

УДК 821.161.1-3
ББК84(2Рос=Рус)6-4

Н73

ISBN 978-5-906800-50-3

Автор искренне благодарна за помощь и содействие в издании книги
начальнику Управления культуры Воскресенского района
Московской области *Ольге Васильевне Шилкиной*,
учредителю издательства «Серебро Слов» *Сергею Сергеевичу Антипову*,
директору издательства *Денису Викторовичу Минаеву*,
академику Академии Российской словесности *Леониду Анфиногеновичу Дудину*,
а также родным и близким, и всем, кто благословил меня на творческий труд
во имя незыблемости постулатов православия.

Новикова О.А.

Н73 **Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь.** *Документальная повесть*. –
Коломна: Серебро Слов, 2016. – 418 с.: ил.

Предлагаемую книгу с полным правом можно назвать исповедью, в центре внимания которой отец автора – протоиерей Александр Сайгушев. Ревностный праведник, человек сильного духа, познавший на себе невыносимые телесные муки и страдания и в то же время прошедший светлую жизнь счастливого семьянина, – он, очарованный великим учением Христа, пронёс свой крест как пример Высшего Предназначения и верного служения Господу Богу. Эта человеческая ипостась во всём повествовании настолько откровенна, видима и чиста, что принимается в полном объёме без ограничения добрых чувств, масштабно и самым естественным образом.

Фотографии из семейного архива автора.

УДК 821.161.1-3
ББК84(2Рос=Рус)6-4

Н73

ISBN 978-5-906800-50-3

© О. Новикова, 2016.
© Серебро Слов, 2016.

ПРАВЕДНИКИ И ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ

И отрёт Бог всякую слезу с очей их,
и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля,
ни болезни уже не будет. (Откр. 7.16; 21.4)

Книга Ольги Новиковой «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь» явилась на свет весьма жданной. Она непременно должна была явиться, ибо автор, талантливый литератор, выросшая в семье священника, духом и сердцем принявшая её православный уклад, не могла не сказать живое слово о своём отце – носителе и хранителе учения Христова.

Написал, что «книга явилась на свет весьма жданной» и остановил себя на мысли: «А может, долгожданной?» – не ведаем. Не будем расспрашивать о том и автора. Нам дано лишь предполагать, сколько времени вынашивалась сама идея «Жизни», как планировалось написание (и планировалось ли?),– поскольку мы видим необычное изложение материала.

А оно идёт от серебряной паутинки резного листа рябины у дома, что на улице Садовой города Воскресенска, где жил протоиерей и его семья, и далее – до тайных отрогов Жигулёвских гор, где родился мальчик Шура (будущий протоиерей), и где от волнения повествования исключается строгая линия сюжета. Она, ломаясь на хрупких зигзагах действия, неожиданных жестах и неразгаданных символах, всё же даёт завидную возможность появиться справкам уточнения, неоспоримым историческим и житейским фактам, которые не терпят быть забытыми, а просятся непременно сейчас же в строку, чтобы успеть успокоить сердцебиение автора.

Да и само начало книги необычно, поскольку не совсем хронологично – не с первых, а с последних дней жизни о. Александра идёт повествование, то есть фактически с его кончины, которая, как и любая кончина, становится тем рубежом, когда, в силу канонов Всевышнего, мы не можем с человеком побеседовать, зафиксировать его мысли, не говоря уже об их согласовании. Остаётся только память. И эта память, беспокоясь, начинает тревожно жить в гипотезах, легендах, мифах, передавая от поколения к поколению откровения праведников.

Но разворачивается начало книги (дни кончины) вспять,– и великое свечение прошлого вновь становится яркой явью во всех подробностях и фрагментах становления священника (подросток Шурка, семинарист Александр) и его зрелой жизни (протоиерей Александр Сайгушев).

От первого до последнего слова в благодарных трудах дочери звенит сопрано – неиссякаемый источник любви и печали, идущий к отцу Александру Михайловичу, к матери Марии Андреевне, родным братьям Сергею и Михаилу – ко всему, что окружало, и кто окружал автора. Ольга Новикова, будучи сама фельдшером, находясь рядом с больным отцом, находит такие вот пронзительные слова молитвы, надежды и утешения:

«Нежданно за больничным садом, через дорогу, высоко на сосне быстро мелькнул пушистый беличий хвост. Они часто здесь бывают, эти маленькие красивые зверьки. Наверное, подумалось, послан свыше хороший знак!

Жить! Господи, помоги моему отцу! Соверши чудо! Он так старается жить! Спеша и путаясь, я читаю молитвы, сочиняю сама, снова и снова прошу милости Всевышнего о продлении дней и избавлении от мучений. Невольные слёзы. И уже за их влажной пеленой не вижу беличьего хвоста и бездонного неба…

Как уставший от долгой игры ребёнок, отец тихо посапывает. Спит. Во сне он отдыхает, во сне он ЖИВЁТ. Что он видит? Может, ту же белку, что и я? Я стою над ним и вижу его белое, худое, но красивое своим величием и спокойствием лицо. Сейчас он далеко в себе…

Но надо прервать сон – пора вводить лекарства. Я тихонько, чтоб не испугать, глажу его спутанные волосы, вытираю влажный лоб и говорю, улыбаясь и растягивая слова: «Папа, просыпайся!»

Разве это не высшая форма выражения чувств дочери к родному отцу? Разве это поддельные слова обращения к Создателю? И так повсюду, по всей книге. Искренность и чистота.

Высокие эмоции не застили сути повествования, не вышли за пределы духовных и светских рамок, не умалили образ о. Александра, наоборот, сделали его масштабней, рельефней, а потому и держат постоянно читателя в поле зрения основной темы и усиливают желание узнать больше о жизни нашего современника, который шёл по дороге к Богу в сложнейших условиях гулаговской эпохи.

Готовность дочери к написанию столь пронзительной повести об отце пришла в свой час. И не то чтобы решительно и уверенно, но с тем багажом писательского и житейского опыта, который позволил ей осуществить задуманное. У Ольги Новиковой к тому времени вышло два сборника стихов «Я любовь назову твоим именем» (2008 г.) и «Маков цвет» (2010 г.). Она уже стала членом Союза писателей России, членом-корреспондентом Академии Российской словесности, ответственным секретарём газеты «Воскресенск литературный». За свои творческие труды получила ряд литературных наград: международный диплом и медаль «Мастер словесности», диплом губернаторской премии им. Роберта Рождественского, медаль А. П. Чехова, Золотую Есенинскую медаль, медаль имени нобелевского лауреата Ивана Бунина, Почётный знак «За заслуги перед Воскресенским районом» и ряд других высоких знаков отличия. Стала лауреатом многих творческих конкурсов.

В своём первом сборнике так дочь пишет о своём отце (2008 год):

* * *

Отцу

Пылали ярко листья клёнов,
Всё шло в природе чередом,
На ветках птицы оживлённо
О чём-то спорили своём.

Внизу под ивою, как стоик,
И почему-то одинок,
Уселся небольшой опёнок
На развалившийся пенёк.

Лопух тянул большие лапы
Всё к небу, к небу – на восток…
А в доме умирал мой папа –
Мой неразгаданный пророк.

И вот его совсем не стало,
Угасшей Боговой звезды…
А осень пела, ликовала,
Справляя праздник красоты.

Это произведение уже стало хрестоматийным. Оно известно не только в России, но и за её пределами.

А потому, читая тексты «Жизни», повсюду замечаем, что книга написана языком поэта. Написана на одном дыхании, вся наполнена человеколюбием и глубокой заботой о судьбах православия. Фактически всё повествование – болевая исповедь о человеке, познавшем на себе, на своей семье несусветную оголтелость системы, которая обрушилась в прошлом веке на лучшие российские умы.

Жизнеописание истинного пастыря в предлагаемой книге отрицает всякую формалистику, потому, как уже было отмечено, выполнено языком художественной литературы, что отличает его от многих других тематических изданий. Здесь видна и близка вся родословная протоиерея Александра Сайгушева, которая восходит к таким смелым, таёжным и мало кому понятным местам, как Дятловы горы, застолбившие правый берег великой реки и встретившие на своём резком изгибе такие же непонятные Жигули. Горы и леса. «В лесах», «На горах». Достаточно открыть эти незабвенные произведения П. И. Мельникова-Печерского, чтобы убедиться в невозможности нездешнего человека постичь здешний, упрятанный за неровным горизонтом, неторопливый таёжный мир. Он, как глухой колокол великого раскола, продолжает будоражить души и молчаливых прихожан этих мест, и священнослужителей, где ещё до сих пор не остынет в оврагах эхо расстрельного грохота.

Но, как сказал поэт, «ни цари их дух не сокрушили, ни наган, ни штык большевиков». Также ничто не могло поколебать и дух, и православное вероисповедание будущего протоиерея, родившегося и выросшего в этих местах. И никто из служителей других идей и конфессий не смог убедить юношу в «неправильности» избранного им пути.

Вся сущность книги, каждое слово её подтверждают, что протоиерей Александр Сайгушев – личность высокого ряда, занявшая достойное место в иерархической лестнице российского священства. Ольга Новикова проделывает громадную работу по поиску праведников, с которыми встречался её отец (скорей, они шли к нему на встречу), беседовал, а некоторых и укрывал от преследования. Это известные богослужители схииеромонах Сампсон (граф Сиверс), схииеродиакон Ипполит, митрофорный протоиерей Николай Одинаркин, митрофорный протоиерей Дмитрий Фролов, протоиерей Дмитрий Брысаев, протоиерей Василий Бащук, протоиерей Александр Захаров, протоиерей Александр Коробейников, протоиерей Владимир Маркин, священник Алексей Евдокимов, протоиерей Наум Куратчук, иеромонах Виссарион, о. Дмитрий Болящий и многие другие.

Автор почти не говорит о жестокости системы – Ольга Новикова всего лишь приводит цифры и факты тех беспредельных лет (1937 год – рождение о. Александра). Они ошеломляют.

«Ко второй половине 1937 года представителями НКВД только на территории Ульяновской области (родина о. Александра), только за один год, было расстреляно более 1500 человек, а репрессировано более 8000».

А теперь можно подсчитать, сколько областей в России, да и заняться несложной арифметикой. А сколько застенков, подвалов, оврагов?..

Далее, по тексту:

«Согласно тому же «плану» все православные всех существующих на тот момент течений, все старообрядцы и сектанты были объединены в одну группу – некую «фашистско-повстанческую церковно-монархическую контрреволюционную организацию». Главой этой организации объявили Куйбышевского архиепископа Иринея (Шульмина). Эта операция готовилась тщательно и заранее. На всех и за всех «действующих лиц» были составлены показания – их будущие «признания». Сначала арестовали архиепископа Иринея. В Ульяновске был арестован обновленческий архиепископ Иоанн (Никольский), потом арестованы григорианские архиереи – митрополит Иоанникий (Соколовский) и архиепископ Феодор (Борисов-Григорович), затем вернувшийся из заключения бывший Ульяновский епископ патриаршей Церкви Митрофан (Гринев). В Мелекессе – Владимир (Горьковский) и находившийся там в ссылке епископ Вениамин (Троицкий). В Карсуне – находящийся на покое епископ от ВВЦС Иринарх (Павлов).

Все эти аресты закончились бойней. В 1937 году только в Ульяновске по обвинению в участии в этой «фашистско-повстанческой» организации было расстреляно шесть архиереев, 126 священников, 30 монашествующих и 60 мирян. В концлагеря сроком на десять лет отправились 23 священника, пять монахов и 99 мирян, а сроком на восемь лет – один архиерей, 11 священников и 19 мирян. Никто из этих людей из концлагерей не вернулся. По разным другим «церковным» делам было

репрессировано 400 человек, всего за два дня – 17 и 18 февраля 1938 года – в подвале Ульяновского горотдела НКВД было расстреляно более 100 человек. Ульяновская епархия, хотя и неофициально, но просто прекратила своё существование».

Пусть не все цифры, но сами события до боли были известны и юноше Александру Сайгушеву, родившемуся и выросшему в селе Коченяевка Ульяновской области. Потому-то по приезде в город Воскресенск он резко отличался от весёлых сверстников глубиной познания жизни, ранней взрослостью. Хотя ничто житейское ему не было чуждо.

В книге представлен большой ряд помощников о. Александра по службе в Маврине, Марчугах, Коломне, Шарапове, Карпове. Их, обычных и необычных прихожан, но всех любивших своего батюшку за светлый ум и высокие божественно-человеческие проповеди, доходчивые и понятные,– их всех объединяло православие – общее дело не в безликих схемах, а в живых личностях. С какой трогательностью Ольга Новикова рассказывает о людях, преданных учению Христа! Вот, например, краткая запись о Наталье Григорьевне Сазоновой:

«Человек надёжный, большой доброты и отзывчивости, со светлой душой и очень сложной судьбой, статная, крепкого телосложения, она являла образец русской женской красоты.

Большие глаза, всегда живые и ласковые, говорили о её добром и весёлом характере. В состоянии застенчивой улыбки чаще всего находились её тонкие губы. Округлый лоб, круглые щёки, можно назвать – щёчки, слегка румяные, глубоко обрамлённые платком, делали её похожей на ту самую Ярославну из древнего Путивля, что ждёт князя с битвы. Наша семья очень любила её, мы, дети,– особенно. В храме Наталья Григорьевна была человеком незаменимым: и псаломщицей, и певчей, и регентом хора. Бог дал ей очень красивый голос: высокий, чистый, выразительный, душевный. Она знала нотную грамоту и множество различных распевов. Помню её игривый напев: «Веселитесь и ликуйте, Люди-братии, со мной И с восторгом облекитесь В ризу радости святой…»

Понимая масштаб повествования, его всестороннее проникновение к духовному и внешнему образу своего отца, автор смело передаёт перо людям, которые хорошо знали (или помнили), прямо скажем, выдающегося протоиерея. В книге нашли место воспоминания матушки Марии Андреевны, протоиерея Николая Одинаркина, священника Алексея Крылова, священника Ивана Брайко, юриста Михаила Булекова, инженера-технолога Марины Ушаковой, крестницы Антонины Кочегаровой, племянницы Любови Мускатиновой, начальника поезда Дениса Пушнова, врача-невролога Ольги Дюкановой и других. Они добавили те слова оценки значимости деяний о. Александра, которые в силу скромности автора «Жизни» не были им произнесены.

В состав книги также вошли собственные сочинения о. Александра и другие ценные письменные и фотографические документы.

Работая над рукописью как редактор, чем глубже я вчитывался в текст, содеянный Ольгой Новиковой, в девичестве Сайгушевой, тем очевидней осознавалась и утверждалась во мне мысль о совершении автором воистину не только литературно-гражданского, но и дочернего подвига.

На примере жизни своего отца и его сподвижников она, сотворив неподражаемую духовно-светскую повесть, внесла вполне достойный вклад в историю Русской Православной Церкви, подтвердив тем самым, что великие праведники, указывающие дорогу к Создателю, всегда были, есть и будут рядом с нами в качестве ярких светочей как на Земле, так и в Царствии Небесном.

Вот в чём неоспоримая заслуга автора.

Действительный член Академии Российской словесности,
лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова
Леонид Дудин

Глава 1.
ЗИМА И ЛЕТО 1998 ГОДА

Кардиологический блок реанимационного отделения. –
Молчание не могло длиться вечно, когда мы остались одни. –
Гангрена делала свое чёрное дело. –
«Я с вами и с Богом!» –
Стояла радостная погода последних дней февраля.–
Папа, просыпайся! Лето. –
По всей округе горели торфяники. –
«За что Бог так любит меня?» –
Он верил, что будет жить всегда.

Родное подворье

Отец передал мне часть своей плоти, часть своей души. Когда это произошло, я не знаю. Не помню. Полагаю, что давно. Но само осознание передачи влилось в меня мучительной телесной и такой же мучительной душевной болью буквально за считаные дни, часы, минуты. Я чётко услышала, что его боль – это моя боль. Навсегда. До последнего вздоха.

Он лежал в кардиологическом блоке реанимационного отделения Первой городской больницы с третьим инфарктом и с ранней гангреной левой стопы. Зная, что я фельдшер, заведующий отделением разрешил мне постоянно находиться рядом с отцом. Состояние его было настолько тяжёлым, что он почти всё время молчал, а с медицинским персоналом и вовсе не мог разговаривать. Не было сил. Теперь он чаще лежал и смотрел мимо всех, куда-то вдаль, в свой, одному ему ведомый, мир. Я по незнанию предполагала, что он разгадывал мир страданий.

На очередной перевязке врач, осмотрев ногу, сделал необходимые манипуляции, наложил новую повязку и ушёл, оставив нас вдвоём.

Когда мы остались одни, отец перевёл на меня почти слепые глаза и, глядя в упор и чуть волнуясь, ровным голосом произнёс:

– Ольга, ну что там?

Я промолчала, не зная, что сказать.

Мне показалось, что он едва заметно вздрогнул от реального чувства обречённости и не менее реальной, но достойной надежды на чудо: на спасение. И эти чувства, вспыхнув сейчас, жили в нём одновременно. Он хотел жить! Наверное, в эту секунду я вздрогнула тоже, вздрогнула, наверное, ещё сильнее, чем он. Дрожь объяла меня с ног до головы, пронзила, мне показалось, даже больше, чем его. Дрожь от жалости к отцу, от приближения неминуемого исхода, неминуемой беды. Я только потом поняла, что это на самом деле было так, потому что я слишком слаба, и вера моя в Господа не настолько сильна и крепка, как у моего отца.

Мы какое-то время смотрели друг другу в глаза. От его спокойствия, от покорного и терпеливого молчания человека, чья жизнь висит на волоске, чья жизнь вот-вот уже кончается, мне стало страшно.

Он словно проверял меня, ждал, что я скажу, чем утешу, хотя ответ он знал лучше меня. А я всё молчала, взглядом умоляла, чтобы он избавил меня от необходимости отвечать**…** Но молчание не могло длиться вечно. А что мне было ответить, когда гангрена с каждым днём неумолимо продвигалась на четверть выше вчерашнего уровня. «Господи, помоги мне быть сильной»,– неслышно выдохнула я, а затем произнесла, будто бы вынесла приговор:

– Плохо, папа.

В ответ – молчание и тишина такая, что казалось, она раздавит стены в маленькой больничной палате.

Я не знаю сама, почему испытала одновременно и его боль, и чувство жалости к моему самому близкому человеку, и чувство острой вины перед его неизлечимой болезнью, которая ниспослана ему как испытание веры в Отца, Сына и Святого Духа. Мне не хотелось произносить стандартных фраз и утешений. Не их он ждал, а ждал он уверенности и помощи от своей дочери в самую трудную минуту. И он получил её. Мы поняли друг друга. И не было в ответ ни стона, ни вздоха.

Я выдержала его взгляд, словно бы бесконечный экзамен. Он опять перевёл глаза куда-то выше меня, но не в потолок – он опять ушёл в свой мир, уединился в нём. Что там, в его необъятном мире? Не знаю. Наверное, всё в нём есть, кроме обиды, жалости к себе, малодушия. Его мир спасает его…

Гангрена с упорством и настойчивостью делала свое чёрное дело. За несколько дней от стопы она добралась до колена. Болело, с трудом выдерживая третий инфаркт,

сердце. От непомерного количества вводимых лекарственных препаратов открылось язвенное кровотечение. Артериальное давление то падало, то подскакивало до кризовых цифр. Сахар в крови колебался от гипогликемии по утрам до прекоматозных состояний в ночное время. Прогрессировала слепота. Поднималась температура. Нарастала интоксикация. Чтобы стабилизировать состояние, врачи вводили лекарства почти всех групп, кроме… обезболивающих. На каждом обходе первый вопрос был о боли. «Не болит»,– отвечал отец. Я видела удивлённые глаза врачей – не может не быть в таком состоянии боли! Однако – может.

Отец, совсем ослабший, готовился к операции. Ещё несколько дней назад, когда приходили посетители, он приближался к окошку, внимательно осматривая их, теперь же, лёжа в постели, мог только повыше приподнять руку и, держа её над собой, осенить крестом: «Я с вами и с Богом!»

И снова продолжал терпеливо жить в тихом, не надоедливом ему мире. О чём думалось ему? Об исходе предстоящей операции по ампутации ноги? О её необходимости? О её возможных последствиях? Или, может быть, о прожитых годах, о лучших днях своей так горячо любимой жизни, за которую всё-таки надо бороться. Он так её любил!

В этой же маленькой палате я ещё раз оказалась в состоянии какого-то болезненного стыда, какого-то сверхсложного испытания, которое выдержать практически невозможно.

Надо сказать, что стояла удивительно радостная погода последних дней февраля. Всё наше маленькое замкнутое пространство было залито ярким солнечным светом и теплом. И так хотелось отвлечься от горьких дум, забыть о боли, о том, что самое страшное и решающее ещё впереди. Небольшое окошко выходило в больничный сад в сторону леса. Слежались меж деревьев старые насупленные сугробы, серые и неуклюжие. Вдоль больничного здания поблескивала на солнышке начинающая оттаивать тропинка, усердно протоптанная частыми посетителями. Валялись рядом разномастные ящики, брёвнышки и другие приспособления для более удобного доступа к высоким больничным окнам первого этажа реанимационного отделения. Хотя и не надо бы заглядывать и подсматривать в эти окна, но люди есть люди, и ничего с этим не поделаешь. Все хотят видеть: ведь каждый визит сюда может быть последним… На деревьях каким-то чудом ещё удерживались снежные растрёпанные шапки, но уже во всём чувствовалось приближение весны, слышалось её смелое дыхание. Какое небо! Кажется, не зимнее: низкое, давящее и серое,– а весеннее: синее и глубокое! Засмотришься и утонешь в этом море красоты и забвения! И как будто нет обшарпанных стен палаты, этой страшной силы упрямой болезни, маминых слёз, собственных безутешных ночных рыданий и недоступно-великого мира моего больного отца. Нет ничего, кроме ласковой приближающейся весны!

Я думала, глядя на улицу, о том, что знала сама, а ещё о том, что говорили врачи и предрекали медсёстры: всё БЕЗНАДЁЖНО.

Нежданно за больничным садом, через дорогу, высоко на сосне быстро мелькнул пушистый беличий хвост. Они часто здесь бывают, эти маленькие красивые зверьки. Наверное, подумалось: это хороший знак!

Жить! Господи, помоги моему отцу! Соверши чудо! Он так старается жить! Спеша и путаясь, я читаю молитвы, сочиняю сама, снова и снова прошу милости Всевышнего о продлении дней и избавлении от мучений. Невольные слёзы. И уже за их влажной пеленой не вижу беличьего хвоста и бездонного неба…

Как уставший от долгой игры ребёнок, отец тихо посапывает. Спит. Во сне он отдыхает, во сне он ЖИВЁТ. Что он видит? Может, ту же белку, что и я? Я стою над ним и вижу его белое, худое, но красивое своим величием и спокойствием лицо. Сейчас он далеко в себе…

Но надо прервать сон – пора вводить лекарства. Я тихонько, чтоб не испугать, глажу его спутанные волосы, вытираю влажный лоб и говорю, улыбаясь и растягивая слова:

– Папа, просыпайся!

Как же сладко он спал! Как не нужно было ему это пробуждение! Он медленно, пока ещё ничего не понимая, открыл глаза, некоторое время, не шевелясь, смотрел куда-то вдаль, опять чуть выше меня, теперь уже почти совсем ослепшими глазами, и разочарованно протянул тяжёлым вздохом: «А-а-а-ах!.. Это я в больнице?.. А я и забыл… Приснилось, что я вышел во двор скотину кормить…»

Сказав это, он опять ушёл в свой мир, а на лице – нет, не слёзы обманутого ребёнка! – на лице горечь разочарования только что вполне счастливого человека. Я вернула его в реальность. Он молчал. Мне хотелось его утешить, но было нечем: отец глупостей терпеть не мог.

Я присела рядом, взяла его похудевшую с резко выступающими венами руку. В глазах моих стояли слёзы. Где-то в груди застыла острая боль и не хотела отпускать. Я опять поняла, что всё, что будет с отцом сегодня, завтра, потом – будет и со мной. Я уже никогда не смогу оставить его без моего присутствия. У нас болит одинаково – я нужна ему. Ему нужна жизнь!

Только ночью и дома наедине с подушкой я имела право дать волю горьким дочерним слезам.

Несколькими неделями позже в один из самых болезненных дней моего отца, искренне желая его поддержать и утешить, я не выдержала очередное испытание на отлично, и мне очень стыдно было за себя.

Прошла зима. Прошла весна.

Только за один этот месяц папа перенёс третий по счёту инфаркт миокарда, операцию по ампутации левой ноги и ослеп полностью. Господь сохранил ему жизнь! Казалось, страшное – позади, но зловеще подкрадывалась гангрена к правой ноге, развивалась почечная и сердечная недостаточность, одышка не давала покоя, спать приходилось сидя. Не хватало воздуха. Дышать было нечем.

Душное и знойное стояло лето, по всей округе горели торфяники. А отец мой жил, не уставая благодарить Небеса за каждый прожитый день. Он сохранил верность своим идеалам и традициям, свято верил в Бога, любил в жизни всё, любил саму жизнь, ценил каждый миг и не уставал повторять: «За что Бог так любит меня?»

В отчем доме я навещала его почти каждый день. Придя однажды, я увидела, что ему особенно плохо: он сидит, обложенный подушками, тяжело дышит, болят сердце и ноги… И опять этот взгляд слепого человека, взгляд, устремлённый вдаль… Вид у него был растерянный. И показался отец мне несчастным.

Я присела рядом. Он не видел, но знал, что я рядом. Он всё знал. Как я хотела пожалеть его, подыграть ему, что ли. И начала, поглаживая ему то руку, то спину (он любил это):

– Пап, а ведь правду, наверное, говорят, что люди приходят на этот свет для мучений?

Хотелось продолжить, что у всех свои горести, беды… Не сразу я поняла, что таким участием сильно обидела его: он ЖИЛ, он сопротивлялся унынию, а я своей жалостью вынесла своему отцу приговор, о котором он сам знал, но, возможно, боялся минутной слабостью прогневить Господа. Он искал поддержки, но не жалости, а потому сразу весь оживился, сконцентрировался, вышел из своего мира, быстрым взглядом обвёл комнату, как будто восклицая: «Вот же я, жив-здоров, сыт и ухожен! Что ещё надо?!» Потом задумался и ответил уверенно, как на исповеди:

– Почему для мучений? Нет! – потом упрямо добавил: – Бог любит меня!..– и тут же задал вопрос: – За что Бог любит меня?..

Сколько скорбных складок явилось на его лице! Сколько чистоты, силы и уверенности хранилось в его голосе! Он верил, что будет жить всегда**.** Он не может умереть…

Хотелось плакать. Я смотрела на него полными слёз глазами, и мне было стыдно за своё маловерие и малодушие. Огорчила я его, моего самого дорогого, самого болящего, самого мудрого, терпеливого и любящего нас человека.

Да простит он меня и заступится перед Господом!

* * *

Святый Боже,
Святый Крепкий,
Святый Безсмертный,
Помилуй нас…

Ангельская песнь Пресвятой Троице

Святой и Крепкий мой Господь,
Пошли мне трудные дороги,
Но если ослабеют ноги,
Молю: скрепи и дух, и плоть.

Святой мой Боже, освяти
Мои земные помышленья,
Отринь гнетущие сомненья
И за неведенье прости.

Терпенье, Боже, укрепи,
Когда намаюсь от кручины,
И в час назначенной кончины
Сияньем чистым окропи.

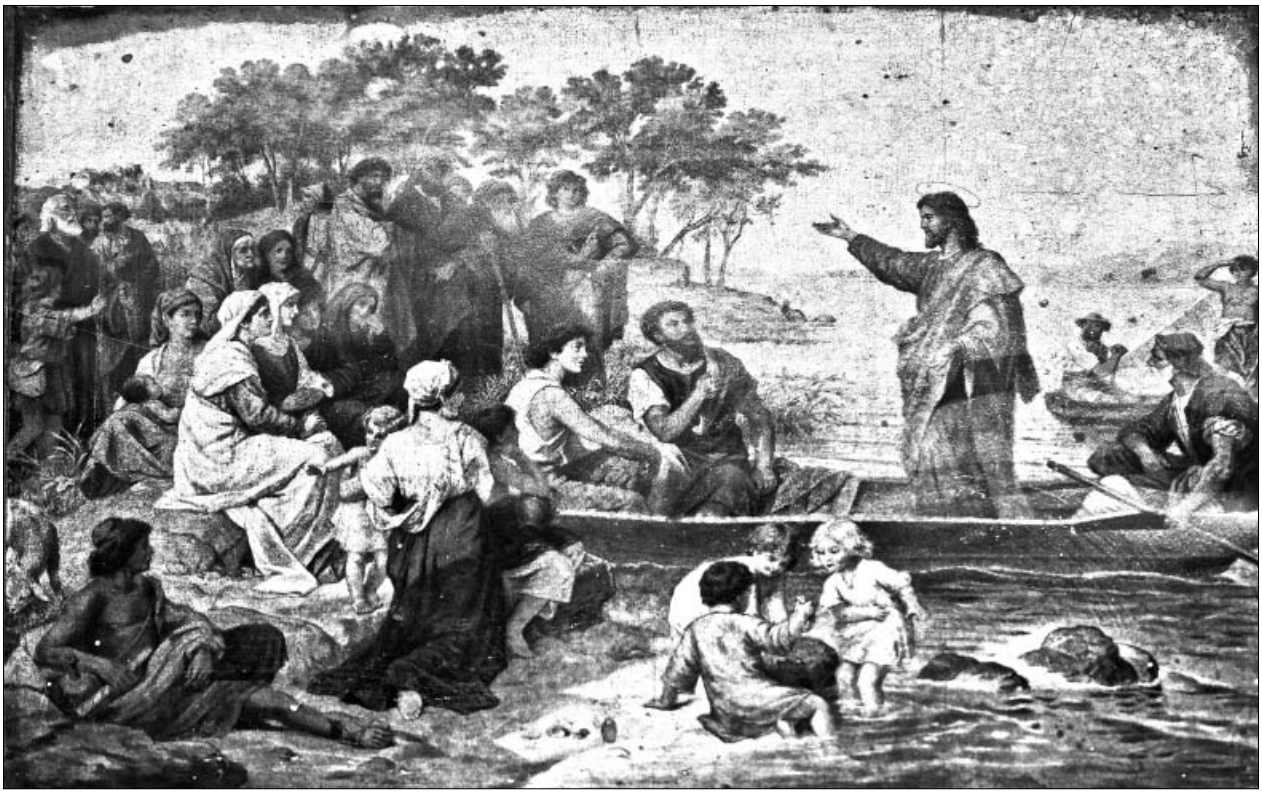
Бессмертный Боже мой, управь
Мои земные попеченья
И в упованье на прощенье
Мне искру милости оставь…

Дойду и душу передам
Всю-всю как есть, отец-Спаситель,
В твою бессмертную обитель
И упаду к твоим ногам…

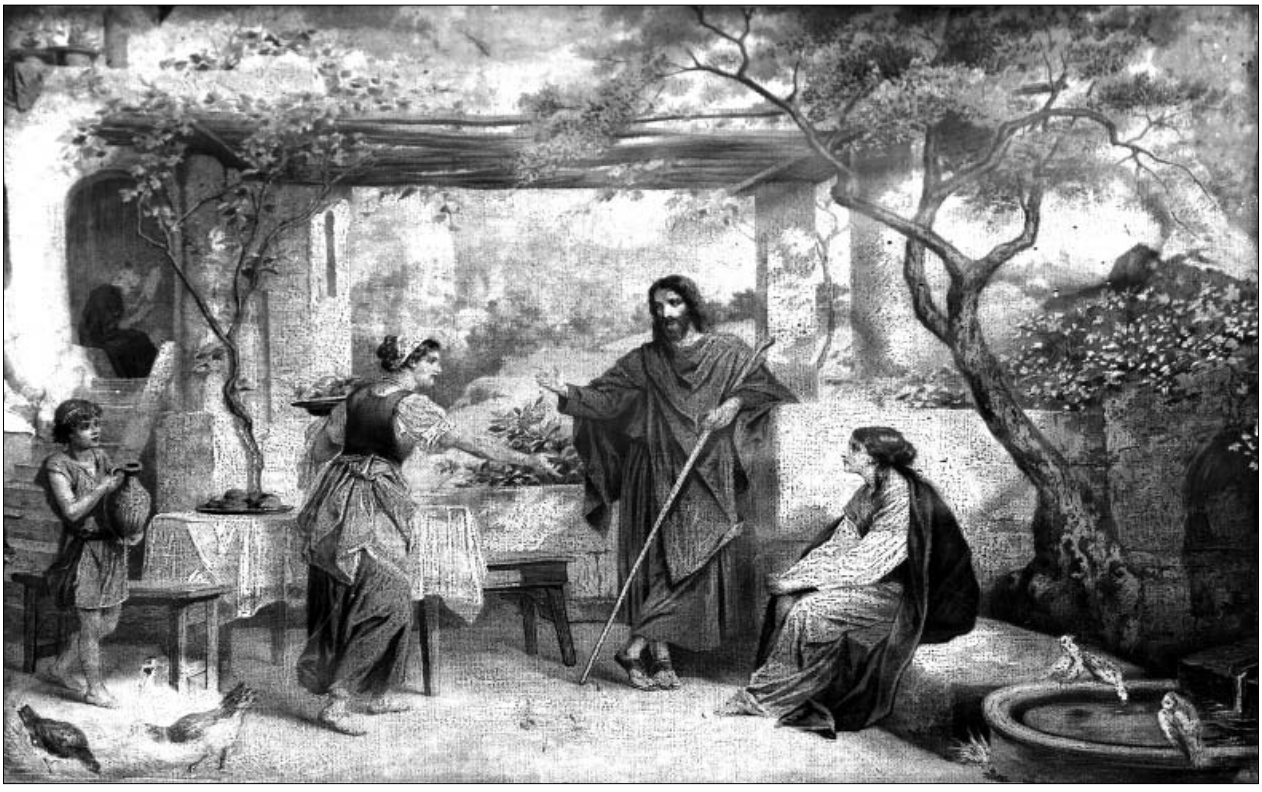
За деревьями наш дом

Двери в родной дом всегда открыты

Отец Александр Михайлович и мама Мария Андреевна



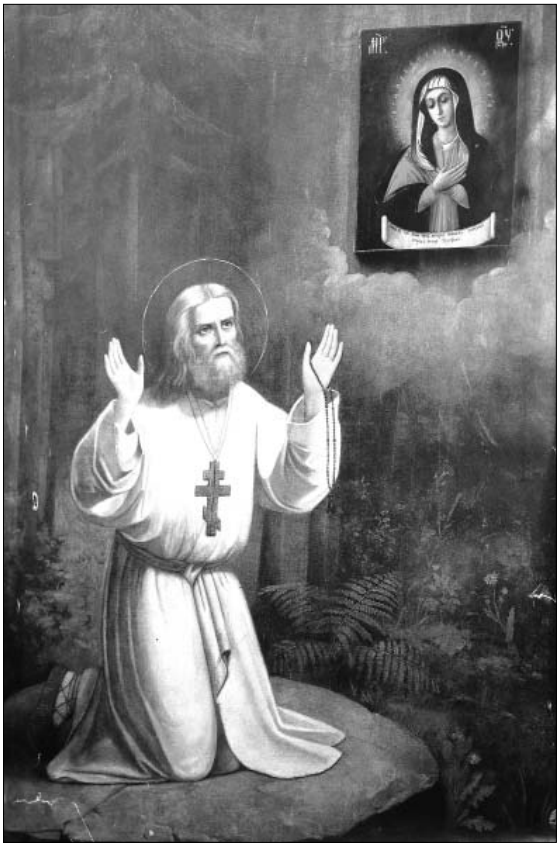
Библейский сюжет в комнате о. Александра



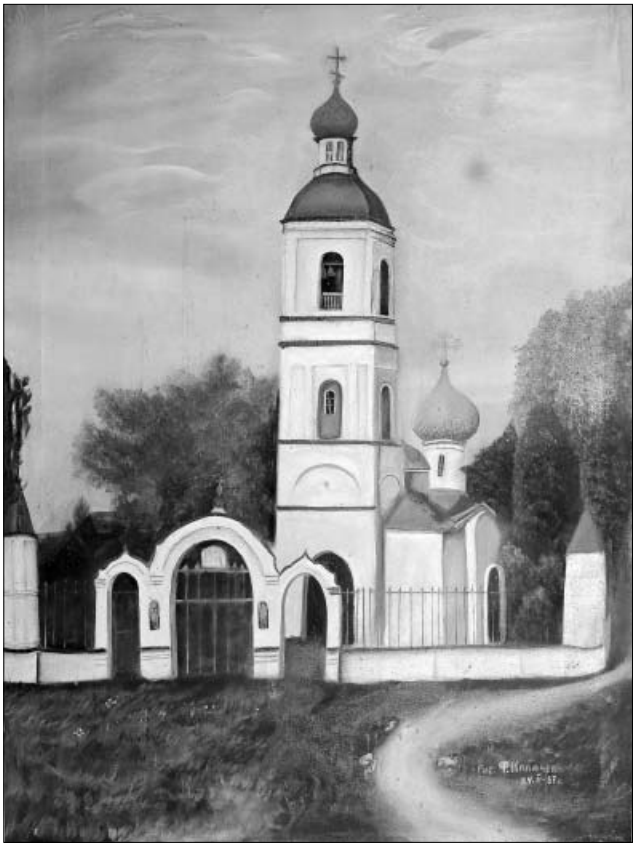
Библейский сюжет в комнате о. Александра

Александр Невский

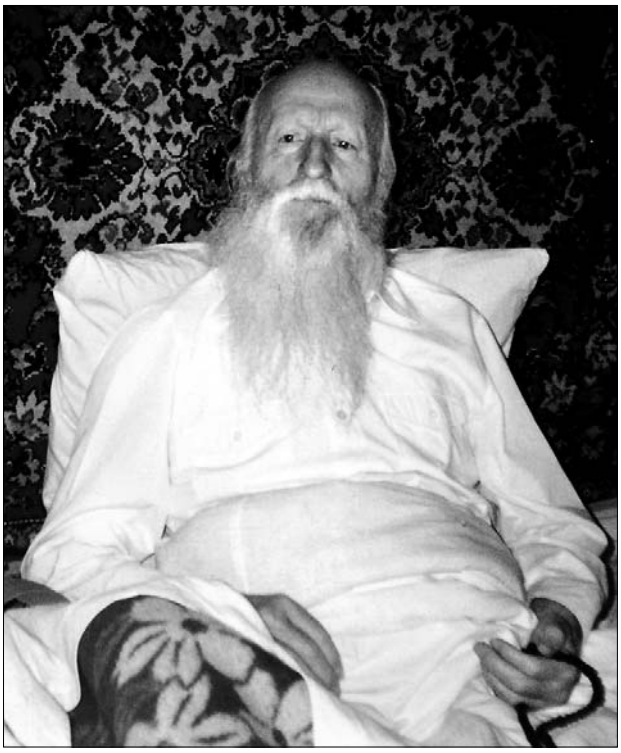
Святой мученик Трифон



Серафим Саровский



Храм в с.Маврино. Картина Ф. Калачёва



о. Александр. За три дня до смерти

Храм. Подарок прихожанина

В родном доме. Слева направо, 1-й ряд, сидят: сын Михаил, внук Антон; 2-й ряд: внук Иван, мама Мария Андреевна, о. Александр, внучка Лена; 3-й ряд: сёстры Анна, Раиса, Вера Михайловны, дочь Ольга, зять Григорий Юрьевич. Через год после операции

Глава 2. ЗВОНОК

Улица Садовая. Наряд бабьего лета. –
«Папочка, ты меня слышишь?» – В далёком селе Коченяевка. –
Прабабушка Наталья, бабушка Агафья Арефьевна. –
Шурки-то опять в школе не было. – Прозвище – «Поп». –
Колхозный водовоз. – Где жил филин? –
Хомутерь, храм Покрова Пресвятой Богородицы во имя
Святителя и Чудотворца Николая. –
Шурка и Вооружённые Силы. – История села Коченяевка.–
Отъезд в город Воскресенск.

Ульяновская область. Коченяевка, Малая Хомутерь, Жадовка
и вся округа детства и юношества о. Александра.

Пятница 13 сентября

Звонок, которого я так ждала и так боялась, прозвенел. Я сразу определила, что это был тот самый звонок. Ожидаемый, зовущий. Но не похожий ни на какие другие, и который ни с чем другим никогда не спутаешь. Пронзительный, несущий тревогу и растерянность. Значит, что-то, на другом конце провода, случилось серьёзное. Что-то там не всё в порядке. Я вздрогнула и оцепенела: конечно, это отцу моему очень больно. Кому же ещё, если боль так мгновенно передалась мне. Не помню, как взяла трубку. Плачет мама: «Приезжай быстрее… Отец умирает…»

Заволновалось, готовое вырваться из груди, сердце. Но вызываю такси, делаю набор лекарств. Шприцы, капельницы – всё в сумку. Я знаю, он ждёт меня! И без меня, я тоже знаю, он умереть не может!

И вот уже такси мчится на родную улицу. На Садовую. Я не вижу в наряде бабьего лета красоты посёлка – глаза застилают слёзы. Перебираю в памяти молитвы. Память подводит меня. Молюсь, как могу, своими словами. Господи, дай отцу сил и терпенья дождаться меня! Вбегаю. Он дышит… Значит, ждёт… Успела. Слава Богу!

Нежданно тёплое спокойствие овладело мной. Отец жив! Я погладила его влажную голову: «Папочка, ты меня слышишь?» Чуть шевельнулся, но глаза не открыл. Дыхание неровное, как во сне заболевшего ребёнка. Понимаю, что он впадает в кому. Сейчас не надо суетиться – суета, как известно, передаётся во вне…

Пришла уверенность. Значит, двадцать лет работы на «Скорой…» не прошли даром. Но я чувствовала, что словно кто-то ещё умело помогал мне, а, может, даже руководил мною: пропали слёзы, не тряслись руки, не выскакивало из груди сердце, игла и шприц не выпадали из рук. Через годы я поняла, что тогда не обошлось без участия Господа. Конечно, это Он в те минуты не покидал меня. Это Он вселял спокойствие, не позволял проявления слабости, потому как отец ждал помощи.

Быстро наладила капельницу, ввела необходимые лекарства.

Боли продолжали беспокоить его, но движения были слабыми. Вот он пытается дотянуться до культи ампутированной ноги, то потихоньку ощупывает здоровую ногу. На какое-то время, забывшись, останавливает руки. Чуть заметная полуулыбка осеняла его лицо. Я подумала, и это оказалось правдой, что отец, чуть успокоясь, в тайных мыслях и видениях счастливо витает в своем светлом детстве, в своём далёком селе Коченяевка, что раскинулось на необъятных просторах Средневолжья.

Из биографии

Вот отец, ещё мальчик, идёт на пасеку дяди Кузьмы. Дядя Кузьма привечает его, привечает озорную гурьбу откуда-то взявшихся ребятишек, угощает свежевыкачанным мёдом, приговаривая: «Ешьте, а вы ешьте, мёд – он полезный!» И можно ли было не есть эту пахнувшую цветами сладость, когда основу еды в послевоенные годы являли картошка да лепёшки из лебеды и липовых листьев? Мёд – великое чудо всегда и вдвойне, если в доме гулял голод.

Но почему пчёлы сегодня такие злые? Почему беспричинно тревожный рой так нещадно жалит руки, ноги, лицо? А как гудит, как гудит в ушах! И некуда деться от этого гуда… Не поднимаются руки. От боли стянута кожа. Да всё бы ничего, да вот мать увидит его таким искусанным – пожалуй, ещё и отлупит. «Ах, окаянные,– заругает, встретив,– опять без спросу на пасеку бегали! Подождите, ужо…». Но приходило «ужо», и мать о проказах не напоминала.

Слушались и боялись дети мать Агафью Арефьевну. Властная была женщина (Царствие ей небесное!). Оставшись с пятерыми

детьми (муж, Михаил Тимофеевич, погиб в первые годы войны), рассчитывать приходилось лишь на себя да на Божью милость. Да и до замужества ей досталась нелёгкая доля. С тринадцати лет работала в господском доме, ухаживала за хозяйскими ребятишками, выполняла по дому и другую необходимую работу.

Замуж её выдали шестнадцати лет, родила восьмерых детей, за что, намного позже, получила медаль «Мать-героиня». Трое из детей умерли от разных заболеваний, а остальным приходилось работать наравне с взрослыми. Даже самые маленькие были при работе: скоблили косырями и мыли полы, носили дрова в дом и воду; постарше, кроме всего, доили корову. Перед тем, как идти в школу, в обязанности Шуры (так звали в детстве отца) входила чистка сарая для скотины. В школу, особенно в суровые зимние дни, дети ходили по очереди: одна пара валенок приходилась на всю ораву ребят. Но выживали люди…

Очень верующей была бабушка Наталья, мать Агафьи Арефьевны. Она-то и приучила маленького Шурку ходить в Храм Божий и прочитала ему первые молитвы. В Коченяевке храма не было, ближайший находился в двенадцати километрах в селе Малая Хомутерь. Туда и стал ходить Шурка с бабушкой Натальей. Мальчик быстро освоился в церковных порядках, запоминал ход службы обычной и праздничной, выучил молитвы и, владея идеальным слухом, освоил духовные песнопения. Скоро Храм Покрова Пресвятой Богородицы во имя Святителя и Чудотворца Николая стал ему вторым домом.

Что так привлекало мальчика за многие вёрсты ходить в Хомутерь? Что творилось во время служб в душе малыша? Может быть, таинственность христианских обрядов или торжественная молчаливость ликов святых? Или необычность молитвенных напевов? Скорей всего, всё вместе взятое и ещё то, что не доступно простому смертному – далёкое Царство Божие.

Обладая хорошей памятью, острым умом, сообразительностью, Шурка быстро запомнил дорогу в Хомутерь и уже без бабушки Натальи, один, пробегал глухим лесом эти большие километры.

Мать, Агафья Арефьевна, тоже была верующим человеком, соблюдала все посты и праздники, окрестила детей, но сама Храм посещала не часто – пять ртов хотели и просили есть: приходилось работать и в колхозе, добывая трудодни, и на своём домашнем участке. И привелось ей по-настоящему «мыкать горюшко по самое горлышко». Надо было быть и сильной, и крепкой, чтобы поставить на ноги малых детей, а потому, выполняя эту задачу, бралась за любую работу.

А Шурка, как и все дети военных и послевоенных лет, подрастал сам по себе. Тянулся вверх тонким, худым, веснушчатым. Не по годам взрослел. Он уже прислуживал в Храме, помогал во время обрядов. Здесь его детская, лишённая ласки, душа находила и покой, и умиротворение. Правда, как вспоминал отец, походы в Хомутерь не оставались незамеченными для учителя школы. Встречая, отнюдь не случайно, мать, он, как бы ненароком, сообщал ей: «А Шурки-то опять в школе не было, а?» Произнося эти слова, наверняка учитель знал, что попадёт Шурке, очень даже попадёт! Рука у Агафьи Арефьевны ой какая тяжёлая! Да и сама она была рослой, статной, сильной… Ой, как попадёт!

О себе она, улыбаясь, шутила: «Я – и лошадь, я – и бык, я – и баба, и мужик…». А как иначе? Надо было жить.

Кончилась война. Жизнь стала постепенно налаживаться. Шуркина любовь к Богу росла. Она овладевала всем его существом, стала смыслом жизни, целью существования. Он много общался с людьми старше его годами, беседовал с ними, учился у них, впитывая услышанное. Уже тогда к нему приклеилась мудрая кличка «Поп». Но эта всепоглощающая любовь к Богу и тяга к старшим не мешали ему не сторониться сверстников, но быть светски развитым и трудолюбивым подростком.

В колхозе он начал работать с восьми лет. Был водовозом. Очень любил животных, со всей живностью ладил, умел успокоить, если надо – подчинить себе. Он ни-

когда не боялся собак. Они как будто все знали его и тихо любили, как своего хозяина. Шурка часами мог наблюдать за жизнью кур, гусей, уток, индеек. Он уже сам разводил эту живность: то покупал у кого–то, то выменивал в своём селе или в соседних деревнях и сёлах. Сам же и ухаживал, зная, когда сажать наседку на яйца и когда должны вывестись цыплята. Дома, за печкой, он держал ужа («умнейшее животное!» – восхищался, вспоминая, отец), а в сарае вместе с курами жил филин. Всё, что виделось вокруг, ему хотелось познать самому, а не услышать из чьих–то рассказов. И дойти до всего самому, хотелось сделать работу непременно своими руками, а, сделав, увидеть результаты собственных трудов и безмерно порадоваться содеянному. Но и это не всё. Шурка был «первым парнем на деревне». Ни одна гулянка – свадьба ли, проводы ли – без него не обходились. Он знал огромное количество народных песен, а также песен, сложенных в родных краях, а по количеству весёлых частушек – не уступал никому.

В 1956 году Шурку призвали в армию. Но плоховато оказалось здоровье у солдата. Не доглядели районные врачи мальчика из глухого села, отправив его на защиту Отечества. Приступы неукротимой рвоты были замечены начальством не сразу. Жаловаться не хотелось, службу требовалось нести как надо. В те времена армейский долг выполнялся беспрекословно. Так ставилось воспитание и в семье, и в школе, и во всех подразделениях Вооружённых Сил.

* * *

Боли не отступали. Только молитва в ночные часы да вера в Господа давали ему силы не роптать, а переносить достойно

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Коченяевка (народное Коченеевка, Кученяевка) – село в Вешкаймском районе Ульяновской области, входит в состав Каргинского сельского поселения. Расположено в 22 км к юго-западу от райцентра и в 15 км от ж/д станции Шарлово. Через село протекают речки Белая и Чёрная.

В 2015 году возраст села составил не менее 260 лет.

Одно из доступных упоминаний имеет место в письме № 355 в году 1755, июня, не позднее 7, на имя Елизаветы Петровны в Камер-Коллегию.

Прошение мордвина Симбирского уезда Ануфрия Трофимова с товарищами в Камер-коллегию о переселении их на земли в пределах Ногайской дороги.

«…Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня, императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая. Бьют челом Казанской губернии, Синбирского уезду новокрещены из мордвы деревни Тимрезани Анофрей Трофимов, деревни Сузган Ларион Андреев, **деревни Коченеевки** Василей Савельев с товарищи..». А в чем наше прошение, тому следуют пункты:

1. Имеем мы, именованные, жительство с протчими обывательми в реченных деревнях и положены как в середнею перепись, так и в нынешнею ревизию в подушной оклад, и как подушные деньги, так и протчие государственныя подати платим бездоимочно в Син-бирскую правинциальную канцелярию.

2. Но токмо при тех наших деревнях, по многолюдству нашему, пашенной земли и за разлитием вод и покосов весьма недостаточно, а лесу не точию дельного дровяного, но и хворосту в угодьях срубить нечего, в чем весьма претерпеваем самую крайнею невозможность, ибо за неимением пашенной земли и сенных покосов и всяких угодей, а паче всего за неимением в своих дачах лесу, ездят в отдаленные места, верст по сороку и по пятидесят и более, в чужие помещиковы угодья, где случится у помещиков, и достаем в куплю, а со временем того лесу и купить отыскать невозможно.

3. И за такою нашею невозможностию не токмо нам впредь платить подушные деньги и протчие подати, но и ныне платим с крайнею нуждою и впредь исправлять не в состоянии, отчего и в пропитании за недовольством, как выше показано, пашни и за неимением угодья и лесу пришли в крайнее убожество. (В письме отмечается многолюдство и недостаточность ресурсов).

все тяготы требований воинских уставов. Сослуживцы любили Шурку за доброжелательность, за готовность в любой момент прийти на выручку, «и за то, что дал мне закурить» (Шурка не курил и отдавал свою долю товарищам). Они-то и заметили его недуг, они-то и доложили по начальству о его страданиях. Молодого бойца положили в госпиталь на обследование, где и обнаружилось серьёзное заболевание, несовместимое с дальнейшим прохождением службы. Вскоре, с диагнозом «язва желудка, дистрофия второй степени», Шурка был «вчистую» комиссован из рядов Советской армии в родную Коченяевку.

* * *

Село возникло не позднее 17 века в результате миграции эрзянского населения. Живописнейшая природа, лес с трёх сторон, две не похожие друг на друга реки, красивые зарыбленные пруды, луга, чудесные виды за околицей на невысокие холмы с пещерами (в них, согласно одной из легенд, прятался с конями и повозками сам **Пугачев** с отрядом) не могут не вызвать чувства радости и восхищения всякого, кто хоть раз побывал в этих местах.

Старожилы вспоминают предание о том, что первыми поселенцами здесь стали жители из ранее возникшего большого села Кученяево Ардатовского района Симбирской губернии, которые переселились сюда и раскорчевали лес, поставили первые избушки, разработали первые земледельные участки на Белой реке и положили начало биографии новому поселению, оставив за ним старое название.

Таким образом, с учетом единого наименование села в русском и мордовском выражении, эта версия имеет право быть основной.

Деревня никогда не знала власти помещиков. В первой половине XIX века она была административным центром Коченяевского удельного приказа Сызранского удельного имения Симбирской удельной конторы – единственного на территории Вешкаймского района. В его состав входило 10 удельных сел и деревень Карсунского уезда, в которых насчитывалось 1008 дворов с населением 8120 человек.

Начальная школа открылась в 1863 году, а в 1875–1877 годах она, по словам И. Н. Ульянова, находилась в неудовлетворительном состоянии, и в 1878 году Карсунский уездный училищный совет её закрыл, и только 15 ноября 1896 года здесь, в собственном помещении, построенном на местные средства, открылась церковно-приходская школа, которая содержалась исключительно на местные средства.

К 1910 году, по сравнению с 1859 годом, число дворов в Коченяевке увеличилось более чем в 2,5 раза и составляло 212 дворов, а численность проживающих почти удвоилась (1296 чел.). В селе уже имелась своя церковь, действовали церковно-приходская школа и общественная мельница. Среди ремесел особенно были развиты валяльное (86 человек), кирпичное (20 человек), столярное (19 человек) и стекольное (14 человек). Пчеловодством занимались 14 человек, нищенствовали 12. 79% жителей села были неграмотными. В 1926 году в селе – 263 двора и 1400 человек. В 1930 году был организован колхоз «13 лет Октября». Деревня пережила все репрессии и раскулачивание. Но, как видим, выжила. Перенесла великую войну и все оставшиеся после войны невзгоды.

В 1957 году в деревне было 202 двора. Список упомянутых жителей соответствовал количеству дворов. Фамилию «Сайгушев» в этом списке имело три хозяйства, в том числе домом владела и мать отца Александра Агафья Арефьевна.

В 1991 году бывший колхоз «13 лет Октября» был реорганизован в подсобное хозяйство Ульяновского механического завода с названием «Чернореченское». В селе построили две улицы домов, кормоцех, мини-маслозавод, детсад, проложили асфальт. Особую гордость вызывает школа, она добилась полной успеваемости, занимает призовые места в районных спортивных соревнованиях, а по результатам областного конкурса «Школа года» в 1999 году заняла первое место среди сельских школ Ульянов-

ской области. И сейчас в школе работают замечательные педагоги.

* * *

…Храм в деревне, как и в большинстве приходов, был разрушен, и Агафья Арефьевна вынуждена была ходить на молитвы вместе с сыном в Малую Хомутерь. Это село находилось в двенадцати километрах от дома. Но вскоре и там храм Покрова Пресвятой Богородицы был разрушен.

Его значительно позже, в семидесятых годах прошлого века восстановил отец Игорь, в миру потомственный интеллигент-петербуржец Игорь Эдуардович Ваховский,– человек во всех отношениях примечательный.

Родился в семье машиниста тепловоза. До поступления в духовную семинарию работал буровым мастером, стал кандидатом в мастера спорта по боксу, служил в армии, получил большой опыт реставрации церквей. Женат. Отец двоих сыновей: Ивана и Павла. Матушка Светлана – регент церковного хора. По приглашению архиепископа Симбирского и Мелекесского Прокла в 28 лет покинул «северную столицу» и перебрался в Ульяновскую область и никогда об этом не жалел. Было это более чем три десятка лет назад. На новом месте отец Игорь начинал свою пастырскую деятельность в селе Малая Хомутерь Барышского района. Здесь предстояло восстановить храм Покрова Пресвятой Богородицы. О нём батюшка говорит с нескрываемым восхищением: «Византийская классика. Уникальные иконы. Для людей, которые разбираются в храмостроении, это песня, корабль белоснежный». Церковь 1823 года постройки возводили всем миром или, как бы сказали сегодня, методом народной стройки. Собирали копеечка к копеечке. В те давние времена в каждой сельской избе был свой промысел. Одни делали бочки, другие – сани и телеги, третьи шили шубы и тачали сапоги. Но больше всего село славилось холстами. Их охотно раскупали на ежегодной ярмарке, проводимой под стенами Жадовского мужского монастыря. Через несколько лет необходимая сумма была собрана. Так увидел свою жизнь великолепный храм.

…Восстанавливали церковь в три смены, не жалея сил и времени.

Не всем такая активность настоятеля по душе. Подбирает он на улице полуслепую старушку, которую родственники выгнали на улицу за подаянием, и тут же в церковь

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ с. Хомутерь Малая

«Храм каменный, построен прихожанами в 1823 году. Престолов в нем два: главный (холодн.) в честь Покрова Пресвятые Богородицы и в приделе (тепл.) во имя Святителя и Чудотворца Николая. Церковной земли: 4 дес. усадебной и 49 дес. пахотной. Причт состоит из двоих священников, диакона и двоих псаломщиков. Дома: для одного из священников церковный, для другого священника и для обоих псаломщиков общественные, для диакона – квартира от общества. Жалованья от казны: священникам по 300 р., диакону 150 р. и псаломщикам по 100 р. Прихожан: в с. Малой Хомутери (н.р. и ч.) в 250 двор. 707 м. и 704 ж.; в дер. Александровке (Новая Савадеркина, Выселки Поповой Мельницы, при р. Барыше, в 2 вер; н.р.) в 52 двор. 153 м. и 185 ж.; в дер. Поповой Мельнице (при рч. Арчемаске, в 3 вер.; н.р.) в 117 двор. 322 м. и 325 ж.; в дер. Чувашской Решетке (при рч. Решетке, в 8 вер.; н.ч.) в 152 двор. 487 м. и 504 ж.; в дер. Алимкине (при рч. Арчемаске, в 5 вер.; н.р.) в 150 двор. 449 м. и 455 ж.; в дер. Старой Савадеркине (при рч. Савадерке, в 5 вер.; н.р.) в 113 двор. 385 м. и 398 ж.; в с-це Девятовке (при рч. Кондыре, в 8 вер.; н.р.) в 76 двор. 257 м. и 240 ж.; всего в 910 двор. 2760 м. и 2811 ж.; сверх того раскольников в 16 двор. 51 м. и 48 ж. Церк.– приход. попечительство существуете с 1877 г. Школ две: земская в селе Малой Хомутери и земская же в дер. Алимкине (с 1897 г.) Ближайшия села: Старая Зиновьевка в 7 вер. и Беликово в 9 вер. Расстояние от Симбирска 110 вер., от Карсуна 58 вер., от Старо-Зиновьевского волост. правл. 7 вер. Почтов. адрес – с. Старая Зиновьевка (7 вер.)»

заявляются «на разборки» крутые ребята. Пытается накормить голодающих людей, ему ставят палки в колёса. Помогает Барышскому детдому, психоневрологическому интернату в Приозёрном, дому инвалидов в Акшуате, коррекционной школе в Измайлове, детскому отделению ЦРБ… А священнику… поджигают дом, причём делают это дважды.

Отец Игорь стоит на своём: «Мы боремся за людей, особенно за молодёжь, очень боремся: обстоятельные проповеди, лучший хор, великолепная иконопись… Всё это – ступеньки к храму, чтобы легче было в него попасть. Труд кропотливый: борьба идёт за каждого человека. Результаты, слава Богу, налицо».

Из биографии

После демобилизации у отца сомнений не было, как устраивать дальнейшую жизнь: он знал, что поедет в Загорск (так в то время назывался город Сергиев Посад, где находится Свято-Троицкая Сергиева лавра) поступать в семинарию, чтобы посвятить себя служению Богу. Мать сначала возражала, говоря: «Пропадёшь, Шурка!», но потом смирилась, понимая, что сына не переубедить. Да и стоит ли? Как деревенскому пареньку без посторонней поддержки пробить себе дорогу к большой жизни? Паспорта нет, прописки нет.

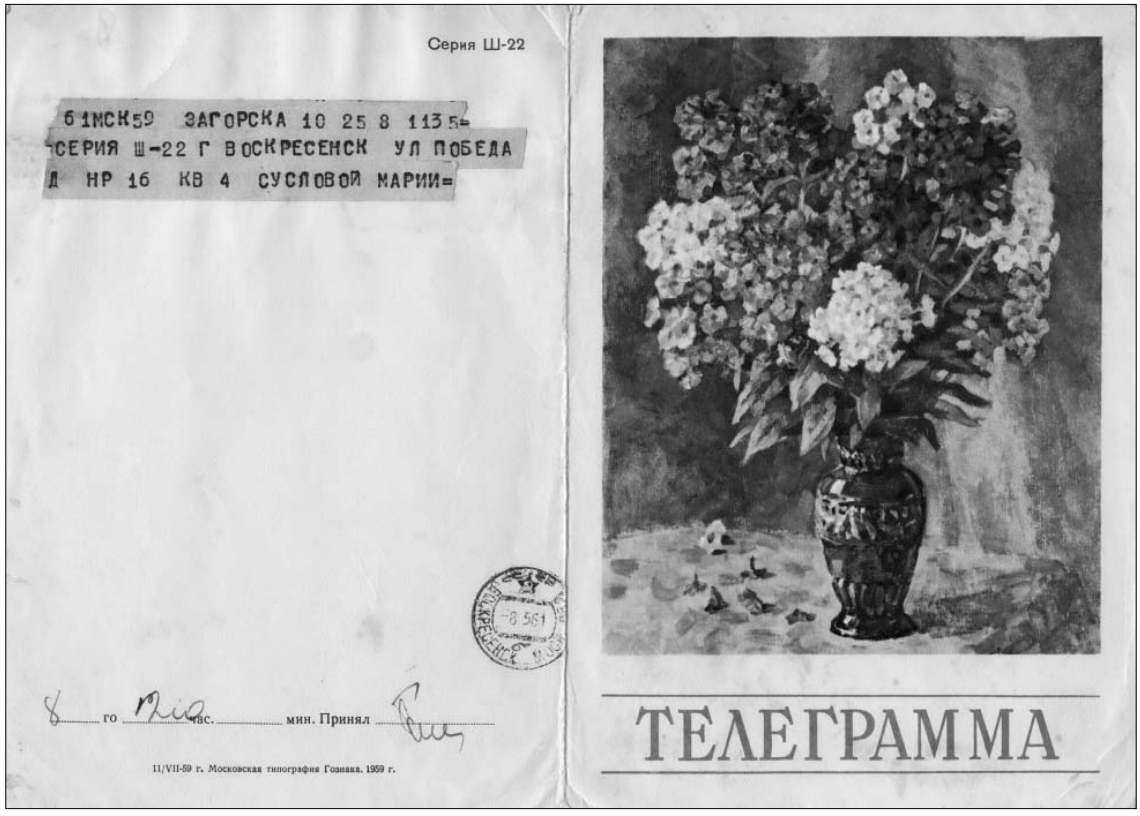
Но решение пришло: он поедет в город Воскресенска, где уже обосновалась его сестра… и поступит учиться на крановщика. Профессия почётная, всегда востребованная. В шестидесятые годы прошлого века – особенно.

* * *

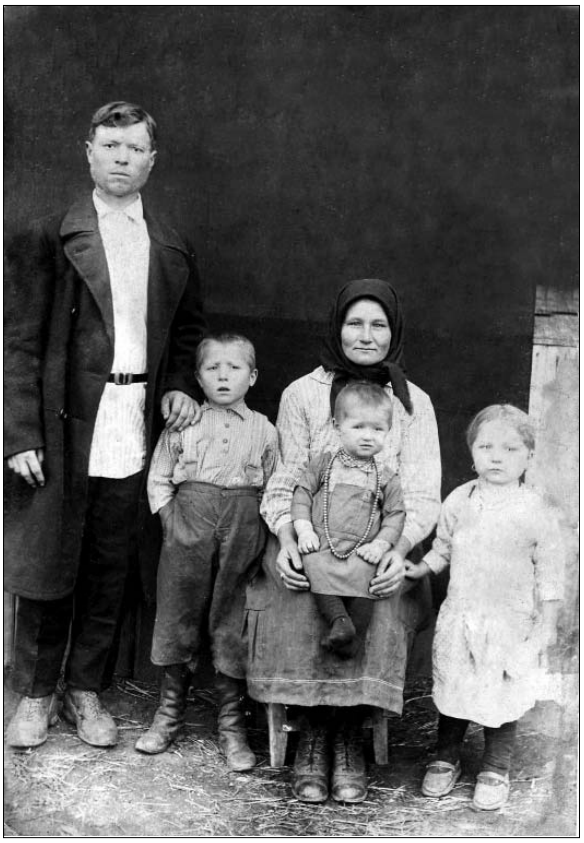
Дай мне, Господи, радость,
Как в те дальние дни,
Где прощалась нам шалость,
Где – лишь ласки одни.

Где так время не мчалось,
Что ни день – словно миг,
Сердце так не стучало
От потерь дорогих…

Дай наивности детской,
И святую скрижаль,
Где любовь, словно песня,
Где разлуки – не жаль.



Мой дед Михаил Тимофеевич с прабабушкой Натальей



Мои бабушка Агафья Арефьевна
и дед Михаил Тимофеевич с детьми

с. Коченяевка. 50-е годы 20 века

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

НМ № 5679070

Фамилия Сайгушев
Имя Александр
Отчество Михайлович
Число, месяц и год рождения 2.01.1937
Личная подпись владельца Сайгушев
Выдан Воскресенским городским военным комиссариатом Московской области (республики)
"6" февраля 1956 г.
ВОЕННЫЙ КОМИССАР
подполковник
М. П.
(звание, подпись)

НМ № 5679070 1

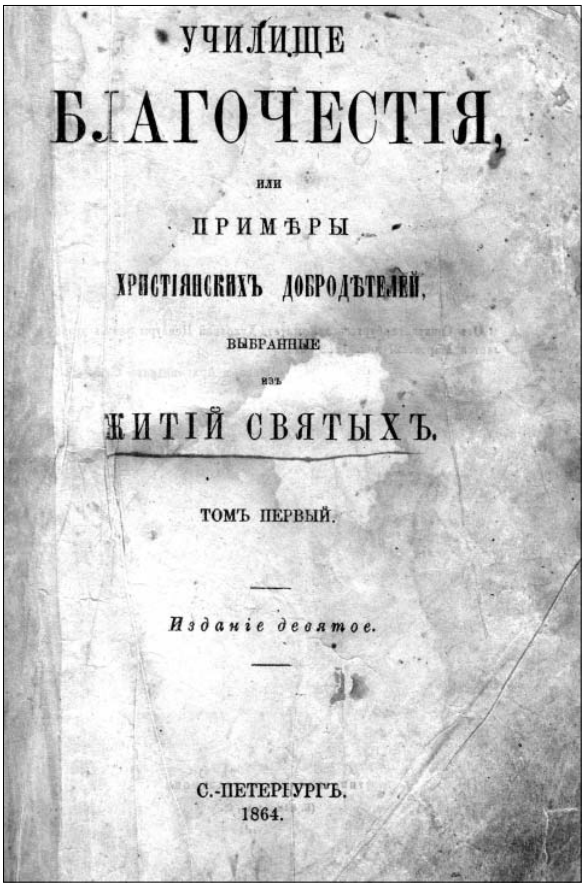
I. Общие сведения

1. Место рождения Ульяновская обл. Вешкаймский р-н с. Коченяевка
2. Национальность русский
3. Партийность (с какого года) беспартийный
4. Состоит ли в ВЛКСМ (с какого года)
5. Образование окончил 7 кл. в 1954 и духовную семинарию в г. Загорске 1964 г.
6. Основная гражданская специальность слушатель курсов
7. Семейное положение женат Сайгушева Мария Андреевна

Военный билет рядового Сайгушева

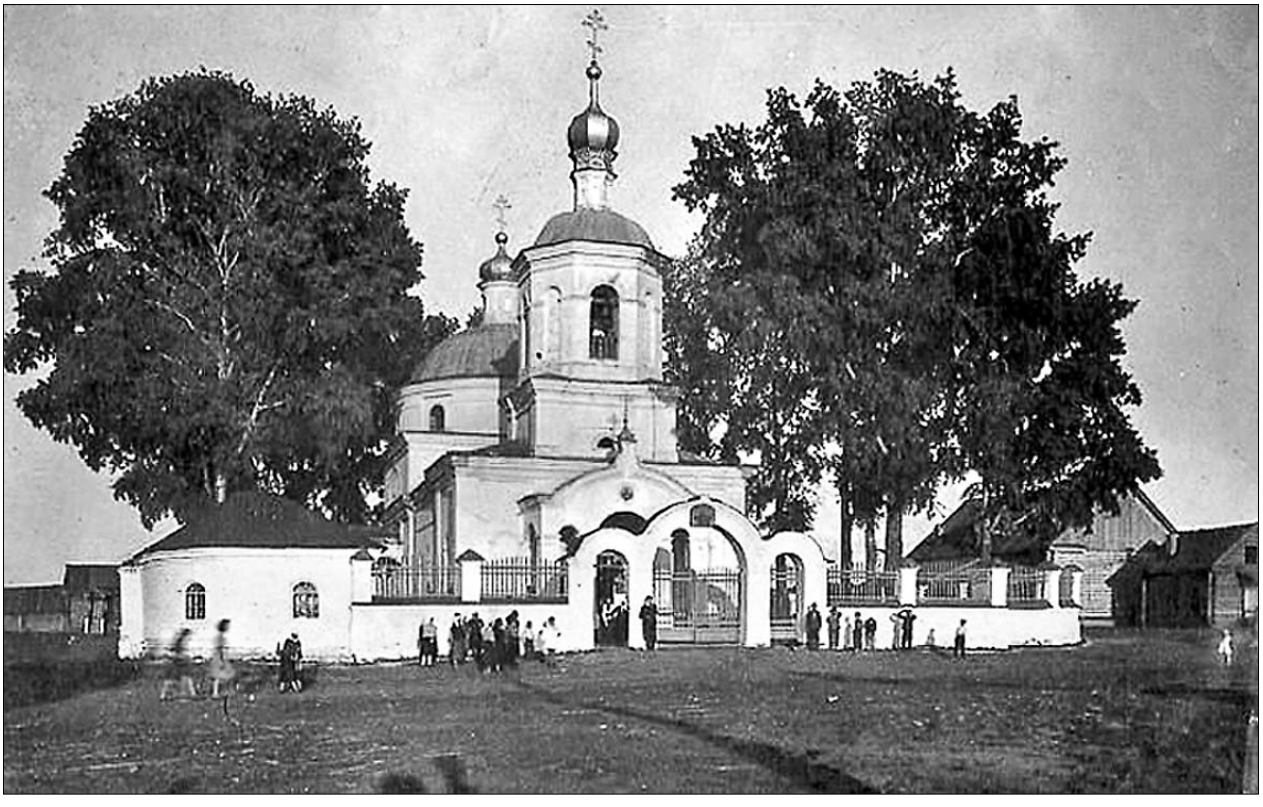
с. Коченяевка. С другом

Служба в армии. Город Завитинск, Амурская область


УЧИЛИЩЕ
БЛАГОЧЕСТІЯ,
или
ПРИМѢРЫ
ХРИСТІЯНСКИХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ,
ВЫБРАННЫЕ
ИЗЪ
ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
Изданіе девятое.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1864.

ТРОИЦКАЯ КНИЖКА
ЧТО ТАКОЕ
ЦЕРКОВЬ ХРІСТОВА?
Благословеніе Обители Преподобнаго Сергія.
№ 139.
Типографія
Свято-Троицкой Сергіевой Лавры
1911
Кому Церковь не мать,
тому Богъ не Отецъ.

Первые учебники



Храм Покрова Богородицы в с. Малая Хомутерь

Имена погибших с. Коченяевка (фрагмент стелы)

Памятник погибшим воинам. Село Коченяевка

Глава 3. ВОСКРЕСЕНСК. ПОДГОТОВКА К СЕМИНАРИИ

Трест «Мособлстрой» № 4. – Рабочий-путеец. –
Что знал Сашка? – Сурская Шишка. – Раскольники. –
Жестокость советской власти. –
Ликвидация Жадовсой пустыни. –
Арест архимандрита Каллиста. –
«Сведений о дальнейшей судьбе нет». –
Св. Антиминс оказался на полу. –
Евангелие брошено на окно. –
На месте храма – зернохранилище. –
Шлаковата. – Село Черкизово

Жадовская пустынь

Оказалось, не так-то всё просто получается в жизни, как её запланируешь. Не получилось у отца и с ПТУ, зато потребовались кадры в монтажно-строительные организации. Его принимают разнорабочим в «Мособлстрой» № 4, затем переводят в Управление механизации (УМ-61) рабочим-путейцем.

Сначала сверстники-горожане подсмеивались над пареньком из глухомани, но со временем стали успокаиваться. Шурку здесь стали звать Сашкой и к тому же, стали понимать «горожане», что он, по сравнению с ними, очень много умеет и знает. Он мог наизусть читать молитвы и церковный устав, умел запрячь и распрячь лошадь, вычислить поле в саженях и арах, знал, выведет ли наседка цыплят, или яйца окажутся «болтунами», умел подоить корову, остричь овцу. Много ещё умел и знал Сашка – даже прясть на веретене, даже вязать носки и варежки. И не только. И с увлечением рассказывал… и с юмором.

* * *

Воспитанные в Подмосковье юноши, несколько другой идеологии, даже не догадывались, что их напарник Сашка Сайгушев нёс в душе своей, кроме житейских знаний, нелёгкую историю русского православия, его драматический раскол, начиная со средины XVII века до дней сегодняшних. Не многому народу было известно, что на его малой родине, «на горах» (Приволжская возвышенность, Сурская Шишка, что против Жигулёвских гор), к началу XX века раскольников и сектантов насчитывалось около 34500 душ обоего пола. Поэтому, не так-то легко приходилось служителям истинной веры нести в народ Слово Божие, хотя, казалось, и делить-то между собой христианам было нечего. Но только казалось.

Будущий протоиерей знал, что рядом с Малой Хомутерью, куда в православный храм на молитвы ходил он ещё мальчиком, ещё отроком и юношей, уже послужившим в армии, была деревня Попова Мельница, где находился старообрядческий скит (заправительница на то время – Любовь Тимофеевна Капитонова), а также поимённо знал последователей старой веры в сёлах Таволжанка, Базарный и Ясашный Сызган (Карсунский район); Мордовская Кондорать, Мордовский Белый Ключ, Берёзовка, Красный Бор, Каргино, в деревнях Коченяевке Куроедово-Архангельского прихода (Вешкаймский район), Мухино.

Ему было известно, что триста лет назад собор русских и восточных епископов наложил клятвы на тех православных людей, которые продолжали и хотели продолжать пользоваться дониконовскими богослужебными книгами, креститься древневизантийским и древнерусским двухперстным крестным знамением и оставаться верными прежней церковной традиции.

Он также понимал, что раскол не был отколом от церкви значительной части её духовенства и мирян, а подлинным внутренним разрывом в самой церкви, значительно обеднившим русское православие, в котором были виноваты не одна, а обе стороны: и упорные и отказывавшиеся видеть последствия своей настойчивости насадители нового обряда, и слишком ретивые и, к сожалению, часто тоже очень упрямые и односторонние защитники старого.

И чем глубже юноша вникал в суть дела, тем больнее было его душе. В длительных беседах со старшими, в чтении священных книг, в самосовершенствовании находил он некоторое утешение, но не покой.

Кроме того, он не понаслышке знал жестокость советской власти по отношению к служителям истинной веры. Примером тому были на его родине события Жадовской пустыни с её трагическим исходом. Не легенды ходили по Коченяевке – ходили сказы кровавой правды…

С приходом к власти безбожников на Православную Церковь были учинены гонения, которые можно сравнить с гонениями на исповедников имени Господня лишь в первые века христианства. Рушились и разорялись храмы и монастыри, уничтожались святыни, грабилось церковное имущество, физически уничтожались духовенство и миряне. Началась эра новомучеников и исповедников. Не прошло это лихолетье и мимо Жадовской обители, которая всегда выступала символом православной веры по всему среднему Поволжью. Не давало покоя атеистам не только существование самого монастыря, но и его имущества, которое на протяжении столетий жертвовали Пустыни благочестивые христиане.

6 марта 1919 года на заседании Карсунского уездного совета РККД рассматривали вопрос под № 7 «О Жадовской пустыни». Решение было страшно своей лаконичностью: *«Ликвидировать Жадовскую пустынь. Для инвентаря командировать в село Жадовку т. Фролова. Вырученные от ликвидации деньги внести в кассу уездного исполкома».*

Несмотря на гонения, насельники из монастыря добровольно не уходили. По данным, представленным в Духовную Консисторию управляющим обителью в 1913 году, в монастыре было в числе насельников: два архимандрита (о. Макарий и о. Каллист), шесть иеромонахов (в их числе о. Евстратий – бывший насельник Валаамского монастыря, в 1906 совершивший паломничество на святую гору Афон, затем около трёх лет до 1910 года находившийся в составе Русской Духовной Миссии на Святой Земле в Иерусалиме, о. Феофан, также бывший насельник Валаамской обители, затем Соловецкой пустыни), три иеродиакона (среди них о. Иона, бывший насельник Валаамской обители), несколько простых монахов и более двух десятков послушников.

Через семь лет, в 1920 году, в Жадовской пустыни проживали под управлением архимандрита Каллиста три иеромонаха, два иеродиакона, пять монахов и семь послушников. Обитель продолжала оставаться православным монашеским общежитием. В 1924 году был арестован «за антисоветскую деятельность» управляющий монастырем. Ему вменялось в вину «недонесение органам власти об известной ему контрреволюционной организации». Но вскоре, за неимением доказательств, был отпущен. Но не только эти испытания легли на долю отца Каллиста. Он прекрасно осознавал, что существованию своему обитель обязана лишь предстательству (ходатайству) Царицы Небесной и нахождению в монастыре Чудотворного образа. До 1927 года святая Икона приносилась в Симбирск, в 1924 году переименованный в Ульяновск. Тысячи человек встречали икону в губернском городе. Из-за этого всенародного почитания Чудотворной безбожники никак не могли ликвидировать как её саму, так и посвященную ей обитель. Но беда всё же случилась. Вот фрагменты сообщения Епархиальному Совету архимандрита Каллиста: «Церковно-приходской Совет Богородице-Казанской церкви бывшей Жадовской Пустыни при сем долг имеют донести Епархиальному Совету, что в ночь на 14 июля сего 1926 года злоумышленники, проникнув в церковь через южную железную решетчатую дверь, хотя и запертую в середине большим замком, проникли в главный алтарь и, сняв с престола стеклянный футляр, похитили из него серебряную дарохранительницу и серебряный ковчежец, вытряхнув из него запасные Дары на ступеньку заклиросного киота, в котором обычно всегда помещалась Чудотворная Икона, когда Она не в ходу, а Копия в это время ставилась в алтаре на жертвеннике. С Престола унесли два средней величины серебряных креста. Сорван, по-видимому, ошибочно, медный оклад с большого напрестольного Евангелия вместе с деревянными корками. Св. Антиминс оказался на полу у Престола, а само Евангелие брошено на окно…» То, что хищение совершено безбожниками, не боявшимися кары Господней и не имеющими в сердце своем ничего святого, очевидно. Ведь даже идущему на святотатственную кражу человеку, имеющему хоть остатки совести, не придет в голову срывать кощунственно оклады с Евангелий и бросать на пол Святой Антиминс.

Хищники в обличье человеческом всячески старались создать видимость простого ночного грабежа. Похитили серебряную утварь, которая была на виду. Но переусердствовали,– зачем обычному вору брать ничего не стоящие медные тарелочки и подставки под лампады? А вот то, что представляло бы ценность для обычного грабителя – деньги в жертвенных кружках,– не взяли. Цель то у святотатцев была иная! Шли – то они за Святым образом.

Весной 1930 года все, оставшиеся при Казанском Жадовском храме священномонахи, были арестованы. 15 марта того года помещены в Сызранский дом для заключенных:

- архимандрит Каллист (Павлов Константин Егорович),

- иеромонах Аркадий (Фокин Аркадий Киреевич),

- иеромонах Дамаскин (Аристов Дмитрий Герасимович).

Всем арестованным были предъявлены обвинения в контрреволюционной деятельности и работе по подрыву зарождающегося колхозного движения. Следствие велось недолго. Все они были приговорены к заключению в концлагерь сроком от трёх до пяти лет

В официальных документах сказано: «Сведений о дальнейшей судьбе нет». Все осужденные священнослужители были полностью реабилитированы 16 октября 1989 года.

Однако, в самой Жадовке и в окрестных деревнях ходят упорные слухи о том, что всех монахов расстреляли, что суд был фиктивным, что якобы на территории монастыря есть даже общее захоронение расстрелянных священнослужителей.

Также бесследно исчезли и последние насельники бывшей Богородице-Казанской Жадовской Пустыни. Не стало и самого монастыря. Все храмы были разрушены, святой источник засыпали, каменные стены, ограждавшие обитель, разобрали, сохранившиеся два братских корпуса переделали под общежитие… На территории бывшего монастыря, на месте разрушенного храма, устроили зернохранилище, в гостиничном корпусе разместился магазин. В братских корпусах устроили общежитие и хозяйство Жадовского совхоза – техникума. Обители не стало…

Потом, спустя годы, в деревнях, рядом с Жадовкой, поселились несколько стариков-монахов. О них известно, что были они раньше насельниками Жадовской Пустыни. Могилы их сейчас весьма посещаемы боголюбивым народом. Кто они, что пережили за свою долгую жизнь? Знают православные местные жители лишь их имена.

В нескольких километрах от Жадовки, в глухом урочище, в 40–50 годах поселились ещё несколько старцев-монахов. Вырыли землянку-келию, оградили родник. Там, в тиши, и окончили свой земной путь. О них не известно ничего. Сейчас лишь заросшие холмики их могил, да ямы на месте землянок напоминают о пребывании здесь иноков-молитвенников.

Царствие им Небесное и вечная наша память!

Для чего я обратилась к истории православия? Для чего рассказала о разломе в умах первосвященников и мирян, который болью зиял на пространствах лесной и горной родины моего отца? Всё для того, чтобы можно было глубже смотреть на его решение учиться в духовной семинарии. Он видел и знал саму суть житейских ориентиров – бесконечное служение Богу.

Да, много ещё видел, умел и знал Сашка. Очень много… Но вот что такое шлаковата, он не знал. И однажды ребята подшутили над ним.

Стояло жаркое лето, тело обливал липкий пот. После обеда компания покуривала, а Сашка, не любивший это дело, в сторонке на лужайку завалился. Смотрел широко в синеву высокого неба, вспоминал родное село, Жадовские сотрясения и мечтал о наступлении осени, когда поедет сдавать экзамены в Московскую Духовную семинарию.

– Саш, ну ты чё, прям, на земле-то лежишь,– «пожалел» его самый бойкий из пацанов,– ведь простудишься. Ляг хоть вон на ту гору.

Бригада молчала, наблюдая, что будет, и едва сдерживаясь от смеха. По простоте своей, не чувствуя подвоха, Сашка взобрался на разогретую полудённым солнцем «гору». Красота! Прямо-таки, перина! Такой шлаковата показалась Сашке. Он нежился в ней, приговаривая: «Прелесть! Какая прелесть!» Ребята знали, что дальше будет, только Сашка не знал. Смех становился дружнее. Вот уже кой-кто схватился за животы, вот уже вся ватага укатывалась со смеха. На всю жизнь запомнил отец эту игольчатую «перину». Но не обижался он на своих парней.

Усиленно отец готовился к предстоящим экзаменам, знал, что выдержать их будет нелегко. В школе – то, как учился? Одно название, что учился, больше был занят по хозяйству, в огороде да колхозе.

В то время он нашёл и друзей, близких по духу, с которыми в свободное от работы время, как оно выпадет, посещает Храм Господний, стараясь не пропускать службы: заутрени, обедни, вечерни, всенощные. А ездил отец под Коломну, в село Черкизово, где были две церкви: Святителя Николая на погосте Старки, что особенно дорога верующим потому, что безбожные гония почти не затронули её; и церковь Успения Пресвятой Богородицы, закрытая в 1937 году. В том же году был арестован настоятель Успенской церкви священник Фёдор Семёнович Максунов. В 1960 году был сломан верхний ярус колокольни. В здании устроен клуб, потом склад, позднее храм был заброшен. В 1992 г. возвращен верующим, в 1994 г. под руководством протоиерея Дмитрия Дудко законсервирован. Сейчас в церкви возобновились ремонтно-восстановительные работы.

* * *

Дай, Боже, силы и терпенья
Не потерять себя в пути.
И счастье всё-таки найти!-
Дай, Боже, силы и терпенья.

Мой дух, Всевышний, укрепи.
Не дай узнать обряд паденья.
Я верю в силу Провиденья-
Мой дух, Всевышний, укрепи.

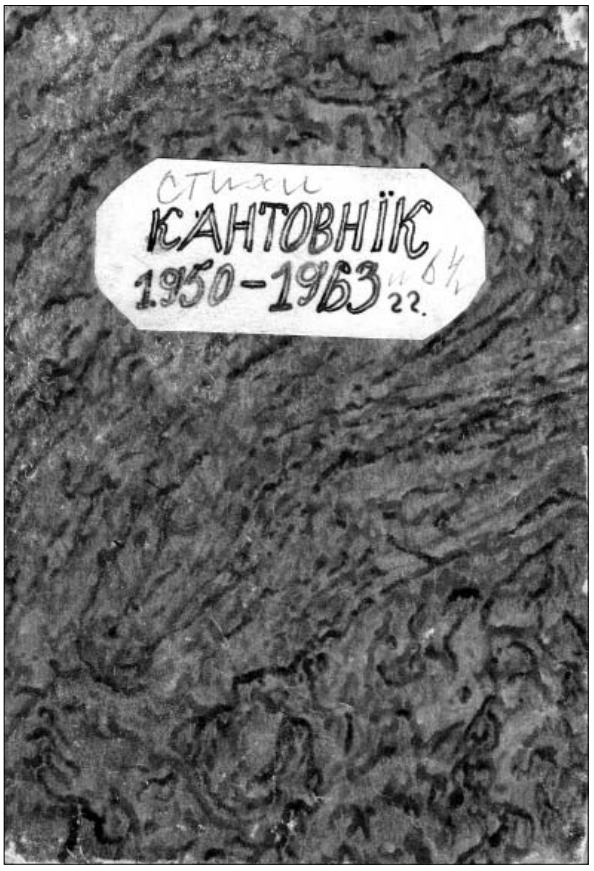
Меня прости, что я невольно
Свой крест не знала, как нести,
И тех, кто делал мне лишь больно,–
Их тоже, Господи, прости!

В центре бабушка Агафья с дочерьми. Слева – Раиса с дочкой Ириной, справа – Анна с дочкой Надеждой.

Анастасия Тимофеевна (крёстенька, сестра отца Михаила Тимофеевича) с дочерью Клавдией.

Сестра Анна Михайловна с мужем Анатолием Ивановичем Гордеевым и дочкой Надей.

Сестра Раиса Михайловна
с мужем Иваном Маркеловичем Карповым



Одна из первых тетрадей,
исписанных отцом собственноручно.

Справа налево: бабушка Агафья, её младшая сестра Екатерина. Слева – Александр.

Сестра Раиса Михайловна с мужем Иваном Маркеловичем и старшими детьми Иваном и Верой.

Бабушка Агафья с дочкой Аней

С Иваном Карповым

о. Виссарион. Справа Подгорнова Мария Дмитриевна и её мама.

Глава 4.
ЧЕРКИЗОВСКИЙ ПОГОСТ. ЦЕРКОВЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

Протоиерей Дмитрий Брысаев. –
Анна Ахматова «Под Коломной». –
Комсомольцы – беспокойные сердца. –
Люберецкое отделение милиции. –
Историческая справка. – Черкизово и Старки. –
Здесь бывали В. Брюсов, Б. Пастернак, М. Лозинский. –
Труды протоиерея Дмитрия Дудко. –
Пора вступительных экзаменов. –
Сердечный друг Николай Одинаркин.

Церковь св.Николая Чудотворца, с.Черкизово

Нет смысла находиться в поисках догадок и что-либо утверждать, даже предполагать, почему отец выбрал именно Черкизовский погост, именно церковь Святителя Николая местом обрядовых молитв. Но можем утверждать, что выбор был не случаен. Во-первых, в то время настоятелем храма служил протоиерей Дмитрий Брысаев – человек, ставший вскоре по душе молодому прихожанину, да и прихожанин понравился протоиерею. Конечно, своими познаниями, своими убеждениями. О их последующей бескорыстной дружбе будет ещё рассказано. Но сразу отметим, что рекомендацию отцу для поступления в Московскую Духовную семинарию дал именно протоиерей Дмитрий Брысаев. Во-вторых, красота этих мест могла покорить любого, даже не поэта. Отец, выросший на природе, её ранимое дитя, был волен и свободен в этих местах, как бы находясь в родной Коченяевке. А вот как увидела погост Старки поэт Анна Андреевна Ахматова:

Под Коломной

Шервинским

…Где на четырех высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах,
И течет московская река,–
Все бревенчато, дощато, гнуто…
Полноценно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,
И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.

1 сентября 1943
Ташкент

Но и здесь, в этих в тихих садах, смотрящихся в Москву-реку, в этих божественных лесах, даже под сенью купола святого храма всегда находились «представители общественности», комсомола и других «правильных» организаций, которые зорко следили за жизнью молодых людей. После посещения любого храма уже на следующее утро, ещё не успев войти в курс дела по работе, Сашку вызывали на беседы, рассказывая, сколько и каких свечей он поставил в Черкизове или в Новлянске, сколько положил денег на храм, с кем и в каком месте встречался, и в очередной раз напоминали заученные фразы об «опиуме для народа». Вели с ним поучительные разговоры и в одиночку, и на бюро, и на общих собраниях. Но и это не помогало. Тогда «общественность» обратилась в милицию, так, мол, и так, парень-то на попа решил учиться, помогайте, мол. И «помогли». К путейцам в разгар рабочего дня приехал наряд милиции, настоящий, при оружии, на УАЗике. И в чём одет был парень,– а был он в лёгкой рубашечке с короткими рукавами, в залатанных брюках, полусуконных- полукожанных форменных тапочках,– в том и доставили в Люберецкое отделение милиции (тогда город Воскресенск входил в Люберецкий район). Продержав трое суток в холодной камере, не один раз опять же «правильно» побеседовав о вреде религии, его всё же отпустили с твёрдым убеждением, что парень «исправится».

Надо помнить, путь будущего семинариста в церковь Святителя Николая проходил через посёлок, где проживал Дмитрий Васильевич Карпов, или отец Димитрий Болящий, как ещё его называли в народе.

* * *

Наступила волнительная пора вступительных экзаменов…

Когда отец сообщил домой о своём поступлении, односельчане долго не верили этому: не возможно, чтоб их Шурка, да

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Черкизово и Старки – древние владения. Эта земля принадлежала великокняжеским наместникам Коломны – князьям Черкизовым. Наместник Андрей Иванович Черкизов пал смертью храбрых на поле Куликовом, он упомянут в «Задонщине».

Вместе с другими черкизовскими владениями храм принадлежал видному боярину, коломенскому наместнику князю Фёдору Андреевичу Черкизову. Он имел прозвище Старко. От него пошел род Старковых, угасший в 14 веке. Прозвище владельца дало имя вотчине – так появился Старков погост.

Внук князя Андрея, Иван Черкизов, также коломенский наместник, в 1430-е гг. выступил против великого князя Василия II Тёмного на стороне Дмитрия Шемяки и других заговорщиков. После подавления смуты коломенские земли Черкизовых (Черкизово, Старки, Настасьино) перешли в собственность великого князя и упоминаются в духовной грамоте Василя II в 1461–1462 годах.

Деревянная церковь святителя Николая существовала, очевидно, с самого основания погоста, но никаких сведений о размере, убранстве и первых настоятелях не сохранилось. Бурные события времен Ивана Грозного, Смуты, моровой язвы середины XVII века не оставили следа в Никольских летописях.

Иные времена наступили в конце XVII в., когда Черкизово и окрестности перешли во владение князей Черкасских. Эта боярская фамилия не отличилась в российской истории ни меценатством, ни просветительством. Но у князей был несомненный вкус к строительству. Вдоль Москвы-реки раскинулась обширная усадьба: дворец, флигели, разнообразные службы. Закончив в 1749 г. Успенскую церковь в Черкизове, князь Петр Борисович Черкасский решил обратиться к Старкам.

В 1759 г. он подал прошение в коломенскую епархию с просьбой разрешить строительство новой каменной церкви в Старках. Владыка Порфирий (Крайский) дал благословение. При этом велено было старый храм разобрать, утварь сохранить, а дерево от прежней постройки пустить на отопление нового храма. В 1763 г. строительство закончили.

Во второй половине 1780-х гг. здание достраивалось. Пока трудно с полной определенностью сказать, когда Никольский храм приобрел черты «русской готики» – при начале строительства или позднее. Многие приписывают авторство проекта великому зодчему В. И. Баженову, но сами работы велись под наблюдением другого провинциального архитектора.

Основу художественного образа составляет высокий двусветный четверик, к которому с запада примыкает приземистая трапезная. Храм однопрестольный. Он перекрыт сомкнутым сводом, над которым высится глухой деревянный барабан, обшитый железом и увенчанный высоким шпилем. Стены украшены «готическими» арочками, нишами, пирамидками-пинаклями. Вход обработан портиком тосканского ордера, с севера и юга четверика идут ложные аркады.

Удивительно хорош «готический» иконостас – редкостный пример полностью сохранившегося иконостаса рубежа XVIII–XIX вв. со стрельчатыми нишами и образами в чеканных окладах.

Ромбы на стенах напоминают квадратные шляпки древних гвоздей, которыми был распят Спаситель, перевернутые «сердца» символизируют, вероятно, губку, венец пинаклей у основания шпиля намекает на терновый венец, а сам шпиль – на копьё, коим прободен был Христос.

Необычно большой по размеру и таинственно-тревожной по колориту сделана икона Тайной Вечери над Царскими вратами. Позднее это настроение было усилено скульптурной иконой Христа в темнице (находится в трапезной).

Рядом с церковью, с северо-запада, находится склеп князей Черкасских с беседкой-сенью. Кровля склепа не сохранилась, а когда-то под ней горела неугасимая лампада. Мраморные надгробия, выполненные в виде саркофагов,– относятся к первой половине XIX в. Здесь нахоходились два рельефа из белого мрамора, в том числе – прекрасное изваяние спящего младенца. Сейчас они хранятся в Коломенском музее.

Отдельно стоящая колокольня покоится на четырех пилонах. Оба яруса обработаны также в «готическом» духе; звонница увенчана шпилем. Никольская церковь является собой пример изначального сельского храма. Обычно церкви достраивались: трапезная расширялась, соединялась с колокольней, учреждались два боковых придела. Но старковский храм сохранил первоначальную структуру.

Храм Николы-в-Старках – не только духовный, но и литературный памятник. После великой реформы 1861 г. Черкасские покинули имение. Дворец был продан и разрушен, остались лишь два

флигеля. В одном из них, вплотную примыкающем к Старкам, в 1892 г. поселился выдающийся медик, терапевт, эндокринолог, профессор В.Д. Шервинский. Его сын С.В. Шервинский прославился как переводчик с греческого и латыни, французского, немецкого и других современных европейских языков. На его даче были В. Брюсов, Б. Пастернак, М. Лозинский, А. Ахматова.

30 июля 1917 года в старковском храме венчался писатель Борис Пильняк.

В доме напротив церкви жили поэты А. Кочетков, В. Меркурьева, М. Цветаева.

В 1930-е гг. Старки переживали нелегкие времена. Склеп Черкасских разорили, останки выбросили вон. Храм то закрывали, то служба в нем совершалась вновь. Настоятель, отец Георгий Зачатейский, который служил здесь с 1911 г., вынужден был оставить место и перебраться в Москву. Но в столице его арестовали, судили и отправили в ссылку, где священник и умер.

Церковь все же не была разграблена, благодаря самоотверженности верующих. Регулярные богослужения в ней возобновились в 1946 г. Здесь служил протоиерей Петр Тихвинский, по воспоминаниям верующих,– очень усердный и знающий батюшка. Могила отца Петра расположена за алтарем храма.

С 1951 г. в Никольской церкви служил протоиерей Димитрий Брысаев. Он-то и дал рекомендацию Александру Сайгушеву для поступления на учёбу в Московской семинарии. Более 50 лет он ревностно нёс пастырское служение на одном приходе. Многие люди в тяжёлое советское время обрели в сердце Христа через отца Димитрия, который не боялся ни преследований, ни гонений и принимал всех приходящих к нему.

Многие узнали о храме в 1980-х гг., когда здесь проходил служение протоиерей Димитрий Дудко. Сюда, в подмосковную глубинку, к нему приезжали сотни верующих. Десятки его духовных детей стали священниками, в том числе и нынешний настоятель храма священник Владимир Петровский.

Долгое время Черкизовская церковь была единственным храмом Коломенского района, в котором совершалась Божественная литургия. За это время здесь собралось много реликвий и образов из окрестных разоренных святынь.

Особо почитается образ святителя Николая, хранящийся в трапезной.

Община храма принимает активное участие в церковной жизни и общественных мероприятиях церковного округа. Очень торжественно проходят празднования Дня Победы, незабываемое впечатление оставил в памяти коломенцев День славянской письменности и культуры 2004 г., в подготовке которого принимал участие приход Никольской церкви. Тесное сотрудничество наладилось у черкизовского прихода с местной библиотекой, районным управлением культуры и школами Коломенского района. Памятник церковной древности дошел до наших времён практически в том виде, какой имел два с половиной века назад.

ещё в Москве, да чтоб на настоящего попа учится! Приблизительно такова была реакция на Шуркино сообщение. Конечно, иметь, как говорится, за душою семилетку да и замахнуться на такое дело! Не каждый смог бы. Но его практический опыт, происхождение, глубокое знание святых таинств православия убедили приёмную комиссию в необходимости иметь ещё одного достойного слушателя семинарии.

Учиться было (по признанию отца) тяжеловато: непривычно много предметов, непривычно много задавали, много требовали. Но радость от достигнутой цели была больше, чем трудности, с которыми приходилось постоянно сталкиваться. Здесь появились настоящие друзья, дружба с которыми связала их крепкими узами на всю жизнь. И самый близкий и сердечный – до конца – Николай Одинаркин, отпевавший 20 сентября 2002 года бездыханное тело Александра Сайгушева. Сейчас митрофорный протоиерей Николай Одинаркин живёт в Самаре. Из разных источников привожу подробные тексты (гл. 19), где, пусть и не полностью, но довольно объёмно раскрыт незаурядный образ верного друга нашей семьи, показаны дни учёбы в семинарии, определены его взгляды на религию и общество, и наоборот (см.гл. Приложения). Читаю и вижу: его духовная биография – это биография и моего отца. Может, поэтому они владели единой философией служения Богу?

* * *

Всё светлее моя сторонушка,
Словно матушка – так мила!
И, играя, блестят на солнышке
Храма Божьего купола.

А вокруг колокольни кружатся
Стайкой маленькие стрижи…
В храме тихо. Обедня служится.
Помолись и ты. Не спеши…

Черкизовский погост

Священник Дмитрий Брысаев
с м.Антониной.

Образ св. Николая Чудотворца.

Большая семья Брысаевых.

о. Дмитрий Болящий.

Домик, где жил Дмитрий Болящий.

Усадьба Черкизово.

Иконостас церкви св. Николая Чудотворца.

Памятная доска Шервинским.

Старки. Церковь св. Николая Чудотворца.

Глава 5.
ОТЕЦ ШЁЛ К СВОЕЙ КОНЧИНЕ СПОКОЙНО

Вся жизнь – молчаливая проповедь. –
Однажды, гуляя в парке. – Отчего праздник в душе? –
Любовь к родине, любовь к невесте. –
1963 год – год моего рождения. – Тётя Маня, Кочегаровы. –
Мой братик Сергей. – Пятница, 13 сентября. –
«Принесите мне горячего чаю!» –
Суббота,14 сентября. – Подготовка к небесному взлёту. –
Бабье лето. – Полдень.

Московская духовная семинария.

Во время учёбы семинарист Александр Сайгушев познакомился со многими интересными людьми, монахами, старцами. Нельзя сказать, что беседы с ними не наложили большого отпечатка на его отношение к жизни, вере, религии – эти беседы сделали его жизнь, создали его мир. Очень часто он любил повторять слова одного из преподавателей: «Вы едете в метро, идёте по улице – это молчаливая ваша проповедь». Сам же отец обобщал: «Вся жизнь – молчаливая проповедь. Где бы вы ни были, чтобы вы ни делали».

Будучи семинаристом, Александр встретил свою любовь–девушку по имени Мария. Девушку, как тростинку, стройную, с большими серыми глазами, с богатой чёрной косой, достающей почти до пола. Опережая события, скажу, что это была моя мама Мария Андреевна, в девичестве Сусла. Любовь оказалась первой и последней, сильной и нежной до самого гроба.

Мама разделяла взгляды отца, поскольку сама воспитывалась в религиозной семье. Молодые люди в радости проводили все свободные вечера, вместе посещали храмы.

Однажды, гуляя в городском парке, попали на эстраду, где проходил конкурс на лучшее исполнение песни.

– Машенька, хочешь, я приз получу? – рискнул похвастаться жених.

– Конечно, хочу! – радостно воскликнула невеста. И, веря в это и не веря, потихоньку засмеялась.

Тогда Александр зашёл на сцену и запел песню «Ленинские горы» (слова Е. Долматовского, музыка Ю. Милютина), поразив жюри и тембром голоса, и манерой исполнения, и артистичностью.

Хочется заметить, что если отец брался за какое-то дело, то выполнял его с полной отдачей, старательно, не очень-то доверяя работу другим. «Взялся – делай как надо,– говорил он,– или не берись вообще». Это касалось любого труда: то ли он убирал двор у своего дома, то ли готовился к встрече высокого духовного чина в Храме.

В первом случае двор был тщательно выметен (метла и другая утварь – всегда на своём месте), дорожки вымыты, цветы прополоты и прорыхлены, кустарники и деревья освежены из душевых насадок.

Я и запомнила его вот таким: стоит чуть в стороне от калитки и любуется своим двором, опираясь на метлу, наверное, чтоб немного отдохнуть; рядом у ног свернулся калачиком уставший резиновый шланг – окрест июньская идиллия, весь мир – внимание.

При встрече высоких гостей в стенах Храма основательно выскабливались от накапавшего воска полы, вычищались подсвечники и оклады икон, расставлялись букеты живых цветов. Церковный двор также был прибран и приведён в порядок, кусты сирени аккуратно подстрижены, лавочки свежепокрашены, клумбы и могилки погребённых в церковной ограде особенным образом ухожены. «Праздник,– говорил отец,– должен быть во всём: и в жизни, и в работе. Тогда он будет и в душе».

И тогда, когда он пел о «Ленинских горах», а в песне есть и такие слова: «где хорошо рассвет встречать вдвоём», то он всеми мыслями, всей душой находился там, где свет, где счастье. Находился в огромной любви и к Родине, и к своей красавице-невесте. Жюри было единогласным – первое место. Ну, как не любить такого жениха!

На летние каникулы семинарист Александр уезжал в Коченяевку помогать матери. Надо было на зиму заготовить корове и овцам сено, для печки – дрова, обработать картошку, помогать нянчить малых племянников Сашу и Толика – сестриных детей, которые лето проводили у бабушки Агафьи Арефьевны. Бабушка работала в колхозе, хозяйство и дети держались на Александре. По-русски

сказать: домовничал Александр в собственных, если можно так выразиться, «хоромах». С домашними работами он справлялся неплохо, они ему были привычны, а вот с малышнёй… «Малыши,– рассказывал отец,– часто плакали, требуя еды. А, вернее, требуя грудь. Я заворачивал в марлю нажёванный хлебный мякиш и, вместо соски, совал им в рот. Дети ненадолго замолкали…»

Но и здесь, в селе, уставая от дел и забот, Александр не забывал о своей нежной Машеньке. До сих пор у мамы бережно хранятся открытки, которые отец присылал ей из далёкого далека. Хотя открытки и короткого содержания, но наполненные теплотой, лаской, ожиданием скорой встречи. И сейчас, через большие годы, они сохранили юношеский трепет любви.

В 1963 году в молодой семье родилась дочь, которую нарекли Ольгой. То есть на белом свете появилась я.

Мама работала на фетровой фабрике, отец заканчивал учёбу. Своего жилья у них ещё не было, снимали маленькую комнату у старенькой тёти Мани – очень доброй женщины. Она, не раздумывая, пустила квартировать молодожёнов и с радостью сидела с маленькой Олечкой. И тогда и на все времена до самой смерти тётя Маня была другом нашей семьи, считай, была полноправным её членом. Она часто навещала нас и тогда, когда мы уже прочно обосновались в Воскресенске. Бывая в нашем доме, каждый раз ласково спрашивала меня: «Олечка, помнишь, как я нянчила тебя?»

Конечно, я не помнила. Откуда мне, грудному ребёнку, было помнить? Но взаимная теплота продолжала излучаться.

Странное время! То быстро летит, обозначаясь мгновениями, то медленно тянется, притворяясь вечностью. И воздаётся по вере нашей то радостью, то наказанием.

В 1965 году семья переехала на другую квартиру к тёте Нюре Кочегаровой. Тогда уже в семье появился мой братик Сергей. Но я ещё тоже была маленькой и не очень-то память фиксировала происходящее. Могу только сказать, что в то время являлось удивительное единение семей. Папа крестил дочку Кочегаровых Тонечку и был назван её крёстным отцом. На всю жизнь эта семья стала нам родной. Когда почила тётя Нюра, её дочки, Тоня и Ирина, не разорвали эту связь, и даже теперь, когда прошло много лет, мы не утрачиваем отношений, хотя и редко, но встречаемся. И особенно трогательно, что эти девочки, теперь уже взрослые женщины, не оставляют меня в трудную минуту и всегда, одними из первых, готовы придти на помощь, принять посильное участие в постигшем несчастье. Дай Бог им здоровья и благополучия!

Мне кажется, где проходил отец, что благословлял,– прорастало животворящими всходами добра, дружбы и красоты, потому как всё было красиво и в нём. Была удивительная гармония его с окружающим миром: казалось, что всё любило его, и он любил всё.

Пятница 13 сентября, 2002

Я сижу на стуле у кровати моего самого близкого, дорогого человека – моего отца. Гляжу, как медленно отмеряет время спасительная капельница, как на моих глазах тает, умирая, мой родной человек, намученный болями и страданиями. Вытянута белая-пребелая рука, ставшая худощавой. В её вене зафиксирована игла. Ни вена, ни игла – не шелохнутся. Сколько времени я здесь? Не знаю. Не помню. Но знаю точно, что отец чувствует моё присутствие, и тоже знает, что он со мной и позволят мне войти в его мир, открывая недосказанное. Ни об одном ли мы сейчас думаем? Ни одно ли вспоминаем? Но я-то как могла вспомнить то, чего не знала?..

Размеренно тикают на стене большие старинные часы, подаренные отцу на День Ангела прихожанами храма села Маврино. В оцепенении сидят рядом мама, брат. И в этой страшно грустной и в тоже время несколько торжественной тишине нежданно забили время часы. Серая темень заглядывает в окна. Мама потихоньку встаёт и задвигает шторы. Закончилось содержимое капельницы. Я, не торопясь, снимаю систему. Отец во сне тихо и ровно дышит. Мама и брат смотрят на меня. Ну что я могла сказать, кроме: «Он спит». И опять тишина. У меня внутри

какое-то облегчение, даже еле слышимое ликование: «Спит. Спит, слава Богу – не умер. Не умер…» Но разум возвращает в реальность: «На сколько? На сколько моё облегчение? Хочу видеть его только живым…»

И как чудо: отец просыпается и едва слышимым голосом произносит: «Посадите меня». Мы спешим помочь ему сесть, подложить под спину подушки, поправить белую рубашку (Как же он любил белые рубашки! Почти только их и носил! Сколько за жизнь их мама переотбеливала, перекипятила! Видимо-невидимо!). Началось волнение, маленькая суета, чего до того не было. Каждому из нас хотелось успеть что-то сделать для него, чтоб ему было удобнее. А отец, уже сидя, не обращая внимания ни на нас, ни на наши хлопоты, внятно сказал: «Принесите мне горячего чаю! Чаю хочу!»

Сейчас он не умер. Но он предсказал смерть. Он шёл к своей кончине спокойно, как и подобает мудрому пастырю.

Господи, как милостив Ты? Как любишь Ты чад своих? Но сколько, сколько ещё времени Ты отвёл отцу моему? Как много ещё не сказано, не сделано…

Суббота 14 сентября,2002

…Я проснулась, будто от толчка, и сразу суматошно заработала память: что это у меня в голове? Сон или явь? Нет, придя в чувство, соображаю, что это события вчерашнего дня – не сон это, а начало чего-то неотвратимого. Хватаю телефонную трубку, набираю, почти не глядя на диск, номер, хотя подсознательно понимаю, что всё не так страшно, раз телефон молчал до сих пор.

– Привет, мамулечка,– говорю нарочно негрустным голосом,– как дела? –

Сама понимаю, что не может уже быть всё так, как было раньше. Будет только хуже. Но бодрюсь. Мама тоже, поняв меня, как будто ничего не произошло, весёлым голосом рапортует:

– Доброе утро! У нас всё хорошо. Спали хорошо.

Я боюсь спросить, однако спрашиваю:

– Как у папы дела? – и жду чего-то страшного, но – мне в ответ:

– Нормально, мы уже умылись, прочитали утренние молитвы. Вот сделаем инсулин и сядем завтракать,– и добавляет: – Приходи чай пить.

– Нет, мамуль, я поделаю дела дома. Приду попозже.

– Да, Оля, вот ещё отец собрался мыться. Ты обязательно приди. Пока он будет распаренным. Надо будет ему ногти обрезать и подравнять пилкой. (Эту процедуру он никому не доверял, кроме меня).

– Хорошо, мама, я быстро. Только чего он мыться-то надумал, на днях ведь мылся!

Но мама уже строгим голосом:

– Я не знаю. Хочет мыться – пусть моется!

Мы не знали, а он знал: ему надо уложиться в отпущенный срок. При-го-то-вить-ся.

И он готовился.

…Стояло утро бабьего лета, тёплое, ласковое. Огромная берёза напротив окон, свидетельница многих радостей и горестей Садовой улицы, задумчиво роняла кружева, устилая дорожку к дому скромным листвяным покровом.

Недалеко (и так давно, что никто уже и не помнит, когда это было) посаженная собственноручно отцом верба стояла уже раздетой – ни единого листика не оставив себе, всё раздарив округе.

Через синий забор тяжело перевешивались гроздья чёрной рябины, объёмно выставляя себя напоказ и как бы умоляя: «Сорвите!» От рябых её листьев, чудом удержавшихся, исходила к небу серебряная паутинка.

С годами разросшийся куст калины ярко выделялся на фоне неброского, как сень, пейзажа. Он смело расплёскивал во все стороны ещё зелёные чудо-ветви с плотными кистями налитых соком ягод. Ах, калина, калина! Как тебя заботливо сажали в землю хозяйские руки! Отец выкопал тебя в ближнем лесу и принёс сюда, домой, совсем крохотным кусточком на общую нашу радость. А сколько липок было посажено его же руками! Мы с братом были ещё малыми детьми, когда отец учил нас своему любимому делу. Он учил, на какую глубину надо копать ямку, как и сколько в ямку залить

воды и как, аккуратно поддерживая, чтобы не сломать саженец, засыпать посадку землёй, предварительно подвязав юные деревца к надёжным, казалось бы, колышкам. К сожаленью, не судьба была деревцам вырасти большими: то их сломают дети, играя, то повредят взрослые, как бы не замечая, то пройдёт мимо любимая коза соседа…

Неповторимое бабье лето! Стеной стоят сосны, высокие и крепкие, – недосягаемые ни до кого. Даже до любимых коз. Сегодня сосны тянулись к солнцу, встречая его последние тёплые лучи.

Отец готовился к небесному взлёту – к неимоверно значимому событию, которое нельзя отсрочить и на которое нельзя опоздать, нельзя явиться кое-как.

Я тоже знала, вернее, чувствовала всем нутром: это последние его дни и хотелось как можно ближе быть с ним рядом, видеть его, слышать, слушать, запоминать все его слова, все его движения и тела, и духа.

В эту субботу он, как никогда, долго и тщательно мылся. Сам. Один. Без помощи кого-либо из нас, родных. Казалось, он не хотел признаваться в слабости, немощности, он до последнего часа старался быть во всём сильным и самостоятельным. А силто уже почти не было: из ванной мама везла его в комнату на коляске, которая четыре года назад стала единственным средством передвижения. Раньше по дому, опираясь на плечо мамы, он ходил потихонечку сам. Пользоваться костылями так и не научился по причине слепоты и больного сердца, не выносящего даже малых нагрузок.

Уставший, распаренный, с розовой и помолодевшей кожей лица, отец после ванны лёг на свою кровать. Разговаривал мало, больше думал, молчал. Во всём его лике было что-то новое, чего не встречалось раньше. Казалось, он делает самое важное дело и благодарит Господа за то, что Он позволяет ему это сделать. Истощённое, измученное лицо светилось тонким скорбным светом, озаряя новые дали, где он наконец-то нашёл ответ на главный вопрос, ответ, который долго искал, но не находил и который мучил его до этой минуты.

Отдохнув, отец протянул мне белые, с набухшими синими венами худые руки: «На-ка, Ольга,– сказал уверенно,– наведи мне маникюр». Я взялась за ножницы и пилку (он не любил неровностей на ногтях). Невозможно было сдерживать себя, хотелось плакать, но просьба отца, считай, для меня – закон. «Ну, какой маникюр, папа! – думаю сквозь слёзы.– Разве ты не понимаешь, что происходит? Не чувствуешь ничего, разве?»

Отец воспринимал меня молча. С характерной для него выдержкой и терпением готовился к смерти, словно к празднику. Он ожидал её, собирался к встрече с ней.

А пока нужно было жить сегодня и делать всё так, как надо было делать сегодня и даже лучше, чем всегда. Отец подозвал сына Михаила и попросил его побрить щёки и подравнять поаккуратней бороду. После этого действа он лёг отдыхать.

Казалось, его выдержке нет предела. И не стоит думать, что он чего-то не понимал. Он всё понимал и знал, о чём мы лишь предполагали. Вскоре отец задремал, а мы, как потерянные, всё ходили по дому, не находя себе места. Все мысли крутились вокруг него, вокруг его лика и неизбежной развязки. Он дышал ровно, спокойно. А, может, приведя в порядок свой внешний вид, он вовсе не дремал, а лишь, прикрыв глаза, приводил в порядок свои мысли, переживания, несбывшиеся надежды, или, как мы часто говорим, подводил итог жизни.

Помню, как в первое лето после ампутации, мы гуляли с ним по цветущим улицам родного посёлка недалеко от больницы, и он, остановившись, обронил такую фразу: «Знаешь, Оля, вот мы с матерью думали: вырастут дети, вот тогда и отдохнём, поживём для себя. – Затем после недолгой паузы, задумавшись, добавил: – Думал, что всё только начинается, а, оказывается, всё уже кончилось».– И долго смотрел вдаль невидящими глазами, и лучилась из них светлая грусть – но отнюдь не отчаяние.

Так было и сейчас. Бабье лето. Полдень. Приняв очередную горсть таблеток и двойной укол инсулина, отец притих, засыпая.

* * *

Люби огромный мир
Весь-весь!
Таким его прими,
Как есть.

Нам Бог дарует свет
И жизнь.
Надежд на встречу нет –
Держись.

Добро во зле не тщись
Искать.
Не надобно на жизнь
Роптать.

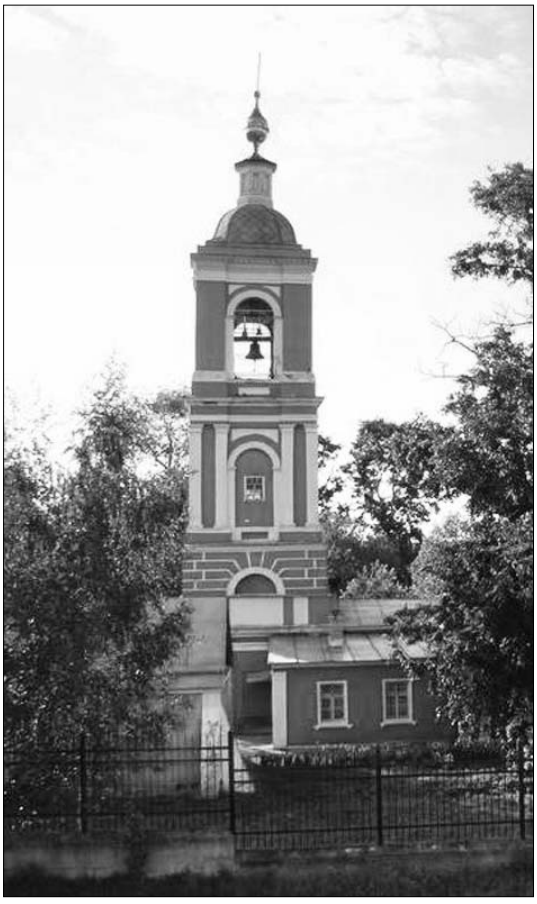
Иди в чудесный мир,
Любя.
Тепло ему дари,
Себя.

Бабье лето

Троице-Сергиевская Лавра

1 класс Московской духовной семинарии (МДС). 1960 год.

1 класс МДС. Папа – справа в первом ряду.



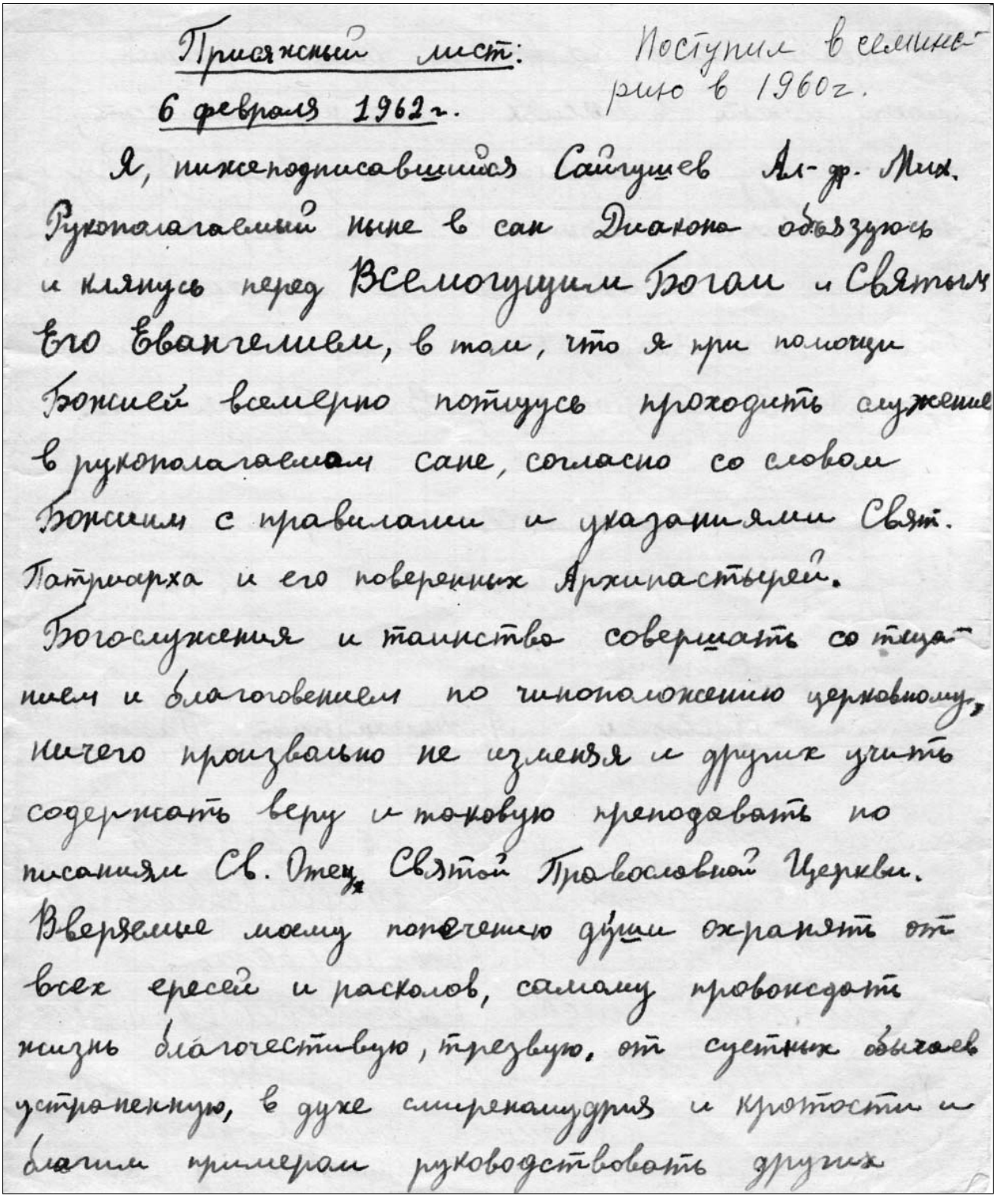
Храм Иоанна Златоуста, г. Воскресенск,
где венчались папа с мамой.

Во время венчания.

Венчает протоиерей Алексей Евдокимов.

Хор друзей-семинаристов, присутствовавших на венчании.

После свадьбы



Присяжный лист:
6 февраля 1962 г.

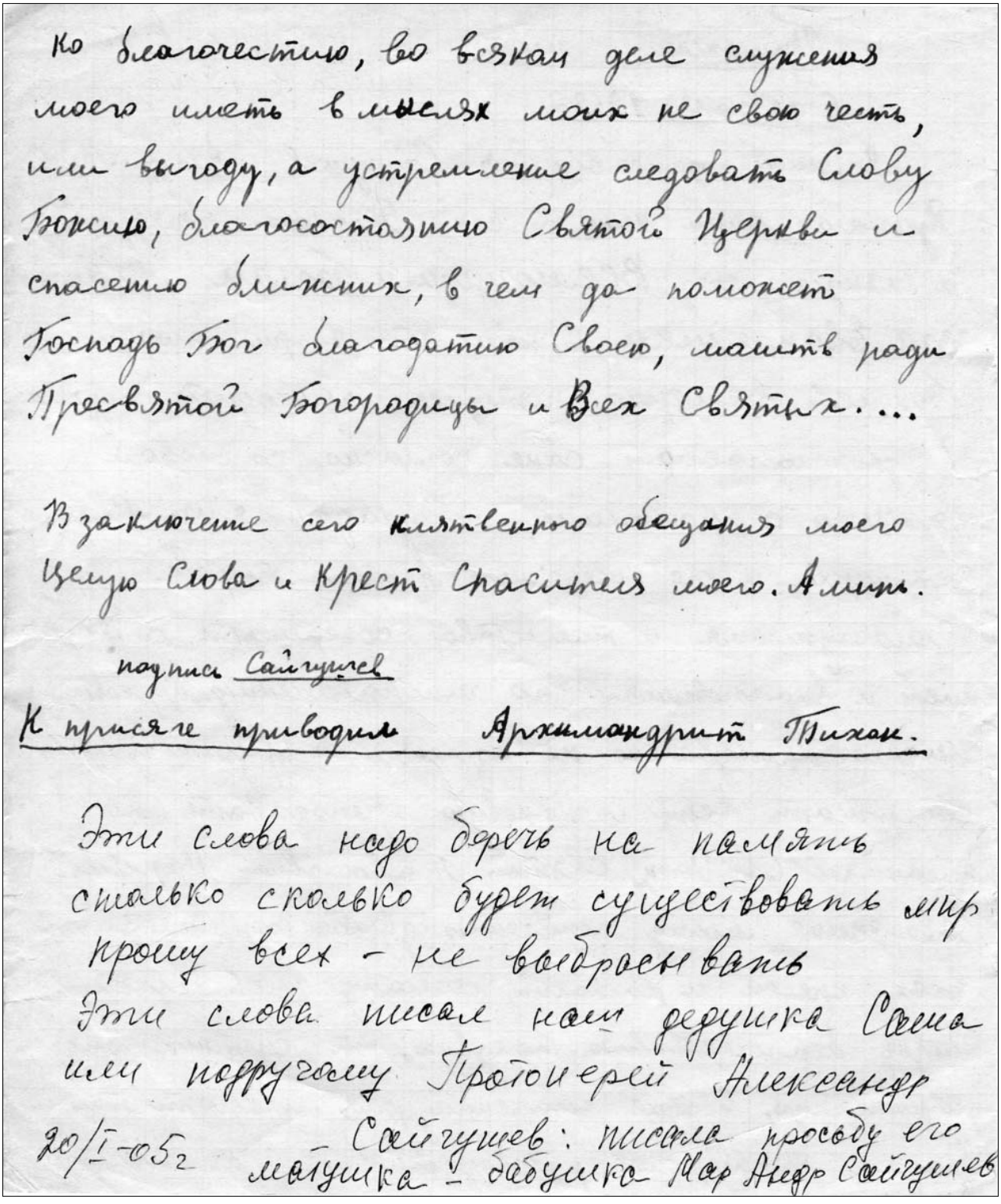
Поступил в семинарию в 1960 г.

Я, нижеподписавшийся Сайгушев Ал-др. Мих. Рукополагаемый ныне в сан Диакона обязуюсь и клянусь перед Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием, в том, что я при помощи Божией всемерно потщусь проходить служение в рукополагаемом сане, согласно со словом Божиим с правилами и указаниями Свят. Патриарха и его поверенных Архипастырей.

Богослужения и таинства совершать со тщанием и благоговением по чиноположению церковному, ничего произвольно не изменяя и других учить содержать веру и догмовую преподавать по писаниям Св. Отец Святой Православной Церкви.

Вверенные моему попечению души охранять от всех ересей и расколов, самому проводить жизнь благочестивую, трезвую, от суетных обычаев устраненную, в духе смиренномудрия и кротости и благим примером руководствовать других

Присяжной лист.



по благочестию, во всяком деле служения моего иметь в мыслях моих не свою честь, или выгоду, а устремление следовать Слову Божию, благосостоянию Святой Церкви и спасению ближних, в чем да поможет Господь Бог благодатию Своею, ради Пресвятой Богородицы и Всех Святых....

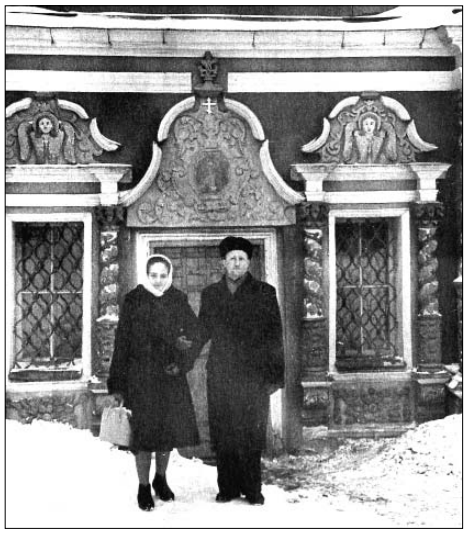
В заключение сего клятвенного обещания моего целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

подпись Сайгушев

К присяге приводил Архимандрит Тихон.

Эти слова надо беречь на память сколько сколько будет существовать мир прошу всех - не выбрасывать
Эти слова писал наш дедушка Саша или по другому Протоиерей Александр Сайгушев: писала просьбу его мамушка - бабушка Мар Андр Сайгушев
20/I-05г

Присяжной лист (продолжение). Комментарии мамы.



Мама и папа в Загорске.
1961 год.

Экзамен по Св. истории Ветхого Завета. Доцент Комаров, ассистент иеромонах Симон. 1962 год. Диакон Александр Сайгушев.

Во время учёбы.

Открытка

г. Загорск, слева – мама, справа – тётя Анна.

г. Загорск, 7 сентября 1962 года. Слева – мама, справа – тётя Анна.

Папа, мама и я. Май 1963 года. «Олечке 3 месяца».

2 класс МДС. 1962 год

«На память брату Саше и снохе Маше от сестры Ани, зятя Толи и Наденьки»

В дни служения в сане диакона. После литургии. Слева направо: диакон Александр Сайгушев, монах из Питерской пустыни о. Иоанн, диакон Александр Соколов. 11.02.62

Учатся печь просворы. Папа – третий слева.

В ценре слева – папа (в 4 классе МДС), справа – отец Наум Куратчук и паломники из Коченяевки. Загорск.

Во время служения в сане диакона. 1962 год.

Святейший Патриарх благословляет учащихся в Академическом Храме 14 декабря 1963 года в день памяти св. Филарета Милостивого.

4 класс МДС. 31 марта 1964 года.

Выпуск 1964 года.

Глава 6. МАВРИНО – НЕЗАБЫВАЕМЫЙ СЛЕД В ПАМЯТИ НАШЕЙ СЕМЬИ

Первое назначение. – Историческая справка о храме Владимирской Божьей Матери села Маврино. – Переезд семьи. – Всё виделось сказочным чудом. – Соседи, помощники и гости. – Приезд бабушки Агафьи. – Чистый говор Верхнего Поволжья. – Трогательное расставание. – Подарки прихожан.

Храм села Маврино Владимирской Божьей Матери

После окончания семинарии молодой священник о. Александр Сайгушев был назначен на службу в храм Владимирской Божьей Матери села Маврино Щёлковского района, Московской области. Получить приход – не важно где! – всегда считалось большой радостью для начинающего пастыря.

* * *

Летом 1964 года наша семья из четырёх человек (к тому времени родился брат Сергей) отправилась на новое место жительства. Матушку не очень пугала отдалённость села от городской цивилизации – она смиренно последовала за супругом. Село Маврино – тогда совсем маленькое образование, состоящее из семнадцати домов. Не было в нём ни магазина, ни больницы, ни почты… Прицерковный дом, предоставленный семье священника, находился в плачевном состоянии: не имел никаких удобств (а мне – полтора года, Сергею и того меньше – всего полгода). Но родители не падали духом: обзаводились хозяйством, заготавливали дрова, налаживали печь,

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Храм в селе Маврино был построен стараниями стольника Андрея Вешнякова в 1694 году на месте старого обветшавшего храма в честь святителя Николая Чудотворца. Сначала его освятили, как и старый, во имя святителя Николая. Впоследствии новый храм был переосвящён во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1703 году после нового обновления храм еще раз освятили в честь Владимирской иконы Божией Матери. Трапезная с освящёнными в ней престолами святителя Николая Чудотворца и преподобного Сергия Радонежского была, как и двухъярусная колокольня, построена в 1830 году на средства купца Аникеева. В 1893 году на средства ктитора, московского купца Якова Аггеевича Зайцева, надстроен третий ярус колокольни.

В советское время храм не закрывали, и в нём не прерывались богослужения.

В храме находятся чудотворные иконы Божьей матери «Страстная» и великомученицы Параскевы Пятницы, частицы мощей святого Иоанна Крестителя и преподобного Ефрема Новоторжского, а также частицы мантии, рубашки и камня преподобного Серафима Саровского.

Отец Александр Сайгушев служил в храме с 1964 по 1967 год.

8 сентября 2003 г. на празднование Владимирской иконы Божией Матери в Маврино прошли основные торжества, посвященные 300-летию храма. Божественную литургию по благословению митрополита Ювеналия возглавил епископ Видновский Тихон. Ему сослужили: секретарь Епархиального управления протоиерей **Александр Ганаба,** благочинный церквей Щелковского округа протоиерей Сергий Решетняк, священнослужители Щелковского района. После Литургии был совершен крестный ход. Ради юбилея были отмечены митрополичьими грамотами особо активные прихожане, регулярно посещающие храм и принявшие особое участие в подготовке юбилея. После службы Владыка Тихон вручил грамоты верующим. В поздравительном слове Преосвященный Тихон отметил, что Мавринский храм один из немногих, который не закрывался в годы лихолетий. По благословению Владыки Тихона протоиерей Александр Ганаба, служивший в этом храме с 1979 по 1983 годы настоятелем, поделился той радостью, которую он испытал во время торжественной службы. Отец Александр также рассказал о трудностях, с которыми ему в свое время пришлось столкнуться. В ответном слове настоятель поблагодарил Владыку за торжественное богослужение, которое стало кульминацией празднования юбилея храма, и преподнес в дар епископу Тихону Владимирскую икону Божией Матери, написанную молодым прихожанином храма. Его Преосвященство отметил торжественное пение хора Свято-Тихоновского института под управлением Юлии Раковой. Поздравить с юбилеем прихожан храма приехали заместитель главы администрации Щелковского района А. И. Щербаков и главный редактор журнала «Щёлково» А. Н. Филимон.

обеспечивались водой. Молодой семье, по возможности, помогали доброжелательные соседи – прихожане. Им сразу понравился новый батюшка. Да и как не понравиться! Обладатель красивого голоса, он трогательно пел в храме, читал выразительно и громко, чётко и ясно произнося каждое слово. Его проповеди не оставляли равнодушным ни одного слушателя. А служил он искренне, с высокой верой во Всевышние Силы. Иконописный лик, свободные русые волосы придавали ему образ Святого.

Сначала на службы приходили две – три старушки, постепенно число молящихся увеличивалось, начали посещать храм и жители соседних деревень. Вскоре к нам, в Маврино, помочь по хозяйству и присмотреть за нами, детьми, приехала Агафья Арефьевна. И надо сказать, что она так навсегда и осталась жить в семье сына. Как ладили сноха со свекровью – знают лишь они. Но долгая неразрывная дружба этих двух женщин являет пример мудрости семейных взаимоотношений.

Мне жизнь в Маврино видится до сих пор яркой и красочной. Потому, видимо, жизнь видится яркой и красочной, складной и мирной, что нам, детям, уделяли достаточно много внимания: папа читал первые стихи Жуковского и Пушкина, во дворе бабушка лепила с нами снеговика из больших белых шаров с чёрными углями-глазами, острым красным носом – морковью и настоящей блестящей бадьёй-шапкой. В руках, конечно, метла. И тоже настоящая. И всё виделось сказочным чудом. Так ли это виделось для других – не знаю. Ведь мне тогда не исполнилось и пяти лет!

В селе не было телевизоров, никаких тебе мультиков. Был ли преёмник – не помню. А вот бабушкиных рассказов и сказок во время прогулок по окрестностям поселения и дома – сколько угодно. Интересные захватывающие беседы проводила Агафья Арефьевна. Кроме бесед, она шила нам тряпочные куклы. Как я любила их! И бабушку! За то, что она вместе со мной играла в эти незабываемые игры, где действо вершили мои и бабушкины любимицы. Ещё, помню, были книги. Их любил читать папа, особенно любил читать стихи как светские, так и духовные.

Вечера в мавринском доме проходили чаще всего за чаем. Здесь бывали баба Феша и Павел Иванович Нововы из Фряново, Надежда Ивановна Парфёнова. В доме – белая русская печь, чистые крашеные полы с деревенскими самотканными половиками, на столе – большой блестящий самовар. Праздничный блеск придавала ему бабушка. Она знала все самоварные секреты и умудрялась начищать его так, чтобы самовар всегда улыбался, радуясь дорогому застолью. Мне разрешалось открывать и закрывать краник и наливать гостям чай. Это было увлекательное и занятное дело. Гости подхваливали меня, улыбались, я была необыкновенно счастлива, что приношу людям радость. Пили чай с мёдом, вареньем, сахаром.

Гости подолгу беседовали, говоря обо всём. Папа очень любил расспрашивать о своих предшественниках, о жителях здешних мест, об их обычаях. Он был благодарным слушателем и умелым рассказчиком. Он знал множество историй из жизни святых, мог часами говорить о коченяевских односельчанах, о детских и школьных годах, об учёбе в семинарии. Говорил он правдиво и последовательно. Если шла задиристая полемика «за жись», то, как говориться, за словом в карман не лез.

Хочется отметить, что отец обладал отменным и редким чувством юмора. И если он видел, что слушатели понимают его и уже смеются, то он на ходу так достраивал своё повествование, стараясь так усилить впечатление, чтобы публика держалась за животы. А когда это видел, то опять продолжал «юморить», считай, до изнеможения, пока не станут умолять перестать говорить.

Отец был удивительно эмоционален. Когда на похоронах он произносил речь – все присутствующие рыдали от трогательных его слов. Он мог передать людям настроение: тонко чувствовал как счастье и радость, так и горе, и боль. Несмотря на твёрдость и целеустремлённость, он оставался чутким и отзывчивым человеком. Однажды зимой отец случайно заметил на

кладбище замерзающего жителя соседней деревни Костыши Ивана Петровича. Тот очень переживал смерть супруги и часто навещал её могилу в Маврине. Отец привёл полуживого человека к себе домой. Здесь его отогрели, накормили, помыли в бане. Иван Петрович был тронут таким участием к себе, доброжелательностью и гостеприимством семьи молодого священника и потом стал близким человеком нашего дома. Иван Петрович занимался пчеловодством и увлёк своим делом нашего отца. Он с удовольствием помогал новому знакомому, а тот, чувствуя с каким усердием и трудолюбием батюшка взялся за бортническое дело, подарил ему улей. С этого улья и началось обзаведение хозяйством. Вскоре появились козы, и матушке пришлось учиться их доить, кормить, выгуливать, выхаживать. А затем и козлята пошли: забот прибавилось. Её учительницей в этих делах выступила Агафья Арефьевна, которая во всём помогала снохе, поддерживала её, если случались неприятности. Бабушка была крупной статной женщиной, с красивыми чертами лица. Разговаривала она правильно, по-русски, не отвергая букву «О», где не надо этого делать. Чистый говор Верхнего Поволжья. Помню, когда было необходимо, она утешала нас, растягивая «о» и «е», такой фразой: «Не плачь, а ты! Не плачь! Голова будет болеть! Всё пройдёт, не плачь!» Сама же мучилась всю жизнь сильными головными болями. Хватило, видимо, по жизни слёз бабушке.

Ещё во время учёбы в семинарии отец познакомился с Николаем Тимофеевичем Одинаркиным из города Самары. Между молодыми людьми завязалась крепкая дружба. Они делили и радости, и горести, понимали и поддерживали друг друга. Когда мы жили в Маврине, Николай Одинаркин служил в армии. А когда получил свой первый отпуск, он поехал ни куда-нибудь в тёплые края, а в маленькую глухую деревушку навестить своего друга. Очень были похожи между собой эти два человека. Не внешним сходством – душевным. Их связывала искренность, общий подход к вопросам бытия. Мама вспоминает, что их редкие свидания были настоящим праздником. Они не могли наговориться. Просиживали все ночи до утра. Но всё равно на разговоры им времени не хватало.

Забегая вперёд, отмечу, что спустя много лет, в тот самый вечер, когда отцу ампутировали ногу, в наш воскресенский дом позвонил о. Николай из Самары и первым был такой вопрос: «Как дела у батьки? Что-то на душе у меня не спокойно. Не случилось ли чего?» Брат Михаил срочно поехал в больницу (мы все были там) и рассказал нам о звонке. У меня по коже побежали мурашки – ведь о. Николай не знал, что его другу предстоит нелёгкая операция. Но почувствовал через тысячу вёрст боль и страдание своего лучшего друга, но ещё не знал, а, может, и знал, да не говорил, что в недалёком времени ему придётся отпевать бездыханное тело о. Александра и провожать его в последний путь.

Мы жили в Маврино до 1967 года. И когда детям настала пора готовиться к школе, отец подал прошение о переводе. Его просьба была удовлетворена. Он получил место для служения в Крестовоздвиженском храме села Марчуги Воскресенского района Московской области.

Нелегко было расставаться с первым приходом, с первыми прихожанами. За четыре года они успели стать очень близкими людьми. Но нам с братом Сергеем предстояла школа. А ближайшая находилась в селе Костыши, в шести километрах от Маврино. Так что выбора у родителей не было.

Расставались трогательно. На прощание сказано много добрых слов, много преподнесено подарков.

Один знакомый талантливый художник подарил полюбившемуся священнику расписанный макет храма (1х1х1, в метрах, выполненный своими руками) Владимирской иконы Божьей Матери села Маврино с иконостасом, подсвечниками, на которых ставились и зажигались маленькие свечи и лампочки. Это творение отец берёг всю жизнь.

Другой художник подарил картину храма. Думаю, что в жизни отца эти тёплые и талантливые работы оставались самыми

ценными подарками. Они хранятся в родном доме по сей день.

А Иван Петрович, пчеловод, прощаясь, загрузил отца ещё пятью ульями. На добрую память и наудачу.

Но связь с первыми прихожанами не была потеряна. Ещё долгие годы наш дом на улице Садовой посещали прихожане Мавринского храма. Семья встречала их как желанных гостей. И тянулись беседы далеко за полночь, и ни гости, ни хозяева не чувствовали ни усталости, ни раздражения. Была только радость. Искренняя.

Годы, прожитые в Маврино, оставили незабываемый след в памяти нашей семьи.

В период тяжёлой болезни, отец часто вспоминал (зная, что их и в живых-то уже нет!) – замечательных людей из Маврино, которые были рядом в моменты торжества его молодости, казавшейся бесконечной, и у которой всё ещё впереди.

Мечта посетить те края всё же сбылась: незадолго до кончны отец побывал в храме Владимирской иконы Божьей Матери и в местах, которые видели его молодым, здоровым и сильным. Хотя дорога была нелёгкой и чередовалась (строго по расписанию) с уколами инсулина и приёмами пищи, но полученный заряд духовных сил, и поселившаяся в сердце почти детская радость, окупили все пережитые дорожные трудности.

До трёхсотлетия Мавринского храма Владимирской иконы Божией Матери, где о. Александр начал свою службу, он не дожил всего лишь один год.

* * *

Летний дождь, чудесный дождь –
Слёзы матери – Вселенной,
Освежающая дрожь
Бесконечности нетленной.

Тихой милостью добра
С небом землю ты сближаешь,
Наши души омываешь
Чистым светом серебра.

Летний дождь

Храм Владимирской Божьей Матери, с. Маврино

В с. Заозерье. 1966 год

Маврино. «Олечке 1 год 10 месяцев». Село Маврино

Серёженьке 10 месяцев

Папа со мной (1 год и 10 месяцев) и братом Серёжей (10 месяцев). Маврино. 1965 год

Я с любимой куклой

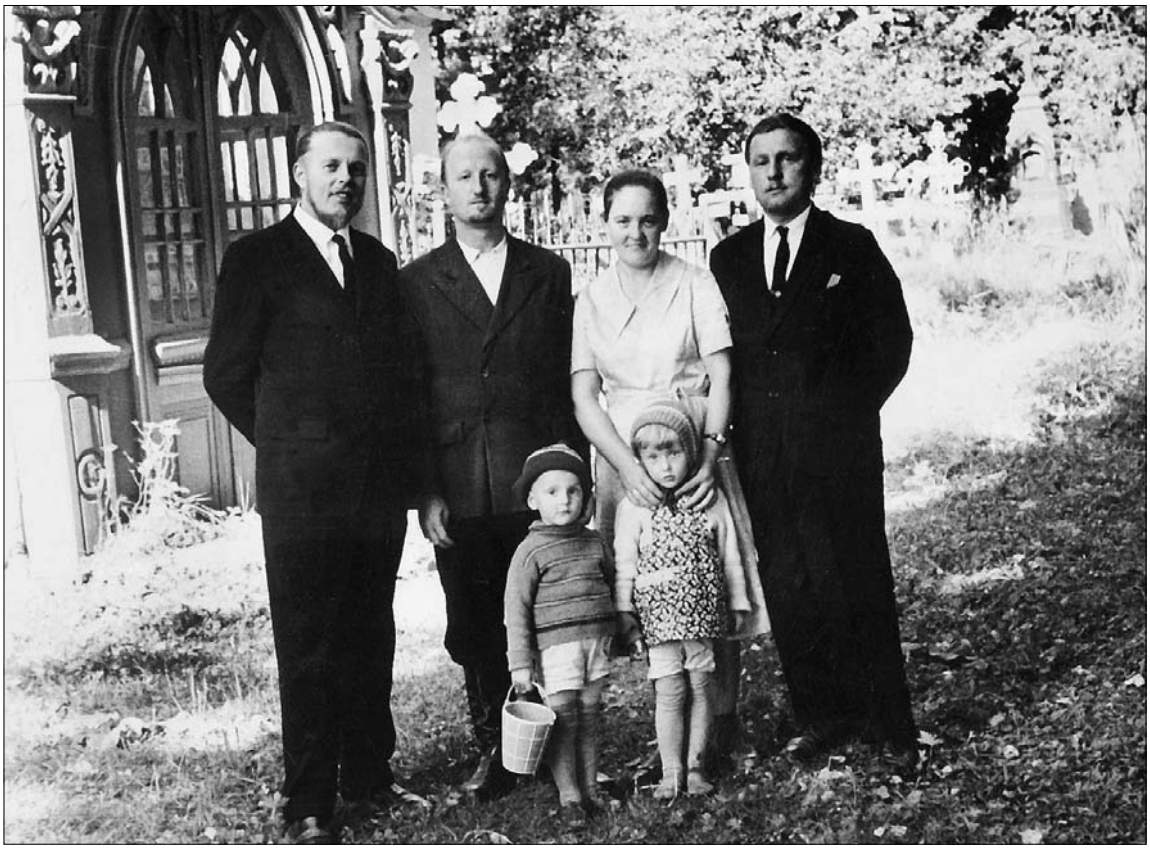
Маврино. Август 1964 год. Перед богослужением

Справа – прихожанка из Ногинска Дора Фёдоровна. Слева бабушка Агафья Арефьевна.
Мне 4 годика, брату Серёже 3 годика. Маврино.

Справа о. Николай из с. Душонова, мама, папа, о. Димитрий Фролов. Я и Серёжа на руках.

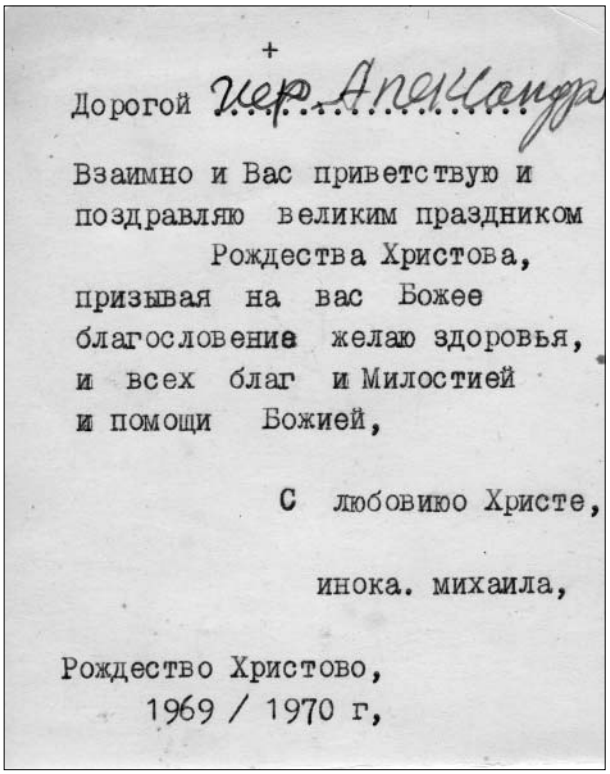
Справа о. Димитрий Фролов, папа, Николай Глазков. Впереди – Серёжа.

Справа папа, слева о. Николай из с. Душонова. Ногинск. 1967 год



Слева направо: священник Димитрий Фролов, мама, священник Николай из с. Душоново Щёлковского района. Впереди Серёжа и я. Фото возле храма. 1965 год

Церковный дом в Маврино, в котором мы жили. Колодец, выкопанный по инициативе папы. Папа с одним из прихожан



+

Дорогой Иер. Александр

Взаимно и Вас приветствую и
поздравляю великим праздником
Рождества Христова,
призывая на вас Божее
благословение желаю здоровья,
и всех благ и Милостией
и помощи Божией,

С любовию Христе,

инока. михаила,

Рождество Христово,
1969 / 1970 г,

Письмо от глухонемого монаха

Портрет

Внутренний вид подаренного макета Храма.

Маврино. Справа налево: бабушка Агафья, мама, папа, Дора Фёдоровна (прихожанка из Ногинска и на долгие годы добрая приятельница семьи), матушка Валентина Михайловна Фролова. Впереди Серёжа и я. Фото о. Димитрия Фролова

Второй справа о. Николай из Душонова, второй слева – о. Димитрий Фролов, папа – в центре. Заозерье. Похороны настоятеля храма отца Сергия. 1966 год

Священник Александр Сайгушев

Через годы...

Глава 7.
ВОСКРЕСЕНСКОЕ БЛАГОЧИНИЕ

Крестовоздвиженская церковь села Марчуги. – Улица Садовая. – Родня. – Детская библиотека. – Мы и грядки. – Отец и гриб-подосиновик. – Единение с природой. – О чём трещит сорока? – «За горою у колодца». – Золотой берег Москвы-реки. – Бездонная яма. – Хлеб надо зарабатывать. – Отец и цветы. – Счастливые зимы. – Новый Год. – Рождество Христово. – Мы летали как ангелы.

Крестовоздвиженский храм села Марчуги

С 14 мая 1967 года отец Александр начал служить в Крестовоздвиженском храме села Марчуги. С каким необыкновенным энтузиазмом, радостью и волнением собирался он на каждое богослужение! С какой старательностью он готовился на встречу с прихожанами! С вечера он долго сидел над книгами (мы знали, что в эти часы беспокоить и отвлекать родителя нельзя), перечитывал, подчёркивал, выписывал, вставлял новые закладки. Казалось, что отец готовится к необыкновенному и единственному событию в своей жизни. И только он знал точно, бесспорно и неопровержимо, что таким это событие и придёт. Придёт встреча с Богом.

Протоиерей Александр Сайгушев служил в храме три исторических отрезка времени. **Первый** – с 15 мая 1967 года по 20 мая 1974 года (Указ № 485 Митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена о перемещении Настоятелем Крестовоздвиженской церкви села Марчуги Воскресенского района Московской области) – **7 лет**;

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Первоначальная деревянная церковь в селе Марчуги предположительно построена в 20-х гг. XVII века и освящена в честь праздника Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня.

В конце упомянутого века река-Москва изменила своё русло, и церковь, находящаяся на берегу, оказалась на острове. В 1768 году на новом месте «тщанием» вдовы лейтенанта флота А. М. Милославской (урождённой Пожарской) построена кирпичная церковь на белокаменном фундаменте, существующая и поныне. Трапезная и пределы храма (один был освящен во имя святого Николая, а другой – во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба – построены в 1848 году хлопотами князей А. Б. и М. Н. Черкасских. А в 1858 году была сооружена каменная колокольня. В дальнейшем Крестовоздвиженскую церковь не раз перестраивали, достраивали, ремонтировали. В 1894–1895 годах проводился большой ремонт, во время которого в храме установлены новые деревянные резные позолоченные иконостасы, сохранившиеся до сих пор.

Из инвентарной ведомости храма за 1913 год мы узнаем, что с 15 мая 1910 года здесь служил священник Михаил Пятикрестовский. В годы репрессий пришлось пострадать и настоятелю храма священнику Михаилу Взорову. Он 31 октября 1937 года в возрасте 67 лет был расстрелян на Бутовском полигоне. А в это время ключница храма Анна Жбанова пряталась с ключами от церкви в подполе у чужих людей больше месяца, тем самым внесла свою лепту в сохранение святыни. Церковь была спасена от разграблений, и на протяжении всего времени в ней проходили богослужения, даже в годы гонений на всё святое. В послевоенные годы здесь служили священники о. Анатолий и о. Петр. В 1967 году, 14 мая, на приход направили молодого священника о. Александра Сайгушева. При его многолетнем служении проведён водопровод, паровое отопление всего храма, отремонтированы оконные переплёты, а в 1978 году построена котельная. В 2004 году был проведен газопровод.

Композиционное ядро здания составляет кирпичный храм типа «восьмерик на четверике» с двусветным основанием и гранёной апсидой, наделённой сдержанной, несколько однообразной декорацией стиля барокко. Основным элементом убранства служат оконные наличники двух типов, сохранившихся в верхних ярусах. Нижние окна кардинально изменены в XIX веке. Квадратная четырёхстолпная трапезная соединяет храм с шатровой столпообразной колокольней в четыре яруса. Стены храма плотно оштукатурены и побелены. Живопись на стенах и сводах относится к 1880 году, а трапезной ещё более поздняя. В 1987 году в преддверии празднования тысячелетия крещения Руси наружные фасады церкви были расписаны заново..

Крестовоздвиженский храм никогда не закрывался, и сейчас, как и на протяжении почти 250 лет, в нём совершаются богослужения. В настоящее время храм восстанавливается, необходимо ещё многое сделать для того, чтобы вернуть храму его былую красоту.

Второй – с 10 февраля 1987 по 10 июня 1997 года. Крестовоздвиженская церковь села Марчуги – **10 лет:**

Третий – с 10 июня 1997 года – до 17 сентября 2002 года (до кончины) – Почётный настоятель Крестовоздвиженской церкви села Марчуги – **5 лет.**

Приписные храмы:

Часовня вмч. Пантелеймона.

Престольные праздники и памятные дни храма;

1. Воздвижение Креста Господня – 27 сентября;

2. День святителя Николая Чудотворца – 22 мая (перенесение мощей),19 декабря;

3. День памяти святых благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба – 15 мая, 6 августа, 18 сентября.

* * *

Вставал отец рано, перед службой, как и положено, не ел, не пил. Чистил туфли, мокрой тряпочкой протирал портфель. Раньше у него имелся маленький чемоданчик – не теперешний дипломат, нет! – а именно чемоданчик. Мне казалось, что он с ним выглядел очень забавно: то ли мода была такая, то ли ему он нравился, теперь не могу сказать. Но когда появился портфель, чемоданчик, служивший хозяину много лет, мама приспособила под рукоделие. Тщательно протерев портфель, отец сам складывал в него, старательно приглаживая, подрясник. Надо сказать, что он никогда, ни в какие времена не носил одежды, предназначенной для богослужения, в транспорте, городе, на светских мероприятиях и других общественных местах. Посещение светских мероприятий отец старался избегать, не посещать, за исключением случаев, когда состоялись официальный вызов или приглашение. Свои волосы, длинные и светлые, слегка вьющиеся, ниже плеч, он завязывал резинкой и убирал под шляпу. Во все времена года он появлялся на людях исключительно в головном уборе, в строгой одежде. Никогда не носил трико, даже в огороде работал в старых брюках. Никогда не носил футболки – только рубашки, застёгнутые на все пуговицы, строго светлого цвета. И только в посты – серого или чёрного. Галстуки были неотъемлемой частью его гардероба,– однотонные, по временам года. Собирался отец быстро, ничего не забывая. Даже не забывал побрызгаться неброским ароматом (модным тогда) одеколона «Красная Москва». Из дома уходил заблаговременно, чтоб не опоздать на автобус (не дай Бог!). Опоздание на службу, тем более пропуск её, полностью исключались. Выходя из дома, молился перед иконой; и только тогда, быстрой и лёгкой походкой, он отправлялся к автовокзалу. Оттуда на автобусе № 27 Воскресенск – Глиньково (ранее Косяково) отец добирался до Марчугов. Здесь радостно и вдохновенно сияя, шагал к дорогому храму. Прямая спина, чуть приподнятая голова, небольшой размах рук, внешняя и внутренняя собранность – всё говорило о том, что идёт человек, готовый вершить большое и нужное дело.

Храм встречал отца колокольным звоном. И чем ближе он подходил к сиянью храма, тем более трогательным становилось состояние отца, менялся взгляд, менялась походка. Он и сам светился отсветом храма и радостью новой встречи. Я помню, как мама в выходные дни ездила вместе с нами посмотреть знаменитый храм и послушать службу отца. Это были незабываемые дни! Мы любили покупать и зажигать свечи, ставить их в подсвечники. Немного огорчало то, что во время службы не разрешалось переговариваться. А так хотелось немедленно поделиться впечатлениями! Зато можно было рассматривать иконы, росписи на стенах, видеть отца, когда он выходил из алтаря в красивой одежде, слушать, как он громко читал и пел. Его голос разносился по всему объёму храма, и всё было интересно и торжественно. Очень любили мы, когда отец служил водосвятный молебен, перечислял имена святых и каждый раз добавлял: «Моли Бога о нас!» Хор небольшой, но слаженный, повторял за ним разные распевы: «Пресвятая Богородица! Моли Бога о нас!

Гурий, Самон и Авив, молите Бога о нас! – вторил хор точно ему в тон. – «Святая равноапостольная, княгиня Ольга! Моли Бога о нас!» – звонко, с мольбой в голосе пел хор. «Преподобный Отче наш Сергий! Моли Бога о нас!» – снова и снова повторял хор. Мы слышали свои имена, и радость переполняла наши детские души.

Затем, взмахивая большой кистью, отец опрыскивал молящихся святой водой. Торжественно, воодушевлённо. Прихожане и мы улыбались, на лицах оставались капельки воды, и было радостно на душе и верилось, что после такой молитвы все святые будут молиться за нас и всё-всё в жизни буде очень хорошо. Очень интересным представал момент, когда во время службы две бабули обходили присутствующих с подносами, собирая пожертвования на храм. Мама нам с братом тоже давала мелкие монеты, чтобы мы их положили сами. Нам разрешалось тихонько ходить по храму и опускать денежки в расставленные в разных местах ящички-копилки. Это снимало с нас усталость от долгого стояния. Иногда летом разрешали нам пойти на улицу и поиграть там, не уходя за ограду. Будучи малыми детьми (пять-шесть лет), мы, конечно, не могли выстоять всю службу. Какая красота открывалась возле храма! Светило солнце. Зеленела трава, бледно-розовые вьюнки оплетали ограду; мелкие голубые цветы – фелиции, гакелии; ромашки среднерусской равнины; и другие, названия которых я уже не помню, в изобилии росли возле храма. С цветка на цветок перелетали лёгкие бабочки, дразня нас и маня за собой. А нам после прохладного храма так хотелось бегать, резвиться, радуясь ослепительному солнышку и тому, что рядом, совсем недалеко, находится наша мама, а из окон храма льётся красивый звонкий голос отца. Забывались все обиды и неприятности, а, может, их тогда вовсе и не было.

Каждый год, гуляя вокруг храма, мы рассматривали надгробные плиты захоронений, читали надписи на них, но особенно не задумывались о смерти, думая, что умирают только больные и старые люди.

После службы свершались требы: крестины, отпевания. Отпевания мне не запомнились. Наверное, это делалось так, чтоб мы не были причастны к печали. А вот крестины мы смотрели с большой радостью. Как ловко наш отец отпускал в купель таких малюсеньких ребятишек! Одни плачут, другие молчат. Нарядные крёстные торжественно держат свечи. Как много таинства и света в этом обряде!

Дома мы с Сергеем часто играли в крестины: он наряжался в священника, стараясь с помощью маминых платков, копировать отца, а я приходила «крестить» куклу. Мы обходили три раза перевёрнутую вверх ножками табуретку, имитирующую купель, при этом Сергей отпускал в «купель» мою куклу.

Однажды мы демонстрировали нашу игру соседской девочке, нашей подружке. Она тоже хотела «крестить» свою куклу. Я до сих пор помню испуганной её бабушку, которая сидела возле дома на лавочке, и её крик, переходящий в истерику: «Не смей!» Некоторое время под разными предлогами девочку не отпускали с нами гулять. На дворе стояли семидесятые годы, и мы ещё не доросли до того, чтобы понимать идеологию соседской бабушки. Мы жили в своей дружной семье, и нас наша жизнь вполне устраивала; и, конечно, не могли осознавать, что есть ещё и другая жизнь – взрослая жизнь наших родителей, полная волнений, нежданных проблем и неприятностей.

Не успеет отец подвести к дому выписанные в совхозе навоз, опилки или зерно для скотины, которой всегда держали много – тут как тут появлялся милицейский УАЗик для проверки документов. Значит, поступил «сигнал». Даже милиции уже надоело «реагировать». Усмехается участковый: «Добрые у вас соседи, отец Александр! Передайте им привет от меня, что всё проверено: «мин нет».

Работать по хозяйству приходилось всем и много.

В 1968 году бабушка Агафья Арефьевна, приняв решение остаться жить у сына, продала свой дом в Коченяевке и общими

усилиями, в складчину, семья купила маленький домик из двух комнат на окраине Воскресенска. Особенно всех устраивало его расположение: рядом лес, машин почти нет и воздух прямо-таки лермонтовский – «чист и свеж, как поцелуй ребёнка». Всё это напоминало Маврино.

Проблемы на новом месте поджидали на каждом шагу. Спасало то, что в Воскресенске жила мамина сестра и два её старших брата, а также сестра отца – все с семьями. Они тоже внесли определённую лепту в очередное благоустройство. Сразу сложилось так, что наше небольшое жильё стало центром притяжения всех событий. Родные и знакомые издалека останавливались исключительно у нас. И здешняя родня, чтобы встретиться всем вместе, тоже приезжала к нам на Садовую улицу. Родители любили всех, кто переступал порог их дома. Удивляла мамина любезность и обходительность даже с малознакомыми или совсем незнакомыми ей людьми. Но если уж это были гости мужа – она ухаживала за ними, как за самыми дорогими и близкими. Так бывало всегда. Не имея за плечами университетов, она знала очень много. В сочетании с природным умом и скромностью, правильным семейным воспитанием, женским чутьём и теплом её поступки были любимы и понимаемы всеми. Её любили за уступчивость, немногословие, за кротость и мягкость характера. Она всегда и всюду была рядом с мужем. В гости ходили только вместе, чему старались учить и нас, уже взрослых. «Хотите погулять,– говаривал отец,– идите вместе. Не делайте греха». Так родители и жили: тесно, плечом к плечу, ладно,– во всём советовались и всегда помогали друг другу.

В нашем деревянном домике не было горячей воды. Стирала мама вручную, в корыте, стиральная машина считалась роскошью. Полоскание белья проходило на улице в том же корыте. Для подачи воды приспосабливали резиновый шланг. А зимой, когда стояли холода, мама стирала и полоскала дома, а отец одевался и выносил вёдрами воду на улицу.

Бабашка получала куцую «колхозную» пенсию. На маленьком огороде, который примыкал к дому, выращивала огурцы, помидоры и разную зелень. Помогала по хозяйству снохе. В свободное время мне шила тряпочные куклы, а также из маленьких разноцветных лоскутков приданое к ним. Эти игрушки у меня были самыми любимыми. Скоро мама меня и брата записала в детскую библиотеку. Этот день был одним из самых радостных. Я никогда не видела столько много книг. С тех пор мы с нетерпением ждали следующего посещения, чтобы к нам пришло ещё больше радостей. Мама много занималась с нами, и к первому классу мы с братом (в детский садик мы не ходили) умели бегло и охотно читать, хорошо считать. Знали наизусть очень много стихов, большую часть которых я помню до сих пор и могу дословно воспроизвести.

Отец в то время неугомонно занимался садом и огородом: посадил яблони, груши, сливы, вишни, крыжовник, малину, смородину красную, затем белую, затем чёрную… Урожай собирали неплохой. Часть его продавали для строительных нужд, большую часть запасали на зиму для нужд собственных.

К труду нас привлекали с шести-семи лет. Мы пололи грядки, поливали, собирали урожай. Делали и другие посильные работы: ворошили сено, загребали «следки», были рядом со старшими при сортировке картошки для зимнего хранения, при уборке овощей и ягод. Поскольку мы всё делали по примеру родителей, то нам этот посильный труд не был в тягость. Он нас радовал. Не помню, чтобы нам не хотелось трудиться и делать приятное нашему дому. И естественно, мы не задумывались над вопросом делать или не делать: просто надо было делать и всё тут. Не оговариваться. Без обсуждений. И ещё: с раннего детства приучили нас не «встревать» в полемику старших.

Хочу заметить, что отец был отменным грибником. Из мест, откуда другие возвращались с пустыми корзинками, он всегда приносил полную. А однажды ему попался необыкновенно большой гриб-подосиновик. Об этой редкой и счастливой находке даже можно было прочесть в районной газете, и отец этим очень гордился.

Каким чутьём он узнавал, где какой гриб растёт, для нас оставалось тайной. Выросший в лесу, он знал его наизусть, все его приметы и никогда не мог заблудиться. Он ориентировался по солнцу, по тому, как растет на деревьях мох, как на них расположены ветви, по муравейникам и многим другим проявлениям растений и насекомых. И ещё отец отлично запоминал места, где побывал хоть единожды: то ли по надломленной ветке, то ли по сваленному дереву, по ручейку ли, протекавшему под корнями дерёв, по птичьему ли гнезду в гуще ветвей или просто по помятой траве.

Мы тогда не вникали в начала столь уверенного и смелого его поведения в лесу. Нам это казалось чем-то сверхъестественным. Отец входил в лес, как в свой родной дом. Он очень любил природу, знал огромное количество трав, знал от каких болезней каждая из них. Я до сих пор помню сотворённые им чаи. Зима. Вечер. Окна неповторимо сказочно разукрашены морозом. На столе самовар. Мама подаёт красный чай из брусники. Какое это диво: пить из блюдца, вприкуску! Красиво, вкусно, восхитительно. Также неповторимыми остались в памяти и чаи из липы, и цветов зверобоя, и листочков вишни.

А как отец собирал лесные ягоды! Его не могли отвлечь ни жара несусветная, ни настырный жгучий овод, ни пот, катящийся по всему телу. Он брал ягоды двумя руками (так брали ягоды в его родных местах), двигал ими, словно при дойке коров, удивительно быстро. Пока мы насобираем по кружке, отмахиваясь от назойливых насекомых, он уже наполнял трёхлитровый бидон. Потом отец помогал нам довести дело до конца. А уж тогда – ешь, сколько хочешь: «Ешьте, ешьте! Чем больше – тем лучше,– приговаривал он, повторяя.– Ешьте…в ягодах витамины. А это сила!»

Нас всегда брали в лес. И не только гулять. Мы должны выполнить ту норму, которая нам полагалась. Конечно же, норма была чисто символической, однако, привязывала к делу. Набегавшись по лесу и устав, мы располагались на тенистой полянке, и мама доставала из корзиночки завтрак, старательно завёрнутый в белое полотенце. С каким аппетитом мы ели недавно сваренные вкрутую яйца, с каким аппетитом мы ели свежие огурцы, помидоры, запивая настоянным на мяте квасом! А вокруг пели птички, шелестели листвой деревья, ветер, не торопясь, обдувал наши разгорячённые лица. Рядом молчали, о чём-то думая, малые травинки, копошились в них разные букашки, муравьи – окрест кипела своя лесная жизнь, возможно, не менее важная, чем наша. Тогда я не задумывалась, что есть истоки, есть история, есть вот эта природа, с которой мы должны жить в мире и согласии, жить единой семьёй.

У отца единение с природой пришло из раннего детства. Я даже не боюсь употребить выражение: пришло «с молоком матери». Возвращаясь к той поре, мы замечаем, какие красоты окружали Коченяевку: «Живописнейшая природа, лес с трёх сторон, две, не похожие друг на друга, реки, красивые зарыбленные пруды, луга, чудесные виды за околицей, невысокие холмы с пещерами не могут не вызвать чувства радости и восхищения всякого, кто хоть раз побывал в этих местах» (Из истории села). Будущий протоиерей Александр, он же мальчик Шура, сотни раз проходил дорогу через леса, перелески, поляны, поля, готовя себя к служению Богу, чтобы принести на алтарь служения всю красоту земли, Им созданную.

Из леса мы не торопились домой – отдыхали. Мама с папой в полголоса обсуждали что-то своё, а что – мы не понимали, да и не прислушивались, потому как тогда не думали, что разговоры взрослых столь значительны. Мы занимались своим делом: Сергей орудовал ножом, очищая палочку от коры, я лежала на разогретой солнцем траве и смотрела в бесконечное небо, наблюдая, как плывут облака, плавно превращаясь из одной фигуры в другую. Сказочное и счастливое являлось в этих превращениях, хотелось узнать, что там такое, хотелось мечтать, наслаждаться. Я вставала, рвала цветы, плела венки, гонялась за бабочками и стрекозами.

«Слышите, – раздаётся голос отца, отвлекая нас от своих занятий, – слышите, как сорока-белобока трещит?» Мы прислушиваемся: «Слышим, папа, слышим!» – дружно отвечаем. А потом высматривали и саму «трещалку». Знакомство с дятлом состоялось по-другому: «А вон, смотрите – дятел! Во-о-он, с красной головкой, червячков достаёт из-под коры!» – долго показывая, где дятел, говорит отец, Сам, щурясь от солнышка, не перестаёт наблюдать за жизнью леса. Незаметная, кукует, слышно, недалеко, кукушка. «Спросите-ка у неё, дети,– обращается к нам отец,– сколько лет проживём?» – И смеялся. «Пап, а это правда?- удивлялись мы с Сергеем.– Конечно, правда. А как же!» – шутил он. Мы-то не понимали, шутка это или нет. И не знали: верить ли? Но тревожное чувство, приходящее, когда кукует эта птица, осталось. Поэтому, я не задаю ей такой не осторожный вопрос.

«Хорошо, что сегодня сходили в лес,– собираясь домой, говорит отец.– Ягод вот набрали. Завтра-то, пожалуй, дождь будет» – «Почему, пап?» – «А вон муравьи-то еле двигаются, вялые и мало их, все в дом попрятались. Не беспокойте их». Нам сделалось тревожно и даже несколько страшновато: откуда он всё знает?

Как-то отец со своей родины привёз траву с корешками, завёрнутую в мокрую тряпочку, которая никогда не встречалась в здешних лесах. Раскопав в чемодуровском поле землю и сделав грядку, он посадил свою землячку, полил захваченной из дома водой, потом часто навещал посмотреть, как она принялась. К великой радости трава принялась и разрослась – значит, посажена с лёгкой руки. Мы и сейчас, когда бываем в этих местах, видим, что папина трава растёт и здравствует. Так мы её и прозвали: «папина». Отец умел любить природу и каждый миг её жизни.

Музыкально одарённый, он с раннего детства освоил песни матери, крёстной Настасьи, своих тёток, которые также формировали в нём особенное, отличное от других, и утончённое мировосприятие: отношение к земле, людям, Творцу. Он помнил много старинных песен, которые жили только в Поволжье, задушевно исполнял их своим свободным голосом, знал современные напевы. Одной из любимых песен была «За горою у колодца». Привожу полный текст песни (**слова и музыка неизвестного автора**).

* * *

За горою у колодца,
Где студёная вода,
Вслед за жнейкою вязала
Снопы девка – молода.

Ой, вязала девка, пела,
Что на свете любо жить,
Если честно дело делать,
Если труд свой полюбить.

А вокруг хлеба шумели,
Говорили ей о том,
Что колхозное богатство
Смело входит в каждый дом.

Ой, могуча наша сила,
Широки у нас поля,
Изобильная родная
Наша русская земля!

Полный текст я публикую не ради самого текста. Внимательно просматривая его, несмотря на некоторые поэтические огрехи, можно заметить, что отец любил природу, лирику, молодость; честный, радостный, с песнями, труд на широком русском раздолье; богатство, и не просто богатство, а колхозное, то есть общественное, не замкнутое в пределах одного двора. И хотел отец только изобилия и счастья родной земле. Потому данная песня исполнялась им чаще всего. Она отвечала требованиям его души, его социальному укладу. И присутствующие всегда с замиранием сердца слушали эту песню как незабвенное действо. Патриотизм – одна из главных черт отцовского характера. Отец много читал, любил беседовать с людьми разных возрастов, профессий и сословий, независимо от их вероисповедания.

В чём-то убеждал собеседников, чему-то учился у них.

Дом, в котором мы жили, стоял прямо у леса. Перед ним лежала обширная полянка с редкими высокими соснами. На этом пространстве родители сажали небольшие берёзки, рябины, липы, выкопав их далеко в лесу. Мы с Сергеем тоже привлекались к этой работе. Каким счастьем светились отцовские глаза, когда, перезимовав, по весне деревца покрывались зелёными почками! Как радовался он всему живому и красивому, старался поделиться своей радостью с другими людьми!

Однажды вечером с очередной лесной прогулки они с мамой принесли маленькую собачонку. Нашли они её привязанной за шею к дереву, видимо, чтобы она, брошенная, не увязалась за хозяином. Собачка была маленькой, рыженькой, с острой мордочкой и умненькими глазами. Мы с братом обрадовались: кто из детей не желает иметь такого четвероногого друга? Конечно, все хотят. Назвали мы собачку Малышкой, так она и осталась у нас жить. Сергей с отцом соорудили ей во дворе будку, там она долго и жила, пока её не украли. А дело случилось так. Бабушка в сопровождении Малышки пошла в поселковый магазин. Мимо проезжала легковая машина. Поравнявшись с ходоками остановилась. Открылась дверца, Малышку схватили, и автомобиль покатил дальше. Больше мы её не видели.

Дел по хозяйству всегда хватало, но мы с братом были очень рады, когда удавалось уговорить родителей пойти погулять на Москву-реку и там покупаться. Это случалось не так часто, но всё же случалось. Берег Москвы-реки от цветущих зарослей пижмы казался весь в жёлтом золоте и окрест – всё сияло цветом солнца. Какими долгими были те дни из детства! Каким долгим, казалось, было само детство! И это чувственное восприятие полного счастья, наверное, присуще только детству, поскольку потом оно у меня никогда не повторялось. Мама расстилала на берегу покрывало. Доставала хлеб с вареньем. Это было продолжением долгого-долгого счастья. Солнечные мамины руки. Хлеб с вареньем. Золотой берег Москвы-реки… Мы с Серёжей, ещё не высохшие от воды, дрожащие от холода, не торопясь жевали хлеб, наблюдая, как летают над рекой моторные лодки, как лениво проплывают, тарахтя, перегруженные баржи, создавая огромные волны, и умирали от нетерпения, когда согреемся, и нам снова разрешат купаться.

Отец любил плавать, грёб воду не спеша, вёл себя на воде уверенно. Тогда я не ставила себе вопросов, когда и где он научился плавать, и лишь спустя годы, задумалась: а, правда, где? Ведь в его родной деревне была лишь мелкая речушка, у которой и имени-то почти не было. Между собой сельчане называли её «Чёрной». Но когда пришлось углубиться в историю Коченяевки, то я узнала, что действительно там были речки Чёрная и Белая. Время высушило их, оставив лишь память о себе: тысячи мальчиков и девочек любовались этими речками, ныряли в их бочаговую тишину, и, расходясь и разъезжаясь, разносили речную радость по всему свету. Так, наверное, и наш отец. Он, пройдя Белую и Чёрную речки, овладел всеми видами плавания, по-мальчишечьи нырял и, брызгаясь, баловался с нами. Но был в Коченяевке ещё один водоём. Никто не помнит, когда и как посреди одного из полей образовался глубокий кратер, который до уровня берегов заполнился водою. Иногда в нём и сейчас купаются отчаянные смельчаки, но в основном люди омута боятся.

Водоём окрестили Бездонной ямой. Говорят, что он очень глубокий, что там когда-то по неосторожности затонул трактор. Но сколько потом ни ныряли в поисках «утопленника», его даже увидеть не удалось, не то что обнаружить и вытащить. По близости нет ни оврагов, ни родников. Местные жители не очень-то любят говорить на эту тему и стараются к Бездонной яме близко не подходить, стараясь быть от неё подальше. Я не думаю, что отец стороной обходил нехорошее место. Думаю, что он здесь бывал, проверяя себя на бесстрашие.

Вечером, после Москвы-реки, нас ждали дела огородные. А мы-то с братом как ждали момента, когда спрячется солнышко, и отец раскрутит долгожданный шланг, откроет воду и разрешит нам поливать самим. Как хотелось поливать самим! Он смотрел на нас, как мы справляемся с работой, и радостно улыбался. Когда нам надоедало, он брался за дело сам. Тогда нам было ещё веселее, потому что, прикрывая отверстие шланга, отец получал несколько фонтанчиков и направлял их в нашу сторону. Мы прыгали от удовольствия и визжали, то убегая, то нарочно подставляя себя под щекотливые струи, пока, наконец, усталые и до нитки мокрые отправлялись домой переодеваться в сухое.

У отца были удивительно красивые руки, можно сказать холёные, не знающие работы: белые с длинными пальцами ладони, миндалевидной формы ногти, всегда удивительно чистые и ровно подстрижены.

Но я-то знаю, я-то видела, как он с утра (отец никогда рано не ел, «рот ещё спит»,– говаривал) шёл в огород и там работал: копал, полол, пересаживал – потом приходил домой, грел воду (у нас не было горячей воды), распаривал в тазике с мылом руки и специальной, только его щёточкой, отмывал их от грязи. Только потом садился завтракать. «Хлеб надо зарабатывать»,– учил он.

Свободное от богослужений время он посвящал саду и огороду, где все работы выполнялись в основном отцом, а мы, домочадцы, лишь помогали ему. Он один знал пору рыхления цветов, знал, когда надо окапывать яблони, подвязывать и обрезать малину, смородину и другие саженцы. У него росли такие редкие для Подмосковья культуры, как китайский лимонник, грецкий орех.

Особенно отец любил заниматься с цветами, уделяя им много времени, любил эксперименты. Вроде бы совсем не мужское дело, но каких только видов и сортов у него не было! Он их покупал на рынке, выменивал у знакомых, привозил издалека. Соседи удивлялись: «Михалыч, откуда у тебя такие цветы? Дай хоть корешочек!» Отец щедро делился, как всякий настоящий заядлый цветовод и был тем счастлив. Но всё равно, как у него благоухали цветы – у других, хоть и те же, расцветали скромнее. Словно он один владел тайной зачатия маленьких радуг, которые жили в его сердце. Каждый, приходящий к нам в гости, не уходил без богатого букета цветов. Отец даже срезал их сам, не позволял это делать никому. «Вы срежете – цвести не будут»,– шутил он. Составляя букет, выбирал цветы самые лучшие, сам при этом прищёлкивал от удовольствия языком. К первому сентября нарезал букеты не только нам, но и раздаривал всем соседским детям. Много цветов у нас было и комнатных. Ими тоже занимался отец. То же самое, что и в огороде: сажал, поливал, мыл подоконники и сами цветы – всё это было его делом. В комнатах росли фиалки, хризантемы, глоксинии, герани, амариллисы и многие другие. Цветы цвели круглый год, наверное, в ответ на любовь к ним хозяина дома.

Вспоминаются далёкие зимы. Как только первый снег посыплет землю, бабушка Агафья выходила из дома и на дорожках около дома вместе с нами катала шары для снеговиков и зайцев, заключала их в снеговые крепости. Она была необыкновенной затейницей, всегда придумывала что-то новое, интересное, не позволяла нам скучать, увлекала рассказами и полезными занятиями. От снеговых игр её длинное деревенское платье намокало, затем на морозе застывало ледяной коркой. Нарядный пёстрый фартук, который она надевала для украшения платья, тоже превращался в корку. Мы прыгали вокруг бабушки, варежками стучали по замёрзшей одежде. Фартук и платье глухо отзывались, удивляя необычностью шороха. Мы смеялись, бабушка, казалось, не замерзала, а лишь, подзадоривая нас, радовалась, что нам было хорошо.

Если снегу выпадало много, отец привлекал домашних к строительству горки. Все работали с таким увлечением, всем, казалось, так нужна горка, что нам ну никак не прожить без неё. Собирали снег, трамбовали, смеялись, падали… Когда горка была построена, отец вёдрами носил из дома

воду и поливал её до готовности. Мы с упоением любовались собственным сооружением и нисколько не сожалели, что кататься пока нельзя, что надо дать время конструкции замёрзнуть, стать твёрдой и надёжной. В дом возвращались усталые, но весёлые. Мокрые телогрейки, пальтишки, штанишки и шапки развешивались на батареи для просушки. Валенки ставились на печку. За большим круглым столом садились ужинать. Ели кашу с молоком, яйца. Пили горячий душистый чай, заваренный на травах.

Утром, едва открыв глаза, мы с Сергеем неслись на улицу, чтобы обновить нашу горку, наполнить наступающий день смехом, радостью, счастьем.

Радостны были и лыжные прогулки. Организовывал их отец. Мама чаще всего предпочитала свободу, шла обычно по лесной тропинке, мы с братом старались не отстать от отца, догоняя его по накатанной лыжне. Догнать его было нелегко, но он с нами играл, давая возможность проявить себя: то поддавался, незаметно тормозя, то уступал дорогу, то снова перегонял нас. Мы, смеясь и толкаясь, принимали его условия, местами падали, нарочно валяясь в снегу. Отец это всё видел и радовался, продолжая идти вперёд. Так добирались до лесного озера и здесь катались с гор. Отец катался с высоких, мы – с низких и более пологих. Накатавшись до усталости, снимали лыжи. Мама их несла, чтобы дать нам возможность собирать упавшие шишки, веточки сосен, семена лиственных деревьев. Дома мы их размораживали, отогревали и с помощью мамы составляли гербарии.

Самыми любимыми зимними праздниками, безусловно, были Новый Год и Рождество Христово. К ним готовились заранее. Отец снимал с чердака коробку с ёлочными украшениями, мы вместе с бабушкой Агафьей протирали пыль, привязывали новые ниточки, некоторые игрушки мастерили сами с помощью ножниц, клея, иголки и ниток. На этот счёт бабушка слыла большой выдумщицей.

Ёлку всегда ставили искусственную. Отец говорил, что даже ради праздника негоже губить деревья. Они – живые! Мы верили в это, зная, что раз отец говорит, значит всё правильно. Скоро ёлка красовалась игрушками, блестела серебристыми нитями «дождя». Беленькие кусочки ваты изображали упавший на ветви снег. Мы радовались, что сами участвовали в сотворении такого чуда. Довольные рано ложились спать, зная, что завтра под ёлкой мы увидим подарки Деда Мороза – картонные сумочки с гостинцами. А утром разыгрывалось праздничное действо. Оно называлось: Новогодний утренник. Раздавался в дверь звонок, затем следовал спокойный стук. Потом опять звонок. Мама смеялась (мы не догадывались почему), выбегала на террасу, впускала гостя. Бабушка Агафья, наряженная в старый белый пододеяльник, подпоясанный ярким кушаком; в белой, неизвестно откуда добытой, медицинской шапочке, сдвинутой несколько ниже бровей и украшенной звёздами; наведённым на щеках румянцем, в двойных очках, притопывая белыми валенками и прихлопывая папиными новыми рукавицами,– выплывала из дверей и громко напевала: «В лесу родилась ёлочка…», при этом в такт стуча по полу лыжной палкой. Так входил в наш дом Дед Мороз. Направляясь к детской для раздачи подарков, он попутно рассматривал избу, наряженную ёлку, отпускал замечания, которых мы не понимали, но родители очень смеялись. А мы, завидев такого Деда Мороза, от удивления визжали, бегали по комнате и прятались под кровать. Там, затаив дыхание, слушали его рассказ, как он долго к нам шёл и как сильно устал. Мы помалкивали. Тогда Дед Мороз (мы уже догадывались – то бабушка Агафья!) потихоньку лыжной палкой шарила под кроватью и звала: «Я – Дед Мороз – Красный Нос – вам подарочки принёс. Выходите, детки – есть баранки и конфетки!» Нас такие слова ещё больше веселили, мы, как нам казалось, ловко и незаметно выскакивали из укрытия, бегали по дому, прячась в другие укромные места, про которые, мы были уверены, никто не знает, кроме нас. А уж Дед-то Мороз и подавно ни за что не догадается там нас искать. Но он нас везде находил. Радовался, что находил, пусть

и теряя очки и роняя лыжную палку. Уставший, он снимал огромные рукавицы, вытирал ими пот с лица и следы румян. Мы тоже уставали. Тогда вели Деда Мороза к ёлке, показывали игрушки, наперебой читали стихи. Стихи читали и взрослые – иначе гостинец не получишь. Мама исполняла песенку «Маленькой ёлочке холодно зимой». Отец разыгрывал в лицах рождественскую сказку «Царь и Пастух» Мы удивлялись его перевоплощению то в Царя, то в Пастуха, при этом он так менял голос, интонацию и речевые построения, что у нас не возникало сомнений в правдоподобности сюжета. После представления Дед Мороз уходил к другим детям. А мы, усаживаясь за праздничный стол, рассматривали свои подарки, угощали друг друга сладостями. Только мне было жалко бабушку, потому что она всегда отлучалась, когда к нам приходил такой необычный гость. Сначала она сочиняла, что в это время ходила в магазин, потом говорила, что делала дела по хозяйству и всякое другое. Но мы, взрослея, догадывались, что всё это не так, и, умалчивая о маленькой тайне, не жадничая, охотно делились с ней гостинцами. Вторым по счёту зимним праздником, но первым по значению, был светлый День Рождества Христова. В наш дом на такое торжество приезжали и близкие, и дальние родственники. Собиралось очень много людей. Мама с бабушкой традиционно пекли пироги, ватрушки. Как ловко бабушка расправлялась с тестом! Она будто играла с ним: побрасывала его, ловила, как мячик, мяла, колотила и опять подбрасывала… Эту технологию приготовления праздничного теста привезла она из Коченяевки. Мама готовила начинку из творога, яблок и других ягод и фруктов. И когда из кухни начинал доноситься сладкий запах, мы, детвора, с нетерпением ждали первой порции пирожков, румяных, красиво покрытых яичными желтками помазком из куриных перьев и щедро посыпанных сахарной пудрой. После того, как была прочитана рождественская молитва и дано благословение отца, гости садились за стол. Во время праздника на ёлочке зажигались огоньки, взрослые и дети славили Христа. Пели песни, дарили друг другу недорогие подарки, гостинцы. Отец собственноручно записывал всё происходящее на магнитофон.

На один из очередных рождественских праздников мама сшила нам с тонкими резиночками бледно-лимонные крылышки, которые надевались на плечи. Помню, мы порхали в них, как бабочки, а, может быть, как ангелы, потому что было ощущение необъяснимой лёгкости, радости и полного счастья. Окрест сияло широкое поднебесье, а под ним простиралась бесконечно белая земля. Такого крылатого счастья я больше никогда не испытывала.

* * *

Марчуги – звоны трав, цветения,
Дымка горечи – не впервой! –
Поднимается, до смятения,
Над родимою стороной…

Чистым кружевом даль забелена
Безраздельной моей земли,
Где немые печали берега
Колокольчики оплели.

Ах, как хочется заморочиться,
Стрелки времени повернуть,
Чтоб на капельку мог отсрочиться
Наших близких последний путь.

Чтоб ещё насладиться вёснами,
Выйти к старице в Марчугах,
Поглядеть, как играют вёслами
Парни ловкие в бочагах!

Загорелые, со сноровками,
Рубят воду, за всплеском – всплеск!
И легко управляя лодками,
Уплывают в опал небес.

…Праздник Троицы. И сливаются,
В звон высокий колокола,
И до солнышка поднимаются
Золочёные купола…

Крестовоздвиженский храм с. Марчуги.

Памятная доска при входе в храм (справа).

Справа налево в первом ряду: Сазонова Наталья Григорьевна, бабушка Агафья, Серёжа, гостья из Коченяевки девица Мария Яковлевна Тумпурова, я и мама. Во втором ряду: о. Виссарион, гостья из Коченяевки девица Фёкла (Исмакаева Фёкла Ивановна), Александр Иванович Мартышкин (будущий священник), папа, гостья из Коченяевки девица Варенька (Варвара Николаевна Чернова), Дора Фёдоровна из Ногинска. 1969 год.

Папа с о. Димитрием Фроловым.

1969 год.

Марчуги. Престольный праздник в честь Бориса и Глеба. Гости. В центре – папа с мамой.
Рядом с папой – староста храма Анна Тимофеевна. Вторая слева – матушка Валентина Фролова.
Второй справа – гость из Ногинска протодиакон Николай Павлович Зайцев. 1969 год

Престольный праздник. В центре – папа с мамой, Серёжа и я. Третья справа – бабушка Настя.

Впереди со свечой алтарница Мария Михайловна Самсонова. 10.04.72 год

Справа о. Димитрий Фролов, слева протодиакон Николай Павлович Зайцев
из Ногинска (служил в с. Заозерье).

Крестный ход. В центре – папа, справа от него – о. Алексей Евдокимов, слева – о. Александр Захаров, о. Александр Коробейников, о. Димитрий Фролов. Престольный праздник. 1970 год.

Подготовка к медогону.

В центре – папа, справа Владик Фролов, слева Коля Фролов. Май 1973 год.

Рождество. В гостях у о. Димитрия Фролова.

Семейное фото с бабушкой Агафьей. 1969 год.

Рождество. В гостях у о. Димитрия Фролова.

Серёжа у Новогодней ёлки.

Николай Глазков, папа, матушка Валентина Фролова, Коля Фролов (на руках Надя Гордеева), я, Владик Фролов, Серёжа. Май 1973 год.

Глава 8.
РОЖДЕНИЕ БРАТА МИХАИЛА. ОКРУЖЕНИЕ

Школа. – Рождение брата Михаила. – В школе учили, что Бога нет. – Валентина Петровна Чернышова. – Трогательное отношение к родным. – Священник Дмитрий Фролов, его дети. – Молитесь, и всё будет. – Сахарный диабет. – Начало страданий. – Где хранились богослужебные книги и облачение? – Марчуговское окружение. – Наталья Григорьевна Сазонова и другие. – Спевки в церковной сторожке. – Суть Успения Святой Богородицы. – О. Ипполит.

В лугах Москвы-реки. Вдали – Марчуги

В 1969 году наша семья переехала в другой дом, более объёмный, купленный у Драпкиных – соседей по улице. Сделка признавалась удачной с обеих сторон и ещё некоторое время между семьями поддерживались добрые отношения.

В 1970 году я пошла в первый класс средней школы № 4 города Воскресенска. На следующий год родился брат Михаил, а брат Сергей стал учеником той же школы, в которой училась я. Несмотря на безоблачность нашего детства, родители воспитывали нас в убеждённости существования Высших Божественных сил. С нас строго требовали соблюдения правил повседневного поведения: обязательные молитвы, особенно перед едой и перед началом любого дела; чтоб, выходя их дома, не забывали перекреститься и попросить у Господа благословения; завершив дело, поблагодарить Его: «Господи, слава Тебе!», перекреститься утром и перед сном. Нас воспитывали в духе уважения старших. Мы не смели оговариваться на замечания родителей, ослушиваться, повышать голос, тем более грубить. Особенно это касалось бабушки Агафьи. К тем годам сложилось особое отношение к религии. Запрещалось приходить в школу с нательным крестом, но мама умудрялась вшивать его под планку моего школьного платья, Сергею – пиджака. В школе учили, что Бога нет, что это всё выдумки. Дома нас учили совершенно другому. Детскому разуму трудно было разобраться, а тем более понять, где истина. Меня дразнили редко, и слово «попадья», конечно, звучало обидно. Но я не помню, чтобы меня подобные высказывания травмировали. Брату Сергею повезло меньше и за каждое слово типа «поп» или «попёнок» ему приходилось драться, так как он считал эти слова оскорбительными.

В начальных классах я училась у замечательного педагога Валентины Петровны Чернышовой, которая с большим вниманием и чутьём относилась к каждому ребёнку и с пониманием чутко гасила едва назреваемые в классе конфликты. Своим примером она показывала, как надо уважать каждого человека, независимо от его родства, веры, получаемых оценок. Валентина Петровна человек с необыкновенно мудрой душой, с талантом воспитателя и Учителя.

Жизнь семьи шла со своими радостями и трудностями. В нашем доме находили добрый совет и поддержку не только близкие родственники, прихожане, но и просто знакомые люди. Не хватало молока ребёнку – соседи шли к маме. И она давала молока, отказываясь от денег. Семья делилась всем, чем можно было делиться. К тому времени родители развели значительное хозяйство. Имелись разных пород куры (фестивальные, цесарки, брамы и т.д.), гуси, утки. Мы по очереди, то и с бабушкой, в радости пасли на лужайке забавных цыплят, гусят, утят. На чердаке особой жизнью наслаждались голуби. Их мир, можно считать, принадлежал полностью отцу. Я сейчас думаю, что с полётами любимых птиц, с их красотой и обаянием как с посланцами от Всевышнего, отец имел с Ним прямую связь.

У нас жила, преклонных лет, лошадь Майка. Но о гордом её и независимом нраве – отдельная грустная и смешная история. Что и говорить, отец знал мир животных, очень любил их. Приобретал, разводил, наблюдал, ухаживал. Знал о них много рассказов, легенд.

Отец трогательно относился к родным, близким. Когда племянника Александра призвали в армию, у которого жена и дитё оставались без крова, отец, не раздумывая, на весь период солдатской службы предложил им жильё в своём доме. Жена племянника училась в строительном техникуме, её родители жили далеко, существовать семнадцатилетней студентке было не на что. Полугодовалую девочку нянчили бабушка Агафья и моя мама. Из армии племянник

часто писал письма и жене, и дяде. В одном из них заверял: «Дядя Саша, я никогда не забуду, что Вы для меня сделали!» Благодарности особой никто и не ждал. Просто жили, как могли, и помогали, чем могли.

В 1974 году в город Воскресенск переехала младшая сестра отца Анна Михайловна. От работы ей дали комнату в общежитии, но с условием, что ребёнка там быть не должно. Что делать? А дело одно: надо бежать к старшему брату. Конечно, отец не мог отказать и пятилетняя Надюшка осталась жить в нашем доме, пока Анна Михайловна не получила квартиру.

Большая дружба связывала нашу семью с семьёй московского священника Дмитрия Фролова. У о. Дмитрия и м. Валентины росло трое детей Владислав, Николай и Алевтина – студентка Коломенского музыкального училища по классу фортепиано. Она ездила в Коломну из Москвы – путь неблизкий, а для шестнадцатилетней девочки совсем нелёгкий и даже небезопасный, поэтому, по договорённости родителей, Аля жила у нас. Я тогда только что поступила в музыкально-хоровую студию при ДК «Химик» и не без зависти, часами высиживая около Али, слушала, как она играет, и наблюдала, как уверенно бегают по клавишам её тонкие, но сильные пальчики. Протоиерей Дмитрий был старше отца, но это не мешало им дружить. Со временем возраст и расстояния сокращали частоту и время встреч, однако, оставались неунывающие телефонные звонки, стихотворные, шутливые и серьёзные, поздравления с праздниками. В силу своего состояния он не смог приехать к отцу на похороны. Но дай Господи ему здоровья и сил – до сего дня они с матушкой Валентиной Михайловной, как могут, поддерживают мою маму.

Невозможно не удивляться широте человеческой души, её беспредельному бескорыстию, её бесконечной любви к Всевышнему и ко всему живущему на земле. Сколько света, тепла несут по жизни люди, и, уходя в другой мир, оставляют живущим свой неугасимый свет – благодарный и благодатный свет своих сердец на многие поколения вперёд. Это ли не христианская любовь? Это ли не христианское служение Господу? И разве не избраны наши пастыри свыше, коли имеют в душах столько ликования и тихой благодати?

Много разных людей – знакомых, малознакомых и незнакомых – приходило к моему отцу, протоиерею Александру, за советом. Он старался приветить каждого, побеседовать и понять человека. Их разговоры оставались вечной тайной для всех и навсегда.

Детишек он благословлял, осеняя крестом, родителей успокаивал словом. Его слово врачевало людей, звало к выздоровлению.

«Батюшка, помолитесь за меня,– просили его. – Ваша молитва близка к Богу» – «Помолюсь,– отвечал он,– а вы сами молитесь. Всегда помните Господа, но не только в минуты печали». Я помню лишь один раз, когда он не смог принять незнакомую женщину. Простила ли она отца – не знаю. С какой душой ушла она: непонимания, страдания или обиды? Тоже не знаю. Но помню, что в её день прихода отца выписали из хирургического отделения после ампутации правой ноги. Он находился в тяжелейшем состоянии оглушённости и с очень низким гемоглобином.

В сорокалетнем возрасте у отца обнаружили тяжёлый инсулинозависимый сахарный диабет, прекоматозное состояние. Эта болезнь потянула за собой череду осложнений, а с ними и страданий, которые не отпускали его ещё двадцать пять лет, то есть до самой смерти. Но отец держался достойно, молча, не предавал огласке то, что с ним случилось. Его кабинетом называлась самая маленькая комната в доме. Здесь он хранил богослужебные книги, рясы и подрясники разных цветов с белыми манжетами и подворотничками, всегда выглаженные и отутюженные мамой, и другие атрибуты, связанные с его саном. Особенно много хлопот занимали пояса. Они представляли несколько видов – широкие, вышитые гладью или крестиком, цветом под стать верхней одежде. Все они складывались на полочке и ждали своего часа. Также рядом хранилась камилавка (головной убор священнослужителя) в картонной коробке. Отец брал камилавку на особые службы. При возвра-

щении приводил её в порядок и убирал до следующего особого события.

В этой же комнате хранились награды и грамоты. Здесь отец молился, много читал, готовясь к очередной службе, хотя он давно наизусть знал, как что надо делать. У него царил порядок в одежде, вещах, во внешнем виде. Всё аккуратно и с любовью складывалось в стопочки, всё было подписано, пронумеровано. Порядок у него был не только в поведении, атрибутике, но и в мышлении.

Но всё равно, каждый раз к каждому выходу отец готовился, словно бы это был первый выход – с благоговением и волнением. Его книги светились разноцветным атласом ленточек – закладок.

Во времена служения в Крестовоздвиженском храме села Марчуги жизнь сводила о. Александра, а, значит, и нас, нашу семью, с разными представителями советской действительности. Много было знакомств, встреч как с обыкновенными людьми из марчуговского прихода, так и с людьми необыкновенных дарований, дружба с которыми и душевная привязанность, основанная на скромности, искренности и вере, взаимном уважении, взаимной помощи, честности и любви к Богу,– сохранилась на многие годы. Надо сказать, что куда бы ни направлялся о. Александр для ведения службы, везде он умел расположить народ к себе, обогатить духовностью, внушить свои убеждения и каждому подарить радость жизни.

Ездил отец в Марчуги на автобусе, в светской одежде. В церковном доме надевал богослужебное облачение и направлялся в храм. По пути кому-то почтительно кивал, тех, кто подходил поближе, осенял крестом, здоровался, обменивался короткими фразами, прислуживающим давал наставления.

Уже у входа, приветствуя, его окружали прихожане и просили благословения. Фактически начиналась служба. А точнее, прелюдия к ней. Здесь он задерживался ненадолго (как бы ни спешил!) и, молясь, сам себе мысленно испрашивал у Господа помощи и благословения на начало святого действа. В храме о. Александр прикладывался к иконам и только тогда мог ступить в алтарь. Никогда отец не сокращал принятый и понятый однажды ритуал, не укорачивал службы, не оставлял непрочитанными или недочитанными молитвы, пропущенными или нечётко произнесёнными возгласы. Записки, принятые от прихожан для поминовения усопших или моления о здравии живущих, прочитывал всегда, все, громко, чтобы каждый написавший мог услышать имена своих дорогих людей. И ещё раз вместе со священником молитвенно попросить Господа о здоровье и спасении душ. Прихожане как из окрестных поселений, так и приезжие из других городов и весей, за такое отношение к делу очень почитали и любили своего пастыря.

Если говорить о тех временах и конкретных помощниках о. Александра, то надо назвать имя

НАТАЛЬИ ГРИГОРЬЕВНЫ САЗОНОВОЙ

Человек надёжный, большой доброты и отзывчивости, со светлой душой и очень сложной судьбой, статная, крепкого телосложения, она являла образец русской женской красоты. Большие глаза, всегда живые и ласковые, говорили о её добром и весёлом характере. В состоянии застенчивой улыбки чаще всего находились её тонкие губы. Округлый лоб, круглые щёки, можно назвать – щёчки, слегка румяные, глубоко обрамлённые платком, делали её похожей на ту самую Ярославну из древнего Путивля, что ждёт князя с битвы. Наша семья очень любила её, мы, дети,– особенно. Всегда ждали Наталью Григорьевну и рады были её приезду. Она знала много разных историй, шуток-прибауток, рассказывала нам про были и небылицы, играла с нами, занималась, приучая к доброте и радости. Рассказчицей она была изумительно-талантливой. Все её внимательно слушали и нередко смеялись до слёз.

Наталья Григорьевна всё умела делать и по хозяйству. Пекла пироги вкусноты необыкновенной, варила варенье по соб-

ственным рецептам, для храма пекла просфоры… Она очень дружила с нашей бабушкой Агафьей Арефьевной. Они часами могли сидеть за чаем, беседуя друг с другом о своей жизни и ещё о многом, многом, известном только им двоим.

Знала толк Наталья Григорьевна в шитье и вышивании. С профессиональным мастерством творила рясы и подрясники, другие предметы облачения, а также почти всю светскую одежду. Казалось, что нет дела, которое она не умела бы делать.

В храме Наталья Григорьевна была человеком незаменимым: и псаломщицей, и певчей, и регентом хора. Бог дал ей очень красивый голос: высокий, чистый, выразительный, душевный. Она знала нотную грамоту и множество различных распевов. Помню её игривый напев: «Веселитесь и ликуйте люди-братии со мной, И с восторгом облекитесь В ризу радости святой…»

Потихоньку в храме начал образовываться хор. Молодёжи тогда было мало, приходили в основном молиться старушки да несколько старичков. Мало кто из них знал молитвы и умел петь. Но были и такие, кто хотел научиться. И они учились, оставаясь после службы в церковной сторожке, где и устраивали спевки. Руководил всеми делами, конечно, о. Александр.

С каждым разом маленький хор «выступал» всё лучше и лучше. И многих удивляло, что в далёком деревенском храме, где совсем немного прихожан, так умело поставил службу новый красавец-священник. Новый, убеждённый в православии человек, правильным чтением проповедей ведущий за собой к истине, помогая при этом распевами вечных слов, да ещё в сопровождении хора, управляемого регентом,– стал «на слуху» во всей округе. Очереди на автобус увеличились, народ потянулся в Марчуги, «людей посмотреть, себя показать», особенно полюбоваться (тогда это было необычно)«молодым, длинноволосым батюшкой». Подкупало ещё и то, что весь небольшой церковный коллектив был дружным, любил и уважал своего духовного наставника.

Часто по воскресениям и праздникам, опять же в церковной сторожке, опять же после богослужения собирались постоянные прихожане и служащие, чтобы вместе провести время, за чашкой чая обсудить проблемы и вновь, и вновь услышать слова о. Александра об искушениях, о монастырях и житие святых в этих монастырях, об учёбе в семинарии, о своих учителях. Он не только из книг знал замечательные образы людей, посвятивших свою жизнь служению Господу,– он лично, в разное время, встречался с ними, беседовал, вникал в суть их слов, осеняясь великой правдой.

На этих встречах прихожане делились радостями и горестями, говорили о самом сокровенном. Здесь понимали каждого, жалели и сочувствовали, помогали добрым словом и делом. Здесь, как уже упоминалось, проводились спевки, разучивались новые молитвенные распевы, шла подготовка к очередным службам и праздникам. Отец знал очень много духовных стихов, которые собирал в течение всей своей жизни, аккуратно записывая в тетрадь, сохранившуюся до сих пор в первозданном виде. Стихи также разучивались и служителями церкви, и прихожанами. Конечно и нами, домашними. Нам это дело делать, как говориться, сам Бог велел. Темы собранных стихотворных произведений несли глубокий смысл. Они касались вопросов жизни и смерти, веры и безверия, обращения к святым, к Матери Божией, к Спасителю. Их печальный мотив, доступная простота, тревожащие душу слова не оставляли никого равнодушными: люди пели и плакали, плакали и пели.

Много отец рассказывал о Пресвятой Богородице, Матери всех христиан. Всем и каждому Она спешит на помощь. Она постоянно предстоит у престола Сына Своего как Ходатаица за всех нас. Рассказывал отец то, что знал из книг, из лекций преподавателей семинарии. Раскрывал также и собственное видение роли Помощницы и Заступницы в жизни мирян.

Праздник Успения Пресвятой Богородицы (28 августа по новому стилю) он чтил как один из самых важных. Почитал его и проводил службы с волнением и трепет-

но, выполняя каждый фрагмент со слезами на глазах, с любовью и скорбью. К празднику в храме шли бурные приготовления: с особой любовью и благоговеньем украшали живыми цветами икону Пресвятой Богородицы, другие иконы, наполнялись цветами все вазы. Женщины вытирали пыль, чистили подсвечники, развешивали выстиранные и отглаженные в сборках и рюшечках шторки, мыли полы. Работы хватало всем, но делалась она с желанием, каждому хотелось внести свою лепту в наступающий большой праздник. Отец с помощниками убирались в алтаре: протирали иконы, приводили в порядок утварь, полы, делали другие приготовления.

Отец глубоко верил, чувствовал и понимал суть Успения Святой Богородицы. Как можно допустить спешку или небрежность – ведь это сама Матерь Божия! «Ольга,– часто наставлял отец,– проси Божию Матерь, когда трудно. Она поможет. Обязательно поможет. Только молиться надо не словами, а душой, со слезами, понимая, о чём просишь, осознавая свою беду, и Она как мать не останется безучастной и равнодушной к детям своим».

Отец, особенно после праздничных богослужений, которые объёмней и сложней обычных, приезжал домой очень уставший. Думается, это ещё и потому, что он, обладая глубоко осознанным отношением к священному действу, очень переживал, чтобы его эмоциональный заряд не прошёл стороной, а вселялся в души слушателей, и делал всё так, как будто служил в первый или последний раз. То есть выкладывался полностью, без остатка.

Он не оставлял без внимания ни одного вопроса, заданного ему во время исповеди да и просто так в беседах после службы. Он не мог не успокоить любого человека, не дать ему доброго совета. Способность к сопереживанию, уменье принимать человеческие беды как свои, оставляло ранимый след и в его душе, и в его сердце, потихоньку уносило частицы здоровья, укорачивая земную жизнь.

Отца начинало подводить здоровье, всё чаще появлялись и усиливались головные боли, чаще стала навещать усталость. Врачи стали рекомендовать, чтобы он оставил учёбу в институте, где заочно учился на пчеловодческом факультете. Кроме того, его беспокоила язва желудка, которой он страдал практически с детства. С большим трудом удалось добиться зарубцевания, но приходилось соблюдать строгую диету. Малейшие отклонения от режима питания вызывали симптомы обострения болезни. Другое страдание приносили частые ангины, не отпускавшие отца смолоду. Вопрос стоял об оперативном лечении, и лишь чудом удалось избежать операции и с Божьей помощью получить исцеление этого недуга.

«Посылая болезни,– говорил отец,– Господь испытывает нас, силу нашей веры. – Болезни посылаются нам за грехи наши, а они есть у всех. Мы должны молиться и смиренно переносить страдания, просить у Бога прощения и ждать». Вот так он понимал и принимал испытания Божьи и учил терпению чад своих идти тем же путём.

СТАРОСТА АННА ТИМОФЕЕВНА ФЕДОТОВА

По воспоминаниям моей мамы Анна Тимофеевна была работящей и глубоко религиозной женщиной. Сама она была из деревни Городищи. Низенькая, весьма подвижная старушка лет семидесяти. Худощавая, всегда носила тёмный платок, в который она укутывала узкое чуть хитроватое лицо. Правый глаз всегда прищурен, возможно, это последствие травмы или болезни. Никто её об этом не спрашивал. Она тоже эту тайну старалась не открывать, молчаливо держала её при себе.

С отцом у Анны Тимофеевны сложились уважительные отношения и, несмотря на то, что проблем и трудностей в храме было предостаточно, все они решались, как говорится, в рабочем порядке и во время.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА СПИРИНА

Подруга Натальи Григорьевны Сазоновой. Не знаю, когда они подружились, но почти всегда я видела их вместе. Елена Петровна, мы звали её бабой Леной,– высокая стройная женщина, всегда в платке, всегда

в опрятной свежеглаженой одежде. Лицо правильной овальной формы, светящееся затаённой улыбкой, глубоко посаженные прищуренные глаза хранили яркие проблески молодости. Говорила Елена Петровна редко, но мы любили с ней общаться. Речь её была очень складной, остроумной, несла новизну и загадочность с множеством притчей, поговорок и шуток. Она в Марчуговский храм приезжала из села Карпово помолиться, а также помочь благоустроить внутренние помещения. Вместе с Натальей Григорьевной и другими женщинами она следила за чистотой. Знала, где и какую икону надо почистить,– а чистили до блеска!- какой подсвечник привести в надлежащий вид, где поменять занавесочки, постирать, выгладить, украсить ленточками или кружевом – всё они умели делать эти, незнающие покоя и устали, женщины.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА САМСОНОВА

Жизнь храма текла своим чередом, мирно и радостно. Так, по крайней мере, казалось нам, детям. Я хорошо помню маленького роста женщину, одетую всегда в длинное чёрное платье с широким поясом. Голову так она закутывала чёрным платком, что не видно было даже бровей. На лице её рядами, переходящими в широкий веер, лежали множества глубоких морщин и маленькие кругленькие глазки, которые едва, но проникновенно, выделялись из грустной печати лет, волоча за собой тяжесть подбородка, казавшегося для такого маленького личика чужим. Я никогда не слышала её речи, казалось, что она не разговаривает никогда. Движения её были спокойными, несуетливыми, торжественными.

Она служила в храме алтарницей, была благословлена на эту работу и выполняла её с благоговением. Я помню, сколько величия наполняло её маленькую фигурку, когда она выносила вслед за священником большую свечу из алтаря. Каждый раз она появлялась незаметно, нарочно не привлекая к себе внимания. Но не заметить её было нельзя – столько преданности служению Господу было в каждом её жесте!

Хочется сказать, забегая наперёд, что с доброй семьёй Самсоновых наша семья дружит до настоящих дней. Сколько радостных и горестных событий нас объединяет до сих пор! Не однажды в Марчуговском храме приходилось о. Александру отпевать, провожая в последний путь рабов Божьих из рода Самсоновых. Он провожал ко Господу Марию Михайловну, безвременно погибшую дочь Виктора (сына Марии Михайловны), через несколько лет – самого Виктора, принявшего тяжёлую болезнь.

ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА

Простое и лёгкое, вроде бы, дело быть звонарём: стой себе на колокольне да подёргивай за верёвочки. Нет, совсем всё не так. Это на первый взгляд кажется, что подергивать легко и просто. А в жизни – наоборот. Но любовь к делу, к служению Истине помогает звонарю по нескольку раз в день подниматься вверх на колокольню, спускаться

СПРАВКА

Действительно, святость алтаря настолько велика, что ещё до отделения Западной (Римско-католической) Церкви от полноты Православия, сформировалась традиция, запрещающая вход в алтарь кому-либо из мирян, как женщинам, так и мужчинам. Исключение делалось иногда только для диаконис, а впоследствии для инокинь в женских монастырях, где они могли входить в алтарь для уборки и возжигания светильников. Впоследствии, с особого архиерейского или иерейского благословения, в алтарь было дозволено входить иподиаконам, чтецам, а также алтарникам из благоговейных мужей или инокинь, в обязанности которых входили уборка алтаря, возжигание светильников, приготовление кадила и т.п.. На Руси в древности в алтаре не принято было держать иконы с изображением каких-либо святых, кроме Богородицы, а также иконы, на которых имелись изображения людей, не причисленных к лику святых (например, воинов, стерегущих Христа или мучивших святых страдальцев за веру и т.п.)

вниз и настроить себя то на праздник, встречая, например, молодожёнов, то на печаль, провожая кого-то в последний путь. Евгения Ивановна извещала, а кто вслушивался в её музыку, тот определял «по ком звонит колокол». С приветливым крупным лицом женщина, знающая огромное количество шуток и прибауток, которые всегда наготове, что вот-вот, того и жди, сорвутся с языка и удивят народ своей необычностью. Умела Евгения Ивановна каждому найти доброе слово и подарить улыбку.

МАРИЯ ФЁДОРОВНА

Она приезжала из деревни Косяково. Мало разговаривала, тем более не любила шутить. Обладала довольно низким, почти мужским голосом, о потому производила впечатление очень строгого человека. Мы, дети, её немного побаивались и даже сторонились. Но, тем не менее, дома, читая молитвы вслух, старались подражать ей, произнося слова в нарочито низком тембре, при том растягивая их, словно бы нараспев. Родители видели это, переглядывались, чуть улыбались едва заметно для нас, но замечаний не делали. Мария Фёдоровна считалась в основном чтецом, но помогала и певчим, когда в этом была необходимость, а также временами выполняла обязанности казначея.

ПРИХОЖАНЕ – верующие, образующие религиозную общину при христианской церкви, вблизи которой обычно живут и которую систематически посещают.

Большой Энциклопедический словарь. 2000.

Просфора́, просвира́ – «приношение» – богослужебный литургический хлеб, употребляемый в православии для таинства Евхаристии и для поминания во время проскомидии живых и мёртвых.

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА КУЗЕЛЁВА

Наталья Григорьевна жила в Марчугах. С детства и всю свою жизнь неразрывно связала с любимым храмом. Она хорошо пела, не пропуская ни одной спевки. Во время богослужения она не могла – не дай Бог! – допустить нежелательную ошибку или случайную паузу. И вообще, храм Божий был для неё родным домом, о красоте и чистоте которого она радела всей душой.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ШИПИЛОВА

Очень скромная, немногословная и рукодельная женщина, она приезжала из посёлка Лопатинский рудник молиться, помогать в храме и петь в хоре. Безупречным отношением к делам, угодным Богу, приобрела себе уважение своих подруг. Много добрых дел сотворено её руками. Александру Петровну можно назвать главным цветоводом, и она этого заслуживает: её стараниями, стараниями моего отца и других помощниц вокруг храма и церковной сторожки с ранней весны и до поздней осени цвели друг за другом ландыши, ромашки, тонконогие цинии, георгины, пионы, гладиолусы.

АННА АНДРИАНОВНА КОЧНОВА, ПОЛИНА ИВАНОВНА

Это неизменные певчие из деревни Константиново. Надо сказать, что многие верующие, побывав хотя бы один раз на службе, которую вёл отец, становились постоянными прихожанами этого храма. Об этом говорит весь опыт его служения. А отец со своей стороны не оставлял без внимания ни одного человека, пришедшего в храм. По своей натуре, будучи благодарным, он всегда оказывал признательность просворницам за их нелёгкий труд, певчим – за старание, уборщицам – за усердие, всем молящимся –за молитву.

АННА ФЁДОРОВНА ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ

Она приезжала петь в хоре из города Воскресенска. Ей нравилась служба о. Александра в Марчугах, поэтому всё своё свободное время она проводила в этом, полюбившемся ей, коллективе. Она умела печь неповторимые пышные пироги с чуть хрустящей корочкой, подрумяненные и самой разнообразной начинкой.

АНАСТАСИЯ ВАСИЛЬЕВНА ВОЛЬНОВА, МАРИЯ ДМИТРИЕВНА

Как на соревнование – привозили свои пирожки эти прихожанки-подруги из деревни Константиново. До самой смерти они были связаны с нашей семьёй. Баба Настя (так мы звали между собой) часто заходила к нам на чашку чая, почти всегда, когда по каким-то делам бывала в городе. Жилось ей нелегко, и мама, жалея, всякий раз пристраивала в её скромную сумочку что-нибудь из гостинцев: то апельсин, то селёдочку малосольную, то небольшую пачечку печения.

Я помню, как во время уборки территории возле храма после зимы (родители на это дело брали нас всегда), Мария Дмитриевна подарила мне розовое пластмассовое яйцо. Оно открывалось и внутри обнаруживалось настоящее чудо: розовый атласный платочек, вышитый бисером. Долго, долго я хранила этот подарок!

А вскоре, помнится, увидела, как родители куда-то быстро засобирались, тихо и быстро переговариваясь. Тут я поняла, что умерла Мария Дмитриевна. Дома стало молчаливо и траурно, словно горе случилось у нас самих.

Были в Марчуговском церковном хоре и мужчины, ведь без мужских голосов хор вроде бы и не хор. Недостачу таких голосов представляли

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Первый приезжал из города Воскресенска, второй – жил в Марчугах, так что метражный путь до храма был ему близкий.

Мужчины тоже не упускали момента поговорить с батюшкой, поделиться своими переживаниями или получить совет. Был поиск дороги к храму. Народ знал, что есть истина и что она идёт через православие, но на пути к нему власти наставили тысячи сетей, силков и капканов. Как это всё обойти? Молодой батюшка не гнушался, а, главное, не боялся бесед с людьми о любви к Богу. Он раскрывал суть разрушительной идеологии безбожья, которая ведёт вникуда, оставляя человека наедине с дьяволом. Подобные разговоры были одинаково полезны той и другой стороне. Вместе с ними приходила житейская уверенность, душевная мудрость, приоткрывались пути Господни. Но это давалось пока не всем, а некоторым избранным.

О. ИППОЛИТ

Не помню, когда впервые в нашем доме появился преклонных лет крупный мужчина в тёмной скромной одежде. Очень замкнутый, как сначала показалось, и неразговорчивый. Хмуро сдвинутые брови, тёмные усы, широкая борода, глубокие задумчивые глаза. Что-то таинственное, необычное было в его угловатой фигуре, словно вытесанной из камня. Весь его облик говорил, что Ипполит – человек необыкновенной судьбы. И вот это первое впечатление никак не вязалось с его робкой застенчивостью и стыдливой нерасторопностью. Родом он был из Саратовской области и приходился Наталье Григорьевне двоюродным братом. О. Ипполит принял монашество и долгое время жил в монастырях. К нам он прибыл из Загорска. Жил ли там он все эти годы или в других местах – не берусь уточнять.

В монашестве о. Ипполит (в миру Клочков Иван Владимирович) нам, детям, сразу полюбился, так как души искренне верующих людей родственные и почти детские. Они немедля чувствуют эту близость и с полслова понимают друг друга. Вот такой вот большой человек, запомнилось, с длинными руками играл с нами в прятки и жмурки, от души смеялся и радовался, как ребёнок. Думается, что, не имея своих детей, живя в монастыре, он отвык от детских забав, от их баловства, смеха, и общение с малышнёй его радовало не меньше, чем нас. Я помню, как он играл с нами, припевая на частушечный мотив: «Маль-чики-чики-чики, Маль-чики-чики-чики…» – и хлопал в такт ладонями. И нам это было невероятно смешно. Мы продолжали хохотать, а он, чтобы рассмешить нас ещё больше, нараспев повторял то громче, то тише: «Маль-чики-чики-чики, Маль-

чики-чики-чики…» и пытался нас поймать своими длиннющими руками. Когда он играл с нами, стоя посреди комнаты, расставив широко ноги и вытянув руки, то мне казалась настолько великой его фигура, что места для чего-то другого в комнате уже не оставалось.

Однажды он гостил у нас на Пасху и рассмешил всех песенкой, которой имитировал звон колоколов: «Блинцы-яйца, колбаса–бараница! Бараница!» – и другим голосом: «Пасочка, пасочка – на столе колбасочка!» – И колокола! И колокола на все голоса и подголоски… Конечно, это надо не только слышать, но и видеть праздничную драматургию о. Ипполита.

Наши игры прерывали обычно родители, приглашая к столу, но мы с Сергеем ещё долго не могли успокоиться, переглядываясь друг с другом, то с о. Ипполитом, то с родителями, тихонько смеясь над таким забавным выступлением. Конечно, о. Ипполит был ребёнком только с нами, а во взрослой жизни всё у него было не так складно и весело, как в песенке.

Мама моя ничего не может рассказать о его жизни, но я отлично помню, как о. Ипполит подолгу беседовали с моим отцом. О чём они говорили – не знает никто, даже мама. И никогда никто уже не узнает. Но надо полагать, что они говорили о вере, о преданности служения Всевышнему, о тюрьмах, лагерях, предательствах и ещё о многом, многом другом.

Какая-то тайна была в жизни этого красивого человека. Скорее, тайной была вся его жизнь. Достаточно открыть документальное «Приложение» и в том убедиться. Но «Приложение…» появится позднее, нежели была оформлена рукопись, поэтому, ничего не меняя в основном тексте, было принято решение оставить всё так, как изначально предполагался сюжет книги.

Принятие монашества, долгие молитвы в одиночестве и вдруг, на склоне лет, когда многие только приходили к осознанию предаться уединению с Господом, особенно в настоящее время,– вдруг он покидает монастырь и живёт то в одном храме, то в другом, где считают за честь привечать его и где он безропотно помогает вести хозяйство и славить Сына Божьего Христа.

В нашем доме много и охотно о. Ипполит беседовал с бабушкой Агафьей Арефьевной. Наверное, им тоже было чем поделиться. Оба они прожили – меньше радости, больше горя! – долгую и нелёгкую жизнь, полную разрушительных переворотов как в укладе российской формации, так и в умах-разумах нашего народа. Бабушка жила жизнь свою в миру, о. Ипполит – свою, в уединении. Но души людей никогда не находят покоя, пока человек ходит по земле: ждут, любят и страдают. И встреча родственных душ – всегда счастье. Отрадно, когда есть с кем поделиться самым сокровенным, а иногда и поплакать. Бывает легче.

Далеко не всех служителей и прихожан Марчуговского храма я вспомнила, далеко не обо всех рассказала так, как надо бы рассказать. Но здесь речь шла о становлении о. Александра как священнослужителя на Воскресенской земле, когда мне было всего лишь пять – десять лет. И память моя из обильного разнообразия жизни оставила навсегда лишь то, что более ярко, что более пронзительно всколыхнуло детскую душу. И других событий в памяти осталось предостаточно, но это к нашему повествованию имеет косвенное отношение.

Реально было много и других людей, которые сохранили в сердцах своих веру, сострадание, надежду и любовь и несли эти не меркнувшие чувства дальше в народ, а, значит, по всему свету.

Жизнь и труды о. Александра проходили в тяжелейшее историческое время, когда были сильно потрясены духовные, культурные и социальные основы жизни. Если посмотреть на биографию отца, то он поступил в семинарию в **1960 году**, служил в Мавринском храме 1964–1967 годы, с 1967 и до 1974 года в Марчуговском. Именно в это время Н. С. Хрущёв, бывший главой КПСС и государства, обещал советскому народу показать в 1975 году по телевидению последнего попа.

– Они (священнослужители – О.Н.) льют воду на мельницу врага,– обвинил Хрущев верующих с трибуны партийного съезда. И объявил, что терпимое отношение к религии, доставшееся в наследство от позднего Сталина,– ошибочная и вредная позиция. И потребовал ускорить ликвидацию церквей и мечетей. С **1960-х годов** за посещение храмов, крещение, венчание, отпевание – верующих, особенно из числа молодежи, стали исключать из партии и комсомола, из вузов и техникумов. Врагом номер один на антирелигиозном фронте была объявлена Русская православная церковь. Только за 1961 год было снято с регистрации **1390** православных храмов. Особым распоряжением ограничивался благовест – колокольный звон. На десятилетия замолчали храмовые звонницы почти всех храмов страны. При закрытии монастырей монахов арестовывали и сажали в тюрьму. Пытались закрыть даже знаменитые Троице-Сергиеву и Почаевскую лавры. Летом 1963 года у прибывших в Почаевскую обитель паломников из Татарстана милиция отбирала паспорта, сопротивлявшихся избивали. В ходе стычек одного из послушников замучили насмерть, однако иноки проявили небывалую твердость: им удалось переправить письмо о беззаконии во Всемирный совет церквей и в ООН. Опасаясь международного скандала, власти оставили лавру в покое. И принялись за мечети. Только с приходом Брежнева незаконно осужденных священнослужителей и мирян освободили и реабилитировали. При Ельцине Россию заполонили другие враги православия – секты, лишавшие людей крова, денег, семьи. Однако русская церковь выстояла, а неразборчивого экспрезидента отпевал сам патриарх. Пресса объясняла этот факт ранжиром. Верующие толковали его по-своему: «Кто ж, как не Святейший, на себя такие великие грехи возьмет». А Хрущева, по церковным канонам, в церкви и поминать нельзя.

Прикосновение к истинной вере, получение благословения, почувствовать благодать Божью от канонического, торжествующего богослужения, услышать стройное многоголосье слаженного хора, а также увидеть и услышать «длинноволосого и громкоголосого попа»,– всё это вело людей в Марчуги.

В искренних молитвах эти чувства приумножались, объединяясь в одну великую любовь ко Господу,– она и была главной причиной того, что именно к этому храму, именно к этому священнослужителю шли и шли люди не только со всей Воскресенской округи, но из Коломны и даже Москвы.

В Марчугах обитала особая, можно сказать, святая аура. Здесь никогда не оговорят и не обидят человека, не ответят грубо – всегда доброжелательно. За дисциплиной в храме отец следил строго, и как бы ни уставал во время службы,– после неё принимал каждого, кто приходил за советом и помощью.

После службы начинались обряды крестин, венчания, отпевания. Каждый из обрядов отец совершал торжественно. А как же иначе? Ведь в то же самое время такое же действо происходило и на небесах. Он так проникновенно читал молитвы, что на глазах его (не только у присутствующих) выступали слёзы. В данный момент он жил этим событием, переживал сам и сопереживал вместе с верующими. Надо ли говорить о том, сколько душевных сил, сколько сил физических покидали его?

Я слышала, как говорят о своей работе реаниматологи – люди, ежедневно видящие смерть: «Каждый человек умирает один раз, мы – умираем с каждым…» Также, наверное, и мой отец – священник Александр принимал на себя ту боль, которая беспокоила его духовных чад, брал, исповедуя, на себя их грехи. Потому, мне думается, и болей, и страданий у моего отца, как и у других священников, всегда больше, чем у простых мирян. За всех они молятся, заступаются, просят у Господа прощения и милости.

* * *

… Память. Пасха. И баба Агафья
Нас к обедне ведёт по лугам…
Никогда не жила в Марчугах я,
Но спешу и спешу к Марчугам.

Детство – с ангельскими голосами,
День за днём – без нужды и тревог,
Все молитвы от сердца – сами,
Прямо – в небо, туда, где Бог…

Поклоняюсь Воздвиженья Храму,
Где священником папа служил,
Помолчать бы,– но слёзы упрямы,
Да и мысли – до горних вершин.

Не родилась я здесь, не крестилась,
Не стояла перед Алтарём,
Но однажды Всевышнего милость
Боль приветила в доме моём.

Неслучайно всё то, что случилось,
Посреди цветоносной пурги,
И тогда с вами я обручилась,
Вы – печали мои, Марчуги!

Одинокое сердце осталось
В мятном духе зелёных равнин:
Похоронена здесь моя радость,
Здесь уснул светлоокий мой сын…

Скорбь и счастье навек повенчал он.
Память. Пасха. Небес перезвон.
Марчуги, вы мне стали причалом,
Воскресением с криком ворон.

Светочка Сайгушева

С гостями у дома

Мама и папа у дома

Мама со мной и Серёжей.

Школа №4.

Справа налево: о. Димиртй Фролов, мама, Николай Фролов, папа, мамин брат Михаил,
м. Валентина Фролова. Впереди Серёжа и маленький Миша.

В гостях у тёти Ани на пос. Фосфоритном. Справа налево – тётя Аня с сыном Колей,
дядя Володя, мама, папа, впереди Миша.

Справа от папы – Серёжа, сыновья о. Димирия Фролова Коля и Владик. Слева от папы – Николай Глазков, друг семьи Фроловых. Знакомство с усадьбой Кривякино.

о. Ипполит – справа в 1-ом ряду. Наталья Григорьевна Сазонова – слева во втором ряду. «На молитвенную память отцу Александру».

Марчуги. Крестный ход. Подарил фото диакон Николай Юшин из Левычино. 1973 год.

Справа мама, Серёжа, о. Димиртий, папа. В гостях у Фроловых.

Папа и о. Виссарион. 1969 год.

Глава 9.
ПЕРЕД ПОСЛЕДНЕЙ СУББОТОЙ

Продолжение субботы 14 сентября. – Мишина зыбка и его крестины. – Протоиерей Владимир Маркин. – Светлый ряд имён отцовского общения. – Неси свой крест – в рай попадёшь. – Ещё продолжение субботы 14 сентября. – День Ангела святого Александра Невского. – Хороший нынче чай! – Отец и гуси. – Поволжье, красный террор. – Последняя суббота в жизни отца.

Дорога к улице Садовой

Суббота 14 сентября. Продолжение.

– Вшик-вшик,– тихонько шуршит пилка в моих руках.

– Тик-так, тик-так! – громко тикают настенные часы. Или кажется, что часы тикают громко, коли в доме остановилась, застыв, непривычная тишина – вопросительная, не обещающая никакой определённости…

Сижу, продолжая обрабатывать распаренные ногти: «Вшик-вшик, вшик-вшик…» Делаю маникюр, не спеша, больше прислушиваюсь к едва уловимому на слух дыханию. Вроде бы отец спит или дремлет, или просто думает – не понять. Но глаза приоткрыты. Возможно, он прощается с кем-то, возможно, к встрече готовится. Лицо сосредоточено. Не выражает никакого волнения. Мелькнула мысль: «Неужто я прибираю руки его в последний раз?» Я останавливаю мысль и думаю об этом. Не хочется спешить, хочется растянуть, затормозить каждую секунду и даже, если было бы возможно, сделать её объёмней. Только часы не слушаются: «Тик-так-, тик-так…» – неумолимо отсчитывают время.

Мама хлопочет на кухне. Завтра соберутся родные. Завтра воскресенье – у отца День Ангела. Соберутся самые близкие.

Брат Михаил работает в саду, использует выходной. Много дел в доме…

Брат Миша родился в 1971 году, когда мы с Сергеем уже ходили в школу. Мы все любили его. Потому что очень ждали появления на свет малыша. Крикуном он рос неимоверным, и маме с папой доставалось немало бессонных ночей. Помогала нянчить и бабушка Агафья, но не очень много, так как здоровье у неё стало заметно сдавать. Для облегчения хлопот вокруг дитя, отец, проявляя крестьянскую смекалку, приделал выгнутые планки от спинки старинного стула к ножкам кроватки. Получилась своеобразная зыбка, каких по деревням необъятной Руси считать – не пересчитать. Только наша отличалась боковым качанием да пояском от маминого платья, за который можно было, не вставая с постели, приводить нехитрый механизм в движение. Однако, маленькому Мишутке эта конструкция не очень-то нравилась, не пришлась по душе. Куда приятнее прижаться к папиной груди, маминой щеке, или подремать у бабушки на коленях, уткнувшись в тепло широких складок её платья.

Крестили Мишу дома. А Михаилом его назвали в честь деда Михаила (коченяевского) погибшего в первые дни Отечественной войны 1941–1945 г.г., которого отец почти не помнил, знал только по немногим фотографиям да по памятной стеле, установленной в родной деревне. И чтил его всегда.

Немаловажную роль для наречения младшего брата имело приближение праздника Михаила Архангела, всегда отмечаемого в нашей семье.

И, конечно же, нам с Сергеем это имя было по душе. Мы днями бегали вокруг родителей: «Миша, Мишенька, Мишутка, Михаил!» – не уставали повторять. Мы с маленьким братиком охотно водились и занимались, пока он не начинал плакать. Тогда у нас интерес к малышу пропадал, и мы старались пристроить его к старшим.

Из Москвы на крестины приехал крёстный отец – протоиерей Дмитрий Фролов с матушкой Валентиной, из Самары – протоиерей Николай Одинаркин с матушкой Галиной, которая назвалась крёстной матерью. Крестил Мишу протоиерей Владимир Маркин из посёлка Удельная Московской области.

Удивительно, а, может быть, и нет, но всё же мне кажется, что наши встречи и знакомства предопределены заранее, свыше предопределены. Это мы уверяем друг друга, что встречи наши случайны. Но нет, мы пошли именно туда, куда надо; встретили того, кого надо было встретить; в тот самый час и миг, когда событие и должно произойти.

Но, тем не менее, случайно или не случайно судьба сводила моего отца с очень необыкновенными людьми. Все они раз-

ные, но в сути своей одинаковы: верны христианству и сохранили чистоту Православия в многострадальных и чистых сердцах своих, пронеся огненный источник любви через всю жизнь. Вот некоторые имена, в светлом ряду которых всегда останется протоиерей Александр Сайгушев – мой отец. Схииеромонахи Ипполит, Сампсон, иеромонах Виссарион, протоиерей Наум Куратчук, протоиереи Дмитрий Брысаев, Николай Одинаркин, Дмитрий Фролов, Александр Захаров, Алексей Евдокимов, Владимир Маркин, Василий Бащук, о. Дмитрий Болящий и другие (главы «Приложения», «Воспоминания»).

Будучи ребёнком, я запомнила протоиерея Владимира Маркина красивым и немногословным. Однажды я услышала от родителей тревожные разговоры о беде, которая постигла нашего семейного друга, испытание, посланное ему Творцом. Болезнь приковала его на многие, многие годы. Отец часто ездил в посёлок Удельная навещать друга, возвращаясь оттуда всякий раз расстроенным и задумчивым. У о. Владимира была семья: матушка Тамара, сын Николай, дочь Наталья, сын Сергей. Жила ещё с ним старенькая тёща, которая в основном и ухаживала за зятем.

Тяжёлое бремя – быть рядом с лежачим больным. Ещё тяжелей не просто быть, а помогать нести крест Господний без малой фальши.

Грустный задумчивый возвращался отец из Удельной. Я никогда не видела его в таком состоянии. Расстроенный он ходил по дому и повторял, думая, что рассуждал про себя: «Это Голгофа… Это ли не Голгофа? Зачем искать где–то особой благодати? Неси свой крест – в рай попадёшь…»

Я надолго запомнила эти слова, сначала не совсем понимая, кому они адресованы…

Суббота, 14 сентября, продолжение

В нашей семье непременно справлялся День ангела святого и благоверного князя Александра Невского, который почитается 12 сентября по новому стилю. В нынешнем году, в связи с болезнью отца, праздник был перенесён на 15 число, на воскресенье, а потому, в знак большого почитания этой даты, несмотря ни на что, мы решили не отступать от семейной традиции.

Сидя у папиной кровати, уже несколько раз провожу пилкой по его ногтям, поглаживаю ослабшие ладони, тихонько перебираю красивые пальцы, боясь потревожить, вывести его из забытья и возвратить к неизбежной действительности. Кто-то из друзей ему однажды сказал: «Если бы я не знал, сколько ты работаешь по хозяйству, никогда не поверил бы, что у тебя такие красивые и ухоженные руки».

Из кухни потянуло любимым запахом расплавленных леденцов. Сладкий запах детства! Только леденцы или когда на противень вытекает варенье, либо сироп то ли яблок, то ли вишни богат таким ароматом. Он чуть подгорает и даёт сигнал на весь дом и даже на улицу, что сейчас пироги будут готовы. Этот любимый запах и напомнил мне, что я сегодня ещё ничего не ела. Да и до еды ли!

Мама с Мишиной женой Светланой хлопочут по кухне, готовясь к завтрашнему празднику. И не хотелось бы его устраивать в связи с происходящим, но, как говорят, что живые думают о живых. Значит, всё будет, как всегда: придут друзья, родные. Будут поздравления и пироги.

Отец, чуть отдохнув, медленно открывает глаза, некоторое время лежит молча. Слегка наморщив лоб, словно вспоминает, что он сделал за сегодняшний день. Он, как обычно, не обводит комнату глазами – нет, он смотрит выше, поверх моей головы, сосредоточив взгляд в одной неведомой мне точке.

– Вы уже проснулись? – слышен мамин голос. – Пора и обедать,– входя в комнату, сообщает она.

– Конечно, конечно, пора,– шутя, передразнивает её папа. – И не обедать, а ужинать, на дворе-то вон темнеет,– и переводит глаза на окна. Он не видел окон, но понимал, что они должны быть там. Странно… Слепой, но почему-то знал, что наступил уже вечер.

Отец всегда любил пошутить, пытался рассмешить собеседника. Вот и сейчас, даже в таком тяжёлом состоянии он стара-

ется поддерживать негрустный дух семьи. Я предлагаю помочь ему поесть в постели: «Нет, зачем,– отвечает,– подведите меня к столу»,– и занимает своё обычное место в красном углу, словно бы подтверждая, что ничего такого в доме не происходит. Как всегда, прикрыв глаза, читает «Отче наш». Мы рассаживаемся следом: мама, Миша, Светлана и я. Дети поели раньше. Больно смотреть, как отец, пытаясь вилкой наколоть кусочек картошки, гоняет его по всей тарелке, пока мама, сидя всегда с ним рядом, незаметно, чтоб не огорчить его, приколет еду к отцовской вилке. В это лето отец ел очень мало. До невозможного мало. Его едой были в основном ягоды земляники и черники, белый хлеб, чай. Да вот ещё палтуса некоторое время хотелось ему. Он съедал эту вкусную рыбу с хлебом три раза в день по одному кусочку: на завтрак, обед, и ужин. Но чем тяжелее становилось его состояние, тем меньший вкус приобретал его любимый палтус. «Эх-э-эх,– тяжело вздыхал он, качая головой,– не такая нынче рыба стала». – И сделав небольшую паузу, задавался вопросом: «А, может, вы не там её покупаете?»- И опять вздыхал, прикрывая глаза. Задумавшись на какое-то время, и, опустив голову, сидел молча.

Семейная трапеза проходит скромно, но чувствуется непостижимая трогательность и ответственность, где шутки неуместны, слова излишни. Тишина, и только тишина, является полноправной хозяйкой стола. А мы, как всегда,– нет, не так, как всегда,– пьём чай. Мы боимся взглянуть друг на друга, боимся, что вдруг рядом сидящий догадается о страшном, казалось, невозможном, тем не менее, неотвратимо надвигающемся, то есть о недалёкой смерти отца. Все слышали её приближение, но, понимая собственную беспомощность, покорно принимали происходящее.

Только отец, казалось, был совершенно спокоен. Успев сделать всё, что им было задумано на сегодняшний день, он из блюдечка степенно отпивал чай. Его седые волосы волнами разливались по плечам, редкой белизны рубашка, как всегда, была наглухо застёгнута. Морщинки на лице разгладились, и весь – изнутри – он светился сияющей радостью и успокоением. Руки оставались красивыми: длинные, правильной формы пальцы, аккуратные ногти. Он медленно подносил блюдце к тонким губам, которые были почти не видны в чаще белой бороды и таких же белых усов, и отпивал чай маленькими глоточками. Затем потихоньку кусал диабетическую конфетку, и опять отпивал, прихваливая: «Да-а-а,– растягивал букву «а». – Хороший нынче чай!». После этих слов, то есть после того, как отец заговорил, пусть и замедленно, за столом началось оживление. Миша стал говорить о строительстве бани во дворе, спрашивая у отца совета. Отец повеселел, делясь банным опытом с младшим сыном. Мама со Светой забеспокоились по поводу завтрашнего дня, у меня продолжились свои дочерние и медицинские заботы. Казалось, жизнь входила в привычное русло: вроде не было горестных событий последних дней, страха, переживаний и ожидания…

Миша встаёт из-за стола. Ему надо успеть убраться во дворе, загнать на место птицу, накормить кроликов. Крупной скотины у нас уже не было, поэтому всё лето мама неотлучно была при отце, не желая оставлять его одного. Даже последних семерых козлят пришлось продать, когда нашлись добрые люди. В тот же день, когда было принято решение. Всех сразу. Что называется, оптом, развязав маме руки от забот о выгуливании.

А вот гуси ещё были. Это очень умные и удивительно преданные птицы. Нынешним летом мама часто выгоняла их на ближнюю к лесу полянку и относила туда после завтрака тазик с водой. Потом собирала отца и в коляске вывозила его «пасти», конечно, скорей всего, провести время на природе и поговорить, если будет скучно, с весёлым гусиным стадом.

Сама же в это время на скорую руку делала дела по дому. Отец дышал сосновым воздухом, щурил на солнышке слепые глаза, помахивал хворостиной, чтобы гуси знали кто здесь хозяин. Но маме всё равно было беспокойно: ведь коляска может накрениться и упасть, а вместе с ней и отец, да

и хулиганы могут обидеть больного человека. Для них чувство добра – чуждо. А потому мама всегда торопилась к дорогому ей человеку. Вся жизнь – вместе, а словно век не виделись, не налюбовались друг другом, не наговорились. Не успели…

По краю поляны, где отец «пас» гусей, пролегала тропинка, которая связывала «Посёлок за больницей» (так называли наш посёлок) с улицей Менделеева, то есть выходила как раз к тому месту, где сейчас находится «Соцзащита». Жители посёлка чаще всего и ходили в город этим путём – через лес. И ближе, и благодатнее. Таким образом, отец имел возможность видеть проходящих соседей, которые считали своим долгом остановиться, рассказать о новостях и в то же время расспросить о его здоровье. Бывало, что и за советом приходили прямо сюда, в лес.

А вокруг гуляли гуси, плескались в тазике, тихонечко пощипывали свежую травку. Но как только завидят не своего человека, подходящего к их хозяину – сразу, в один миг, всё стадо, в двадцать гусиных голов, бросало щипать и плескаться и, вытягивая до предела шеи, изо всех сил начинало хлопать крыльями, гоготать и шипеть так, словно их уже режут, или собираются резать сейчас вот, сию минуту. Но когда понимали, что хозяину не угрожает опасность, успокаивались и расходились по своим гусиным делам.

Как-то я пошутила:

– Пап, а ты сам-то гусей не боишься?

– А что их бояться,– улыбаясь в усы ответил он,– людей надо бояться. А скотина – она умная, зла не сделает,– продолжал мысли отец, при этом линуя хворостиною землю. – Да. Только её, скотину,– не тронь. Божья тварь… – Заключил он и задумался.

В последние годы он очень часто уходил в себя. Как уже отмечалось, родившись на западных склонах Приволжской возвышенности, в створе с Жигулями, куда в своё время ссылались тысячи носителей старообрядчества, последователи которых были не только в деревне Коченяевке, но сплошь и рядом окрест неё. Со всех сторон слышны были различные толкования основы основ православия, а фактически его неприемлемость как веры. Всевозможные течения старообрядчества делились на согласия. Основными из них были: белокриницкие беглопоповцы, беспоповцы, поморцы, часовенные, федосеевцы, спасовцы, филипповцы, самокрещенцы, странники, молокане, хлысты и другие разновидности и секты. Попробуй, разберись.

Можно бы об этих течениях и не говорить, но, чтобы понять философию отца, формирование его внутреннего мира, необходимо ближе представить среду окружения отрока и юноши Александра, или Шурки, как его звали в деревне, и время, в которое шло его становление.

Главным центром последователей спасова согласия, не приемлющих водного крещения служила деревня Попова мельница Хомутерского прихода. Также они были в сёлах: Таволжанке (Карсунский район), Мордовской Кондорати (Вешкаймский район), Мордовский Белый ключ, деревне Коченяевке Куроедово-Архангельского прихода (неподалёку от Мордовского Белого Ключа), в деревнях Красной Сосне, Чиркове (Базарно-Сызганский район, на реке Сюксюм), Неклюдовского прихода (ныне село Берёзовка Вешкаймского района на реке Барыш), Соплёвке (село переименовано в Красный Бор в Вешкаймском районе), Каргино (Вешкаймский район, на реке Туарма), деревне Мухино (неподалёку от предыдущего поселения) Нижнетурмского прихода, сельце Дурасовке (ныне деревня Барышская Дурасовка Барышского района, на реке Барыш), деревне Гурьевке Троицесергиевского прихода (деревня вошла в черту города Барыш), в Базарном и Ясашном Сызгане Карсунского уезда. Все названные населённые пункты находятся в пределах пяти – двадцати километрах от родной отцовской деревни Коченяевки, а также и от села Малая Хомутерь, куда мальчик впервые пришёл с бабушкой в православный храм. Это произошло накануне Великой Отечественной войны. Ко второй половине 1937 года представителями НКВД только на территории Ульяновской области, только за один год, было расстреляно более 1500 человек, а ре-

прессировано более 8000. Согласно тому же «плану» все православные всех существующих на тот момент течений, все старообрядцы и сектанты были объединены в одну группу – некую «фашистско-повстанческую церковно-монархическую контрреволюционную организацию». Главой этой организации объявили Куйбышевского архиепископа Иринея (Шульмина). Эта операция готовилась тщательно и заранее. На всех и за всех «действующих лиц» были составлены показания – их будущие «признания». Сначала арестовали архиепископа Иринея. В Ульяновске был арестован обновленческий архиепископ Иоанн (Никольский), потом арестованы григорианские архиереи – митрополит Иоанникий (Соколовский) и архиепископ Феодор (Борисов-Григорович), затем вернувшийся из заключения бывший Ульяновский епископ патриаршей Церкви Митрофан (Гринев). В Мелекессе – Владимир (Горьковский) и находившийся там в ссылке епископ Вениамин (Троицкий). В Карсуне – находящийся на покое епископ Иринарх (Павлов) от ВВЦС.

Все эти аресты закончились бойней. В 1937 году в Ульяновске по обвинению в участии в этой «фашистско-повстанческой» организации было расстреляно шесть архиереев, 126 священников, 30 монашествующих и 60 мирян. В концлагеря сроком на десять лет отправились 23 священника, пять монахов и 99 мирян, а сроком на восемь лет – один архиерей, 11 священников и 19 мирян. Никто из этих людей из концлагерей не вернулся. По разным другим «церковным» делам было репрессировано 400 человек, всего за два дня – 17 и 18 февраля 1938 года – в подвале Ульяновского горотдела НКВД было расстреляно более 100 человек. Ульяновская епархия, хотя и неофициально, но просто прекратила свое существование.

Подрастая, Шурка не только слышал о великом терроре, которому подвергались в 1937 и последующих годах священнослужители и верующие, но и видел людей, кто чудом спасся от НКВД, скрываясь как в его родной деревне, так и в соседних населённых пунктах, носил им хлеб и воду, внимал их мудрым словам. Поэтому, вступая на путь служения православию, самооцениваясь и самоопределяясь, он знал, что его может ждать впереди. И он был готов принести себя в жертву праведным канонам Библии.

Отключаясь от внешнего мира, я знаю, он совершал самую главную работу мысли – совершенствование и познание в первую очередь самого себя. Как можно учить других, не зная себя, не зная, на что ты сам способен? Молитвенная, постоянная, неустанная работа над душой своей – вот жизнь пастыря.

* * *

Заканчивается суббота 14 сентября.

Как оказалось,– последняя суббота в жизни моего дорогого отца. Все занимаются своими делами. Отец после ужина по обыкновению просит довести его до кровати, чтобы устроиться на отдых. При этом он продолжает делать недоконченные за день дела свои: просит маму набрать телефон и кому-то делает с её помощью необходимые звонки, просит принести акафист и житие святых. Всё, вроде, шло, как и раньше, когда уставшим приезжал он со службы. Тогда отец также отдыхал, потом много читал, подбирая духовную литературу к следующим православным событиям.

* * *

Высоко-высоко, где одни
облака
Над сосновыми кронами тают,
На огромных вселенских
покатых боках,
Верю, души усопших сияют.

А я счастья хочу, здесь, сейчас!
Хоть на миг!
Хоть на самую, самую малость…
Ну, кукушка, кукуй!
Что ж твой голос затих?
Неужели так мало осталось?

Мама с папой на улице

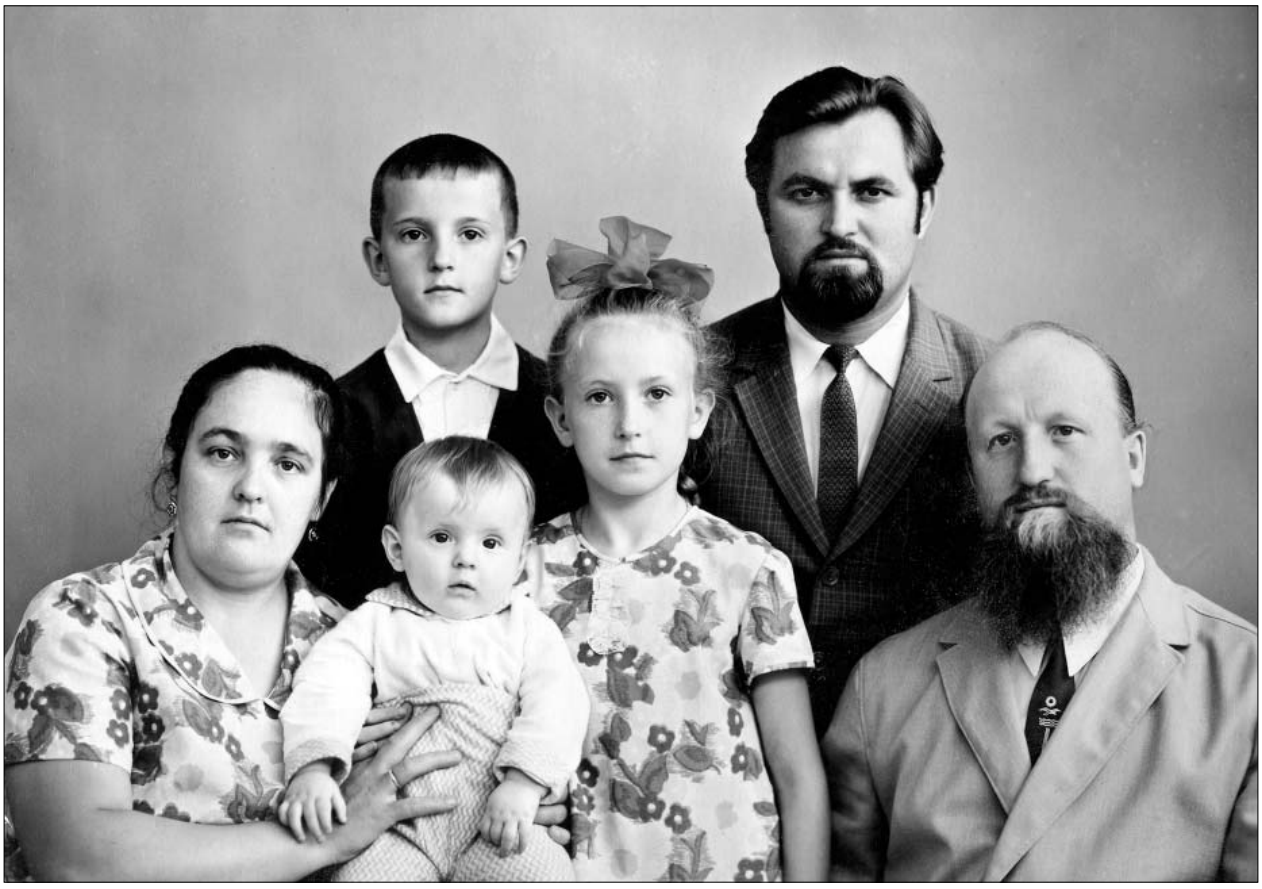
На похоронах священника Евгения Тростина. Выделены: впереди - старец Самсон, далее - папа.

Папа, я, Серёжа.

На проспекте Гагарина у фонтана. Справа налево Надя Гордеева, Николай Глазков, я, папа, Серёжа, Владик Фролов, Коля Фролов, м. Валентина Фролова.

Справа от папы я и Серёжа, мама и бабушка Настя. Крайняя справа – староста Анна Тимофеевна.

Справа налево – о. Виссарион, матушка Тамара Маркина, о. Владимир Маркин.
Дети: Наташа Маркина и Коля Маркин (ныне о. Паисий).

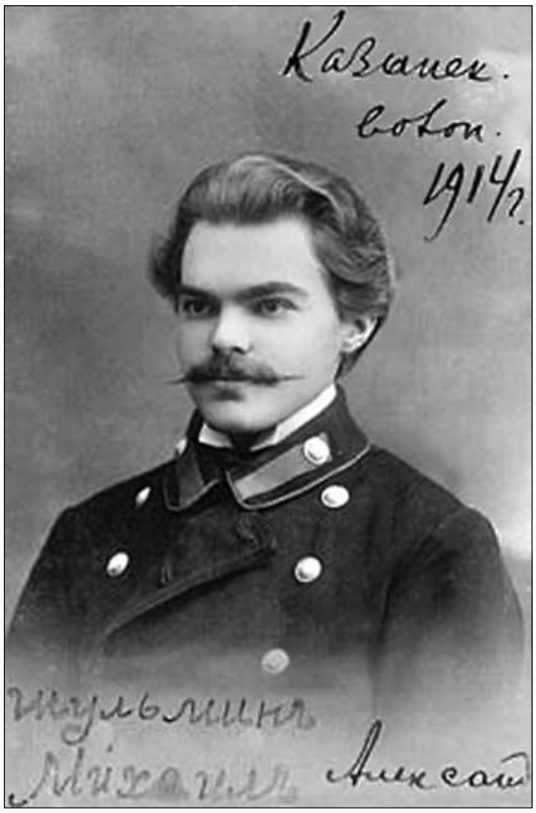


Справа папа, Николай Тимофеевич Одинаркин, я, Серёжа, мама с маленьким Мишуткой,
г. Куйбышев, 1972 год.

Папа с Мишенькой на руках.

Дядя Вася (брат папы).

Архиепископ Ириний Шульмин перед арестом.



Ириний Шульмин, семинарист.

Священнослужители в 300-летие Жадовского мужского монастыря.

Глава 10. КОЛОМНА, БОГОЯВЛЕНСКИЙ ХРАМ

Древний храм, именитый город. – Мы с братом и службы. –
Какие добываются знания и где? –
Духовная академия: историческая справка. –
Диакон-воспитанник, священник-воспитанник. –
Отец всегда был лидером. – О. Виссарион. –
Старец Сампсон (граф Сиверс). – Сан протоиерея. –
Духовные чада отца. –
«Я знаю, что Ваша молитва сильна».

Церковь Богоявления в Коломне

Тяжёлые времена настали, когда Указом митрополита Крутицкого и Коломенского, управляющего Московской епархией, от 18 июля 1974 года № 479 о. Александр Сайгушев был благословлён «на штатную должность священника в Богоявленский храм города Коломны, Московской области по договорённости с Исполнительным органом вышеозначенного храма».

А 20 мая, двумя месяцами раньше, распоряжением того же лица отцу было доставлено командировочное удостоверение, в котором говорилось: «Дано настоящее священнику Сайгушеву Александру Михайловичу в том, что он по моему благословению командируется на временное служение в Богоявленский храм г. Коломны, Московской области, на время болезни свящ. Петухова Г. А.». Но, как известно, что нет ничего более постоянного, чем временное. Так вышло и на этот раз. До 14 июля 1978 года, считай целых четыре года, отслужил отец в Богоявленском храме.

Тяжело, очень тяжело было расставаться с Марчугами, с Крестовоздвиженским храмом, ставшим отцу вторым родным домом, который он берёг и поддерживал всеми возможными средствами. Тяжело расставаться с людьми, родными по духу. Мне известно, что многие духовные чада не оставили своего батюшку и последовали за ним «по жизни». Тем не менее, новый приход – новые законы, правила. Самое главное, новые люди со своими характерами, проблемами, вопросами, порой очень непростыми, а порой и проверочными: как на них молодой священник ответит? А как в городском храме, где не один священник,– они-то как примут в церковное лоно своего собрата? Конечно, престижно служить в древнем храме такого именитого города. И ответственно. Посещаемость людей очень боль-

СПРАВКА

Первое упоминание о храме в гончарной слободе города Коломны относится к XV веку. Предание гласит, что супруга Иоанна III – Софья Палеолог – долго молилась о чадородии во многих обителях, дав обет поставить Божий храм. Узнав о том, что ждёт младенца, Софья не забыла своего обета и воздвигла в Коломне деревянный зачатьевский храм. На рубеже XVI–XVII веков церковь сгорела. В то время в храме находилась пожертвованная жителями деревни Митяево икона Нерукотворного Образа Спасителя. После пожара икона была найдена в пепле невредимой. В память об этом чудесном событии вместо сгоревшей Зачатьевской церкви была в 1648 году построена другая – в честь Нерукотворного Образа Господня.

В 1680 году храм перестроили и через девять лет освятили в честь Богоявления. В те времена Богоявленская церковь не отапливалась, поэтому зимой служба переносилась в соседний деревянный храм, освящённый в честь праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Память об этой церкви сохранилась в Богоявленском храме в названии одного из пределов.

В 1800 году были пристроены два придела – Введения во храм Пресвятой Богородицы и во имя священномученика Харлампия, а также построена новая колокольня. Таким образом, после перестройки в одном из приделов сохранился престол прежнего храма (зимнего), а другой посвящён памяти чтимого святого.

В годы гонений на православную церковь храм Богоявления – в – Гончарах не закрывался.

В 1999–2000 г.г. проведена реставрация росписи сводов центральной части храма и его приделов, начата работа по реставрации древних икон храма, многие из которых датированы XVIII веком.

В сентябре 2004 года обновлены росписи алтаря.

Действует детская воскресная школа.

1974, 20 мая –1977, декабрь. Богоявленский храм города Коломны. Здесь **3 года 7 месяцев** служил протоиерей Александр Сайгушев.

шая. Даже несколько священников с трудом справлялись с нагрузкой, которая выпадала на их долю. В праздничные и выходные дни храм посещало до 1000 прихожан: кроме богослужений исполнялись исповеди – до 300 человек, крестины – до 40, венчания, отпевания, а также требы на дому. Иногда приходилось оставаться на ночь в церковном доме, потому как рано утром снова требовалось выходить на службу. Помниться, как нас брала мама вместе с братом Сергеем на большие праздники в блистающий Богоявленский собор. Сколько торжества таил он в себе! На большой высоте клирос и хор. Песнопенье являлось слаженно и красиво. Словно бы с небес посылались к нам мужские и женские голоса. Ликованию детским сердцам не было предела!

«Благовестник» № 1–2002 отмечает:

«В храме находятся особо почитаемые святыни: местночтимая икона Божьей Матери «Страстная» в резном исполнении, ковчег с частицами более шестидесяти святых. Вот имена святых, частицы мощей которых находятся в ковчеге в Богоявленской церкви: Святой Иоанн Креститель, пророк Даниил, апостол Матфей, апостол Марк, апостол Лука, апостол Андрей, апостол Иаков, апостол Ераст, равноапостольная Мария Магдалина, равноапостольный князь Владимир, равноапостольный царь Константин. Священномученик Киприан, священномученик Харалампий, священномученик Игнатий Богоносец, священномученик Власий Кесарийский, святитель Григорий Великий, святитель Тихон Задонский, святитель Иоанн Милостивый, святитель Фёдор Сикеот, великомученик Пантелеимон, великомученик Фёдор Тирон, великомученик Никита, великомученик Артемий. Первомученик архидиакон Стефан, мученик Гурий, мученик Евстратий, мученик Елевферий, мученик Евгений, мученик Меркурий, мученик Григорий, мученик Димирий, мученик Христофор, мученик Лонгин Сотник. Великомученица Екатерина, великомученица Варвара, мученица Татиана, мученица Параскева Римская, мученица Фекла, мученица Агафья, мученица Евфимия, мученица Матрона, мученица Пелагея, мученица Акилина, мученица Анна, мученица Ирина, мученица Анастасия, преподобномученица Евдокия, преподобномученица Агафия. Преподобнный Сергий, преподобный Пахомий Великий, преподобный Савва Освященный, преподобный Харитон Исповедник, преподобный Александр Свирский, преподобный Михаил, преподобный Ефрем Сирин, преподобный Спиридон, преподобный Иоанн Дамаскин, преподобный Феодор Студит, преподобная Ксения, праведный Алексей человек Божий, блаженный Максим Московский, бессребреники и чудотворцы Косьма и Дамиан, благоверный князь Даниил Московский, благоверный царевич Димитрий Угличский, благоверный князь Александр Невский, в ковчеге есть также частица Древа Креста Господня.

Коломенское богослужение – заметный период в жизни моего отца, связанный как с радостями, так и с огорчениями. Здесь он познакомился со священником Виктором Ерохиным, дружба с которым объединяла их многие-многие годы. Ему суждено будет 20 сентября 2002 года в Крестовоздвиженском храме села Марчуги принимать участие в отпевании своего почившего друга протоиерея Александра Сайгушева.

Здесь же отец встретил многих других замечательных людей, у которых было чему поучиться. Но и свой опыт служения православию, накопленный ещё с детских времён, ещё в родной Коченяевке, Хомутери, он щедро передавал собратьям по вере. Осталась тетрадь, обозначенная 1948 годом, куда 11-летний Шура Сайгушев вписывал молитвы, духовные стихи и другие премудрости из священных книг. В службе ему помогали и знания, накопленные всей его жизнью, начиная, как мы видим, с детства, и с подготовки к вступительным экзаменам, а также полученные в Московской Духовной Семинарии, находящейся в структуре Московской Духовной **Академии**.

Учебных предметов было достаточно много и юноше, имеющему за плечами семилетку, не очень-то легко приходилось осиливать предстоящий объём знаний.

В то время предлагались вступительные экзамены по следующим дисциплинам:

– История СССР, России (в объеме школьной программы);

– Церковное пение. Поступающие должны уметь спеть одно из обиходных церковных песнопений;

– Русский язык (изложение);

– Церковнославянский язык. Поступающие должны уметь прочитать предложенный им церковнославянский текст;

– Знание молитв. От поступающих требовалось твердое осмысленное знание наизусть таких молитв:

а) НАЧАЛЬНЫХ: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», «Царь Небесный», «Святый Боже», «Пресвятая Троица», «Отче наш», «Приидите, поклонимся».

б) УТРЕННИХ: «От сна восстав», «Боже, очисти мя грешнаго», «Ангелу-Хранителю».

в) ВЕЧЕРНИХ: «Боже Вечный», «Вседержителю, Слово Отчее», «Благаго Царя Благая Мати», «Ангелу-Хранителю».

г) Божией Матери: «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Взбранной Воеводе», «Милосердия двери», «Не имамы иныя помощи».

д) Символ Веры. Молитва св. Ефрема Сирина. Молитва перед Святым Причащением. Заповеди Моисеевы. Заповеди блаженства. Тропари двунадесятым праздникам. Тропарь своему святому. Псалмы 50-й и 90-й.

В настоящее время, в течение недели, согласно утвержденному учебной частью расписанию, поступающие сдают экзамены-коллоквиумы в форме собеседований по таким церковным дисциплинам как Священная история Ветхого и Нового Заветов, общецерковная история, история Русской Церкви, катехизис, литургика, церковное пение, чтение на церковно-славянском языке, а также письменный экзамен по русскому языку.

Здесь стоит отметить, что пребывание Академии и Семинарии в Троице-Сергиевой Лавре города Сергиев Посад (с 1814 года, тогда под руководством выдающегося церковного деятеля того времени архимандрита Филарета (Дроздова) произошли реформы духовных школ) стало символичным и остаётся таким по сей день в связи с почитанием в нашем народе Преподобного Сергия Радонежского. С этим священным именем у верующих людей связано очень много. К его молитвенному заступничеству, как принято выражаться в православии, прибегают в первую очередь, когда молятся об успехах в учебе или о поступлении на учебу. Особый отпечаток почитания Преподобного на всю жизнь остается и на выпускниках московских духовных школ. Московская Духовная Академия, основанная в 1685 году, является крупнейшим центром духовного образования в Русской Православной Церкви и первым высшим учебным заведением в России. До 1814 года она носила название Славяно-греко-латинской академии и размещалась в центре Москвы в Заиконоспасском монастыре. Академия унаследовала лучшие церковно-богословские и культурно-исторические традиции Православия. Здесь учились великие российские учёные Ломоносов, Магницкий, имена которых как первопроходцев в искусствах и науках всемирно известны. Потрясения большевистской революции, гражданской войны, коллективизации, сатанинство над священнослужителями и прихожанами, происшедшие в нашей стране, не обошли стороной и Церковь. В конце 1917 года Московская Духовная Академия была закрыта, многие студенты и преподаватели репрессированы. И только более тридцати лет спустя началось её возрождение. В 1944 году в Новодевичьем монастыре открывается Православный богословский институт. Уже в 1946 году он преобразуется в Московскую Духовную Академию, а в 1949 году происходит возвращение во вновь открывшуюся Троице-Сергиеву Лавру.

Для поступления в семинарию в первую очередь нужна письменная рекомендация архиерея из той епархии, к которой принадлежит абитуриент. Делается это через священника прихода (напомню, что

отца рекомендовал протоиерей Дмитрий (Брысаев). Принимают в семинарию с восемнадцати лет, имеющих образование не ниже среднего, холостых или женатых первым браком. Главное при поступлении– собеседование, на котором определяется уровень духовной подготовки поступающего, а также благонадежность и сознательный выбор пути. Конечно, невозможно на одном собеседовании определить стопроцентную благонадежность, поэтому иногда в студенты попадают и «неблагонадежные». Такие либо отсеиваются за годы учебы, либо всё же попадают в духовный причет. Во время вступительных экзаменов абитуриенты живут в семинарии с тем распорядком дня, который их ждёт в годы учебы. Длятся испытания до середины августа. Система контроля над студентами в семинарии и академии развита как нигде, она является многоуровневой. Главное лицо в семинарии – ректор. Заведующий по учебной части – проректор. За дисциплиной надзирает инспектор; как правило, это иеромонах (монах-священник). А у инспектора, в свою очередь, имеется старший помощник, которому подчиняются простые помощники. В отличие от армии или военных в семинарии и академии не существует дедовщины. По окончании вступительных экзаменов на торжественном обеде объявляют фамилии поступивших, и каждый абитуриент ждет этого со страхом и трепетом.

Форма семинариста – черный китель с воротником-стойкой и брюки. Им запрещено отпускать волосы и бороды; исключение составляют готовящиеся к принятию сана или монашества, но такие вместо кителей облачаются уже в подрясники.

В течение четырех (теперь уже пяти) лет обучения в семинарии будущий священник изучает более тридцати предметов и таких, с которыми встречается фактически впервые. Богословие и церковная психология, основы ораторского искусства, техника проведения богослужения, основа основ – Библия. Преподавание ведут учёные богословы, как правило, имеющие три учёные степени: кандидат, магистр и доктор.

Первую половину дня занимали занятия. После обеда – самостоятельная подготовка. Это время давалось для поиска дополнительного материала. Семинаристы часами просиживали в богатейшей академической библиотеке, общались друг с другом, дополняя полученные на лекциях знания из других источников. Кроме того, семинарист раз в неделю, в один из будних дней, нёс клиросное послушание, то есть пел в хоре.

Вечерние занятия являлись обязательными. Как и все студенты светских вузов, семинаристы не очень-то их приветствовали и старались провести время по своему усмотрению. Но у отца, как мы видим по его аттестату, по его служебной карьере дела с учёбой обстояли в порядке. И с послушаниями тоже.

Уже на втором курсе (11 февраля 1962 года) епископом Дмитровским Киприаном семинарист Сайгушев был посвящён в сан диакона-воспитанника Московской Духовной Семинарии. А через год (4 февраля 1963 года) – рукоположен тем же епископом Дмитровским Киприаном в Скорбященской церкви, что на Ордынке, в сан священника-воспитанника Московской Духовной Семинарии.

5 июля 1961 года постановлением Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода протоиерею Михаилу Зернову определено быть епископом Подольским, викарием Московской епархии. 26 июля он был пострижен в монашество с наречением имени Киприан (в честь святителя Московского Киприана). Архиерейскую хиротонию в Трапезном храме Троице-Сергиевой лавры 6 августа 1961 года совершили Святейший Патриарх Алексий, митрополит Крутицкий и Коломенский Питирим, архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим (впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский) и епископ Среднеевропейский Иоанн (впоследствии митрополит Ярославский и Ростовский). Сразу же после хиротонии епископ Киприан записал в своём дневнике: «Теперь началась новая жизнь, к которой не гото-

вился никогда, хотя и знал, что этого не избежать. Господь даровал мне семнадцать счастливых лет (священства. – Авт.), за что благодарю Его бесконечно. Надеюсь, что не оставит меня и теперь, хотя, конечно, монах я такой, который вряд ли может служить примером. Но епископом постараюсь быть таким, чтобы быть достойным имени служителя Божия». Вся последующая жизнь Владыки подтвердила его стремление оправдать своё высокое призвание.

Родители мои повенчались в 1961 году, когда отец учился на втором курсе. Он мог бы, при желании, перевестись на заочное обучение и продолжить образование, но он этого не сделал, продолжал учиться очно, приняв в полном объёме программу всех классов и правила послушаний.

По окончании семинарии (июнь 1964 год) отец получил аттестат, который подтверждал его готовность нести службу грамотно и убедительно. Так, потом в его жизни и было. Недаром во всех храмах, где он нёс свой крест священника, его любили и уважали как человека, как посланника Богова и шли к нему искренне исповедать душу свою.

Глубокие знания, его дисциплинированность, неординарность молодого священника – всё это дорогого стоило, вызывало интерес многих окружавших его людей и, конечно, неоднозначную реакцию. Но в любом коллективе он занимал положение лидера (речь идёт не о служебной лестнице). Его сметливость, острый ум и хорошая память не могли оставаться незамеченными. Это ещё больше усиливало желание к более близкому знакомству и общению с отцом.

В разговоре он не любил хвастовства, но если была необходимость, то, беседуя «за жись», отец своими знаниями о проблемах современного православия поражал слушателей, вызывая нескрываемое удивление. Он мог часами рассказывать о разорённых и закрытых монастырях и храмах, о монахах-отшельниках, живущих в приволжских лесах, о монахах, приговорённых к расстрелу, которых он знал лично, их непростые судьбы и, чем мог, помогал им выжить. Он рассказывал только то, что видел сам, не из вторых или третьих рук, знал наверняка, не допуская прикрас, искажений и прибавлений ложных фактов. Вспоминая, он иногда плакал – герои его рассказов были близкими ему людьми. Он разделял их боль.

Старец Виссарион– монах Жадовского монастыря, которого отец помнил с детских лет, бывал у нас много раз и в Маврино, и в нашем доме на Воскресенской земле (см. Приложение). И только недавно мама поведала о том, какие страшные события перенёс насельник упомянутого монастыря. Приговорённые к расстрелу несколько священнослужителей договорились, чтобы перед смертью отпеть друг друга, чтобы не лечь в землю без этого православного обряда. И когда их выводили на расстрел, они слабыми охрипшими голосами со слезами на глазах… запели. Пели люди, идущие на казнь, измученные побоями и болезнями, истощённые голодом, шли умирать за веру в Господа нашего Иисуса Христа. Плакал и отец Виссарион, чудом оставшийся в живых. Мама рассказывала, что слёзы у него были невероятно крупные. Огромные руки сильно дрожали. Слушавшие его, потрясённые услышанным, долго не могли произнести ни слова.

Неоднократно у нас бывал и старец Сампсон (граф Сиверс). По воспоминаниям мамы: «хороший человек, но очень строгий». Он всегда был одет в светский костюм.

Отец никогда не рассказывал об этих визитах. Думаю, что нельзя было в те времена, скорей всего, в безвременье, оглашать тесную связь молодого священника с известными в православном мире проповедниками Истины. Возможно, он руководствовался собственными нормами поведения – правилами, установленными ещё на Приволжье: не «стучать» на человека, не предавать, но любить человека.

Московский период жизни (с 1963 г.) о. Сампсона был настолько сложным, что повествование о нём лучше начать словами самого Батюшки: «Будучи заштатным священником, живя в Москве, шатаясь и пе-

реезжая с квартиры на квартиру и терпя всевозможные невзгоды и неприятности, которых бы я врагу не пожелал, я дошел до того, что моё здоровье резко ухудшилось, и я был разбит параличом (левосторонним), с чем и пролежал год, пережив страшно много и радостей и горя… За это время я в Москве переменил 11 квартир».

В Москве о. Сампсон полностью погрузился в духовничество: он был духовником Св. Патриарха Алексия, к нему приезжали многие архиереи, священники, монахи, ученые и простецы, студенты. Постепенно жизнь Батюшки и его духовных чад налаживалась. Нашли прекрасную дачу в Малаховке, на которой он жил летом 12 лет подряд.

Когда и где они познакомились, не могу сказать точно, да и мама не знает. Помнит только, что они вместе участвовали в похоронах «старенького батюшки» (ему было 90 лет) о. Евгения Тростина, который служил в селе Петровское Щёлковского района, недалеко от села Маврино, и мои родители знали его хорошо. Старец Сампсон дружил с о. Евгением, почитаемым как прозорливым молитвенником. С первой встречи, скорей всего на похоронах, и сошлись по душе молодой священник и мудрый Сампсон.

Что касается знакомства и встреч с о. Евгением, то они были частыми и полезными. По воспоминаниям мамы, о. Евгений залечил отцу язву желудка, которая часто кровоточила.

Много, очень много знал мой отец и ещё больше унёс в просторы вечности. Теперь по крупицам приходится собирать воспоминания, документы, фотографии. На то, значит, воля Божья. Значит, так надо.

Собеседник отца глухонемой монах Михаил (кроме единственной открытки без адреса ничего у нас от него не осталось), часто приезжал к нам, жил по нескольку дней, и чтоб не быть обузой для семьи, с радостью убирался в саду, старался хоть чем-то да помочь по хозяйству. Кто этот монах? Однажды он уехал и больше его не видели. «Убогий человек. Жаль его было, вот и привечали»,– вспоминает мама. Сколько людей с их сложнейшими судьбами оставили в душе моего отца неизгладимый след! Сколько переживаний принял он в своё ранимое, отзывчивое сердце! До конца жизни боль этих людей осталась его болью.

Служение в Богоявленском храме города Коломны отмечено высокой духовной наградой. По представлению Митрополита Крутицкого и Коломенского Серафима «за усердные труды на пользу Церкви Христовой» Его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен своим Указом наградил священника Сайгушева Александра саном протоиерея. Это случилось ко дню Святой Пасхи 1976 года.

Безусловно, это явилось высокой честью, знаком достойного уважения моего отца как человека, как священнослужителя и его принципов, а также его великой радостью, радостью нашей семьи и, конечно же, его духовных чад и боголюбивых прихожан.

В те годы Богоявленский храм являлся единственным в Коломне действующим храмом. Все другие церкви и монастыри находились в нерабочем состоянии. Собратом по служению Господу ему здесь стал благочинный Коломенского благочиния протоиерей Василий Кмита – благообразный священник с добрым лицом и бесконечно ласковыми глазами, которые излучали тепло и радость. Помню, он часто бывал у нас дома. Ставился самовар, к нему – свежевыкачанный мёд. Велись долгие беседы. Нередко к разговору привлекали и меня с братом Сергеем (брат Миша был ещё маловат). Нас касались расспросы о школе, учителях, друзьях, о занятиях музыкой и спортом. У них, священнослужителей, было много своих волнующих тем, которые можно обсуждать бесконечно, тем более, когда оба оппонента достаточно грамотны и компетентны по части не только религии, но и по вопросам общечеловеческих канонов, которые, по сути своей, все вышли из Старого и Нового заветов, то есть из Библии.

В этом же храме служил сокурсник отца по семинарии священник Александр Огурцов. Они были в добрых отношениях, но тесной дружбы, как мне кажется, у них не состоялось.

Старостой храма служил бывший военный Чурзин Василий Григорьевич – мужчина строгий, умеющий командовать, но, несмотря на особенности его характера, с отцом они ладили хорошо.

Прихожане ценили в новом священнике скромность, высокую грамотность, не по годам выдержку и мудрость. Поэтому и появились у него новые духовные чада, которые шли к нему и несли свои скорби и радости, зная, что батюшка поможет, посоветует, будет молиться и поддерживать в любую трудную минуту, в любом сомнении даст верное разъяснение и подскажет, как поступить.

А самое главное – он учил молиться. «Вера должна быть в душе,– не переставал напоминать он. – Не ходите в храм разговаривать, обсуждать, осуждать. Вы пришли к Богу. Будьте с Богом. Молитесь в словах, в душе, искренне, со слезами, прочувствовав, о чём просите Господа». Отец наставлял, как одеваться, идя в храм: «Одевайтесь, собираясь в храм,– говорил отец,– скромно, но опрятно, не кое-как. Помните, вы идёте к Богу». Учил тому, чего не допускал сам: халатности, несобранности, неряшливости, учил, когда молиться Господу, и не только просить у Него, но и как благодарить Его. «Молитесь,– наставлял отец,– перед началом любого дела, в конце и начале дня, перед приёмом и после приёма пищи. Благодарите Господа, не только просите. Благодарите за каждый прожитый день, за каждое свершённое дело, даже если оно не совсем было удачным. Молитесь за детей, каждый раз осеняя их крестом перед выходом из дома. И славьте, славьте Бога!»

Одна из духовных чад отца Полина Никитична Шестопалова – женщина преклонных лет с тяжёлым онкологическим заболеванием. Отказавшись около двадцати лет назад от операции, она уповала только на милость Божию. И молилась, и молилась… Часто исповедовалась и в беседах с батюшкой обретала покой и утешение. Из лекарств она принимала лишь настойку календулы. Не пила чистой воды, только разведённую этой же настойкой. Я с родителями несколько раз бывала у неё в гостях: добрая гостеприимная женщина. Жила она в семье своих детей достаточно дружно. Но печалила её и приносила страдания опухоль, которая, если приглядеться, видна была даже через одежду. Папа много за неё молился. И жила она ещё много лет. Через годы и её дочь приехала к отцу за советом и молитвенной помощью: у неё заподозрили то же заболевание, что и у матери. В тот момент она находилась на обследовании в Балашихинском онкологическом центре. Я не отслеживала судьбу этой женщины, но знаю, что всё у неё обошлось хорошо. Знаю, что отец посоветовал ей травы (даже дал, какие были в запасе), в них он разбирался неплохо. Однако, в подобных случаях он призывал к осторожности, обдуманности, но ни в коем случае не пренебрегать врачебной наукой. «Врачи – от Бога»,– утверждал он. А ещё он учил молиться какому святому и как. И, конечно же, молился сам.

Жила в Коломне баба Вера Кучкина, которая не мыслила жизни без посещения храма и молитвы. По воспоминаниям моей мамы никто не знал её отчества, просто – баба Вера. Может потому, что не поддавался определению её возраст: она являла необыкновенную подвижность, была «скорая на язык», с небольшим личиком, изрезанным вдоль и поперёк мелкими и крупными морщинками. «Баба Вера» – и всё тут.

Она и её семья дружили с отцом, ещё точнее, любили отца за преданность Всевышнему. Она ходила на все службы отца, обогащаясь знаниями о Боге, деяниями Его на земле и на небесах.

Ярко помнится Зинаида Петровна, «Баба Зина из Коломны»,– так мы её звали. До сих пор, когда я, вспоминая похороны отца, представляю его могилку или вижу её наяву, приходя к ней,– перед глазами, чуть поодаль, в сторонке от всех, всегда возникает маленькая фигурка одиноко стоящей сгорбленной женщины в резиновых сапогах выше колен, в лёгком и не по размеру плащике. Она держала в сморщенных руках розовато-бурый букетик простеньких цветов, растущих во всех дворах нашего города, и наблюдала за происходящим. Она

выглядела как ребёнок. Отрешённо. Больно. Но не плакала. Наверное, в этой нелёгкой жизни она давно все слёзы выплакала и теперь молча прощалась со своим духовным отцом, наблюдая и понимая, как она миг за мигом неумолимо сиротеет, и этот ужас сиротства никто уже не в силах остановить. Только тогда, когда под красными гроздьми рябины вырос холмик, и все присутствующие возложили розы, гвоздики, хризантемы и лилии (цветов было очень много) – только тогда баба Зина, приехавшая из Коломны, уверенно, никого не видя, подошла к могилке, помолилась, и каким-то чудом, сгибая ноги в своих несоразмерно больших сапогах, каждую веточку отдельно воткнула в землицу.

Когда, со временем, завяли другие цветы, эти, бабы Зины, не увядали. Видимо, они не боялись заморозков, а влагу брали из земли.

Осиротела баба Зина. Возможно, только жизнь моего отца, молитвенника и наставника, держала её на этом свете. Сколько раз приезжала она в наш дом из Коломны поделиться своими печалями, рассказать о своих неудачливых детях, получить от батюшки благословение и душевную поддержку.

Мама очень жалела её, старалась накормить, дать еды на дорогу, снабдить одёжкой. Она ни от чего не отказывалась, с радостью принимала помощь.

После смерти отца мы её не видели.

Периодически вместе с бабой Зиной приезжала Лидия Ивановна Мартынова. Очень почитала она батюшку Александра и верила в силу его молитвы. «Помолюсь! – отвечал им отец. – Обязательно помолюсь!» – и добавлял: «А вы сами молитесь». Много сил положила Лидия Ивановна, чтобы оба её сына поступили в Духовную семинарию и получили сан священника. Много молилась. Молился и отец. Когда младший сын, ныне священник Иоанн закончил семинарию, то по каким-то причинам ему не давали места для служения. Он уже завёл семью. Вскоре появились на свет двое детишек. Семья жила бедно, перебивалась, как говорится, с хлеба на квас, уповая лишь на Господа и помощь добрых людей. Несмотря на то, что отец был тяжело болен, молодой священник приехал за советом именно в наш дом. Рассказав о тяжёлом материальном положении, о трудностях, с которыми столкнулась молодая семья, очень просил отца помолиться за него. «Я знаю, насколько сильна Ваша молитва»,– говорил он. «Молитесь, молитесь, молитесь сами, и я помолюсь»,– пообещал отец, осеняя их крестом и благословляя малышек.

С тем семья и уехала. Дня через три раздаётся телефонный звонок – это священник Иоанн взволнованно благодарил моего отца за молитву. « Мне дали приход!»,– не скрывая радости, сообщал он.

После смерти отца он приезжал к нам, чтобы отслужить панихиду на его могилке. Потом, за чашкой чая он признался: «За меня ведь никто не молился. Некому… Кроме о. Александра и мамы».

* * *

С неба однажды сошедшая жизнь
В небо должна уйти.
Дай ей вернуться. И – не держи.
Горько, но отпусти…

Падают спелые капли с рябин –
Откуда они взялись? –
Крупно – на ландышевый трамплин
И… по ложбинке – вниз.

Юркнул в студёную тьму ручеёк –
И никаких вестей,
От удивления червячок
Выгнулся на листе…

Ветер отнёс мошкару в кусты,
Как надоедный дым,
И потянулись на три версты
Гуды на все лады.

После дождя пять минут прошло,
И на земле опять
Жизнь суетится. И всё хорошо…
Сущая благодать!

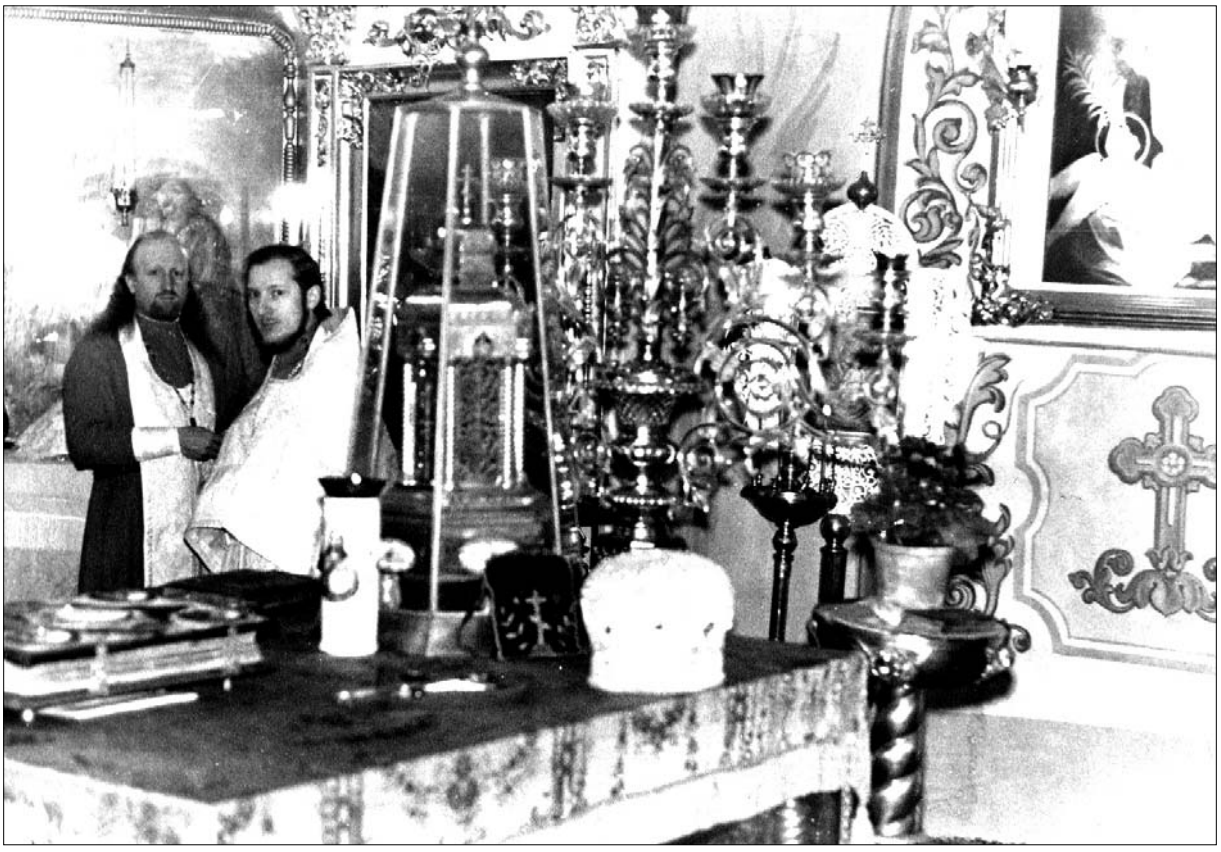
В Храме.

Папа со священником Виктором Ерохиным. Коломна. 1975 год.

Справа от папы о. Василий Кмита, священник Огурцов, В. Г. Чурзин (староста). Коломна.

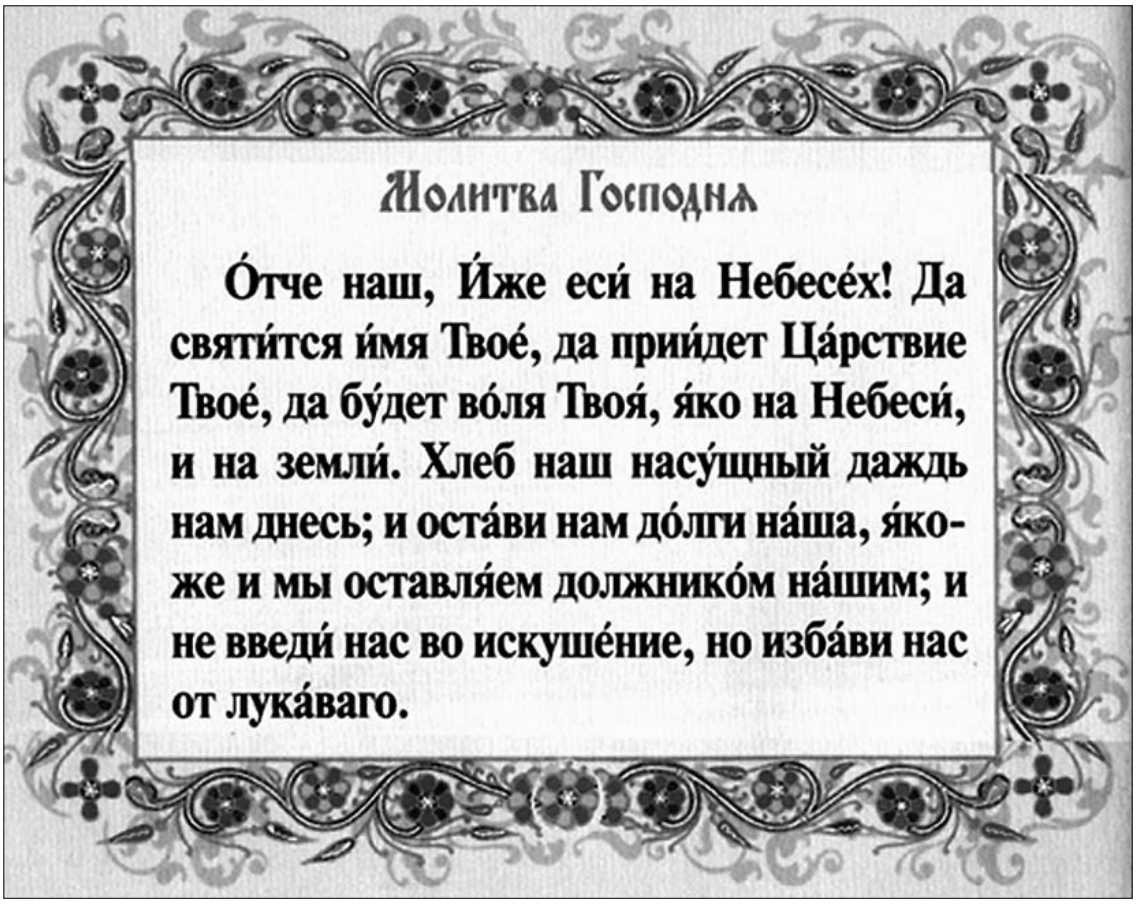
Со священником Виктором Ерохиным. 1975 год.

О. Василий Кмита (Благочинный) и папа впереди со служителями и прихожанами.



Со священником Виктором Ерохиным в храме.

Во время Крестного хода. Папа слева. 1975 год.


Молитва Господня
Отче наш, Иже еси на Небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на Небеси, и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Отче наш.

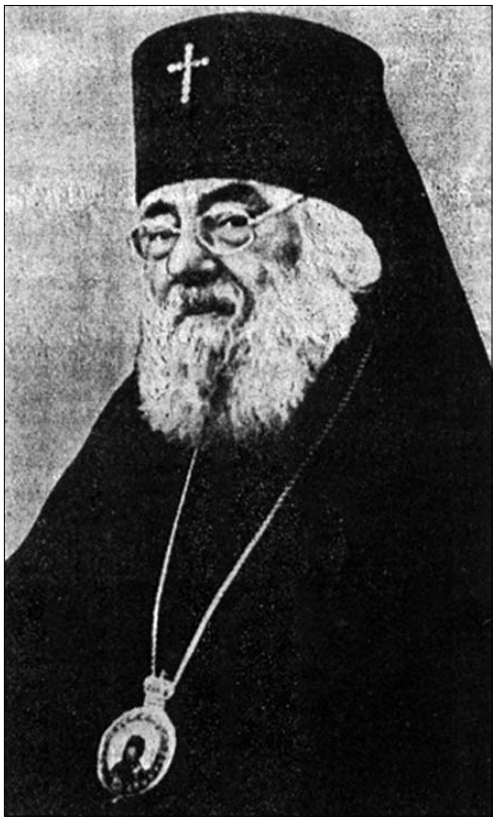
Христосъ Воскресе!
г. Коломна
«Богоявленский храм»

Молодость Сергия Радонежского.
Картина Нестерова.

Архимандрит Филарет.

Лавра.

Семинарист. Отпуск. Коченяевка.



Епископ Дмитровский Киприан (Зернов).

За околицей Коченяевки.

Слева папа, справа о. Наум Куратчук во время встречи в Загорске 17.09.1963 года.

Семинарист. Отпуск. Коченяевка.

Папа, о. Василий Кмита, священник Александр Огурцов. Крестный ход.

В центре священник Александр Огурцов, правее – папа. Коломна.

Папа и мама. Миша с освящённой вербой. Вербное Воскресенье.

В центре папа. Справа – Владик и Коля Фроловы, слева – о. Дмитрий Фролов, м. Валентина Фролова, Агафья Арефьевна.

Глава 11.
МОЛИТВЫ НА НЕБЕСАХ БЫЛИ УСЛЫШАНЫ

Приступ боли на службе. –
Операция по удалению аппендицита. –
«Пришла беда – отворяй ворота!» – Сахарный диабет. –
Гепатит. – Капельницы не помогали. –
Врач сказал, что папа может умереть. –
Слёзные молитвы, обращённые к Спасителю. –
Отцу стало лучше. –
Прошение «за штат по состоянию здоровья». –
Жизнь, полная тревог и страданий.

Дорога к дому на Садовой

Коломенский период в жизни отца был не только радостным, но и печальным. Службы неделями без выходных, без отдыха, недосыпания, нерегулярного питания, учёба на заочном отделении Сельскохозяйственного института (факультет «Пчеловодство») – всё это сильно подрывало его здоровье.

Зимой 1976–1977 гг. во время очередной службы у отца появились резкие боли в животе. Но службу нельзя прерывать. После окончания – боли усилились. Посыпались советы: «Покушать надо,– это язвенные «голодные боли». Покушали. Боли усилились. Дальше советы: «Не надо было есть, наоборот, промыть надо желудок. Это, видимо, отравление». Промыли. Боли не отступали. «Спазмы надо снять, тёпленькую грелку положить…» – Положили. После всей этой доврачебной помощи отец, не помня себя, едва добрался до дома и пластом упал на кровать. Боль была невыносимой. Отпустив желудок, боль ушла вниз, в правую часть живота.

Я помню, когда отец был молодым, а я ребёнком, он часто говаривал: «Ни за что не пойду на операцию». А уж как он боялся уколов! Только при упоминании слова «укол» он уже бледнел, его охватывала дрожь, и накатывал холодный пот. Но привык. Вернее, пришлось со временем привыкать ко всему и смириться, казалось бы, даже с невозможным… но это будет ещё впереди…

А вот когда мама увидела отца без памяти лежащего на постели, немедля бросилась к телефону вызывать «скорую». Отец очнулся, услышав разговор. Простонал: «Нет! Ни в коем случае… Сейчас всё замело. Да и вечер. Они долго не приедут…» – И тихо скомандовал: «Собирайся, пошли!» Родители, насколько можно быстро, направились в приёмный покой хирургического отделения. Хирург, осмотрев больного, срочно назначил готовить его к операции: острый гнойно-инфильтративный аппендицит. Отца немедля доставили в операционную. Слава Богу, вовремя успели прооперировать. Врач удивлялся, что пришли пешком, считай, ночью, в такую погоду: «Ну, молодец. Ещё бы чуть-чуть и всё было бы гораздо хуже».

Но и при таком удачном исходе сложность всё-таки была. Не очень крепкий организм отца оказался очень невосприимчивым к наркозу. Сначала, как и положено, ему ввели лекарства местного обезболивания. Отец рассказывал, что почувствовал начало операции. Анестезиолог понял, что так операция не пойдёт. Сделав масочный наркоз, приказал считать до десяти. Отец начал считать: « Один, два, три… десять, одиннадцать, двенадцать…» – Анестезиолог сестре: «Прибавьте!» Отец, услышав «прибавьте»,– скороговоркой: «Не прибавляйте, у меня трое детей…». Врач: «Молчите, считайте…». Отец: «Один, два… Лучше потерплю… Не прибавляйте». Врач: «Считайте, молчите…». Отец: «…пять, шесть… мать старая…семь, восемь…детей кормить…». Врач – к сестре: «Прибавьте». К отцу, строго: «Хватит болтать, считайте!». Отец: «Не прибавляйте, не прибавляйте…» – и провалился в сон.

Анестезиолог, когда отец очнулся после операции, специально пришёл к нему и долго расспрашивал о его домашних занятиях, о лекарствах, о различных напитках. И только случайно отец проронил, что у него есть любимые пчёлы. Анестезиолог понял: они-то, пчёлы, многие лета жаля отца и отдавая ему порции своего яда, и оказались «виновниками» долгого незасыпания его в операционной, то есть определённой невосприимчивости к наркозным препаратам.

Слава Богу, всё прошло удачно и, казалось, что беда миновала. Однако, нет. Не зря говорят: «Пришла беда – отворяй ворота!», то есть одна беда не ходит.

Отец давно замечал, что употребляет много жидкости. Приезжая из Коломны, он мог сразу выпить трёхлитровую банку компота, объясняя, что это жажда от сильной усталости. Действительно, уставал он всё больше и больше. А ему всего лишь сорок лет! Всё чаще он ложился спать раньше обычного, чаще хотелось отдохнуть днём, а возможности такой не было. Физические и эмоциональные нагрузки не уменьшались, а, наоборот, возрастали. Всё тяжелее переживались требные недели, чаще болела и кружилась голова, мелькали мушки перед глазами…

Весной 1977 года у отца обнаружили сахарный диабет в прекоматозном состоянии. Цифры сахара в крови «зашкаливали». Его срочно госпитализировали в городскую больницу. Сразу же были назначены инъекции инсулина, капельницы. Вот тогда-то и началось то, к чему пришлось ему привыкать: боявшийся принимать любой единичный укол, теперь он принимал их по несколько в день. Переживала мама, переживали мы, дети. Далёкие от медицины, мы не знали что за болезнь – сахарный диабет, но из разговоров взрослых догадывались, что это что-то страшное, что в семью пришла беда. Но всё равно тогда ещё никто не подозревал, насколько эта болезнь серьёзна.

Отец пролежал в терапевтическом отделении месяц, врачи подобрали ему лечение и вроде бы состояние стабилизировалось, как вдруг… словно в подтверждении нашего тезиса о беде, пришла целая полоса болезней, а вместе с тем и масса проблем. У отца поднялась температура, возобновились головные боли, тошнота, появились резкая слабость и ярко выраженная желтушность кожных покровов. Врачи в недоумении: гепатит? Откуда? Может, последствия операции, прошедшей несколько месяцев назад? Негативные последствия множественных инъекций и капельниц? Никто теперь на этот вопрос не ответит.

Отца срочно перевели в инфекционное отделение. Помню, был март месяц, припекало солнышко. Каждый день по пути из школы домой я проходила дорожкой мимо этого отделения, подходила к отцовскому окну и, приподнявшись на цыпочки, стучала. Встречаться было нельзя, и он, ужасно похудевший, осунувшийся появлялся по ту сторону рамы, совсем рядом со мной. Пожелтевшее лицо улыбалось. Мы, радостные, переговаривались, дополняя непонятные слова жестами. Наговорившись, я убегала, а он вослед осенял меня крестом. С каждым днём, я это чувствовала, ему становилось тяжелее стоять у окна, потому как он, расспросив меня об оценках, спешил попрощаться и прилечь. Состояние его ухудшалось катастрофически. Не снижавшийся уровень сахара в крови не давал полноценно лечить гепатит. Капельницы не помогали. При встрече с мамой (через окно) отец рассказывал ей, что видел во сне умершего диакона Николая Зайцева, с которым они были очень дружны со времени служения в Маврине. Диакон Николай Зайцев нёс службу в одном из храмов Щёлковского благочиния. Он бывал у нас в гостях и запомнился как человек необыкновенно искренний, откровенный. Его полнота, вместе с привычкой шутить, очень забавляла нас. Внимательный к нам, детям, о. Николай, не обижен был вниманием и с нашей стороны. Мы очень радовались, когда он навещал наш дом. Отец тяжело переживал кончину своего совсем ещё не старого друга. И вот отец напомнил маме, что диакон зовёт его к себе.

Отцу становилось всё хуже. Нас к нему не пускали. Сильно ослабший, он стал реже и реже вставать. Всё реже и реже подходил к окошку. Лечащий врач вызвал маму на беседу и заговорил о тяжёлом состоянии отца, о нарастающей интоксикации и о том, что для коррекции лечения вызван врач-консультант из Москвы. Тогда я не знала, сейчас вот хорошо знаю, в каких случаях вызывают столичных специалистов. Мне было тринадцать лет, я видела, как плакала мама и бабушка. Спрашиваю маму: «Почему ты плачешь?» Она, не сдерживая слёз, ответила: «Врач сказал, что папа может умереть…» Это было тяжёлым ударом. Ведь нам, детям, казалось, что родители были, есть и будут всегда. И вдруг такое…

Каждый день по знакомой тропинке я бежала к ставшему уже родным окошку. Зная, что отец не встанет с кровати, не подойдёт ближе (он почти непрерывно лежал под капельницей), я всё равно очень спешила. Посетителями здесь давно был приспособлен фанерный ящик, я забиралась на него и, зацепившись руками за жестяной карниз, заглядывала в окно. В палате лежало человек семь-восемь, отец занимал правый от меня дальний угол, но я привлекала к себе внимание лёгким постукиванием по стеклу. Отец поворачивал голову: мне являлось постаревшее, неимоверно жёлтое лицо с большими, будто не его, глазами. Но страха у меня не было. Отец по-прежнему махал мне рукой, и я радовалась, что он видит меня, и, значит, не умер. Назавтра я тоже спешила к окну, очень спешила, чтобы убедиться, что отец жив.

Посетителей к нему было очень много. Не только родные, друзья, но и его духовные чада – прихожане навещали своего батюшку. Видя его состояние, многие плакали прямо у больничного окна. Предлагали помощь, но он знал, что ему ничего не могло помочь больше, чем молитва. И молились. Молились все, кто его знал, кто за него переживал. Люди собирались у окна группами, так как не успевшие отойти, сменялись вновь пришедшими.

Слёзные молитвы, обращённые к Спасителю, к Божией Матери, Николаю Чудотворцу, исцелителю Пантелеймону были услышаны на небесах и мало-помалу, когда ожидалось худшее, отец пошёл на поправку. Стала уменьшаться желтушность, появился утерянный аппетит, понемножечку отец стал вставать. Засветилась надежда, и всем на душе стало полегче. Казалось, что тяжёлые времена уже позади, но на самом деле они не отступали, затаясь, давали о себе знать.

После четырёх больничных месяцев отца выписали на работу, то есть он должен приступить к службам. Но отец был настолько слаб, что молиться мог только дома. Доехать до Коломны не было сил. К тому же теперь ему приходилось по часам принимать пищу и вводить инсулин, а сделать это во время службы практически невозможно. Поэтому, отец попросил старосту Богоявленского храма предоставить ему очередной месячный отпуск со смещённым графиком (по графику должен был идти другой священник), но отцу отказали. Выбора не было. Он пишет прошение по состоянию здоровья уйти за штат, то есть временно на неизвестный срок оставить служение в храме. И вот отец, не оправившийся от болезни, с ежедневными инъекциями инсулина, остался один на один с семьёй из шести человек, в которой только Агафья Арефьевна получала восьмирублёвую колхозную пенсию.

Если условно разделить нашу жизнь на две части, именуемыми «до болезни» и «после болезни», то вторая её часть – вся, сплошь и рядом, полная тревог и страданий. И болей, болей, болей… Нескончаемых болей.

* * *

Незримый спутник – равнодушье
Моим сознаньем завладел,
И в буднях сумрачных и душных
Я вдруг увидела предел.

Любви и лжи, страданью, страсти,
Предвосхищенью новых дней…
Всё ближе стало и контрастней,
Знакомей, круче, тяжелей.

Жестоко в мире и не вечно.
Как механической рукой
Судьба знакомо – бессердечно
Зла барабан вращает свой.

Грядёт – слышна! – уже расплата
За беззаконье, произвол…
Но разве в том я виновата,
Что крест познанья так тяжёл?

В 1-м ряду слева направо: Папа, священник Василий Кмита, священник Александр Огурцов.
Во 2-ом ряду в центре: Староста храма Василий Григорьевич Чурзин. г. Коломна.

Храм Богоявления.

Во время богослужения.

Слева от папы бабушка Агафья, справа –
её родная сестра Екатерина Арефьевна Шибанова.

Прогулка с детьми. Папа с мамой,
Серёжей и Мишей.

Пчеловодство – любимое увлечение.

Во время уборки картофеля. Мы с мамой на переднем плане, сзади – папа.

Прогулка в лес. Папа с Мишей и собачкой Малышкой.

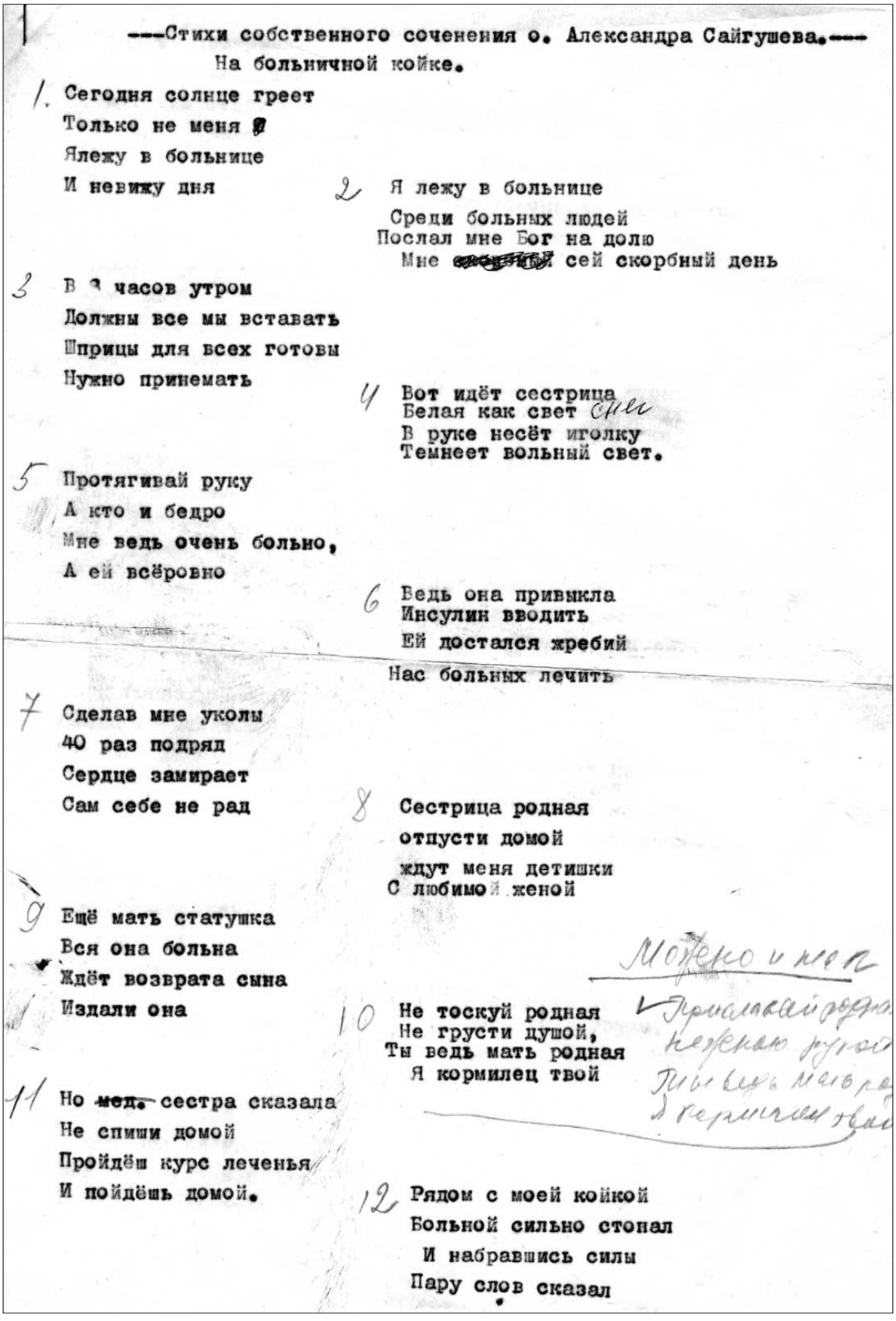
Заозерье. На праздничном богослужении. Справа – папа, в центре о. Димиртий Фролов. 1973 год.

Папа, Миша, мама, бабушка Агафья, о. Димирий Фролов у дома 40 по улице Садовой.

Папа трудится в саду, обрабатывает цветник.

Папа, мама, Миша.

Мама, папа, священник Виктор Ерохин.



---Стихи собственного соченения о. Александра Сайгушева.---

На больничной койке.

1. Сегодня солнце греет
Только не меня
Ялежу в больнице
И невижу дня

2 Я лежу в больнице
Среди больных людей
Послал мне Бог на долю
Мне сей скорбный день

3 В часов утром
Должны все мы вставать
Шприцы для всех готовы
Нужно принемать

4 Вот идёт сестрица
Белая как свет
В руке несёт иголку
Темнеет вольный свет.

5 Протягивай руку
А кто и бедро
Мне ведь очень больно,
А ей всёровно

6 Ведь она привыкла
Инсулин вводить
Ей достался жребий
Нас больных лечить

7 Сделав мне уколы
40 раз подряд
Сердце замирает
Сам себе не рад

8 Сестрица родная
отпусти домой
ждут меня детишки
С любимой женой

9 Ещё мать статушка
Вся она больна
Ждёт возврата сына
Издали она

10 Не тоскуй родная
Не грусти душой,
Ты ведь мать родная
Я кормилец твой

11 Но мед. сестра сказала
Не спиши домой
Пройдёш курс леченья
И пойдёшь домой.

12 Рядом с моей койкой
Больной сильно стонал
И набравшись силы
Пару слов сказал

Стихи. Автор Александр Сайгушев.

13 Отпусти сестрица
Хотя он больной
Ждут его старушки
В церкви вековой

14 Если не отпустишь
То вспомнишь ты меня
Целый день старушки
Будут у окна.

15 Точно так и было,
Каждый день подряд,
Как только рассветает
Идут старушки в ряд

16 Тянутся к больнице
Как буд-то журавли
Между собой толкуя,
К какому же окну.

17 А ктото из них знает
где моё окно
Тот быстрей стремится
Показать его.

18 Вот они подходят
Кланяясь все в раз,
Батюшка любезный,
Благослови ты нас.

19 В уме благословляя
Я к Господу взывал.
Боже всемогущий
Ты мне паству дал.

20 Благослови их Боже
Щедрою рукой
И ниспошли им Боже
Душевный твой покой.

21 Что-бы все невзгоды
Они перенесли,
И в слезном покаянье
Все к тебе пришли.

22 У каждого есть скорби
Болезни и труды,
Ты ведь Сердцевидец
В этом помоги

23 Помоги же Боже,
В скорбях не унывать,
И в горестях и в радостях,
Тебя не забывать!

МАРТ 1977год.

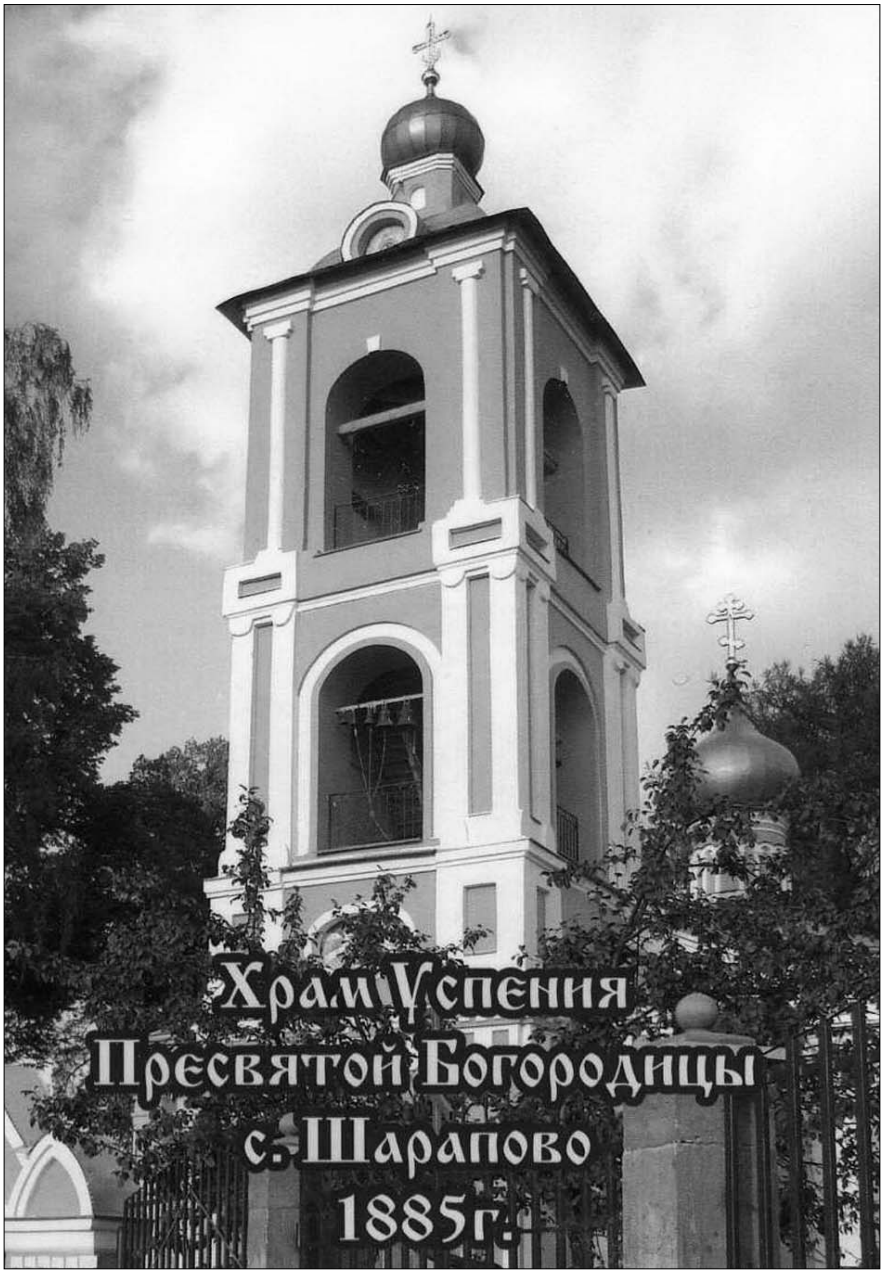
Стихи. Продолжение.

Папа и мама.

У прихожанки бабы Веры Кучкиной. Справа от папы – баба Вера.

Глава 12.
«КУДА ЗОВЁШЬ, ТРОПИНКА МИЛАЯ…»

Воскресенье, 15 сентября 2002 года. – День Ангела. – Договор с церковным советом. – Служба в Успенском храме села Шарапово Одинцовского района. – Священник о. Иоанн Брайко. – Сёстры Анна, Раиса, Вера. – Духовные сёстры – две боголюбивые прихожанки Мария Васильевна Стёпочкина и Ольга Васильевна Пузикова. – Акафист иконе Божьей Матери Всех Скорбящих Радость. – Моя молитва.



Успенский храм с. Шарапово

Воскресенье 15 сентября

Ласковый день выпал на воскресенье 15 сентября 2002 года. Едва проснувшись, быстро подхожу к окну и не просто вижу, а впитываю каждой клеткой тела и разума всё богатство бабьего лета. В лёгкой синеве неба одиноко застыло далёкое солнце, а вблизи, под окном,– и до горизонта полыхают огненно-жгучие краски земли. Кажется, что вся природа находится на пике какого-то необычного свершения, милой нечаянной радости,– так трогательно дышало убранство осени. Такая тишина и покой объяли всё сущее на земле, что приближение чуда казалось близким и неминуемым.

Только острая боль начинала колоть глубоко под ложечкой, нет, не в том видимом физическом теле, но в том, которое является душой. Эта боль пронзала всё существо, доходя до самой основы сознания, настойчиво напоминая о неминуемом, которое надвигалось, как неизбежность – быстро и стремительно – на нашу семью. И ничего нельзя было изменить в ходе событий, не поправить, не остановить, не направить по другому пути, не отсрочить. Ничего… Просто сейчас надо принимать каждую минуту так, как она есть, и жить ею. Без вопросов и ропота принимать как данное мир, созданный Господом.

Было непонятно, а потому и страшно, что нельзя осознать эту возникшую боль, дать ей определённое название, определить хотя бы её начало. И хуже всего, не знать, когда она тебя отпустит. Единственное, что утешало – воля Божья. Терпеть, ждать и жить. Жить с молитвой. Только с молитвой, обращённой к всемогущему Господу: «Помоги, Отче наш!»

Надвигались слёзы. Надо собираться в посёлок, на родную Садовую. Там ждут.

Звоню маме, узнаю, как дела, как прошла ночь, утро. Мама спокойно рассказала, что отец спал хорошо, сейчас принял инсулин, таблетки. «Только вот ноги очень болят, погода изменилась, что ли!» – добавила мама рассеянно, и я поняла, что не всё так хорошо, как сказала она. И ещё поняла, что она просто не хочет меня расстраивать, не хочет верить сама и говорить об этом нам. Другого я и не ждала.

… Мои сыновья Ваня и Антон собрались быстро, нарядились: ведь сегодня дедушкины именины. Дети молодцы, видят моё тревожное настроение и не задают лишних вопросов, кроме: «Ну, как дедушка?»

Подарки, продукты, шприцы и ампулы гружу в сумки и пакеты. И вот мы уже подходим к родительскому дому. Солнце припекает, как летом. Какая благодать!

Дверь в доме не закрывается, открыта в ожидании близких людей, чтобы лишний звонок не разбудил дремлющего именинника. Отец только что принял уколы, лежал с прикрытыми глазами, конечно же, не спал, лишь делал вид, что спит, и прислушивался к тому, что происходит вокруг, и очень старательно благодарил Всевышнего за новый миг жизни.

Чуть позже он озвучит свои мысли: «Я и так лишнее живу, просил у Бога времени до Пасхи, очень уж хотелось Светлое Христово Воскресение встретить с вами, а сам живу и живу».

Ваня с Антоном тихо подходят к дедушке, целуют в щёку. И я вижу, с каким состраданием они смотрят на него, раньше всегда энергичного, сильного, а сейчас беспомощного. Ване –17 лет, Антону – 14. Взрослые, умные мои дети, всё понимают, наравне с нами и переживают не меньше нашего. Они быстро включаются в дела, помогая взрослым собирать праздничный стол.

Я присела рядом с отцом. Очень не хочется акцентировать разговор на болезни, тем более на его состоянии. Я чувствую, как он уходит от нас почти с каждой секундой, но ни с кем не могу говорить об этом. Не имею права. Потихоньку вызываю его к разговору, начиная с дежурных фраз о по-

годе, потом уж перехожу к расспросам о самочувствии. Осторожно, чтобы не расстроить. Но он опережает меня: «Не знаю, Ольга, как сяду за стол, ноги болят…очень»,– и молчит, ждёт, что я отвечу. «Пап, а давай я сделаю тебе обезболивающее, и полегче будет» – «Делай!» – соглашается он неожиданно. Я делаю ему внутреннее вливание сильных болеутоляющих средств, медленно надавливаю на поршень, чтобы лекарство поступало в организм постепенно, слежу, как спасительная жидкость постепенно уменьшается в шприце, сама же в это время по привычке смотрю в глаза, слежу за реакцией: вижу, что каждая капля прибавляет моему отцу жизни – равносильно – на капельку, на одну маленькую капельку, вижу (и мне становится страшно), что ни один мускул не шевельнулся на лице моего родного пациента. Лицо осталось неподвижным, только прибавилось, по сравнению со вчерашним днём, новое количество скорбных морщин и складок, да появились под глазами серые круги.

Так что обстановка была не такой уж безмятежной, в чём меня пыталась убедить по телефону мама. Я замечаю, что он не переводит в мою сторону взгляда, а смотрит вперёд и вверх, хотя он и так знает каждое моё движение, каждый чуть слышимый вздох. Уровень лекарства в шприце всё ниже, я замечаю, что отцу становится легче: перестала дёргаться правая нога, замерла рука, растирающая правую культю. Слава Богу, помогло! Закончив процедуру, чувствую, что не могу оторваться от стула. Тяжесть, словно бы сверху, давит на меня, звенит в ушах, дрожат коленки. Что со мной? Хочется рыдать, кричать, но нельзя. И даже бы можно было это делать – не хватило бы сил. Они, силы, медленно покинули меня, иссякли, как будто вошли в отца, а меня становится всё меньше и меньше. Осознание ухода сил до меня доходит не сразу. Но вот оно дошло – я начинаю понимать чувство нелепого движения вслед за отцом. Я вглядываюсь в дорогое мне лицо… Боль под ложечкой отступать не хочет, мысли мои не здесь и не заняты приготовлением стола, они примерно там же, где и у него, и думаем мы, хотя и не синхронно, но об одном и том же: «Сколько осталось? Когда? Как?» И удивительно, переживая много раз, я пыталась, как медик, представить его кончину (исходя из его больного сердца, гангрены второй ноги, почечной недостаточности),– ни один вариант не оказался верным. После я поняла: предположи хоть тысячу вариантов,– Господь пришлёт тысячу первый, чтобы показать нам ещё раз великую силу свою и малую веру нашу…

Но это будет через два дня. Сейчас отец потихоньку, с помощью мамы, надевает белую рубашку, галстук, брюки. Внуки крутятся вокруг, стараясь хоть чем-то да помочь и просто поговорить с любимым дедушкой, рассмешить его. Вот они обрызнули его одеколоном и смеются, глядя, как дедушка фукает, через силу раздувая свои бледные щёки, слабыми движениями рук пытается разогнать запах, сам с трудом улыбаясь. Он счастлив, что его любимые внуки рядом. Собравшись, он словно ожил. Присев на кровать, стал расспрашивать ребят об учёбе, о школе. Но больше слушал, говорить ему было трудно.

С заплаканными глазами, неслышно, почти на цыпочках, вошла младшая сестра отца Анна Михайловна (они с мамой уже наревелись на кухне). «Нюра, ты?» – услышав шаги, тихо спросил отец и перевёл в её сторону невидящий взгляд. Обнялись. Она поздравляла своего брата с Днём Ангела, говорила хорошие слова, то и дело утирая слёзы. Он не видел этого. Но знал всё, имел ещё немного сил, чтобы перенести и эту сцену то ли встречи, то ли прощания…

У всех, кто входил в комнату, наворачивались слёзы на глаза, и все спешили поскорее отвернуться друг от друга и, главное! – от отца, чтобы он вдруг не заметил общего скорбного настроения. Только маленькая внучка Катюша (ей тогда было около трёх лет), не очень понимая, что происходит, суетилась под ногами, то упорно помогая дедушке надеть непослушную тапочку на единственную ногу (а та надеваться никак не хотела), то везла волоком тяжёлый для неё костыль, опираясь на который (она знала) дедушка добирался до стола.

Совершив молитву, все расселись за столом. Собрались на сегодня только самые близкие.

Ненадолго забежал внук нашей прихожанки – Игорь. Он попросил у батюшки благословения, предугадав, видимо, что другого случая не представится.

Его бабушка не оставляла любимого батюшку, как говорится, ни в радости, ни в горести. В нашем доме она бывала частым гостем.. У неё имелся сад, и она охотно делилась с отцом чудесами своего цвето – ягодо – овощеводства, тем более что его такие рассказы очень интересовали. Раздобыв где-нибудь новый цветок, семена или кустик, они незамедлительно обменивались друг с другом отросточками, потом живо обсуждали успехи своего мастерства: у кого быстрее принялся черенок, сколько дал почек, когда зацвёл и зацвёл ли вообще. Разговоров до бесконечности…

Пришла она и сегодня. За столом поздравляли именинника. Говорили о погоде, урожае этого года, о школе, духовной жизни. Все старались поддерживать разговор, но, несмотря на это, он не очень клеился, и паузы, поднимаясь одна выше другой, всё чаще зависали над праздником. Папа устал. Он быстро уставал находиться в одном положении и старался часто его менять. Сейчас попросил отвести его на кровать, подложить под спину повыше подушку, чтобы, таким образом, поудобней, как ему казалось, устроить себя.

Устроив, совершенно неожиданно, то ли с укоризной, то ли наоборот, он заговорил: «Ну, что же вы! Пирогов наелись, а песни петь не хотите? Ну-ка запевайте!» – Зависла, самая длинная из всех, пауза, что-то сотворилось такое, что было выше всех наших сил. Вот оказывается всё как просто: праздник – и, будьте любезны, пойте хорошие песни! Недоговорённости, недовзгляды стали таять, всё становилось как всегда. Ничего же не случилось! День Ангела, чего же вы сидите, как прикованные, и чего же вы боитесь? Рано, время ещё не пришло! И не давая никому опомниться, отец запел сам. Ровным, чистым, красивым, как всегда, голосом. Только не слышалось в нём уже той силы, того задора, который когда-то заставлял цепенеть.

Домашние рассеянно подхватили: «…тропинка милая, куда ведёшь, куда зовёшь…». Я не могла видеть состояние каждого, потому что обстановка последних дней достигла моего безысходного душевного пика, и тут, вдруг, завершилось, казалось бы, совсем неподходящей к данной ситуации развязкой. У меня полились слёзы, и я выскочила из комнаты.

Сидела на кухне, не умея придти в себя. А за тоненькой стенкой слова песни из юности моих родителей, всё о той же тропинке, нагоняли ещё большую печаль: «…куда ведёшь, куда зовёшь?» Сейчас, придя в себя, опомнившись, домашние пели и дружно, и слаженно. И всё-то хорошо было в этой песне. И всё к месту. И светлая печаль по ушедшей молодости, и память о радостных днях… Не было одного: надежды на завтра.

А тропинки и стёжки-дорожки у каждого свои. Милые и незабываемые, трудные и нежеланные, исхоженные и непройденные…

Спустя десять лет после смерти отца я решила пройти по трудной дороге родителя к храму Успения Пресвятой Богородицы, что в селе Шарапово-Носово Одинцовского района. Сюда на службу митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, после отчисления по болезни за штат (14.07.1977 г.),– был благословлён мой отец. Это произошло на основании прошения от 15 декабря 1977 года. Отец много молился, и Господь послал ему свою милость. Оправившись после тяжёлой болезни, он не знал покоя и был рад возможности принять любой приход, чтобы нести в народ слово Божие. Правда, далековато от дома находился приход (4–4,5 часа езды в один конец), но он смиренно и с благодарностью вернулся к служению.

Из договора: «Мы, церковный совет Успенской церкви села Шарапово Одинцовского района Моск. обл. заключили временный настоящий договор на время болезни нашего священника протоиерея Георгия

СПРАВКА

Село Шарапово с деревянной церковью во имя святителя Николая известно с середины XVI века. В смутное время село и храм были уничтожены, и лишь к средине XVII века, судя по переписным книгам, пустошь стала заселяться, находясь во владении Саввино-Сторожевского монастыря.

Новый владелец села М. А. Воинов в 1685 году построил церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Во второй половине XVIII века село стало «экономическим». В 1860-х годах в селе Шарапово местные крестьяне Пётр Егоров и Герасим Афанасьев открыли производство ходиков и настенных часов, которое привело к возникновению в начале XX века часовой фабрики В. И. Платова.

В 1874–1879 годах по проекту архитектора И. Т. Владимирова был построен каменный Успенский храм с приделами в честь иконы Божьей Матери «Всех скобящих радость» и во имя святителя Николая.

Церковь закрыли в 1930 году. В 1946 году она возвращена верующим.

С декабря 1977 по июль 1978 г.г. здесь, в церкви села Шарапово Одинцовского района, проходила служба о. Александра Сайгушева.

В настоящее время настоятелем храма состоит о. Иоанн Брайко.

Рзянина со священником Александром Сайгушевым. Священник Сайгушев обязуется выполнять все праздничные Богослужения, в том числе и требы, которые совершаются как в храме, так и на дому (причастие, соборование)…»

Мама не оставляла отца одного, они отправлялись в путь вместе. Потому что к применению лекарств, восстанавливающих функции печени и поджелудочной железы, накрепко присоединились уколы инсулина (три раза в день). Металлическая коробочка-стерилизатор, шприцы, иглы, флаконы с инсулином следовали теперь за отцом неотступно. В церковной сторожке мама промывала использованные шприцы, разбирала, кипятила в течение сорока пяти минут, перед приёмом пищи вводила инсулин и снова разбирала, промывала, кипятила, готовилась к следующей инъекции. В то время не было одноразовых шприцов с тонкими иглами, поэтому вся процедура была довольно обременительной и болезненной. Инсулин вводился в плечи, живот… Потом, когда от боли с трудом поднимались руки, переходили на бёдра. И опять по кругу, поочерёдно давая зажить то одним, то другим участкам тела. Значительно сузился перечень продуктов, которые можно было принимать в пищу без вреда для здоровья. К тому же, начало пошаливать сердце. А отцу всего лишь сорок лет!

За всеми неполадками здоровья неотступно отслеживала мама. Она в любой момент могла оказать ему посильную помощь. Не оставляли своего духовного отца две сестры – две боголюбивые прихожанки Мария Васильевна Стёпочкина и Ольга Васильевна Пузикова. Они часто вместе с батюшкой и матушкой следовали на службы в Успенскую церковь села Шарапова. Нелегко приходилось. Часто, чтобы во время начать утренние Богослужения, они вчетвером в пятницу с вечера собирались в поездку. Я помню, что сборы были в нашем доме, все вместе ужинали, мама налаживала в дорогу продукты и лекарства и, помолившись, отправлялись в путь, иногда даже в четверг.

Ночевали в домике за амбаром. Рабочий персонал располагался в церковной сторожке. Пекли просфоры, стирали, обслуживали отопление. Служители храма нового батюшку сразу же полюбили, относились к нему заботливо и с уважением.

Мама вспоминает: «Была зима, мы намёрзнемся дорогой, а нас уже встречают. В доме натоплено, чайник греется. Хорошие, добрые люди…».

Прихожане также полюбили нового пастыря: знающих порядок Богослужения и незнающих его он сразу покорил своей обязательностью и принципиальностью. А как он вёл службу! Как подавал возгласы! С неподкупной искренностью читал и пел, беспредельно веря в то, к чему всё это от-

носилось. Даже стоящие у самых дверей храма наслаждались его звонким проникновенным голосом и чётким произношением молитвы.

Приезд нового батюшки о. Александра Сайгушева был праздником для шараповских прихожан.

Старостой храма в то время трудилась худенькая подвижная Ульяна Кулагина, которая ещё долгие годы оставалась желанной гостьей в нашей семье.

Возвращались родители домой поздним воскресным вечером.

Во время их отъезда мы оставались с бабушкой: мне было 15 лет, Сергею –14, Мише –7. Агафье Арефьевне исполнился 71 год. И кто за кем присматривал,– сейчас не совсем понятно. Но мы жили дружно. Слушались бабушку, помогая ей в делах по мере своих сил и возможностей. Да и у взрослых дел было невпроворот. Хозяйство к зиме не уменьшилось: куры, утки, гуси, козы, овцы… В доме прыгали козлята, пищали цыплята в уголке за перегородкой, кудахтала их мама-наседка. Бабушка, не переставая, ходила с тряпкой, подбирая мусор и подтирая полы то здесь, то там.

Летом обрабатывали картофель, свёклу. Зимой свёклу и картофель добавляли в корм скотине. Козлят поили удивительно вкусным толокном. Я помню, как отец, разнося еду, бесконечно выходил во двор с ведёрочками, ведёрками, вёдрами, из которых клубами исходил пар.

Часто навещали нас папины сёстры. Особенно любили мы тётю Аню, младшую его сестру за её простоту. Она жила в посёлке Фосфоритный. Приезжала навестить нашу семью, свою маму. Пела нам старинные песни, иногда помогала по хозяйству.

Средняя, Раиса Михайловна, бывала у нас не так часто,– жила она в городе Новотроицке Оренбургской области. Но была лёгкой на подъём. Приедет, бывало, с небольшим рюкзачком за плечами, словно ехала не двое суток поездом, а всего пять минут комфортным автобусом. Её мы тоже любили. Она помнила много историй из жизни Коченяевки, охотно рассказывала их, подсмеивалась над собой и лечилась от всех болезней исключительно травами: одуванчиком и чесноком, калиной и бузиной и всем многообразием российской растительности, призывая к тому окружающих.

Старшая, Вера Михайловна, жила в посёлке «Красный строитель». Она бывала реже всех, но несла всегда в дом своё «старшинское» обаяние. Обещала всем, что будет жить до ста четырёх лет. Но не получилось…

Когда сёстры собирались вместе – мы проводили незабываемые вечера. Сёстры много вспоминали, пели, смеялись и плакали, а мы, будучи уже подростками, раскрыв рты, слушали их. Конечно, мы не всё понимали из их рассказов, а переспрашивать взрослых не разрешалось. Но они-то понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда. Безусловно, основой этих посиделок, можно сказать, центром притяжения, был отец. Самый младший из них, он знал и помнил жизнь родного села больше сестёр, рассказывал, не ошибаясь ни в датах, ни в именах и фамилиях, ни в прозвищах. Рассказывая или вставляя реплики, он заставлял всех смеяться до слёз.

Отец очень любил своих сестёр, обязательно для каждой к празднику припасал небольшой подарок.

Шараповский период совсем нелёгким остался в памяти семьи. Потому состояние моё и перед поездкой, и по пути к храму Успения Пресвятой Богородицы, да ещё в десятую годовщину смерти отца, было особенно волнительным.

Стоял жаркий день лета 2012 года. Одна электричка до Москвы, сплошной шум в наполненном до отказа вагоне, толкучка на Казанском вокзале, Белорусский вокзал, Электричка до Голицино. Такая же жаркая, такая же переполненная. Маршрутка. Здесь было хорошо. Пробок не наблюдалось. Народу мало.

Я заранее позвонила настоятелю храма о. Иоанну. Он назначил время встречи и ждал меня.

Но, тем не менее, волнение овладело всем моим существом, тихая дрожь во всём теле не отпускала ни на секунду: неужели

вот по этой самой дороге, где с обеих сторон зеленеет лес, где от высоких сосен падают на горячий асфальт резные тени, где за бортом маршрутки белые зонтики цветов превращаются в сплошную пенную полосу,– нежели вот по этой дороге не однажды, будучи молодыми, ездили на службу мои родители? Неужели всё это было – стояло над ними такое же голубое небо, пролетали рядом такой же лес, травы?.. Та же дорога, мельканье встречных машин…

Сердце подсказывало мне, что родители не могли не оставить в этих красивейших местах частицы своих душ, и что они, эти частицы, нашли здесь меня, признали меня, вызывая необычайный телесный трепет.

День был воскресный. Только что закончилась служба. Батюшка радостно встретил меня, благословил, показал храм и его территорию, рассказал о прошлом и настоящем духовной обители. Но одна из многих великих радостей мне досталась совсем неожиданно: о. Иоанн принёс и показал мне акафист иконе Божьей Матери Всех Скорбящих Радость, переписанный собственноручно моим отцом и подаренный в 1978 году шараповскому приходу. Более 30 лет, до сегодняшних дней, эта бесценная рукопись бережно хранится в храме, помогая настоятелю во многих Богослужебных делах.

А ещё я увидела старенький домик, в котором, приезжая сюда, останавливались мои родители. Поднялась по ступенькам, услышала их тихий скрип, подумала, что, наверное, и тогда были эти же ступеньки и, возможно, издавали такой же звук. Но пусть даже не те были ступеньки, и звук был несколько другой, но всё равно дорогой мне, как и теперешний. По-другому и быть не могло. Я дышала тем же воздухом, молодым и красивым, которым когда-то дышали отец и мама. И этот сегодняшний мир крепко-накрепко соединял меня с той незабвенной эпохой, с теми думами и переживаниями, что, не старея, витают и сейчас над храмом и будут витать всегда. Такова память сердца, души, тела. Сильней памяти не бывает.

Когда о. Иоанн закончил свою небольшую экскурсию, я попросила разрешения войти в храм. Недалеко от входа девочка лет двенадцати выбивала небольшие коврики. По обе стороны дверных проёмов красовались крупнолистные герани. Внутри храма, после службы, шла уборка. Две женщины отскребали от полов застывший воск. На меня они не обратили внимания. В храме, после яркого солнца, казалось темновато. Я зажгла несколько свечей. Маленькие огоньки от сквозняка оживлённо закачались, словно повторяя мою мысленную молитву, при этом выделяя каждое слово и акцентируя внимание на главных словах.

Я представила, как мой отец открывает Царские врата и выходит: красивый, молодой, торжественный. Слышу, как запел церковный хор, расхваливая Богородицу, слышу голос – до боли родной и трогательный… Я поняла, зачем столько лет стремилась сюда.

Вышла на улицу. Солнце раскалило зенит, жара не спадала. Передвигались, не торопясь, люди, убирающие территорию храма. По-хозяйски, тихим спокойным голосом отдавал распоряжения о. Иоанн. Следует отметить, что и сам внешний вид шараповского священнослужителя источал свет необыкновенного равновесия.

Наше знакомство с о. Иоанном Брайко состоялось очень необычно. Вот уж действительно пути Господни неисповедимы!

Прияв благословение на приход, молодой священник, обладая высоким интеллектом, заинтересовался прошлым своего храма и стал собирать исторический материал, с большим вниманием изучая каждый факт. Когда он в архиве встретил данные о служении в храме протоиерея Александра Сайгушева, то попытался разыскать его. Из различных источников уяснил, что о. Александр скончался в 2002 году. Тогда о. Иоанн решил разыскать матушку Марию Андреевну. По великой случайности это ему удалось. Сначала он написал письмо, потом приехал сам, чтобы навестить вдову. Бог дал возможность и ей спустя немало лет побывать в селе Шарапове, с которым связано так много воспоминаний. Молодая матуш-

ка Екатерина и её супруг о. Иоанн радушно встретили гостей, расспрашивая о житье-бытье, рассказывая о себе.

А через несколько лет выяснилась ещё одна случайность (а, может, не случайность): матушка Екатерина приходится духовной дочерью протоиерею Дмитрию Фролову… Не зря говорят, что мир тесен, коль теснота его так была угодна Господу нашему.

Через несколько лет моя мама перенесла инсульт: у неё нарушилась речь, движения… Казалось бы,– дружбе конец, мама не может ни письма написать, ни позвонить. Но о. Иоанн молился о ней и поддерживает её по сей день.

Господь посылает нам людей способных и готовых на самопожертвования, чтобы ещё и ещё убедить нас в реальном действии силы веры, чтобы мы, уповая на Господа, не отчаивались в любой трудной ситуации. Надо верить, что есть, есть они, люди, с горячими сердцами и бескорыстными душами, любящие Христовой любовью всех людей и призывающие к тому остальных. Только тогда можно надеяться на продолжение жизни, когда убеждаешься, что любовь есть, есть молодые люди, искренне верующие в Бога. И не лицемерие, а искренность, доходящая до детской простоты, движет и руководит ими.

Через несколько лет Господь послал нашей семье испытание за испытанием. После долгой болезни отошёл к Богу мой брат Сергей (30.07.2010), а вскоре – мой старший сын Иван (16.07.2011, скоропостижно, от сепсиса). Мама, не выдержав потрясения, слегла со вторым инсультом. Во всех этих горестях в числе первых, кто нашёл слова утешения, был о. Иоанн Брайко.

…Я опустила денежные пожертвования в специальные ящички-копилки и, помолясь, зажгла одну из свечей о здравии священника Иоанна и его благочестивого семейства.

* * *

Над поймою парил неспешно ангел,
Вокруг пустынно, рядом – никого…
Торжествен был венец, сияли длани
И облаченье белое его.

Небесная лазурь текла чуть слышно,
Он плыл по ней, расплёскивая свет
На старый парк, пруды, усадьбу, крыши
И свет на то, чего сегодня нет.

И радостью ответною светились
Земля в цветах рябишника, река,
И красными садами восходили
По берегам деревья – облака.

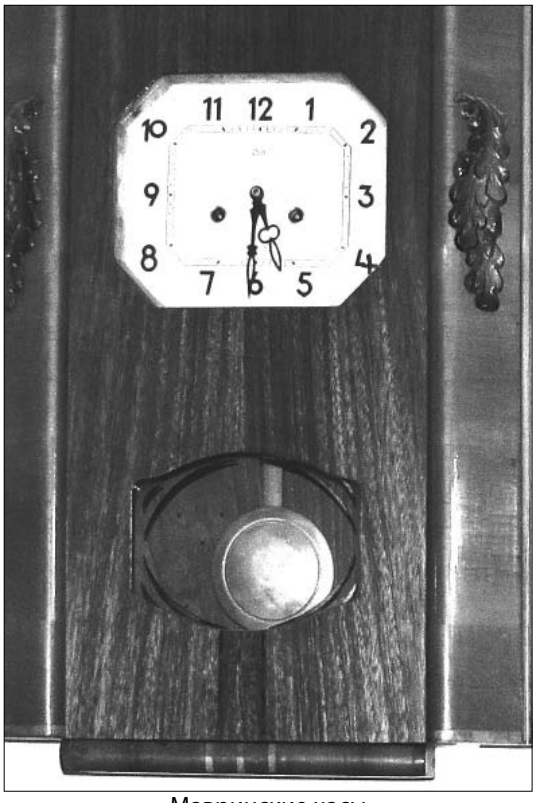
Качнулся день, как встретились два взгляда,
И поспешил уйти скорее вспять…
Сынок! Ты в детстве так боялся падать,
Когда же научился ты летать?

А он парил в безбрежное сиянье,
Благословив невидимо меня,
И долго-долго длилось расставанье
Над кромкой ускользающего дня…

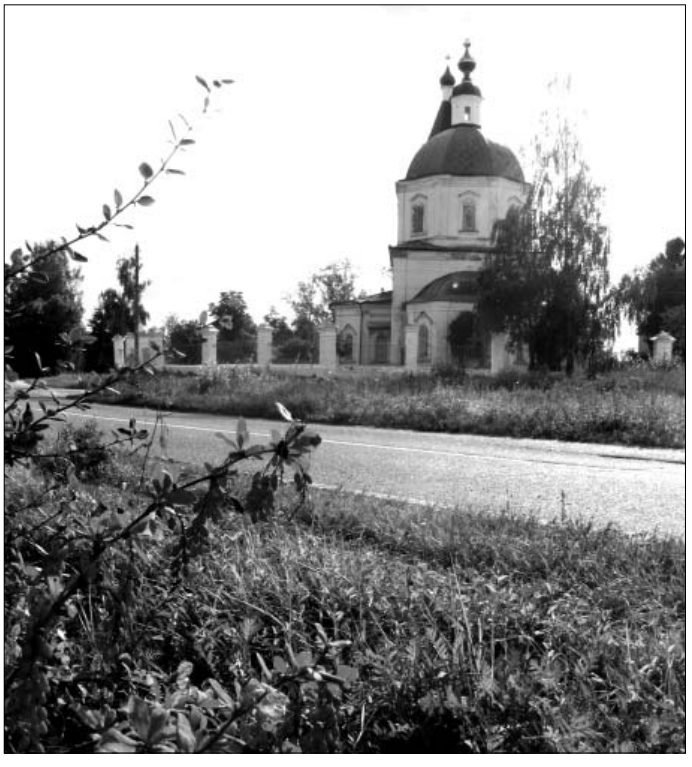
Исчез мой ангел, растворился, тая,
В немыслимо далёком далеке…
В душе осталась тень его святая
Да лепесток от облака в руке.

Я с подругой Мариной.

С бабушкой Агафьей.



Мавринские часы



Храм. Марчуги.

Ванечка с бабушкой и дедушкой.

Вход в храм. Шарапово.

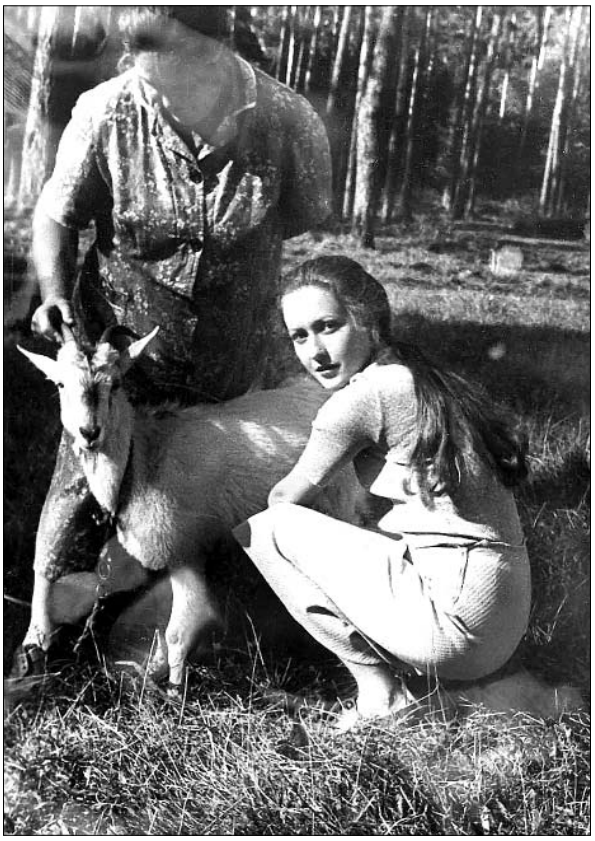
Дом, где жили папа и мама в Шарапове.

Во время богослужения.

Над крышей дома моего.

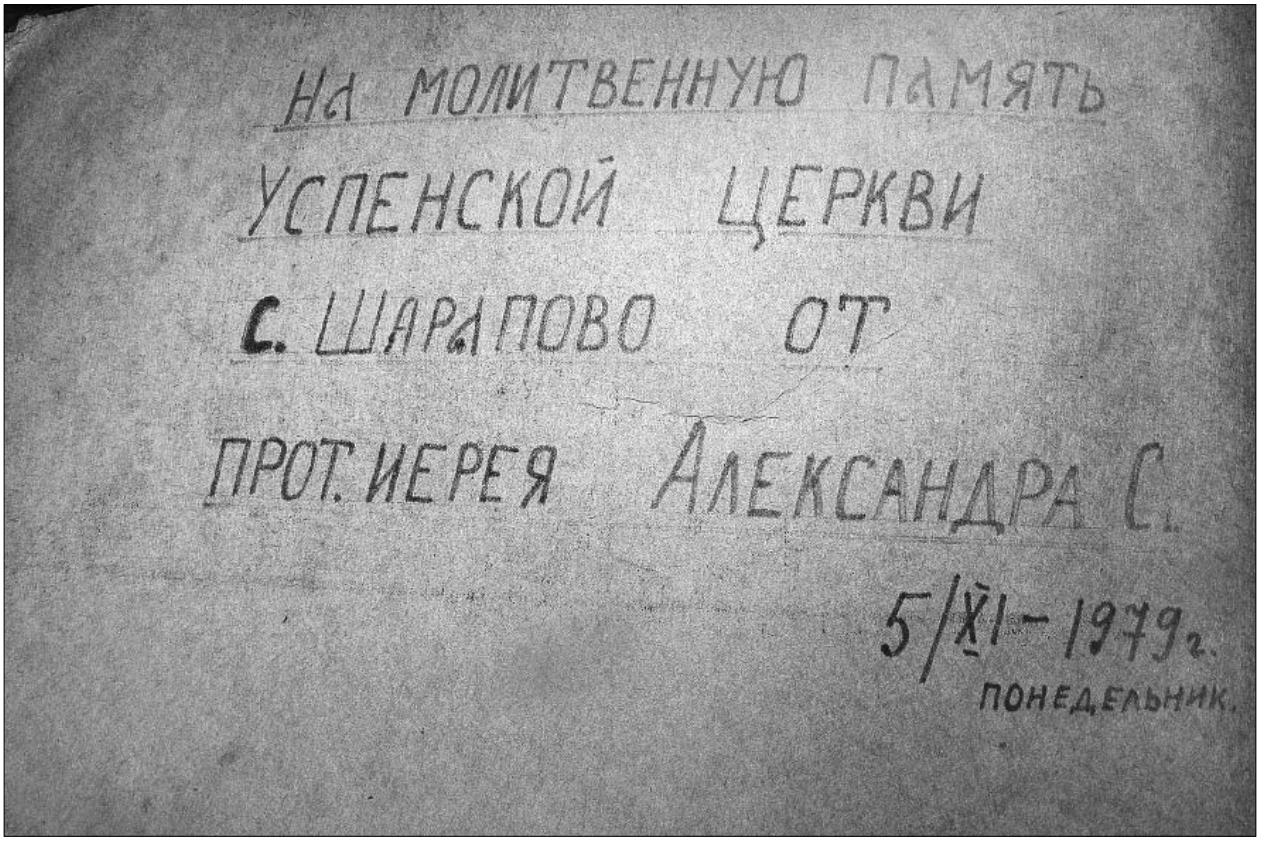
Я – в саду. Яблони цветут.

Папин подарок храму – собственноручно переписанный Акафист.



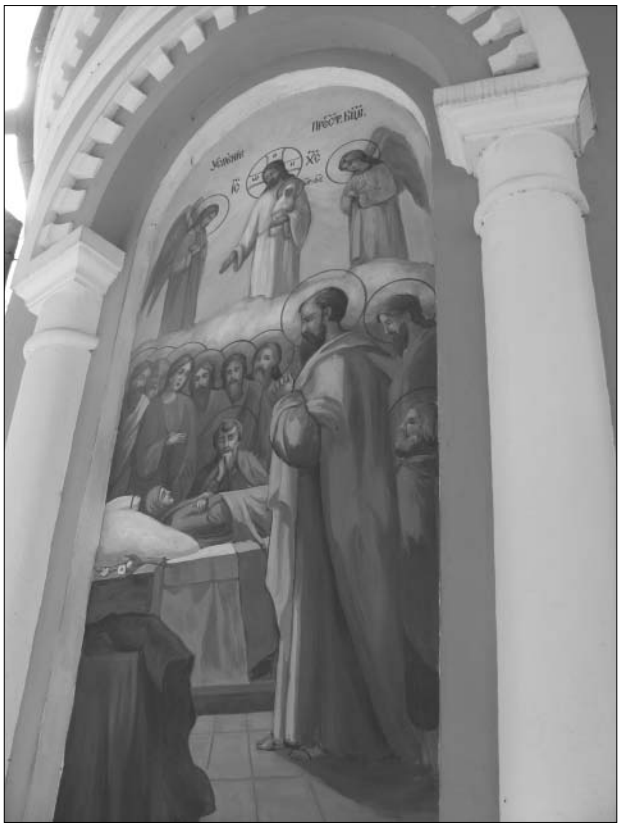
Я с мамой. Дойка козы Милки.

Гуси серые, гуси белые.



Акафист. Его страницы бережно хранит настоятель Иоанн Брайко.

Серёжа и Миша убирают картофель.

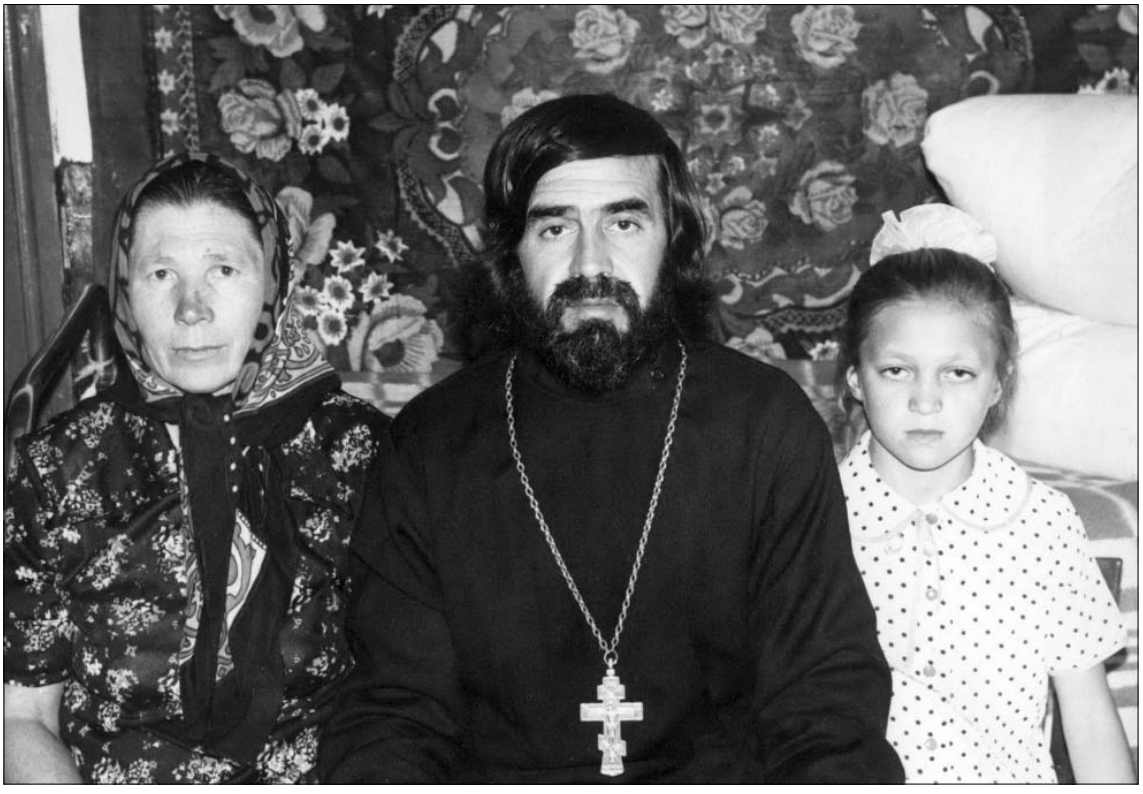


Фреска на храме. Шарапово.

Тропинка к церковной сторожке, где жили папа и мама. Шарапово.

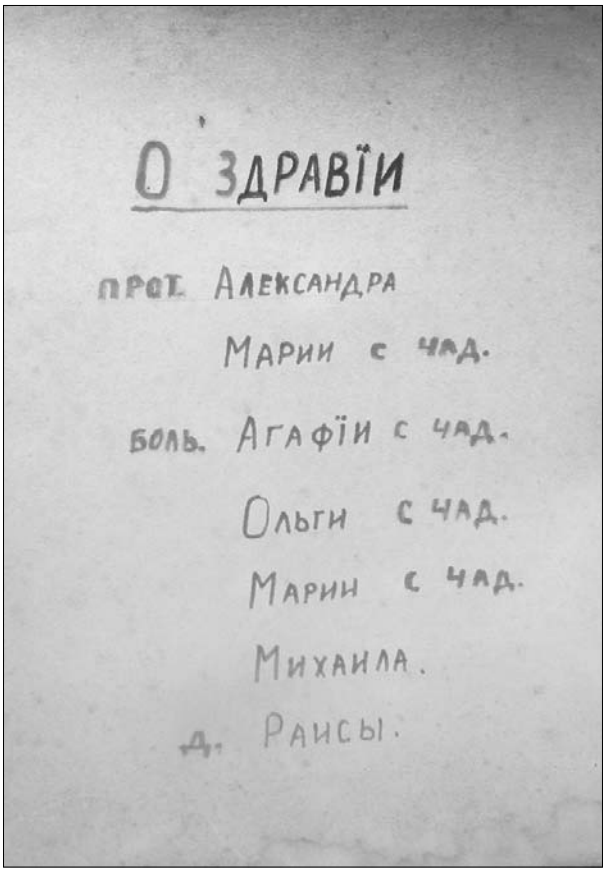
Бабушка Агафья с Мишей в лесу перед домом.

Лесное озеро.



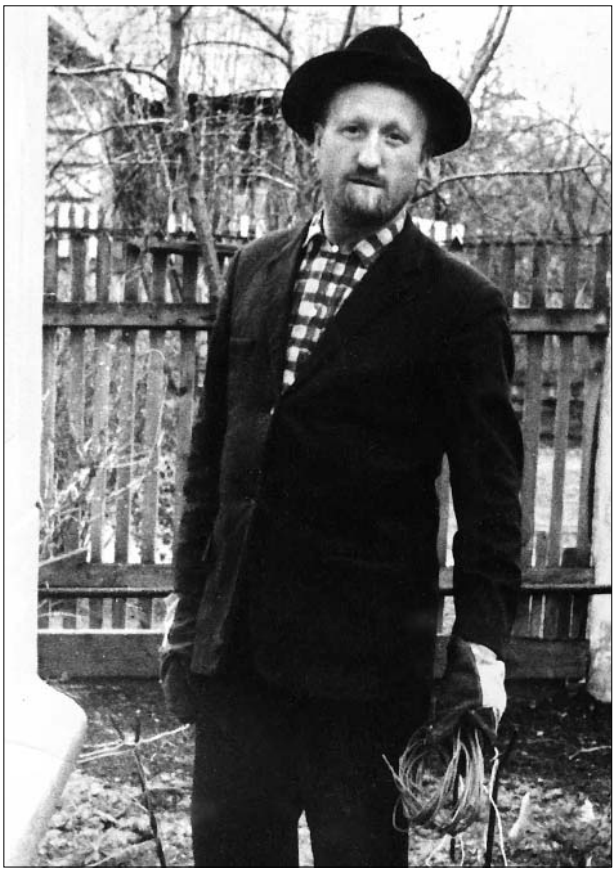
«На память родным от двоюродной сестры Клавдии, рукоположенного в священники Александра Ивановича Мартышкина, дочки Любы».

Нынешний настоятель Успенского Храма
о. Иоанн Брайко. Шарапово.



Из Акафиста.

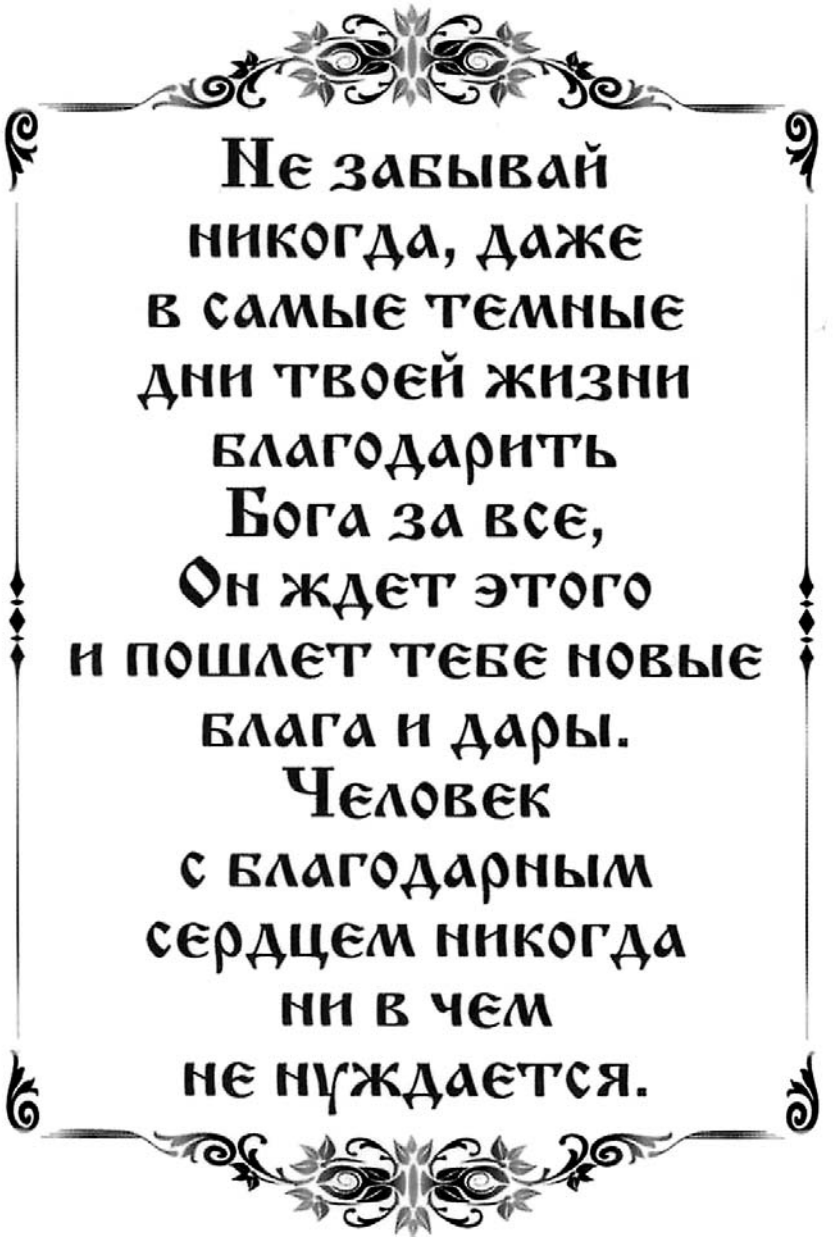
Окрестности Храма. Шарапово.



Папа работает в саду. Подвязывает кустарники.

Узнаёт хозяина.

Улица Садовая.


Не забывай
никогда, даже
в самые темные
дни твоей жизни
благодарить
Бога за все,
Он ждет этого
и пошлет тебе новые
блага и дары.
Человек
с благодарным
сердцем никогда
ни в чем
не нуждается.

Глава 12а. БЛАГОДАТНАЯ КАРПОВСКАЯ ЗЕМЛЯ – НАПОМИНАНИЕ О РОДНОЙ КОЧЕНЯЕВКЕ

Вторая половина воскресения, 15 сентября. – Настоятель Михаило-Архангельской церкви села Карпово. – Благодатная карповская земля – напоминание о родной Коченяевке. – «Саша Сайгушев – поп». – Водовоз. – Протоиерей Александр Захаров – крёстный отец брата Сергея. – Смерть бабушки Анастасии Яковлевны. – Служение, пение псалмов, молитв и духовных стихов. – Семейные перемены: несколько слов о моей личной жизни и брата Сергея. – «Идёт у Даниловых свадьба…». – Награждение палицей. – Смерть бабушки Агафьи Арефьевны.

Михаило-Архангельский храм с. Карпово.

Идёт вторая половина воскресенья 15 сентября 2002 года.

День ещё не закончился, но гости давно разошлись, унося на лицах печаль и слёзы. Дом притих, оставшись наедине с родными. Миша занимался хозяйством, Светлана убирала со стола. Мама от усталости еле держалась на ногах, но старалась не подавать вида. Лицо её заметно осунулось. Вокруг глаз ярче обозначились тёмные круги, морщинки сделались глубже.

В комнате, где, успокоившись от боли, лежал отец, прикрыв глаза, пахло лекарствами и пирогами. Уколы он принял спокойно и, можно сказать, безропотно. Не то, что в молодости, когда боялся даже вида иглы и старался избегать этой процедуры любыми способами. Но и будучи уже сорокалетним, приговорённым болезнью к постоянным инъекциям инсулина, через некоторое время отказался от них и принял решение лечиться таблетками. Как ни билась врач – эндокринолог Людмила Михайловна Сквозникова, убеждая несговорчивого пациента в необходимости инъекции, все её попытки не имели успеха. Но тут дело было не только в боязни уколов, а скорее в том, что технологически их выполнить намного сложнее и хлопотнее, чем принять таблетку.

Вынужденное несоблюдение режима питания, сна и отдыха – вот что сопутствует жизни каждого священнослужителя. Перед совершением богослужения не полагается принимать пищу и питьё.

И так, просыпаясь в шесть утра, первый завтрак приходился на два-три часа дня после завершения службы, молебна, крестин, венчаний, отпеваний. То есть тогда, когда состояние становилось почти предобморочным – организм требовал восстановления энергии. И если мама была рядом, а это не всегда случалось, то она, выступая, как говорят, и в роли лекаря, и в роли пекаря, как могла, следила за выполнением предписаний врача.

Праздничный день, справив домашние дела, тихонько подходил ко сну. Но над всем происходящим неумолимо застыл вопрос: «А что завтра?»

Есть ли на свете ещё что-нибудь равнодушнее времени? После кризиса болезни, пережитого в пятницу отцом и нами, неумолимые «мавринские» часы стали тикать как будто громче, и с каждым последующим «тик-так» более настойчиво спрашивать, глядя со стены: «Как – дела? Как – дела?», и, не дожидаясь ответа, сами же утверждали: «Хоро-шо! Хоро-шо!». А то вдруг забывались и опять задавали, но уже торопливо, вопрос: «Тик?..Тик?..». Пауза. Ответ: «Так! Так!» И далее сбивчивое продолжение аритмичных вопросов и ответов. Но мне это только казалось. На самом деле часы отбивали чёткие такты устойчиво, не нарушая ход времени – аритмично стучало сердце моё. Но понять тогда было трудно: часы дают сбой или я? Звуки немыслимо перемешались. А слышать хотелось одного: «Всё хорошо. Всё так».

Наступила ночь. Сна нет, лишь тревоги да опять это громкое тиканье часов, настойчиво создающих невыносимо откровенную череду мыслей: на каком «тик» или «так» остановится сердце отца, и душа его, покидая земной мир, уйдёт в обитель праведных? Но об этом никто из нас не знал…

* * *

Я чуть отвлекаюсь от худшего и своими мыслями, уже в который раз, уходя в недавнее прошлое, останавливаюсь в селе Карпово, куда по указу Митрополита Крутицкого и Коломенского № 645 от 14 июля 1978 года протоиерей Александр Сайгушев назначается настоятелем Михаило-Архангельской церкви.

Храм являет собой скромный образец сельской культовой постройки конца

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В своё время село Карпово принадлежало Никите Моисеевичу Зотову, учителю царевича Петра. На месте старой деревянной церкви в 1884 году по проекту архитектора Н. П. Маркина была сооружена новая. В притворе храма сохранилась металлическая закладная доска: «Сооружён сей храм во имя Архистратига Михаила в царствование Всепресветлейшего Державнейшего Государя Императора Александра Александровича с благословения Высокопреосвященнейшего Макария, митрополита Московского и Коломенского, в 1884 г. 8 июля и освящён в 1891 г. в 15 день декабря на пожертвования нижеследующих благодетелей: Михаила Егоровича Беляева, Евгении Андреевны Лукиной, Фрола Яковлевича Ермакова, Марии Григорьевны Михайловой, Акилины Сергеевны Клеевой, Акиндина Григорьевича Типаева, Фёдора Никитича Самойлова, Ивана Алексеевича Алексеева, Акилины Павловны Павловой, Елизаветы Михайловны Семёновой, Антона Петровича Катца и других жертвователей. Сооружением заведовало избранное попечительство из нижеследующих лиц:

Священник Василий Петрович Марков

Архитектор Николай Петрович Марков Ктиторы: Алексей Герасимович Карцев, Феодул Титович Титов, Федор Васильевич Меркулов,* – *далее неразборчиво.*

В списке жертвователей первым (а стало быть, внёсшим наиболее значительный вклад) стоит имя Михаила Беляева. Возможно, поэтому храм назван в честь имени его небесного покровителя – Архистратига Михаила.

Внутренняя отделка храма продолжалась вплоть до 1891 года.

Церковь в Карпове никогда не закрывалась. Храм издаёт приходской листок «Небесный воевода».

XIX века – бесстолпный, одноглавый с равновеликой трапезной и шатровой колокольней в два яруса. Храм Архангела Михаила находится на расстоянии немногим более километра от дороги, ведущей на Рязанское шоссе, в самом конце села. Чтобы до него добраться, надо пройти через всё село, мимо пруда, мимо бывшего русла Похрянки. Храм белоснежный, с позолоченными куполами, небольшой, уже более ста лет украшает собой скромный сельский пейзаж. Перед входом в храм имеются две иконы – Казанская икона Божией Матери и икона Архангела Михаила. Стараниями Воскресенского художника Валерия Даниловича Дегтярёва в 2001 году иконы поновились. В храме стало уже традицией на праздник Успения Пресвятой Богородицы плести нарядную дорожку из зелёной травы и цветов. Дорожка выходит из церкви на улицу, а далее, вокруг храма, где проходит крестный ход.

В прошлые годы народ приезжал в село Карпово издалека, но с повсеместным открытием церквей, прихожан стало намного меньше. Появились и спонсоры, один из них – известный московский кинорежиссер, дал средства на замену крыши. С Божьей помощью и материальной прихожан, была произведена внешняя реставрация храма. Крыша засверкала сусальным золотом, обновились кресты, колокол, а старые стены снова стали белоснежными. Вдоль церковных стен появились дорожки, выложенные красной плиткой, а у входа в храм – красивая небольшая площадь, для автомашин устроена автостоянка.

В церковной ограде находятся захоронения. Среди них могила священника Алексея Зернова, могила протоиерея Александра Коробейникова. Над могилой батюшки – небольшая часовенка. Духовные чада отца Александра часто приезжают на могилку и заходят в храм купить свечи и заказать поминальные службы.

История этого села уходит в глубину веков. Когда-то приписано оно было к волости Похряне, по имени полноводной реки Похрянки, протекавшей здесь несколько веков назад. Волость Похрянская (Похряне) упоминается среди прочих в известной духовной грамоте (завещании) Ивана Калиты, московского князя, составленной им перед поездкой в Золотую Орду (ок. 1339 г.): «… есмь сыну своему большому Семену… Коломну со всими Коломеньскими волостъми,.. . Похряне, Оустьмерську…» и т.д.

Михаило-Архангельский Храм, с. Карпово.

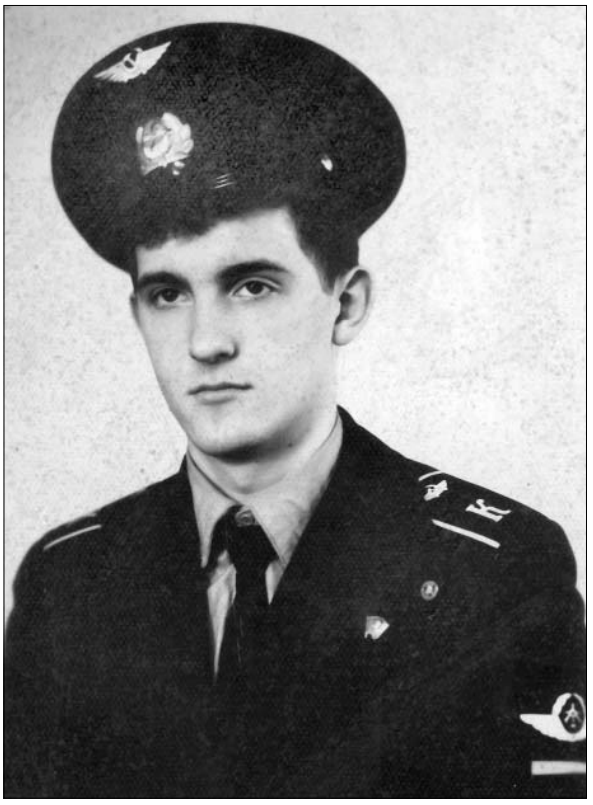
Возле храма. Слева от папы Ольга Васильевна Пузикова, Мария Васильевна Стёпочкина.
Справа, вторая от папы, Елена Спирина.

В храме.

Родители. В ожидании детей.

Венчание. Тётя Рая и дядя Ваня Карповы.

Я возле родного дома. 1983 год.



Сергей – курсант Егорьевского авационно-технического училища гражданской авиации. 1983 год.

Во время венчания. Брат Сергей
и Маргарита Викторовна Рязанова. Лето 1983 год.

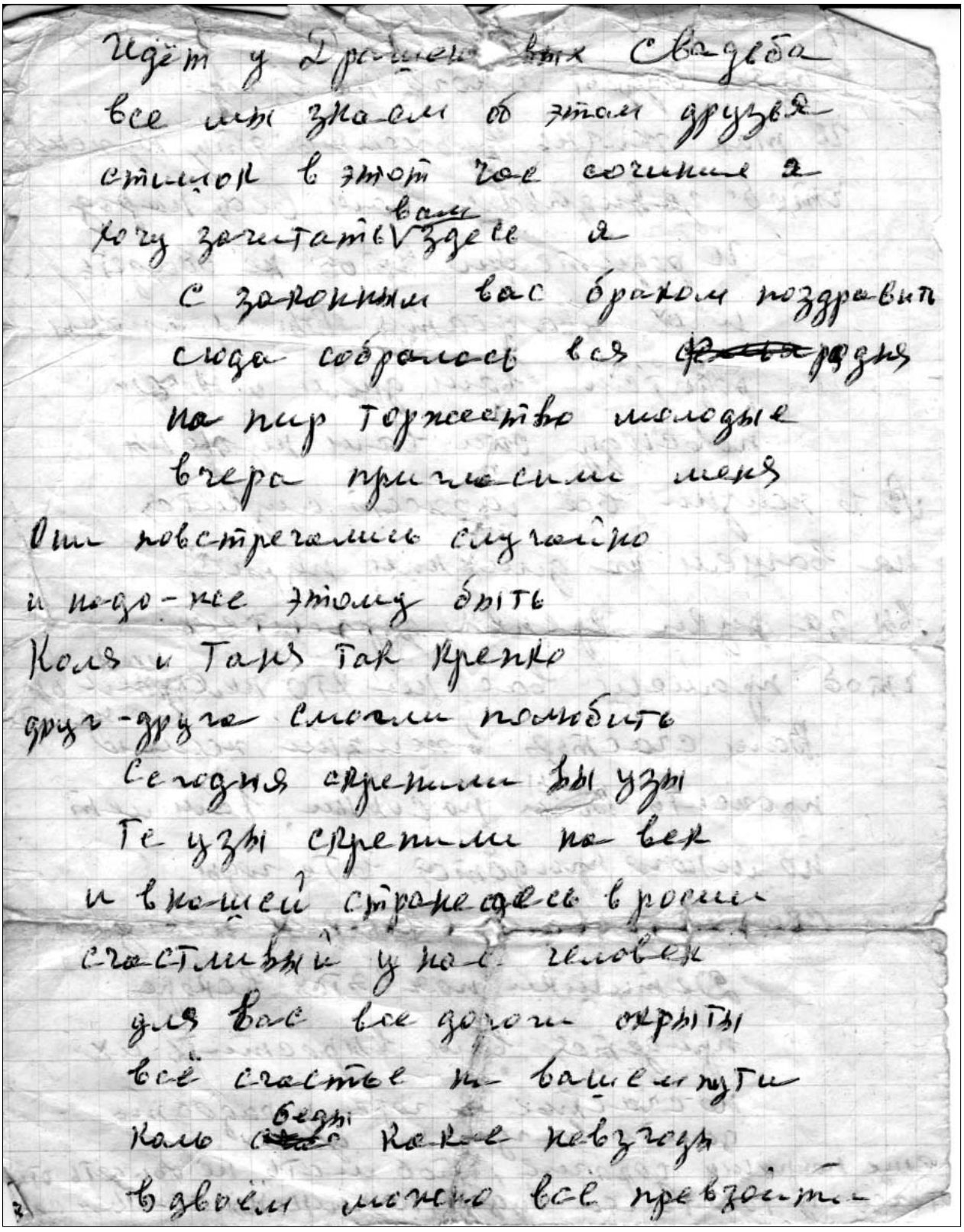
Моя двоюродная сестра Надя и Женя Даниловы.
Перед венчанием. 13 января 1984 год.

Венчается папина сестра Раиса Михайловна и Иван Маркелович Карповы.

В день приезда о. Николая Одинаркина (из Самары). В нашем доме.

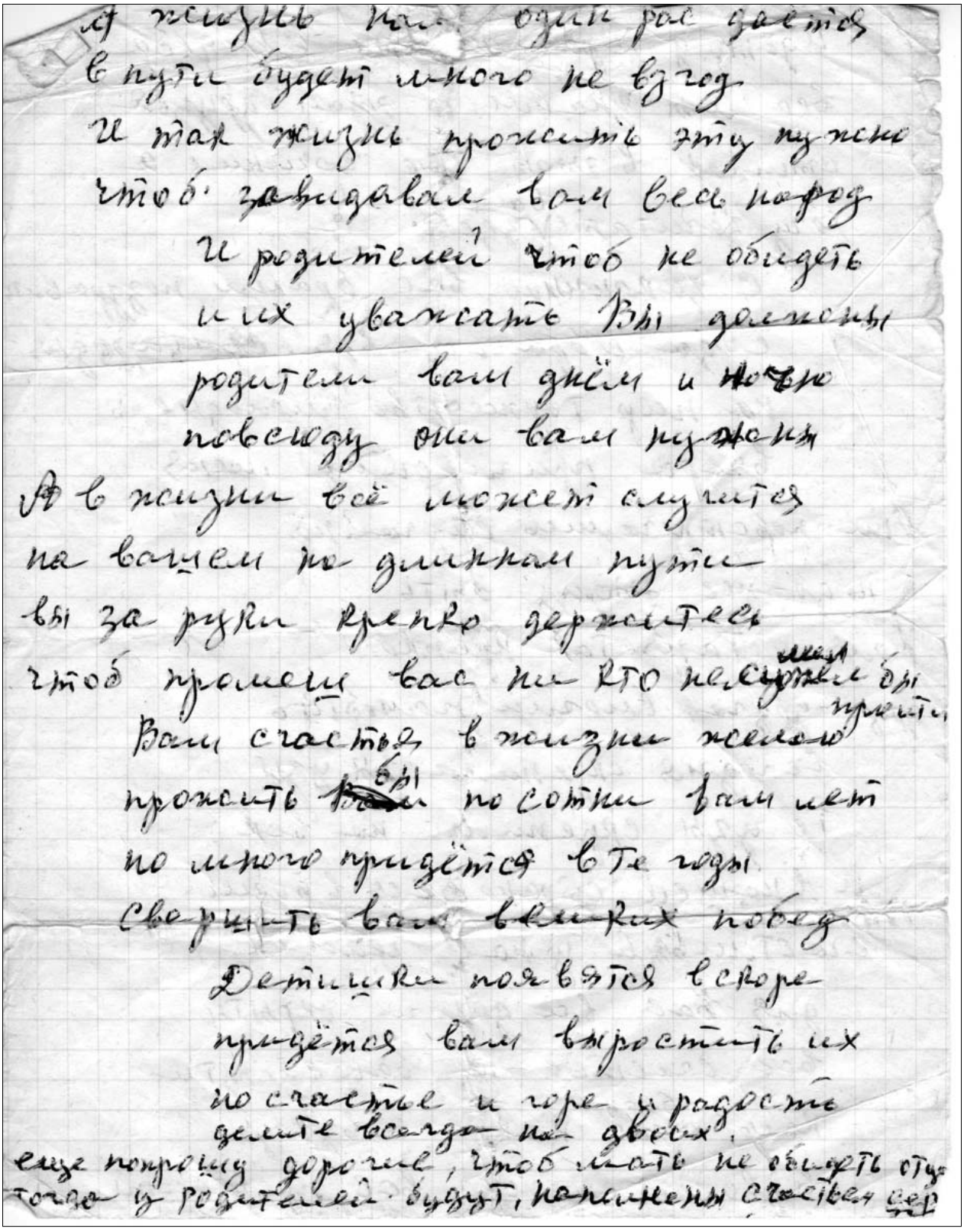
Я и Григорий Юрьевич Новиков. 11 января 1985 год.

Папа, Зоя Андреевна Новикова, Володя Артюшков, Григорий, я, Серёжа с Мишей, мама, моя подруга Марина (свидетельница), Юрий Афанасьевич Новиков, Сергей Донсков (свидетель). ЗАГС. 11 января 1985 год.

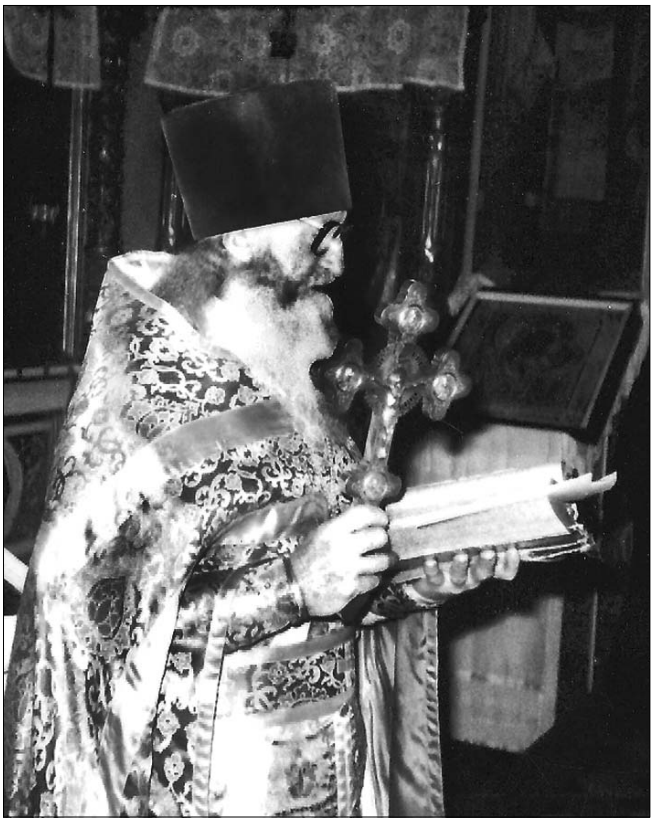


Идёт у Дроздовых свадьба
Все мы знаем об этом друзья
стихом в этот час сочинил я
хочу зачитать вам здесь я
С законным вас браком поздравить
сюда собрались вы ~~друзья~~ родня
на пир торжество молодые
вчера пригласили меня
Они повстречались случайно
и надо же этому быть
Коля и Таня так крепко
друг-друга смогли полюбить
Сегодня сретенье вы узы
Те узы сретенье на век
и в конец стране советов в роли
счастливый узел человек
для вас все дороги открыты
всё счастье на вашем пути
Коль ~~есть~~ беды какие невзгоды
в двоём можно все превозмочь

Папины стихи – поздравление новобрачным.

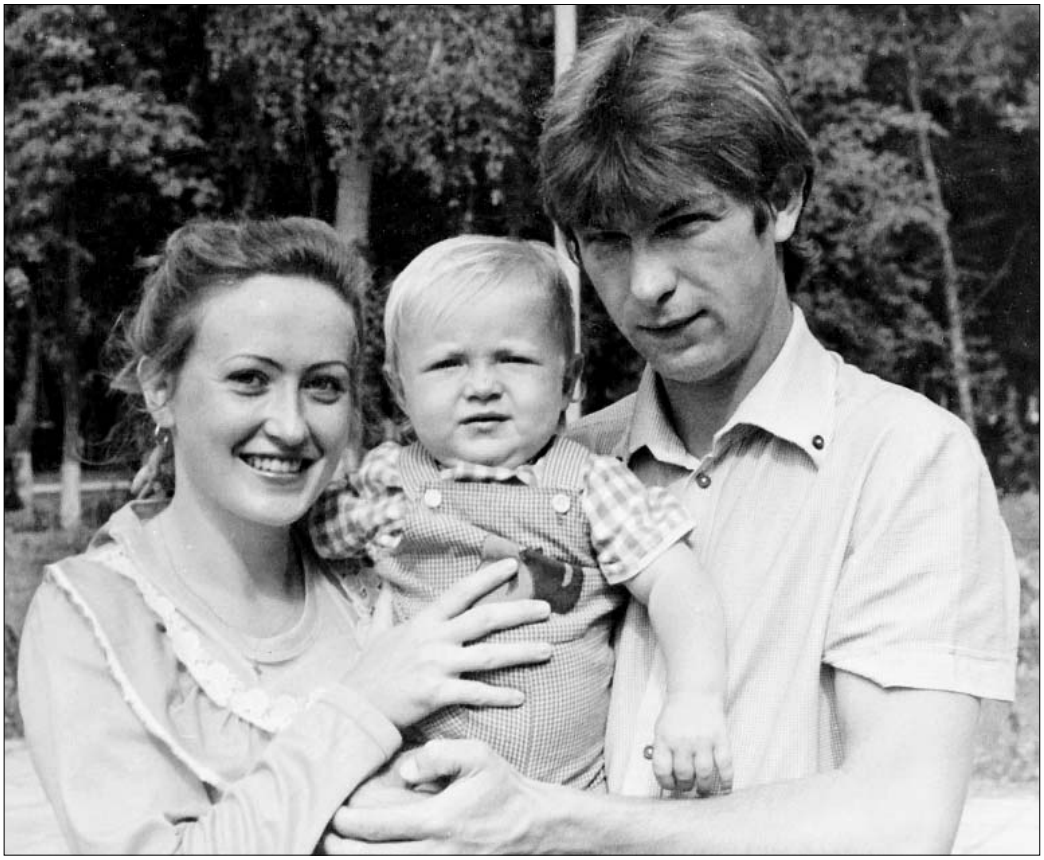


Папины стихи (продолжение).



Момент богослужения.

Светочка Сайгушева (Серёжина дочка).



Я, Григорий, Ванечке 1 годик. 1986 год.

Это самое первое из дошедших до нас упоминаний земель нашего края (Оустьмерьска – отзвук этого названия сохранился в имени реки Нерской, притока Москвы-реки).

Река Похрянка, на обоих берегах которой и располагалось Карпово, постепенно высохла. Русло ее было отдано крестьянам. Теперь об исчезнувшем потоке напоминает живописный пруд в центре села.

В архитектурном отношении здание церкви выполнено в псевдовизантийском стиле. Само здание кирпичное, оштукатуренное, стоит на белокаменном цоколе. Внутри своды и стены оштукатурены, покрыты масляной живописью, причем росписи выполнены недавно – в 1977 году старостой церкви.

На апсиде с наружной стороны помещено изображение Архангела Михаила, в честь которого и названа церковь. Архангел (то есть, старший ангел, начальник ангелов) Михаил является верховным военачальником (архистратигом) небесного воинства, победившего в решающей битве сатану. Изображается архангел Михаил с мечом в руках. Таким он показан и на аспиде карповской церкви. Отец Александр прослужил здесь **8 лет и 7 месяцев.**

* * *

Безусловно, для всей семьи это назначенье явилось радостным событием – всё-таки ближе к дому. Кончилась долгая и трудная зима, связанная с болезнью, дальними поездками в Шарапово, волнением за детей и стареющую Агафью Арефьевну. Тяжело ей было управляться с нами, да ещё с хозяйством. Но Бог миловал, всё обошлось благополучно, конечно же, была надежда, что наконец-то наступит в жизни хоть небольшое да облегчение.

Отец, как и всегда, когда приходилось расставаться с прихожанами, очень трогательно переживал за оставшихся. И в то же время нарастало волнение: а как сложится служба там, на новом месте? Он каждый вечер уединялся в своей комнате: читал, думал, молился. Всё чаще в кухне на комоде оставались пустые бумажки от валидола и нитроглицерина.

Тепло приняла о. Александра благодатная карповская земля. Да и ему что-то родное, но далёкое чудилось в ней. Пруд, берёзы, вётлы, словно с картинок, небольшие домики, баньки, по вечерам дымок из труб,– всё напоминало ему деревню детства – Коченяевку и её окрестности. И каждый раз, следуя на автобусе к очередному богослужению, он погружался в ясные воспоминания: такие же по обе стороны шоссе необъятные поля, вдалеке – среднерусской полосы лес, до храма – неасфальтированная дорожка через всё село; куры, хлопотливо разгребающие землю; играющие на лужайках дети…

И невольно он увидел себя, Шурку Сайгушева, щупленького мальчишку, бегущего по горячему песку просёлочной дороги, или в безразмерных валенках, идущего по заснеженной улице в школу. Вот он в классе, а на доске – карикатура, под которой подпись: «Саша Сайгушев – поп». Это сделали не сверстники-ребята. Это сделал учитель. Однако, дети смеялись, а у мальчика Саши краснело не только лицо, а каждая веснушка горела жарким огнём. Вспомнилось и то, как много позже, будучи уже священником, он повстречался в Коченяевке с этим самым учителем (директором) и его супругой, и тот попросил прощения… Конечно, отец простил.

И вот по таким же, как здесь, в Карпове, полям он, подросток-Шурка развозит воду на любимой своей лошади, у которой не было другого имени, как «поповская лошадь». Но его это уже не смущало, а даже несколько льстило.

Небольшой старинный храм Архангела Михаила вместе с прихожанами душевно встретили нового батюшку. Люди были наслышаны о добрых деяниях о. Александра Сайгушева ещё по марчуговскому приходу, а многие лично знали его. Он сменил здесь о. Александра Захарова, которого перевели в Коломну.

Кроме давних дружеских отношений, этих двух священников связывали и проч-

ные духовные – они являлись кумовьями: о. Александр Захаров крестил моего брата Сергея и назвался его крёстным отцом (крёстная мать – Наталья Андреевна Щербина, родная сестра моей матери).

Несмотря на большую дружбу они с годами встречались реже: о. Александр Захаров имел недуг – у него болели ноги. По сведениям, его до последних дней мучил тромбофлебит.

Болезни, домашние заботы становились более ощутимыми. В обеих семьях возрастали дети (в семье Захаровых их тоже было трое), и, конечно же, переживаний не уменьшалось. Но и редкие встречи доставляли немалую радость и взрослым, и детям, делая каждую из них праздником счастья.

Сейчас судьба снова разводила друзей, но, видимо, так угодно Богу, что нашим отцам, несмотря ни на что, не пристало роптать да жаловаться на жизнь.

Здесь, в маленькой церковной сторожке, после службы нередко собирались духовные чада, чтобы вместе попить чайку, да снова и снова послушать своего батюшку. Что он им расскажет на этот раз? Чему научит и что посоветует?

Иногда, особенно в праздники, долго не расходились, потому что каждый хотел лично поговорить с о. Александром, услышать сказанное от него только в свой адрес. Пели молитвы, духовные стихи,– и так, в больших заботах и небольших отдыхах, спешило время.

18 августа 1979 года отошла ко Господу моя бабушка по материнской линии Анастасия Яковлевна Сусла. Случилось это в больнице по причине калькулёзного холицестита. Была необходима срочная операция, но бабушка отказалась. Далее последовал перитонит. Все её дети: Михаил, Мария (моя мама), Николай и Наталья находились рядом с ней и слышали последний вдох-выдох матери. Успел после вечернего богослужения проститься с тёщей и зять – о. Александр.

Стоял канун Яблочного Спаса.

Бабушка Анастасия была глубоко верующей. Тело её в морг не отдавали, хоронили на третий день, как требует православный обычай. Отпевание, конечно же, проходило в храме Архангела Михаила, отпевал бабушку о. Александр Сайгушев. Позже дочь её Наталья Андреевна, в семье которой жила бабушка Настя, не раз вспоминала с каким торжеством и почётом провожали усопшую: «О. Александр заблаговременно приехал в храм, подготовил всё, потом поднялся на колокольню и там дождался траурную процессию. Увидев её приближение ещё в начале села, ударил в колокола, делая это с мастерством и усердием. Пока процессия продвигалась по селу до храма,– над всей округой плыл, не смолкая, печальный звон».

Немалые заботы о храме легли на плечи о. Александра. Помощи ждать было неоткуда, спонсорство не практиковалось. Хотя уже отношение к церкви потихоньку менялось в лучшую сторону, чиновники, с трудом веря в изменения, либо с опаской «уступали» церкви, либо предпочитали отмалчиваться, не склоняясь к практическому действию по архитектурному обновлению храмов. Воинствующим оставалось и отношение к вероисповеданию.

Хорошо запомнился случай, который произошёл со мной на летних каникулах. Я уже училась в старших классах (1978–1979). Гуляя с подругами в городе, мы случайно повстречались с завучем нашей школы. Она, заметив на мне нательный крестик, вдруг выскользнувший из-под разреза платья, сняла его с меня и строго добавила: «Пусть мать придёт. Ей отдам!». Был ли это порыв невежества или воспитательная необходимость – осталось навсегда тайной.

В такой обстановке моим родителям жилось очень даже нелегко. Хотя и не часто, но всё равно находились недоброжелатели, готовые обидеть и, при случае, оклеветать верующего, а служителя веры – тем более.

В доме напротив нас обывал Никита Степанович Опарин. Со школьных лет я запомнила его фотографию на стенде в школе «Они видели В. И. Ленина». Не знаю, видел ли сосед Ленина (тогда многие видели вождя революции, а ещё больше, чем видели, несли с ним бревно на субботнике), однако, в нечастых беседах с отцом или бабушкой

непременно, светясь гордостью и радостью, он повторял, делая ударение на каждом слове: «Я вас, попов, своими руками вешал!»

Вот тебе и оттепель, вот тебе и перемены… Не зря сказано, что горбатого только могила исправит. Бабушка Агафья иногда вступала в полемику, а отец, хотя за словом в карман не лез никогда, старался избегать и бесед, и встреч с человеком, «видевшим Ленина».

И тем не менее, даже в обстановке этого труднейшего исторического периода, многие прихожане, сочувствующие, как могли, помогали храму. Но основная тяжесть восстановления веры и обрядовых строений, конечно, лежала на священниках.

За время служения о. Александра в храме Архангела Михаила заменены полностью развалившиеся столбы у главных ворот, рядом с маленькой сторожкой построен просторный и высокий церковный дом, от главных ворот до паперти, а также вокруг дома выложена и заасфальтирована дорожка.

В семье в то время также происходили немалые перемены. Мы с Сергеем успешно закончили школу и поступили в специальные учебные заведения: Сергей – в Егорьевское авиационно-техническом училище гражданской авиации, я – в Московский медицинский техникум № 17. Закончила его с красным дипломом в 1983 году и по распределению попала на Станцию скорой и неотложной помощи им. А. С. Пучкова, где и работаю фельдшером по сей день. В 1985 году вышла замуж за Новикова Григория Юрьевича, в том же году родился первенец – сын Иван. Через три года родился сын Антон. Отец с добрыми напутствиями обвенчал нас, а также сам крестил внуков: Ваню в храме Архангела Михаила, Антошу – позже – в Крестовоздвиженском храме села Марчуги, где служил с 1987 года и до конца жизни.

Брат мой Сергей Александрович женился в 1983 году на Маргарите Викторовне Рязановой, уроженке из города Егорьевска. Венчание состоялось в храме Михаила Архангела. Здесь же, позднее, о. Александр крестил их дочь (то есть свою внучку) Светлану, рождения 1984 года. После окончания Егорьевского училища Сергей с женой по распределению уехали на работу в Тобольск. С рождением дочери семья переехала в город Воскресенск.

Хочется сказать о свадьбах. Всем троим детям родители «сыграли» свадьбы, как положено, но скромно, в собственном доме среди родных и близких друзей. Лишь у Сергея, по настоянию родителей невесты, свадьба прошла в ресторане города Егорьевска. Незабываемо, что отец сам сочинял поздравительные стихи молодожёнам и сам зачитывал их. Начинались они так: «Идёт у Новиковых свадьба… и т.д.» – это для меня. На свадьбах Сергея и Миши: «Идёт у Сайгушевых свадьба…», а дальше всё так, как и было у Новиковых. Потом, когда женились и выходили замуж племянники и племянницы – все поздравления примерно начинались: «Идет у Даниловых свадьба…». Чтобы прочесть поздравление, отец вставал и, оглядев собравшихся, торжественно объявлял: «А сейчас я прочитаю стихи «Идёт…»,– и немедля, тут же, раздавался добрый дружный смех, так как родные слышали эти стихи не раз и уже знали их продолжение. Улыбался и отец, но сдержанно, придавая тем самым значимость поздравительных слов. После сказанного напутствия молодым, он скромно переключался на беседы с роднёй, как бы удаляясь на второй план брачного торжества.

С увеличением семьи прибавилось и домашних дел: сажали больше картошки, косили больше сена, стригли овец (отец это делал сам, мама лишь помогала), пряли шерсть, сучили её (бабушка на веретене, отец освоил ножную прялку), вязали носки, варежки, отдавали шерсть на фетровую фабрику, где валялись валенки как для детей, так и для взрослых. Работы хватало всем.

Конечно, больше всех доставалось отцу, так как болезнь его прогрессировала: болели ноги, болело сердце. Но он никогда не жаловался. Просто иногда днём на час-другой ложился отдохнуть. Тяжело было и маме – надо всех накормить, всё успеть по хозяйству, всё приготовить на завтра. Ей было не до отдыха, хотя заботы часто валили с ног.

Церковные дела шли неплохо, о. Александра уважали за его мудрость, терпение и обходительность. Основными его помощниками по службе были Мария Васильевна Стёпочкина (староста Храма после временно согласившегося на должность при предшествующем настоятеле жителя с. Карпово Василия Васильевича Жарова), Елена Петровна Спирина (казначей, правая рука старосты), Ольга Васильевна Пузикова, Клавдия Прокофьевна Прокофьева (псаломщица, приезжала из Коломны), Анна Фёдоровна Петропавловская (певчая из города Воскресенска), Елизавета Петровна Антонова (певчая из микрорайона Новлянский), Наталья Дмитриевна Капранова (певчая из с. Карпово), Анна Ивановна Горячева (после Марии Васильевны Стёпочкиной, когда та заболела, имела должность старосты Храма, жила в деревне Лопатино Воскресенского района), Нина Ивановна Воронцова (истопник, приезжала из г. Воскресенска), Анна Васильевна (прихожанка из Москвы, к сожалению, фамилию не удалось восстановить).

В скором времени сюда, в Карпово, хоть и далековат автобусный путь, начал стекаться верующий народ. Образовался небольшой, но слаженный хор, нашлись грамотно и громко читающие псаломщицы, желающие убирать и украшать храм. Люди трудились во славу Божию и во имя спасения души.

8 апреля 1981 года о. Александр Сайгушев получил от митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия удостоверение следующего содержания:

«Дано настоятелю Михаило-Архангельской церкви села Карпово Воскресенского района Московской области Александру Сайгушеву в том, что, по моему представлению, за усердные труды на благо Церкви Христовой Его Святейшество Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен удостоил его к Празднику Святой Пасхи награждения ПАЛИЦЕЙ».

Несомненно, это событие для о. Александра, а также для родных, всех близких и любящих прихожан и духовных чад, явилось великой радостью.

А дальше вновь и вновь продолжение жизни в трудах и молитвах, молитвах, молитвах…

Зимой 1985 года совсем слегла бабушка Агафья. Ни на что не жалуясь, просто предельно мало пила и ела, и то тогда, когда ей подносили. Сама не просила. 14 февраля, накануне Сретенья, собираясь ко Всенощной службе, отец подошёл к ней: «Мам, ты меня слышишь?» – Бабушка утвердительно кивнула в ответ. Она лежала с прикрытыми глазами, худая, спокойная. «Мама,– продолжил слова отец,– я на службу еду. Завтра праздник. Ты меня дождёшься?» – на его глазах выступили слёзы. – «Да»,– еле слышно прошептав, опять утвердительно кивнула головой. Она, видимо, не хотела огорчать сына, понимала, что ему надо служить Господу, священник должен быть спокойным и собранным.

Взволнованный (всё-таки предчувствие трудно обмануть) о. Александр отправился в храм. Это было в четыре часа пополудни. А кода вечером вернулся домой – встретил тело матери своей в большой комнате на широкой лавке,– обмытым, убранным по – православному. В доме горели свечи и лампады, пахло воском, и было холодновато. Так как мама, насколько возможно, отключила отопление. «Не дождалась»,– выдохнул сын и заплакал.

Хоронили бабушку Агафью Арефьевну на четвёртый день, так как ждали приезда семьи дочери Раисы Михайловны из Новотроицка. В морг бабушку, конечно же, не отдавали. Всё происходило, как надо. О. Александр лично сам отпевал свою мать. Он считал это своим долгом, обязанностью. Он хотел этого.

Народу собралось много, в большой комнате все не помещались, стояли в прихожей, плакали. Все – со свечами.

Приехавшая сестра бабушки, Екатерина Арефьевна, настолько расстроилась и наревелась, что, едва отстояв отпевание, прилегла на диван и уже не могла подняться.

Я плакала, не переставая. Я впервые столкнулась со смертью близкого человека. Тем более умирала бабушка на моих глазах, и я слышала её последний вздох… И потом я помогала маме, тётушке Анне Михайловне (она приехала быстро), соседке одевать её. Я не знаю, каково было отцу, когда он, совершая чин погребения, слышал рыдания родных людей, но видела, что он, едва сдерживаясь, плакал сам. Я помню срывы его голоса, незапланированные паузы при подступивших рыданиях… И вновь усердно продолжал мольбу, упрашивая Господа о прощении грехов и переселении усопшую в Жизнь Вечную…

Похоронили Агафью Арефьевну Сайгушеву на Воскресенском кладбище.

* * *

Боже, сил дай совсем не сгореть,
Не роптать и не впасть в унынье.
Помоги всё перетерпеть,
Стать сильней и мудрей отныне.

Дай мне сил отстрадать и найти
Тот пленительный свет далёкий,
Что сумеет меня спасти
В безысходности одинокой.

1980 год. Выпускной 10 класс средней школы № 4.

В 1 ряду справа – Ида Васильевна Кудряшова, Валентина Петровна Чернышова, Лидия Алексеевна Диденко, Валентина Андреевна Радлевич, Анастасия Феоктистовна Агафонова, Валентина Иосифовна Каширина, Александра Фёдоровна Богатырева, Константин Исидорович Лебедев, Нина Александровна Третьякова.

Во 2 ряду – шестая слева моя подруга Марина Карпова (Ушакова), я – седьмая.

Крайняя справа – Потапова Нина Ивановна, в центре – классный руководитель Тамара Васильевна Свистунова.

В 3 ряду справа - Анатолий Васильевич Забавнов и Александр Филиппович Бузницкий.

С прихожанами. Слева от папы сёстры Мария Васильевна Стёпочкина, Ольга Васильевна Пузикова.

Дорожка через село Карпово, по которой папа ходил в храм.

Свидетельство о крещении моего сына Вани. 1985 год.

Свидетельство о крещении. 1985 год.

Причастие младенца.

Венчается папин крестник Виктор Вячеславович Егоров и Галина.

Кончина бабушки Насти. Прощание у дома, её дети: справа дядя Миша,
тётя Наташа, дядя Коля, мама, тётя Дуся. 18.08.1979 год.

Отпевание бабушки Насти. 1979 год, 20 августа. Справа от папы: мама, я.
Слева: дядя Миша. Вторая слева – Анна Фёдоровна Петропавловская.

Глава 13.
НАКАНУНЕ СМЕРТИ о. АЛЕКСАНДРА

Каждый день начинался с мольбы. – Крест с украшениями. – Последнее назначение. – Крестовоздвиженский храм. – Во дворе – лошадь. – Женитьба брата Михаила. – «Вы очень мало знаете, учитесь!» – Ремонт храма. – Почётный настоятель Крестовоздвиженской церкви. – Инфаркт. – Медленно, но верно, утекала его жизнь.

Крестовоздвиженский храм с. Марчуги.

Утро понедельника 16 сентября

«Что же это за осень выдалась такая? – Бесконечное бабье лето! Тепло и солнце, видимо, не кончатся никогда и ещё долго будут ласкать и ласкать всё поднебесное. Что, неоткуда взяться тучам на глубоком синем небе? Не может моросить унылый дождь на пригретую природу? Не посмеют испортить дивной гармонии ни близкие, ни далёкие холода и морозы?..»

Так, или приблизительно так, рассуждала я, идя на работу. Даже чуть лёгкая прохлада этого осеннего утра не могла изменить общую картину земной радости. Но я опять и опять возвращалась мыслями об отце и начинала снова думать, а, может, продолжала думать,– не знаю уж, как лучше и сказать, выразиться,– потому что последние две недели, если быть точнее, я думать о нём не переставала.

Каждый мой день начинался мольбой: «Господи, что уготовил Ты сегодня для нас? Будь милостив, Господи!» – и заканчивался словами: «Господи! Слава Тебе за ещё один день! Благодарю Тебя, Господи, за милость Твою!».

Вот и сегодня очень волнуюсь: уезжаю в Москву на работу. Целые сутки меня не будет рядом с отцом. Что-то произойдёт без меня дома? А вдруг я буду очень нужна, необходима ему, а я вот далеко на работе? Эти мысли не только тревожат – лихорадят меня, то сжимают всё моё существо, как стальную пружину, напрягая её до предела; то вдруг резко расслабляют так, что я еле-еле передвигаю уставшие ноги, не видя ничего, кроме мерцания мушек перед глазами, и готовая немедля упасть.

Но стараюсь взять себя в руки: «Ничего – ничего. Я смогу. Отработаю сегодня, а там видно будет. Господь поможет…» С такими вот мыслями приступаю к работе, разговаривать ни с кем не хочется, больше молчу, опять успокаивая себя: «Он же не один. Мама с ним, тётушка Анна обещалась приехать. Папа любит своих сестёр, их приезд всегда придаёт ему силы, повышает настроение». В течение дня названиваю маме. Всё вроде бы неплохо, слава Богу. И работаю потихоньку, только замечаю, набирая лекарство в шприц, как сильно дрожат руки, и чувствую громкий стук сердца, словно оно бьётся о саму грудную клетку…

«Вот это праздник вы мне вчера устроили»,– произнёс отец, услышав возле себя маму. – Думал, что уж и не проснусь, так крепко спал»,– добавил он, глядя на стенку, где тикали часы. И, улыбаясь тонкими губами в седую бороду и покачивая головой, одновременно прислушиваясь к тишине, произнёс: «А Нюра-то, что, уехала всё-таки? Не слышно что-то её…» – Через небольшую паузу: «А хотела ведь остаться… Я и не слышал, как она ушла. Да-а-а…»,– и, словно удивившись уходу сестры, опять примолк.

Мама поспешила выручить золовку: «Отец, она сегодня обещалась ещё приехать. Дела у неё какие-то…» – «А-а-а…»,– ответил утвердительно отец, подарив маме напевный звук «а».

Так начиналось новое утро. Никаких исключений в распорядке дня не наблюдалось: тщательный туалет, переодевание, чтение молитв.

Надо отметить, что последние годы, месяцы, недели и дни молитвы в жизни о. Александра занимали времени всё больше и больше. Теперь он реже уединялся в своём кабинете, а молился в большой комнате,– ему там никто не мешал. Особое значение он уделял молитвам по усопшим. И нас учил: «Молитесь за них, обязательно молитесь, тогда и они за вас будут молиться, а их молитва – очень сильная». Его поминальный список с каждым днём стано-

вился больше. «Что такое? Они идут ко мне и идут. Только хочу остановиться, вроде, всех помянул – вдруг снова идут: и знакомые и совсем малознакомые…»,– говорил он сам с собой.

Записками при поминании отец редко пользовался, почти всех помнил наизусть. И долго-долго из его комнаты слышалось перечисление имён то повторяющихся, то новых – то опять повторяющихся. То чуть громче, то почти «про себя», и удивительно было, как можно столько имён запомнить. Память у него не то чтобы хуже стала от болезни,– наоборот, обострилась. Он помнил всё и всех, помнил названия лечебных трав и лекарств, не забывал их дозировки…

Только вот про него забывали всё чаще и чаще. Особенно он переживал, когда не напоминали о себе те, которые обещались быть близкими. Но он этому тоже находил оправдание: «Я болею, а у них – работа, свои заботы»,– часто повторял он, утешая себя. А иногда огорчался, но беззлобно, с обидой ребёнка: «Э-эх,– вздыхал он,– бесстыдники! – Что мне надо? – Ничего!» – отвечал сам себе. – «А долго ли трубку им поднять, хоть по телефону бы поговорить?» – и снова вздыхал долго и горестно, вкладывая во вздохи гораздо б***о***льший смысл, чем могло казаться со стороны.

Круг любящих его людей сужался до предела. И надо быть готовым к тому, что проблема нужности существует до тех пор, пока она не разрешается каким-либо образом, а потом – отпадает, а вместе с ней и люди, оказавшиеся в том месте и времени, где состоялось решение этой проблемы.

Но сегодня отец был в хорошем расположении духа: после вчерашнего праздника, после сильной усталости, хворь, казалось, отпустила его. Он надолго удерживал около себя маму, словно хотел с ней набыться на все оставшиеся времена. Иногда они посматривали на часы, ожидая приезда сестры и гадая, во сколько она приедет. И говорили, говорили, говорили…

Вспомнили, как у мамы сильно болели суставы, и обнаружился ревматоидный полиартрит, как она долго лежала в больнице с двухсторонней пневмонией, и как ему одному, без неё, было плохо и тяжело, а ведь надо было ещё и с хозяйством управляться.

Не говорили только о том, что они никогда не разлучались, всю жизнь шли рука об руку. Агафья Арефьевна учила их по молодости: «Если ругаетесь – ругайтесь, но до последних слов не доходите!». Такая вот старинная мудрость не раз выручала семейную пару, спасая от беды и греха.

И ещё не говорили о том, как до боли, до страдания нужны они друг другу. И, чувствуя грядущие перемены, они никак не могли удовлетвориться общением друг с другом, единением и пониманием родных душ – не хватало времени. Его просто уже не было. Они сейчас находились рядом и как муж и жена, и как брат и сестра,– как самые близкие люди, что ближе уже не бывает.

Размеренно и успокоенно тикали сегодня настенные часы, а воспоминания тревожным роем кружились и кружились, уходя в прошлое.

* * *

10 февраля 1987 года Указом Митрополита Крутицкого и Коломенского о. Александр Сайгушев получил новое и, как оказалось, последнее назначение в Крестовоздвиженский храм села Марчуги Воскресенского района Московской области.

Ах, Марчуги! Сколько сил вам оставлено, сколько радости! Думалось ли, что когда-нибудь Господь распорядится таким образом, что именно здесь продолжится давно начатое дело! Сколько чаяний, надежд и впечатлений связано с Марчугами!

А 9 марта того же года «за усердные труды на благо Церкви Христовой Его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Пимен удостоил отца к празднику Святой Пасхи высокой наградой: Крестом с украшениями. Сейчас этот Крест после смерти отца хранится у одного из священников Воскресенского благочиния.

Прихожане и жители села, конечно же, встретили своего пастыря как родного, потому как и не зарастала к нему тропа жаждущих общения, совета, помощи. Каждый верую-

щий знал, что получит то, за чем идёт: «Батюшка поможет, обязательно поможет…».

Как положено, он облачался в служебные одежды в церковной сторожке. Из дома выезжал в светской, чтобы не выделяться самому и не смущать окружающих.

Усвоенные в Троице – Сергиевой Лавре уроки служения Господу, он помнил и нёс их как заветы через всю жизнь. Вот один из них: «Каждый ваш шаг – молчаливая проповедь». То есть на священнослужителя всегда смотрят, его слушают и берут с него пример.

Облачившись, о. Александр, быстрой и целеустремлённой походкой, подтянутый и красивый, шёл в храм, непременно держа в руках книгу с наглаженными ленточками-закладками разных цветов. От него исходил необыкновенный нерезкий запах свежего одеколона с мягкими оттенками церковного облачения, впитавшего чистые нотки воска, ладана, масел.

Приближаясь к храму, приветственно кланялся спешащим на богослужение, благословлял, но не отвлекался на разговоры. Входил батюшка в храм с превеликой радостью, сиял весь внутренним светом, словно вернулся сюда после длительного расставания, хотя на самом деле уходил из храма только накануне вечером. Проходя к алтарю, он также кланялся в обе стороны, прикладываясь к иконам.

С его приходом всё окрест оживало, наполняя благодатью душу священника. В свою очередь, он, о. Александр, передавал эту благодать и свет своей души каждому, кто пришёл в храм в поисках истины. И вот этот невидимый обмен всегда являл радость и очарование отцовского богослужения.

С годами отношение людей к церкви менялось. Всё чаще можно было видеть на службах молодёжь. «Модным» стало венчание, частым стало причащение. Введено было, вдобавок, общее соборование.

Только о. Александр не мог принять новшества. Получивший воспитание, знания и заповеди старцев, которые за чистоту и глубину православной веры не только страдали в застенках ГУЛАГов, но и лишались своей жизни,– он не мог изменить их постулатам.

И даже когда староста храма Е. А. Наставшева решилась поехать в Москву с жалобой на священника, что, мол, во всех храмах проводят общее соборование, кроме нашего,– ничего у неё не вышло. Однако, отца вызвали в епархию для объяснения. Но и после вызова ничего не изменилось в храме. И до самой своей смерти батюшка проповедовал то, что усвоил когда-то сам: причащение Святых Тайн предполагает серьёзную подготовку. Это соблюдение поста, молитвенная подготовка, воздержания от физической близости, исключение увеселительных мероприятий (телевизор, радио, пустая болтовня и т.д.). Предпочтительно причащение – четыре раза в году (во время постов) и ещё в День Ангела. «Подумайте,– восклицал отец,– что есть причащение?.. А вы, наевшись, напившись, нагулявшись, идёте к Причастию! Это страшно!»

Относительно обряда «Соборование» батюшка также был строг: совершается это действо только во время тяжёлого болезненного состояния, когда решается вопрос жизни и смерти. «Читайте! Читайте отцов! – призывал он. – Вы очень мало знаете, учитесь!»

Ещё батюшка приучал всех к молитве и покаянию. «Кайтесь всегда и во всём. Кайтесь за всё. Грехов у нас много». И ещё: «Много грешников, но мало кающихся. Бог милостив, простит. Кайтесь и молитесь! Всегда молитесь, не забывайте Бога! Помните Его каждый день, а не только в минуты скорби».

Совершенно нетерпимым было отношение о. Александра ко всякого рода лекарям, предсказателям, исцелителям – шарлатанам всех мастей. «Да, были раньше, и сейчас есть, люди,– иногда отмечал он,– имеющие силу излечивать больных с помощью молитвы. Но опомнитесь! Их не столько, сколько пропечатано в газетах и журналах. Их – единицы. Живут они уединённо, проводя большую часть времени своего в молитве. Они находятся в чистоте духовной и физической, лишая себя в жизни очень многого,– только так обретаются силы, недоступные остальным. Такие люди не нуждаются в рекламе».

Был случай, когда к о. Александру прибыла молодая женщина и через служащих храма попросила передать батюшке просьбу, что она – известная воскресенская целительница и хочет получить благословение священника на свою деятельность. Я не знаю, какой ответ дал о. Александр этой даме, но она, не дожидаясь окончания службы, быстро удалилась. Хотя, по всем отзывам, батюшка слыл человеком очень добрым. Но вот здесь, в данном случае, проявилась его непреклонность к невежеству.

Из подобных поступков и состояла присущая ему глубокая человеческая мудрость: где-то можно пожалеть, уступить, а где-то поступить резко, возможно, делая больно. И только так. Но пусть человек примет боль один раз, чем он будет маяться до конца дней своих.

Был у батюшки и такой случай: молодая женщина, имеющая малолетних детей, разочаровавшись в жизни, приняла решение уйти в монастырь. И когда батюшка на этот поступок не дал благословения, осталась очень обиженной. Он так ей сказал: «Зачем ты ищешь других благословений? Тебя сам Господь благословил быть с детьми!» И снова, снова учил: «Что ищите, перебирая храмы? Чего ждёте, осуждая и выбирая священников? Творите добрые дела и молитесь в своём храме, молитесь дома. Господу молитесь!» – призывал он.

Другая женщина, полная слёз и отчаяния, просила совета, как ей быть: «Муж не признаёт храма, как узнаёт, что ходила на службу – скандал. Хоть разводись! Что делать, батюшка?» Отец отвечал словами, которые повторял довольно часто: «Вера должна быть в душе». А лично ей добавил: «Не разводись, не скандаль – не делай греха! Видно в храме твоей души – нет порядка, в храме вашей семьи – нет мира. Попробуй наладить жизнь в своём маленьком храме – глядишь, муж не только скандалить не будет, а вместе с тобой придёт и на исповедь, и на причащение. А пока молись дома. Не делай греха!»,– повторил он ласково.

И не раз говорил ещё о том, что не надобно молиться вслух и напоказ, лицемерно (то есть в транспорте, на работе, в различных учреждениях), когда обратиться ко Господу можно мысленно или перекреститься, выйдя в соседнюю комнату – не надо других людей вводить в грех, то есть провоцировать себя на обсуждение и осуждение. А также – ненадобно поучать и давать советы, если тебя об этом не просят. Не надо раздражать людей и тем самым вводить их в новый грех.

Отец считал большим грехом рассказы о том, что кому-то явился Спаситель, а кому-то Божья Матерь. «Мы, грешные,– не достойны их видеть. Их даже Ангелы видеть не могут, не то что мы, грешный люд… Безусловно, сны бывают разные, но преподносить их как событие – недопустимо дерзко. Не надо гневить Господа. Надо всегда помнить, кто мы…»

Вот так и учил он изо дня в день, и не только в храме, но и зачастую в собственном доме. К нему приходили люди с проблемами, казалось бы, не разрешаемыми, и никогда некому не было отказа, не важно, чем в данный момент занимался отец, отдыхал или работал по хозяйству. Важно, что пришёл человек, которому мама непременно предложит чашку чая, даже и в случаях, когда неизвестно, откуда он шёл или ехал, а потом уж отец постарается помочь ему.

А так как посетители не были редкостью, батюшка постоянно выглядел в соответствии с положением: опрятным, в рубашке с наглухо застёгнутыми пуговицами, брюках и шляпе, несмотря на то,– прохлада на улице или жара. Даже для работы по огороду недопустимы были майки, фуражки и кепки, шорты или обтягивающие трико.

Работ по хозяйству, как всегда, было много, тем более, что основной помощник младший сын Михаил в 1989 году ушёл служить в армию. Служба его проходила в городе Лебедине Сумской области. Очень хороший наказ в стихах дал отец своему сыну, потом передал стихи мне: «Вот, Ольга, когда будешь сыновей провожать в армию – прочтёшь от меня. Я-то не доживу…». Убеждён был, или угадал, но так всё и вышло. Зная по себе, как тяжела армейская служба, отец отпустил нас с мамой в Лебедин на принятие присяги, чтобы поддержать Михаила.

Пока он отдавал Родине свой гражданский долг, в семье нашей произошло значительное событие: свершилась давняя отцовская мечта – он приобрел лошадь. Она, мол, будет помощницей в хозяйстве, на ней можно пахать землю, возить сено, дрова, ездить самим куда надо – и вообще: лошадь при дворе – без сомнения, это очень здорово.

Но с нашей покупкой вышла какая-то неудача, можно сказать, вышла «невезуха». Наша,– как исключение в лошадином мире,– была до крайности ленива, упряма, вредна, но обладала хорошей памятью – это я уяснила быстро. Она не хотела, чтобы на ней пахали, воз с сеном и седоком старалась непременно перевернуть, наездника – просто сбросить. Мощи у неё было много, кушала она хорошо: успевала, пока делали разметку на участке, съедать добрую половину семенной картошки. Не терпела обид и помнила их. Даже на следующий день обязательно старалась наступить обидчику на ступню. Или, втихаря, столкнуть в рытвину. Как говорится, и смех, и грех. Всё было.

У отца сил становилось меньше и меньше. Неумолимо подкрадывались осложнения сахарного диабета: слабей становилось зрение, болели и немели ноги, ухудшался аппетит. От постоянной усталости он сильно похудел. Хорошо, что Миша, вернувшись из армии, с молодым задором взялся за хозяйство. Казалось, должно быть легче. Но болезнь к отцу уже не подкрадывалась, а надвигалась грозовой тучей, как неизбежность. Он чувствовал, что слабеет с каждым днём, но старался не падать духом, не подавать вида, что ему иногда уже невмоготу. Однако, несмотря на все усилия казаться не очень больным – всё равно внешний вид отца выдавал очевидность его некомфортного здоровья. Только большие и маленькие семейные радости вносили положительные нотки в минорную песню жизни.

25 октября 1996 года брат Михаил вступил в законный брак со Светланой Юрьевной Ворониной. Венчал их в Марчуговской церкви лично о. Александр. Конечно, вся семья была рада и женитьбе и окончанию братом через год после женитьбы Воскресенского строительного колледжа. В тот же год Миша поступил в Коломенский педагогический институт. Стал учителем, затем директором СОШ № 20, где и трудится по сей день.

Вместе с радостями шли и беды. В ноябре 1996 года врачи (особенно Зоя Андреевна Новикова) еле уговорили о. Александра лечь в больницу. Оказывается, незамедлительно назрела необходимость отказаться от противодиабетических таблеток и – уже навсегда! – перейти на каждодневное введение инсулина. В противном случае не могло быть и речи об улучшении состояния здоровья – таблетки не помогали. Выбор, как таковой, отсутствовал, и о. Александр вынужден был жизнь свою крепко-накрепко связать с инсулином. «Только тогда будет жизнь»,– заключили врачи. А им отец очень доверял. «Врачи – от Бога. Их надо слушать и доверять им…». В то же время, после медицинского освидетельствования, ему установили 3 группу инвалидности с указанием рекомендации: сократить рабочий день на два часа. Понятно, что этот документ отцу ничего в жизни не изменил. А вот состояние здоровья несколько улучшилось: появился аппетит, а с ним – и прибавление сил. А они, силы, ох как сейчас были нужны!

В храме всяких строительных дел накопилось достаточно много, но властями никаких работ производить не позволялось, а потому отец решил отремонтировать хотя бы оконные переплёты, которые совсем устарели и пришли в негодность. Он часто стал ездить в горисполком для согласования этой проблемы. Но, по непонятным причинам, отказ следовал за отказом. Тогда о. Александр на свой страх и риск решил больше не обивать чиновничьих порогов, а сделать ремонт самостоятельно.

Силы, чуть появившись, от физических нагрузок и душевных потрясений снова стали ослабевать. Но мы перезимовали.

А по весне откуда-то у отца опять появилась давно позабытая изжога, а с нею и слабость. Сильная слабость.

Предвидя нехорошее, я измеряла давление – понижено. «Папа, надо к врачу»,– говорю. А он в ответ: «Да подождите вы,

я ведь только оттуда!» – «Папа,– на другой день говорю,– надо к врачу, кардиограмму надо сделать». – В ответ: «Ну что я надоедать им пойду в майские праздники. Уж после пойду…» – «Папа, тебе ведь не лучше, может, «скорую?» – «Конечно, «скорую»,– иронизируя, отшучивался он. – Как-то мы с матерью ночью уж вызывали. Приехал врач, пьяный вдрабадан, так я и про боль позабыл, лежал, только и молился, чтобы он укол не делал. А то перепутает спьяну-то…»,– говорит, а сам улыбается слабо так. Несколько дней пролежал, не возвращаясь к вопросу госпитализации, потом говорит: «Посадим картошку, и пойду».

А когда обратился в поликлинику, так его сразу на носилках и переправили в кардиореанимацию с диагнозом: «Острый инфаркт».

Так мы и досаживали картошку одни, без хозяина.

Совсем слабым вышел отец из больницы.

Вскоре пришло известие из Московской Епархии, в котором сообщалось, что с 9 июня 1997 года указом Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия «протоиерей Александр Сайгушев освобождается от должности настоятеля Крестовоздвиженской церкви села Марчуги и назначается **Почётным** настоятелем Крестовоздвиженской церкви села Марчуги».

С одной стороны, о. Александр, вроде бы, понимал, что передаёт церковь, а, с другой стороны, что-то мучило его. Может, он сам не осознавал тогда, а, может быть, знал, но не хотел обсуждать это с окружающими, что освобождение от должности – это его собственный, обозначающийся с каждым днём всё резче,– уход.

Отец становился всё более задумчивым, всё чаще глаза становились грустными, всё больше печали улавливалось во всём его облике. Мысли одолевали его. Он опять надолго уединялся в своём кабинете и молился, молился.

…Прошло чуть больше месяца после инфаркта, а у него появились новые, незнакомые ему ранее боли за грудиной. Таблетки, уколы, поликлиника, кардиограмма и – неутешительный диагноз – повторный инфаркт миокарда. Вот тогда уже начал образовываться тяжёлый замкнутый круг: чем больше отец переживал, тем быстрее ухудшалось здоровье, а чем больше ухудшалось здоровье, тем чаще навещали его переживания душевные. Почти всё лето он провёл в кардиологическом отделении больницы. Домашним теперь самим, без хозяина, пришлось косить, сушить и ворошить сено, убирать на зиму и делать другие непреложные дела.

А скотины по-прежнему было много, и мама уже начала подумывать о том, что, видимо, необходимо сокращать хозяйство, но пока ещё никому не говорила об этом. Ведь как бы тяжело ей ни приходилось сейчас, она всё время беспокоилась о здоровье мужа, да и о содержании семьи.

В ноябре 1997 года от тяжёлой болезни скончалась Маргарита – жена брата Сергея. Это явилось очередным ударом без того беспокойной жизни семьи. Такой удар, что брат до конца жизни не смог смириться с потерей супруги. Но не менее, а, по-моему, больше всех, переживал наш отец. Переживал неимоверно сильно, как только родители могут переживать и болеть за своих детей.

Так крупица за крупицей утекало здоровье о. Александра, а фактически медленно, но верно, утекала его жизнь. Весь 1998 год для о. Александра – год постоянных болей, лечения и опять болей. Я почти что весь год через месяц проводила на дому курсы лечения, ставила отцу капельницы, которые приносили ему неутешительные, но всё же облегчения. Слава богу, что я могла это делать, иначе он либо не выходил бы из больницы, либо…

Вдобавок, катастрофически ухудшалось зрение. А он так боялся ослепнуть! – хотя, вздыхая, повторял: «На всё воля Божья!» – и безропотно принимал всё, что посылал ему Господь.

К тому времени с хозяйством пришлось частично распрощаться. Я видела, с каким сожалением расстаётся отец со своими любимцами. Не рассказать…

Теперь о. Александр имел правило в любую погоду с палочкой – плохо слушались ноги – обходить родной посёлок. И, как прежде, его останавливали соседи, знакомые, совсем незнакомые люди, чтобы услышать его слово, получить совет. Нередко преднамеренно приходили в дом люди просить у о. Александра помощи его молитвы.

Был случай: отца не было дома, на звонок дверь открыла мама. Незнакомая молодая пара с маленьким ребёнком. Мама отвечает: «Батюшки нет дома». – «Ну, пожалуйста,– просят пришедшие,– он нам очень нужен». Мама объяснила, когда отец будет дома. И не успел он переступить порог, как молодые супруги заявились снова.

Проблема заключалась в том, что недавно похоронив отца, они, тяжело переживая, не могут понять, что стало происходить в их квартире. «Нам страшно,– поведала женщина,– особенно ночью. Посуда падает с полки и со стола, разбивается с треском и стуком, с вешалки падает ни с того ни с сего одежда, со стен отваливаются крючки. У меня и у ребёнка все руки в синяках. Сейчас покажу…»,– женщина сделала спешный жест, чтобы снять куртку с себя и ребёнка. – «Нет-нет, остановитесь. Я вам верю»,– предостерёг о. Александр.

Во время рассказа мужчина стеснительно смотрел в землю, кивая головой. Отец расспросил, как звали усопшего, как отпевали и поминали, чем поминали (в посты скоромная пища как помин не доходит до усопших – О.Н.), посоветовал, что им надобно сделать в первую очередь, а что сделать потом. Молодые ушли, заручившись разрешением зайти, если снова что понадобится.

Вернувшись в дом взволнованным (разговор состоялся в саду на лавочке), о. Александр тяжело выдохнул: «Э-эх! – и сокрушённо добавил: – всё, как написано: «И будут отпевать усопших, да будут они неотпетыми»,– и надолго закрылся в своём кабинете.

Снова эти люди не приходили.

* * *

Помолюсь я Богу:
– Отче, сохрани,
Освяти дорогу
В будущие дни.

Не хочу теряться
Средь обид и зла,
Не хочу бояться
Чёрного крыла.

Научи нас грешных
Всем грехи прощать,
Сироту утешить,
Милостыню дать…

Догорая, тает
Пламя от свечи,
А душа взывает:
– Боже, научи!

После венчания Михаила и Светланы.

Справа: Ваня, отец Светланы Юрий Владимирович, Антон, Лена, мать Светланы Инна Акимовна;
свидетели: Дмитрий Яким и Аляна Крюкова

Благословение сына Михаила.

Освящение квартиры.

Всегда рядом.

Всю жизнь вместе.

Слева от о. Александра Михаил Булеков. В 1 ряду, вторая слева, Нина Ивановна Воронцова.

Навещают прихожане храма. Справа Нина Ивановна Воронцова (староста), слева сёстры Светлана Глебова и Татьяна Селиванова с детьми Вовочкой и Юлей.

Праздник. Сборы в Храм.

С внуками. Справа налево – Лена, Ваня, Антон.

За три дня до смерти.

Справа налево: сестра Анна Михайловна, Ольга, мама, внучка Катя. Три дня до смерти.

Глава 14. ГАНГРЕНА. ОПЕРАЦИЯ

У постели о. Александра. – Гангрена. – Конфликт в реанимации. – «Отпустите меня домой». – Семейный совет. – Принятие решения на операцию. – Упование только на Всевышнего. – Господи, дай силы!

Родительский дом. Мой внук Дима.

Понедельник 16 сентября

Коль нет ничего равнодушнее времени,– то, что есть беспощаднее памяти?

И если будем говорить о той «довременной» памяти, о которой писали великие наши старцы, то есть о той, в которой поселились мгновения ещё начального творения, предшествовавшие времени,– когда человек радуется тому, чего никогда не видел сам, но где-то очень глубоко сохранил в себе неповторимые ощущения, родившиеся, казалось бы, от незнакомых ему событий,– то она, эта память, и остаётся с человеком навсегда и никогда уже не покидает его. Так устроена тревожная душа наша, получившая отпечаток древних пластов неисчислимости времени.

Что-то подобное случилось и со мною, испытано всем нутром своим это неизгладимое чувство, когда я через много лет после сентябрьских дней 2002 года ступила на Святую землю Иерусалима – с тех пор во мне навсегда запараллелен другой мир, который я назвала бы горним. Но это моё видение.

А сейчас, накануне смерти о. Александра, в доме на Садовой все комнаты заполонила родовая семейная память.

После обеда приехала Анна Михайловна. Две женщины: жена и сестра сидели у постели о. Александра и не могли наговориться. Казалось, что они никогда до того не обсуждали проблемы своего бытия, и только сегодня они вдруг вспомнили все подробности прошлой жизни. И смешные, и нелепые случаи детства, и чистые картины отрочества, радости и неудачи ещё неумелой молодости и много-много ещё чего разного доставало из своих закромов прошлое. Оно непостижимо увлекало испытать заново то, что грело и ласкало сердце; то из самых укромных, казалось, давно забытых уголков, откапывало такие события, которые лучше бы никогда не приходили на ум.

За окнами начинало смеркаться, а три родных человека говорили и говорили, смеялись и плакали, не могли оторваться друг от друга, или вдруг сразу все замолкали, чтобы снова уйти в цепкие объятия памяти – к началу роковых событий.

В феврале 1999 года у о. Александра резко повысилась температура тела, появились сильные боли в ноге, озноб. Из приёмного отделения он был экстренно госпитализирован в хирургическое больницы посёлка имени Цюрупы с диагнозом «Начинающаяся гангрена пятого пальца левой стопы. Облитерирующий эндартериит». В тот день (а была пятница) врач заверил, что процесс пока обратим, что надо лечиться, и даже стоял вопрос о сохранении пальца.

Все назначения выполнялись безукоризненно. Через два дня, в понедельник с утра я пришла в больницу и застала отца под капельницей. Не успела перешагнуть порог палаты, как заметила, что что-то случилось. «Ольга, скажи хоть ты им, что плохо мне. На груди – как блин раскаленный» – «Папа, ну что ты,– пытаюсь подбодрить его. – Что же ты сам-то не скажешь медсёстрам, что плохо тебе?»,– одновременно слежу за отцом, перекрывая капельницу. – «Да звал я их, а они молодые, потерпи, дед, говорят, мол, скоро докапает».

По лицу, внезапно побледневшему ещё больше, потекли слёзы. – «Папочка, всё будет хорошо»,– утешаю, а сама уже бегу за врачом, на ходу соображая, что теперь отца нельзя оставлять одного – я должна находиться рядом с ним.

Пришёл врач, быстро сделал кардиограмму – инфаркт миокарда. Это уже третий по счёту инфаркт. Это совсем плохо. Плохо и то, что в больнице не оказалось отделения сердечной реанимации, и отца в срочном порядке повезли в Воскресенск. У меня и сумок-то для вещей с собой не было – мама

забрала их домой до выписки, а тут дела вон как повернулись.

Пришлось в срочном порядке, всё, что было,– шприцы, бинты, лекарства, посуду, тапки,– свалить в наволочку, отца завернуть в одеяло, повязать ему на голову свой тёплый шарф и на носилках – в машину. Вид у отца был отрешённый. Он, всегда активный и сильный, выглядел сейчас всецело погружённым в себя. Молча и покорно как при подготовке к транспортировке, так и во время её, выполнял команды врачей и медсестёр. О чём он думал? Чего он просил у Господа? Полностью подчинившись обстоятельствам, объятый болезнью, конечно, он понимал, что состояние здоровья крайне тяжёлое, но не задавал ни одного вопроса, не выказывал ни страха, ни суеты. Ждал… даже ни разу не ойкнув и не застонав, когда машина тряслась по ухабам сельской дороги.

Я понимала, что начиналось самое страшное, неотвратимое. Хотелось плакать, плакать навзрыд, но нельзя было при отце этого делать, и я терпела. Собрав всё своё небольшое мужество в крепко сжатые кулачки, я вцепилась ими в края шерстяного одеяла, боясь, чтоб они – не дай Бог! – не распахнулось при тряске. – «Папа, не замёрз?» – только и могла спросить я. Он на секунду открыл глаза и отрицательно качнул головой.

Ехали минут сорок – неблизкая дорога. Мне казалось, – так это было или не так,– что лицо отца сильно осунулось. Резко очерчённый бледный профиль, голова, обвязанная жёлтым шарфом, напоминали каждую секунду о том, что самое страшное, чего я всегда боялась, зная последствия сахарного диабета,– уже случилось.

Я слышала, как у водителя тихонько играет музыка, переговариваются о чём-то врачи, но до сознания не доходил смысл их слов. Я только чувствовала, что моя душа наполнялась болью, ранее мне неведомой. Как тоненькая струйка ручейка, боль перетекала из души и тела отца ко мне, наполняя всё моё существо страданьем, словно я сама готовилась умереть.

И я всё крепче и крепче сжимала одеяло, не давая холоду застудить ослабевшее тело. И точно теперь знала, что ни на минуту не оставлю отца такого: ещё совсем недавно физически сильного и насколько ослабевшего перед натиском опасной болезни.

Наконец-то добрались до Первой городской больницы. Реанимация. Беспрепятственно я проникла вместе с отцом в маленькую палату, сама везу каталку, непослушно тыкающуюся то в одну, то в другую стену, разбираю наволочку, наполненную личными вещами, и перекладываю отца с каталки на кровать… И только тут от недовольного крика медсестры выхожу из оцепенения. «Что вы тут делаете?! Вон отсюда! Это реанимация!!!» И тут всё, что накопилось во мне за это утро: досада, боль, обида, несправедливость,– всё неожиданно выплеснулось обратно в окружающую среду, так как совершенно переполнило предел того, сколько я смогла пережить за такое небольшое время. Почти перейдя на крик, чётко расставляя слова, в ответ объяснила: «Я двадцать лет в медицине. Это – мой отец! Я не уйду!» – «Идите к заведующему!» – отступила медсестра и вышла из палаты.

Отец не вмешивался в перепалку. Стало понятно, что теперь я должна принимать решение. Заведующий отделением, выслушав моё короткое заявление, наверное, понял, что спорить бесполезно, разрешил находиться с отцом и, конечно же, осуществлять уход.

Я готова была на любые условия, лишь бы остаться рядом с ним. Надо было вовремя увидеть его боль, дать таблетки, поддержать руку во время процедур, прибраться в палате, помочь медсёстрам и санитаркам – да мало ли чего нужно больному человеку.

День шёл за днём, а состояние отца не улучшалось. Болело сердце, давление было низким, температура высокой, да коварная гангрена, в виде яркой красной полосы, за неделю добралась до середины голени, а там, где вчера было красное поле, остался синебагровый цвет.

Те процедуры, которые планировались в хирургии изначально, были противопоказаны при инфаркте.

Когда отец засыпал, я могла на часдругой сбегать домой. Открыв дверь и по-

няв, что дома никого нет, обессиленная, я валилась на пол рядом с табуретом у двери и рыдала громко, во весь голос, не умея совладать с собой. Было безразлично, слышат меня соседи, или не слышат, а если и слышат – то неважно, что они обо мне подумают.

Что возвращало меня к жизни – так это сознание, что вот-вот из школы придут дети. Значит, нельзя мне плакать. Нельзя им показываться такой. Через силу вставала с пола, умывалась, готовила еду. Самой есть не хотелось. Дети догадывались, что я плакала, они жалели меня, помогали, как могли: убирались по дому, ходили за продуктами. Както сразу сделались взрослыми мои дорогие дети. Ване было 14 лет, Антону –11. Они расспрашивали о здоровье дедушки, о том, когда его можно навещать, а я и сама-то ничего не знала, потому как дела с каждым днём обстояли всё хуже и хуже…

Ровно через неделю, в следующий понедельник, врач, вызвав меня, растолковал положение дел: сердце слабое, ещё надо лечить и лечить, в то же время – о. Александр может умереть от гангрены. Потому, выбирая из двух зол меньшее, отца выписали и должны были в этот же день перевести обратно в хирургию. Время было послеобеденное, и пока делали выписку и собирали другие документы, отец распорядился так: «Отвезите меня домой. Всё равно врача в хирургии уже не будет. Хочу дома переночевать…»

Прибыли домой, не распаковывая сумки с перевязочным материалом, шприцами и личными вещами. Не очень хорошо выглядела мама: лицо вымученное, глаза заплаканные, слезятся.

На днях она приходила в реанимацию передать лекарства. Я выхожу к ней, глядь, сидит, вся съёженная, шаль съехала с головы, к стенке прижимается. «Мам, ты чего?» – спрашиваю. – «Подожди, Оля, не пойму,– еле слышно отвечает. – Сердце както у меня неправильно бьётся, и грудь болит». – «Господи, да что же это?» – чуть не вырвалось у меня. А место этого: «Мама, сейчас, сейчас,– лекарство принесу, потерпи чуточку»,– приговаривая, бегу в палату, ищу нужную таблетку и наливаю воды в отцовскую чашку. А он тихонько спрашивает: «Ну, как там мать» – «Всё нормально,– отвечаю,– пить захотела» – «А-а-а… Ну, отнеси ей…». Бегу к маме. Врачей пока не зову. Может, обойдётся. Мама только успела проглотить таблетки и спрашивает: «Как у отца дела?» Что говорить-то? Как отвечать-то? Собралась: «Как и были» – «Что, не лучше нисколько?» – опять бледнеет мать. – «Ну, как не лучше, главное, что не хуже. Слава Богу»,– отвечаю, и она почему-то верит мне, не уверенно поправляет упавшую на плечи шаль и допивает оставшуюся в стакане неспокойную воду.

А я впадаю в забытьё и временами не понимаю, что происходит. Только вижу точно, что всё происходит независимо от нас, независимо от того, что мы говорим, предпринимаем, как переживаем. Мы только принимаем эту действительность и копошимся рядом с ней, как бы параллельно. А она, действительность, имеет свой ход событий. Мы в ней – не участники, а всего лишь – зрители.

Немного отдохнув после приезда из больницы, поужинав, все мы расположились в большой комнате. Радости от возвращения отца не было, так как завтрашний день сулил начало новых испытаний. Была, безусловно, и радость от встречи. Особенно Ваня и Антон крутились возле любимого дедушки и, не видя его раньше так сильно озабоченным и взволнованным, старались чем-нибудь рассмешить его, подзадорить, рассказать наперебой школьные новости. Когда они смолкли, повисла длинная пауза. Заговорил отец: «Ну, так… вот, мои… дорогие! – голос его прерывался, как от нехватки воздуха, но был уверенным и решительным. – Спрашиваю вашего совета. Я знаю, что завтра, если поеду в больницу …»,– голос споткнулся, дрогнул. Тишина стояла такая, что, казалось, ещё чуть,– и она лопнет, как чрезмерно надутый шар. От нервного напряжения у меня пересохло во рту, мне как бы хотелось проглотить слюну, которой фактически не было, но я пыталась это сделать. И даже страшно стало, как вдруг в напряжённой тишине громко, во всеуслышание прозвучал сухой глоток. Никто не шелохнулся. А отец, собравшись с силами, продолжил:

«Мне отрежут ногу». – Фраза прозвучала, как выстрел. Мама всхлипнула еле слышно. – «Как вы скажете, так и будет. Решайте»,– закончил он и примолк. Воцарилась тишина. Мне почудилось, что все смотрели на меня. Ждут, что я скажу. Я же – медик.

«Значит, так…– Выдержав паузу, начала я каким-то не своим, чужим голосом. И надо мной, слышу, зазвенела тишина миллионами колокольчиков, и я сразу узнала знакомый мне тот самый довременной звон. Он был тихим, долгим, неразрывным. А сквозь его бесконечность, слово за словом, я проникала в почти осязаемый параллельный мир. И в то же время чувствовала себя не рядом с происходящей действительностью, а всё уверенней входящей в неё, где моё слово, имеющее силу, может повлиять на окружающих, а моё решение – изменить настоящую жизнь в лучшую сторону.

Снова сухость во рту мешает говорить, но, пересиливая её, кашлянув, как бы утверждаясь в этом мире, продолжаю: «Значит, так. Если не делать операцию – гангрена за месяц-полтора…– запнулась, но быстро нашлась,– сделает своё дело. Месяц – полтора, не больше. Если сделать операцию это, это…» – Не знаю, как сказать, не хочется говорить, что при инфаркте ампутация – это больше, чем риск. Сердце совсем слабенькое, а тут и наркоз, и операция, и послеоперационный период… Стараюсь казаться насколько можно спокойней и уверенней в том, что говорю. – «Если сделать операцию – это шанс. Это – жизнь. Папочка, мы тебе поможем, ты не волнуйся, что будет потом, протезы сейчас хорошие делают… Но, папа, решиться на это дело ты должен сам…».

До сих пор не понимаю, как я эти слова говорила. Будто бы и не я, а кто-то свыше вложил их в мои уста…

За окном застыла холодная ночь. Потихоньку все разбрелись по комнатам. Уставшие, ложимся спать.

Утром, без команды, не сговариваясь, вся семья проснулась рано, каждый помогал собирать отца в больницу. Разговаривали мало, только по необходимости. Отец молился, полусидя в кровати, а потом, молча и тщательно, засобирался на новые страдания.

Заведующий отделением Геннадий Иванович Гнётов, осмотрев отца, похлопал по плечу: «Ну, что притих? Не беспокойся, жить будешь! – а в мою сторону кивнул: – Зайдите ко мне!»

Иду, ноги трясутся, всё трясётся от страха и неизвестности. «Сегодня – вторник,– начал разговор Геннадий Иванович. – Завтра я – в Москве, а в четверг уговаривайте его на операцию. И не тяните время, пока анализы хорошие. Когда будут плохие – нет смысла оперировать. Поняли?» – «Да,– прошептала я, чуть не плача. Так хотелось поверить в чудо, что всё обойдётся и без операции, хотя сама знала, что так не бывает. – Доктор, а палец?» – робко начала я, но врач резко перебил: «Ольга, ну какой палец? Ты же фельдшер, сама всё знаешь. Выше колена! А ты – палец… И не уговаривайте». – На этом разговор закончился.

Господи! Ну как мне сказать отцу, что ноги у него совсем не будет: и не палец отнимут, и не до середины голени, не до колена, а до средней трети бедра…Разве он переживёт такое известие? Но говорить надо, чтобы к четвергу он точно знал, на что идёт.

И полились слёзы. Я не знаю, что говорить и как говорить. Помоги мне, Господи! Иду к окну, что в конце коридора, чтобы прийти в себя и немного успокоиться. Затем, вытерев слёзы, вошла в палату.

В больницах, как всегда, рабочих рук не хватает. «А вы мне поможете отвезти его в операционную?»,– спросила медсестра. Сердце моё дрогнуло. «Конечно»,– ответила спокойно.

В назначенное время я сама привезла из коридора каталку, покрытую чистой простынёй, и вместе с медсестрой проводила отца до операционной. На душе было тяжело, стучало в голове, висках, сердце, руках и ногах. И тогда мне опять показалось, что я, сейчас везущая отца на операцию, пересекаю сразу оба мира и параллельный, и мир действительности. Что останавливаюсь во втором, врываюсь в него и чувствую силу и веру, что будет всем лучше, если я не задержусь как зритель, а вступлю в простор

исцеления в качестве действующего лица, имея уверенность, что лучше меня эту миссию никто не выполнит. Кого хочет отец видеть рядом в решающие минуты жизни? Конечно, дочь.

И сквозь дрожь во всём теле (хоть бы он её не заметил!) опять чувствую, как тонким ручейком перетекает в меня его боль, волнение и его упование на Всевышнего.

Господи, дай силы!

* * *

Укрепи меня, Господи,
В малой вере моей,
И родных мне людей
Не суди строго, Господи!

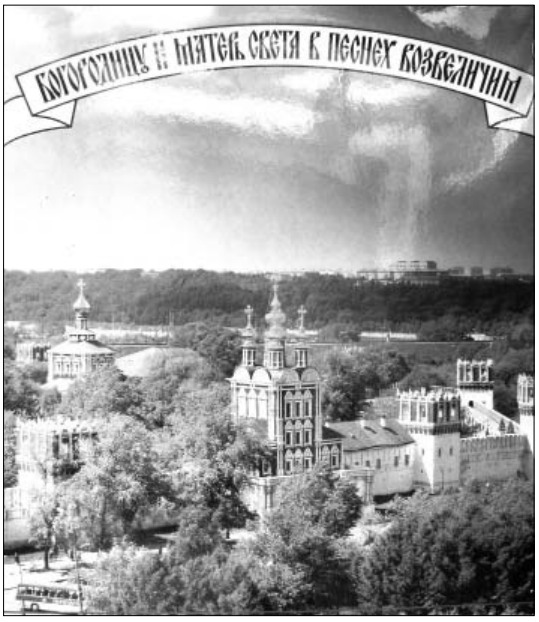
Успокой тихой милостью
Всех щедрот неземных,
Защити крепкой силою
Утешений твоих!

Ты прости меня, Господи,
За неправду мою,
И, взывая, молю,
– Милосердия – Господи!

Рассуди прегрешения,
Прибегаю – прими,
И спаси- сохрани
В суете искушения!

Пожалей меня, Господи!
Я гордыню мою
Покаяньем спалю,–
Не оставь меня, Господи!

Подготовка к службе.



Духовная и светская музыка нашего дома (представлена малая её часть)

Святой мир. Картина в доме.

Голгофа. Картина в доме.

Улица Новая, по ней ходили в город.

Улицы: прямо – Новая, направо – Первомайская (ныне Живописная).

Вечный зов. Коченяевка.

Озеро. Коченяевка.

Глава 15. ВСЕ МОЛИЛИСЬ ЗА ЗДОРОВЬЕ ОТЦА

Раны при диабете не заживают. – Все молились за здоровье отца. – Слуги Тьмы. – Слепота и борьба с ней. – История про сапоги. – Архимандрит Тихон (Агриков). – «Грешный я!». – Рождение внучки Екатерины. – Достойные имена медперсонала. – Дар предвидения. – «Крёстный, благословите!»

Дом на Садовой

Я видела, с каким сожалением смотрели на меня медсёстры и санитарки. «Что ты маешься, милая? Это же гангрена!» Но я никак не хотела, да и не могла смириться с окончательным приговором. За те сорок минут, что шла операция, я успела с хлоркой вымыть стены, кровати, тумбочки, дверь в маленькой палате, поменять всё бельё, проветрить и прокварцевать палату. И как я ни старалась не смотреть на кварцевую лампу во время уборки, глаза всё-таки обожгла. Ночью проснулась от нестерпимой боли в глазах, а при попытке открыть их – даже вскрикнула. Но тогда это было не так важно. Важно было, чтобы отца после операции положили в полностью подготовленную палату. Одна из медсестёр не выдержала: «Вы себя-то пожалейте, вам ведь детей поднимать надо. Раны при диабете всё равно не заживают». – «Спасибо», – ответила я, не очень-то вслушиваясь в совет.

В моей голове уже сформировался собственный план действий. Не знаю, откуда взялась такая уверенность, что и как надо делать. Мною, по-видимому, руководила Высшая сила и вела меня так, как и надо было меня вести. Я только молилась и просила Господа о выздоровлении родного мне человека.

Нелёгок был послеоперационный период. Я даже не думала, что на второй день после операции могут обозначиться пролежни. Медсёстры и нянечки разводили руками: «Диабет… Что вы хотите». А я массировала и массировала, мазала и присыпала все больные места, ставила компрессы и йодные сетки.

Много людей посещало батюшку в больнице: священники, прихожане, родные. Все молились о его выздоровлении. Иные, боясь побеспокоить пастыря, передав кулёк с конфетами или фрукты, тихо удалялись; иные просились поухаживать за ним и посидеть у его постели, другие – через медсестёр – передавали лекарства и уходили, даже не назвавшись; все старались помочь хоть чем–то. Всё было. И милостивый Господь принял мольбы и старания людей как угодные Ему.

И когда на седьмой день Геннадий Иванович объявил: «Сегодня снимаем швы-всё чисто!», – отец не удержался и, будто не веря услышанному, спросил: «А домой-то когда?» – «Хоть завтра!», – улыбнулся врач. Отец перекрестился, и по измученному лицу потекли слёзы. Трудно описать, каким было общее состояние, какая цепкая слабость спутала всё тело, точно крепкой невидимой сетью, не позволяя шевелиться, подниматься, разговаривать, принимать пищу. Именно в это время приходила за советом молодая женщина, когда о. Александр не мог принять её. Думаю, что Господь Сам помог ей в тот момент, так как Он не оставляет без внимания ни одно чадо своё.

И так как слуги Тьмы ведут борьбу за каждую душу простого мирянина, то за душу священнослужителя шла, можно сказать, битва. Лукавый не дремал, посылая всё новые искушения, являясь в различных личинах, и уговаривал отступить от Веры, уступить болезни физической и содействовать её переходу в душевную слабость. Но если тело фактически не сопротивлялось, то душа держалась непреклонной. Много людей молилось о здравии протоиерея Александра, и он медленно поправлялся, а душа, радуясь, благодарила Господа о продлении его жизни на земле.

Конечно, скорбям не было конца. Но молитвы – каждодневные, постоянные – укрепляли дух и помогали жить дальше. Ведь сам Господь так распорядился: не покинуть мир, а продолжать житие во славу Божию, рассказывая истинно о Его чудесах, коснувшихся собственно о. Александра. «Это ли не чудо, – восклицал он, – из такого «ада» вернуться!»

Это ли не чудо, коль Господь мудро вывел о. Александра из той ситуации, которая

складывалась в его служебной среде вокруг неоспоримых канонов православия? Он прямо и открыто выступал за чистоту веры, правильность ведения обрядов, точное ведение церковных канонов. «Это Господь увёл меня от греха!» – комментировал отец свою болезнь.

Поухаживать за братом из Оренбургской области (город Новотроицк) приехала сестра Раиса Михайловна.

Так получилось, что мама в тот час управлялась по хозяйству, дверь была не заперта, и тётушка Рая на цыпочках вошла в комнату, где лежал в полудрёме её брат. Она, как всегда, появлялась в нашем доме неожиданно, и, как всегда, с неизменным рюкзачком на спине. Увидев внешний вид брата, тётушка не удержалась и тихо заплакала, а отец, почти уже потерявший зрение, почувствовал присутствие родного человека. «Рая, это ты?», – спросил он слабым голосом, произнося с большим усилием, но отчётливо, каждое слово. Сестра припала к подушке и разрыдалась.

Летом Господь снова посетил отца, уготовив новое испытание: полная и окончательная слепота, неподлежащая лечению. Но и в этом состоянии он приспособился жить по-новому и даже по-своему с любовью читать книги. Сидя в постели или в инвалидной коляске, отец водил пальцами по строчкам и, шевеля губами, произносил давно заученные слова молитв, акафистов. Он на ощупь перелистывал книги, пользуясь листочками-закладками, и читал и читал дальше…

Я старалась бывать в доме родителей как можно чаще, стараясь помочь маме, посидеть около отца, поговорить с ним. Тогда я впервые узнала от него историю «про сапоги», которую никогда раньше не слышала. Не знаю, почему он не рассказывал. Не знаю. Возможно, стеснялся. Так что, кроме меня и мамы, её никто до сих пор не знает.

Во время учёбы в Троице-Сергиевой Лавре молодой семинарист познакомился со многими обитателями этого духовного храма. Он также знал святых старцев и был вхож к ним, когда другим, чтобы иметь с ними встречу, приходилось стоять не однодневную очередь. А так как многие из старцев были родом из Поволжья, либо связаны с теми местами добрыми и недобрыми событиями, то с нетерпением ждали приезда с родины семинариста Александра Сайгушева, чтоб услышать знакомый говор, последние новости о лесных и горных местах, а то и письмецо получить. И вот один из старцев архимандрит Тихон назначил будущему священнику послушание: совершать в течение трёх лет богослужение, не снимая «тяжёлых сапогов», не зависимо от погоды.

О. Александр помнил слова, не ослушался и с точностью выполнил наказ старца. Сейчас, зная биографию архимандрита Тихона, можно не только полагать, на то есть подтверждение мамы, а утверждать, что этот великий священнослужитель, родившийся в селе Адоевщина, в сотне километров от Жадовской пустыни, не мог пройти мимо учебных будней семинариста-земляка Александра Сайгушева. Он находил возможность принимать юношу практически в любое время и радоваться, что их взгляды на вечное учение Христа совпадают.

Приведём присяжный лист полностью

Присяжный лист

6 февраля 1962 года

Я, нижеподписавшийся, Сайгушев Александр Михайлович, рукополагаемый ныне в сан диакона, обязуюсь и клянусь перед всемогущим Богом и Святым Его Евангелием в том, что я – при помощи Божией:

– Всемерно потщусь проходить служение в рукополагаемом сане согласно со словом Божием, с правилами и указаниями Святого Патриарха и Его поверенных Архипастырей;

– Богослужения и таинства совершать со тщанием и благоговением по чиноположению церковному, ничего произвольно не изменяя и других учить, содержать веру и таковую преподавать по писаниям Святых Отец Святой Православной Церкви;

– Вверенные моему попечению души охранять от всех ересей и расколов. Самому провождать жизнь благочестивую, трезвую, от суетных обычаев устроенную в духе смиренномудрия и кротости и благим примером руководствовать других ко благочестию;

– Во всяком деле служения моего иметь в мыслях моих не свою честь или выгоду, а устремления следовать Слову Божию, благосостоянию Святой Церкви и спасению ближних,

В чём да поможет Господь Бог благодатию Своею молитв ради Пресвятой Богородицы и Всех Святых…

В заключение сего клятвенного обещания моего Целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

Подпись: Сайгушев.

К присяге приводил Архимандрит Тихон (написано рукой о. Александра)

Но перед принятием присяжного листа тем же днём архимандрит Тихон сделал «Допрос ставленнику перед рукоположением во диакона» просителю Сайгушеву Александру Михайловичу.

Нет, не ошибся духовник академии и семинарии, лично подписывая эти основополагающие документы нелёгкого служения православию.

Справка

Этот человек в академии был особенным. На праздники, после всенощного бдения, отец Тихон с вечера до утра исповедовал людей. Исповедь начиналась где-то в 10 часов вечера. Заканчивал он исповедовать около 4 часов утра, а в пять уже приходил служить раннюю Литургию, которую в своей жизни служил часто. Перед исповедью батюшка всегда говорил проповедь и не начинал исповедовать до тех пор, пока не видел в людях состояния истинного покаяния.

Проповедь он начинал так: выйдет и после слов «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» негромко произнесет: «Братья и сестры…» Голос у него был очень умилительным, а проповедь необыкновенно искренней и глубокой. Передать производимое на её слушателей впечатление очень трудно, это надо было видеть, слышать, чувствовать. Часто он с любовью взывал: «Кайтесь, кайтесь, миленькие, родные!»

Иеромонах Тихон Агриков находил ключи к сердцу каждого человека, подбирал такие проникновенные, затрагивающие душу слова, что люди очень искренно каялись после его проповеди.

Вот что писал о призвании духовника сам о. Тихон в своей прекрасной книге «У Троицы окрыленные»: «О, Боже мой, как трудно духовному отцу по-настоящему исповедовать чад своих! Тысяча крестов накладывается на духовника, да еще враг разжигает против него разные и многочисленные смуты. Духовная жизнь – как она сложна, многообразна, сколько требуется мудрости, сколько сил, терпения!

Как много вокруг батюшки разных людей – и любящих его, и ненавидящих, и строящих батюшке козни и коварства, – а ему все равно всех жалко, всех хочется спасти и в разум истины привести. Ведь все они – дети Божии, и за всех их пострадал Господь на Кресте, пролил Свою Пречистую Кровь. И как они все дороги Господу! И дороги должны быть батюшке как служителю Божию и духовному наставнику труждающихся».

Наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Пимен (Извеков) – в будущем Патриарх Московский и всея Руси – очень любил иеромонаха Тихона (Агрикова) и только ему поручал проповедовать Слово Божие. В Лавре служились две Божественные литургии: Наместник говорил проповедь на одной из них, а отец Тихон – на другой. Когда архимандрит Пимен уезжал, отец Тихон выполнял его обязанности, был его заместителем. Ему поручали большие, ответственные посты: с 1954 года он проходил послушание эконома Троице-Сергиевой лавры, а с сентября 1955, по благословению Святейшего Патриарха Алексия (Симанского), стал казначеем обители.

Отец Тихон был исключительным тружеником и подвижником. Кроме уже перечисленного, он заведовал свечным ящиком,

регентовал на левом клиросе, а по праздникам – на правом. Причем делал это както по-особенному: целомудренно, тихо и кротко. Регентовал левой рукой, так как был левша, и руку держал очень красиво. Руководил также и любительским хором. Пели с ним и матушки, и девушки, и старушки.

Ещё в начале служебного пути о. Александра мучил вопрос: очень он хотел принять монашеский постриг и полностью свою жизнь посвятить Господу нашему Иисусу Христу. Но на этот шаг о. Тихон не дал благословения семинаристу А. Сайгушеву, объявив ему: «Ты должен жить в миру и нести слово Божие людям».

Так что, события тех лет круто повернули судьбу юноши в том направление, по которому он прошёл до конца дней своих.

Но и в последующие годы жизни, наполненные страданиями и скорбью, о. Александру неоднократно поступали предложения и просьбы принять монашество. Но он всегда отвечал отказом.

Не знаю, рассказывал ли он кому об истинных причинах категорического отказа, но полагаю, что он не мог нарушить слово, данное однажды мудрому человеку, который благословил всю его последующую жизнь. А в разговорах отец, будучи тяжело больным, на расспросы отвечал так: «Ну, как я стану монахом? Ну, какой я монах? Я всю жизнь – в миру. Грешный я. А с монахов-то спрос совсем иной. О-ох, строгий спрос! А я какой жизнью жил, за такую и буду отвечать… Так-то».

Осенью 2000 года в наш дом пришло радостное событие: в семье Михаила родилась дочь Екатерина, и, несмотря на тяжёлое состояние о. Александра, он сам в Крестовоздвиженской церкви села Марчуги окрестил внучку. Крёстным отцом стал Дмитрий Яким, друг Михаила, крёстной матерью – Наталья Бурлакова. (Старшую дочь Елену крестили в селе Новлянское, крёстный отец – Владимир Юрьевич Воронин, крёстная мать – Инна Акимовна Воронина).

Состояние здоровья отца всё ухудшалось. Несмотря на большое количество лекарств, которое предписывали врачи, аппетит становился всё хуже. От многих недиетических продуктов отец отказался давно. Силы его покидали. Ходить на костылях он не мог по причине слепоты; ходить на протезе было тяжело: не выдерживало сердце. Сердечные боли беспокоили ежедневно. Когда почти отказали почки – встал вопрос о гемодиализе, но отец категорически отказался: «Так и будете меня как куклу возить. А жить я когда буду?»

Возить на процедуру предполагалось в Москву. «Нет! – уверенно решил он. – Сколько даст Бог, столько и проживу. Ко мне вот завтра Николай Андреевич придёт. Погутарим с ним». Николай Андреевич часто навещал отца по душе, да и жил неподалёку.

Из более дальних краёв, из Самары, приезжал о. Николай Одинаркин, давний друг отца ещё по семинарии. Трогательной была встреча, с радостью и со слезами на глазах.

Посещала наш дом из города Одинцова и землячка Татьяна Васильевна Чинцова. Их с отцом связывала многолетняя дружба. Анна Васильевна – верная прихожанка из Москвы – не забывала отца. Старенькая, немногословная женщина всегда следовала за отцом, где бы он ни служил, чтобы увидеть и услышать благодать, царившую в храме во время его больших и обычных богослужений.

Конечно же, говоря о тяжёлой болезни отца, нельзя не назвать имена воскресенских врачей, которые к нашей семье всегда относились по-доброму. Это терапевты: Вера Леонтьевна Соколова, Зоя Андреевна Новикова, Лариса Григорьевна Медведева, Любовь Адольфовна Суланова, Лидия Михайловна Сучкова, Наталья Владимировна Уринская, Ольга Евгеньевна Алексеева, Марсель Мунирович Маскулов, Мауа Камаевна Примакина, неврологи Ольга Васильевна Дюканова и Людмила Михайловна Некрасова, эндокринолог Людмила Михайловна Сквозникова, пульмонолог Алла Алксеевна Зубатова, кардиолог Михаил Ефимович Уринский, хирург Геннадий Иванович Гнётов, Станислав Андреевич Исполинов, Та-

тьяна Владимировна Селиванова, медсестра Тамара Ивановна Зайнулина (Певчева)…

Список можно продолжать и продолжать – низкий всем им поклон, а усопшим – царство небесное и вечный покой.

А «погутарить» времени было немало, но и не так уж много. Быстро уставал отец. Но дома, как говорится, и стены лечат. Поэтому, он старался находить минуты покоя и уединения.

Вот он двенадцатилетний мальчик аккуратно переписывает в тетрадку молитвы, которые к этому времени знал наизусть. Двоюродная сестра вспоминала позже: «Мы учились в одном классе. Ох, и кручёный он был! Шустрый. А уж за словом в карман никогда не полезет!»

То приходило сильное желание навестить перед смертью родную Коченяевку, хотя и мало там осталось его сверстников, но всё-таки ещё остались. Он видел себя идущим по деревенской улице в самом нарядном своём облачении и в митре. Непременно в митре.

Но не гордыня, нет, не она!- руководила им. А желание возвеличить свою Родину, чтобы поверили в него те, кто не верил, и он произнёс бы самую проникновенную и самую тёплую проповедь в своей жизни. Он даже знал её, она слагалась в голове не один год и словно была дана ему свыше. Он отслужил бы панихиду на деревенском кладбище, где похоронено столько родных и односельчан.

Не так давно отец, будучи ещё в силе, отпевал здесь старшего своего брата Василия Михайловича.

Он мечтал посетить перед смертью могилки своих земляков, проститься со всем, что ему дорого и ценно на этом свете.

Обещанную митру ему так и не дали. Тогдашний благочинный о. Иннокентий обещал из года в год, а походатайствовать за больного священника было некому. И о. Александр перестал вспоминать об этой своей радости.

Летом мы часто гуляли с отцом в лесу, по тропинке доходили до лесного озера. Он сидел в кресле-каталке, маленькая внучка Катюша пристраивалась на подножку, которая предназначалась для отсутствующей ноги, и крепко держалась за дедушкину здоровую. Так мы и гуляли, слушая пенье птиц, квакание лягушек, собирая букетики цветов. «Катя, гляди, – звал дедушка, – лягушки-то в пёстрых сарафанчиках» – «Да!», – смеялась от радости малышка и сегодня же вечером рассказывала родителям о лягушках в пёстрых сарафанчиках. – «Катенька, нюхай цветочки! Как же они пахнут!», – улыбался он внучке и сам нюхал букетик «вверх ногами».

Я чувствовала всем сердцем, что это были последние месяцы, недели, дни… Один Бог знает…

Иногда мы гуляли одни, беседуя на родные темы. Но как всегда бывает: нам не хватало времени, сообразительности, смелости или ещё чего-то расспросить о большем. До конца жизни мой отец обладал хорошо развитой интуицией, тонко чувствовал собеседника, знал, как надо сказать ему то, что необходимо ему. В этих случаях говорил мало, но веско. Некоторые знали, что о. Александр владеет даром предвидения. Не знаю. Но многое из того, что он говорил, – сбывалось. Возможно, это было даром предчувствия, мудрости или ещё чем-то неизведанным.

Он умел выводить бородавки своим знакомым; заводил их в свою комнату, читал молитвы, смазывал маслицем. Когда моему трёхлетнему сыну все врачи пророчили только операцию (грыжа), отец несколько раз читал молитвы, а потом я как-то забыла о болезни, а когда вспомнила – от грыжи и следа не осталось.

Две мои соседки по коммунальной квартире заболели желтухой. Моему Ване было три годика, скоро должен был Антон появиться на свет. Я пришла к родителям в слезах и панике. А отец спокойно так и говорит: «Не плачь. Ни ты, ни Ваня не заболеете! Иди, помоги лучше матери чай собрать!» – «Почему, – удивлялась я, – беременные так чувствительны к этому вирусу» – «Потому. Иди…», – отвечал он, не объясняя. И было так, как отец сказал.

Про одного из родственников говорил: «Пропадёт, если не остановится…» – «По-

чему? – удивлялись родные. – У него, вроде, всё в порядке». Пропал…

Отец очень любил внуков, но про моих ребят сказал однажды горестно так, задумчиво: «Не будет у них дружбы…» – «Почему, папа, они же так дружны, они даже не подрались ни разу в жизни» – «Ну и что, – печально продолжал он. – Сейчас дружат, а потом не будут!». И опять задумался…

Произошёл и смешной случай: на моей работе организовывался турпоход. Я очень хотела пойти и взять с собой пятилетнего Ваню. Отец был очень против, но я настояла на своём. Не помню, на каком вокзале назначался сбор, но мы с Ваней оба с рюкзаками приехали заблаговременно. Ждали время встречи. 10 часов – никакого движения (а в группе 25 человек). 10.05 – никого. Ну, думаю, не могут же все опоздать. У меня сомнения: не перепутала ли вокзалы? Быстро отправляемся с тяжёлыми рюкзаками на другой, с которого отъезжали в прошлом году. Прибыли – и здесь никого. Ничего не понимаю, ведь мобильников тогда не было, чтобы позвонить. Соображаю: не надо было метаться, надо было ждать. Помчались обратно. В 10.25 приехали обратно – никого. Не понимаю…Не могли же нас обмануть или подшутить… Ищу телефон-автомат, звоню на работу. Отвечают: группа уехала с того вокзала, где мы были в начале. «Но там же в 10.05 никого не было!» – возмутилась я. А мне в ответ: «Знаешь, все опоздали и собрались в 10.20, а электричка как раз отходила в 10.25.» Вот и возвратились мы с Ваней домой, как говорится, «не солоно хлебавши», едва справляясь с тяжеленными рюкзаками.

Как-то я имела неосторожность очень тяжело вздохнуть. От отцовского внимания это не ускользнуло: «Не вздыхай, Ольга. Ты рано вздыхаешь!» – «Как это понимать, папа? Почему? О чём ты?» – «Так, – как бы рассеянно отвечал он. – Рано…»

А теперь мне кажется, что он знал мою будущую жизнь и те события, которые уже не за горами поджидали меня.

В 2000 году на большой церковный праздник храм Иоанна-Златоуста села Новлянское посетил митрополит Ювеналий. И уж насколько о. Александр был немощным, но нашёл в себе силы тщательно собраться и принять участие в знаменательном богослужении. Последние годы он всё чаще думал о смерти, очень беспокоился о том, чтобы его правильно отпели. Сам он очень серьёзно подходил к этому вопросу.

Одна из прихожанок Александра Петровна Шепилова вспоминала: «Я много чего забываю. Старая стала. Но как о. Александр провожал покойников – никогда не забуду… Торжественно, печально, без сокращений и в любую погоду с пением «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас», – выходил на улицу, провожая каждого, как родного, с молитвой, дожидаясь, пока гроб не поставят на машину. Поэтому он и простывал часто. Выходил-то раздетый, а спина, небось, вся мокрая…»

Последнее его лето 2002 года было особенно тяжёлым из-за жары и горения торфяников по всей области. Отец почти ничего не ел. Единственной пищей ему служили лесные ягоды и чай. От лекарств он отказался, принимая лишь инсулин и обезболивание: начиналась гангрена другой ноги. Мы, как могли, скрывали, но он всё знал сам. «Очень болит нога, Ольга, и зябнет. Хоть немного согреть бы её. Можно?» – «Можно, – подумав, разрешила я. – Что ж мучится-то» – «И я так думаю. Но я недолго погрею. А то от тепла-то гангрена быстрей пойдёт».

И я, хоть плачь, не знала, что ответить.

После яблочного Спаса беспокоился, чтоб насушили достаточно яблок: – «Зачем? – спрашивает мама, вроде как не понимая. – «Ну как зачем? Свой-то компот вкуснее, а его много понадобится».

Однажды вызвал меня из дома: «Дело есть». Я прихожу, а отец разложил своё облачение, приготовленное на смерть, перебирает его и со мной советуется, как лучше: так или этак?

С помощью мамы отец, не спеша, составил список книг, одежды и других вещей – и лично расписал, что и кому из друзей, родных, знакомых отдать на память. Но непременно всё раздать до сорокового дня, так как именно в это время душа очень

нуждается в поддержке: молитве и добрых деяниях в память о покойном.

Некоторые приходили в это лето для благословения и приводили с собой своих чад. Приехала как-то его крестница Лена с сыном-подростком Павлом. Отец был уже слеп. «Крёстный, благословите», – обратилась она к отцу. А он будто не слышит. Лена снова: «Крёстный…» – А он перебивает: «Ты кто? Павлик? Подойди-ка! О-о, какой ты высокий стал!» – и ощупывает его, вроде проверяет рост, и, незаметно добравшись до головы, осеняет крестом.

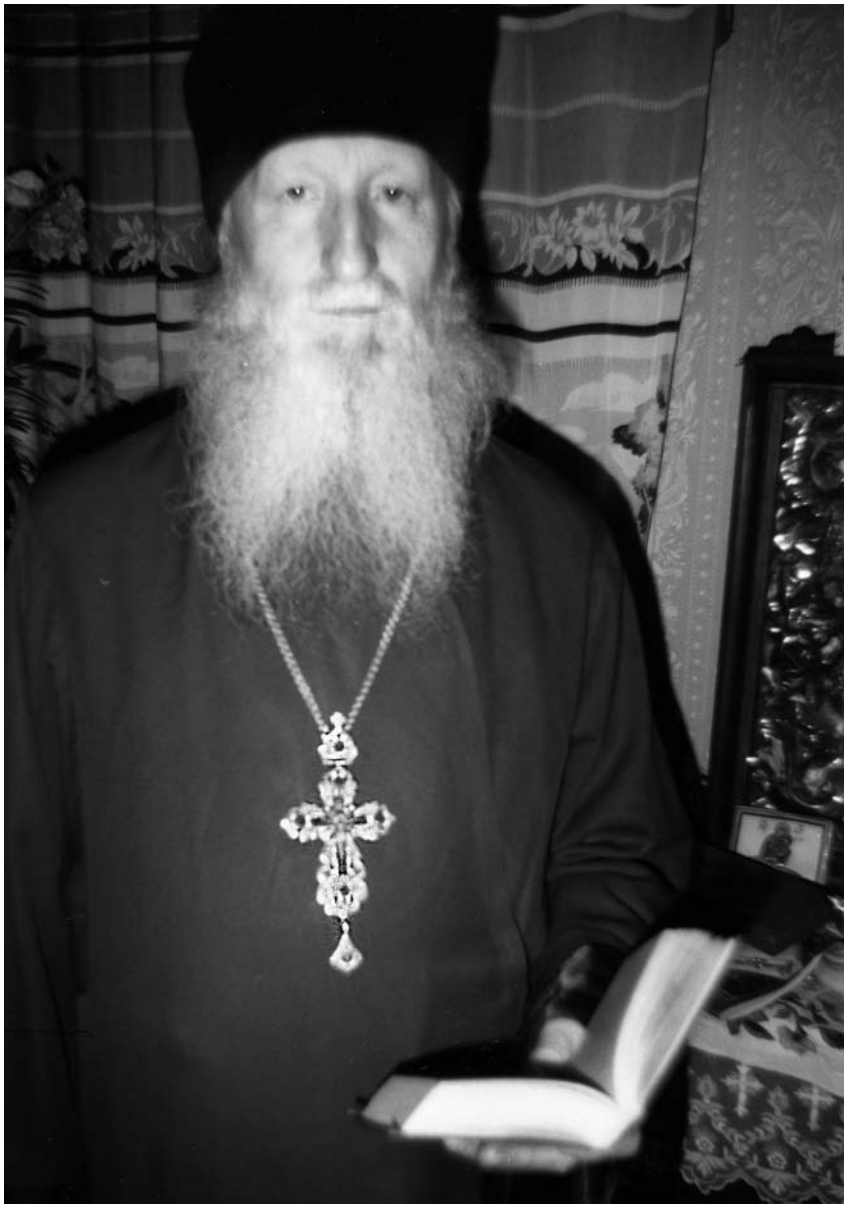
Много было в ту пору раздумий и о том, где быть ему похороненным. Решение отец принял сам: рядом с матерью.

* * *

Никому-никому никогда
Не отдам свою грешную душу.
Ни за что я её не предам
И обетов своих не нарушу.

Потихоньку уйду, не простясь,
Только дверь поплотнее прикрою…
Всё лихое, что было подчас,
Всё лихое возьму я с собою.

Может, скоро узнаю покой,
Может, шаг один до всепрощенья…
И молюсь я окрепшей рукой,
И в молитве – моё утешенье.



Ворота храма. с. Шарапово.

Во время богослужения.

Успение Богородицы. У плащаницы.

Крестный ход в Марчугах на Престольный праздник Бориса и Глеба.

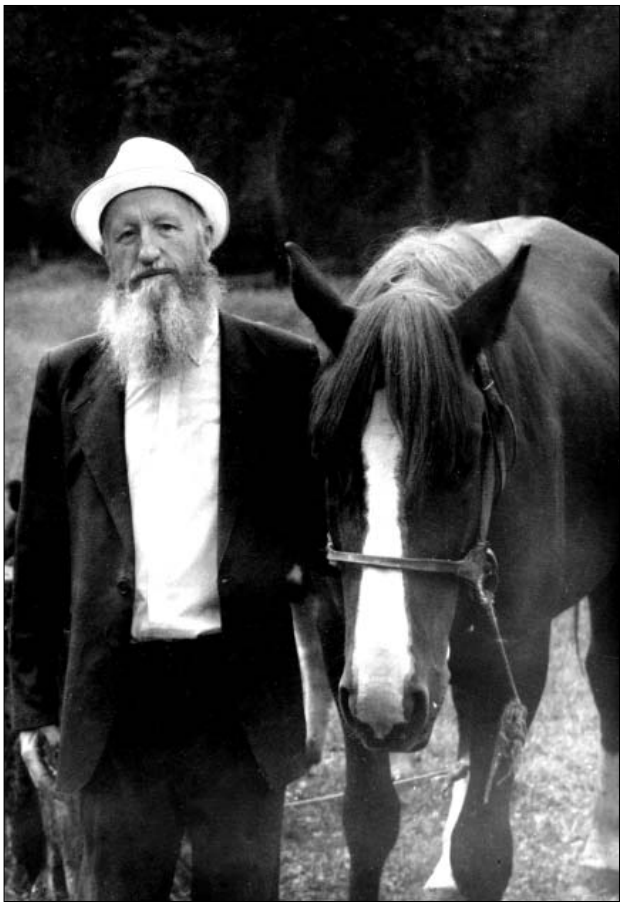
Венчание моего двоюродного брата Андрея и Натальи Сусла.

Обряд Венчания. Сестра Раиса и Иван Карповы

С дорогим гостем Николаем Одинаркиным.

Пасха Христова.

Пасха Христова. Любовь к живым цветам. 1997 год.



Привет из юности – конь.

Пастырь – он везде пастырь.

Глава 16. ПРОЩАНИЕ

Всех тяжелей было отцу. – Мало спали в эту ночь. –
Ответов на вопросы не было. – Немедленно надо идти,
надо успеть. – Я бежала и бежала, как в детстве. –
Вспоминали Коченяевку и всю свою жизнь. –
«Живите дружно»,– дал отец сыну последний наказ. –
Его нет, нет моего отца, моего папы,
моего дорогого человека.

Ул. Садовая. Дом 40.

Вечер понедельника 16 сентября 2002.
Они – отец, мама, сестра отца Анна Михайловна,– прощались. Осознавая чувством неведомым, но обострённым до предела, и временной ограниченностью,– эти три родных человека до самой полночи и далеко за полночь не могли успокоиться и остановить потоки нахлынувших воспоминаний, недоговоренных ранее слов. На какое-то время кто-то из них замолкал. Сразу же замолкали все, делая вид, что, вроде бы, задремали. Это только казалось, что все, вроде бы, задремали. Фактически они думали об одном и том же: о близком расставании, стараясь хоть чем-то облегчить друг друга, и, особенно, о. Александра.

Конечно, всех тяжелей было отцу. Это он уходил, он готовился к вечной Встрече, а потому чаще всех замолкал, погружаясь в свои думы. Он, минуя лиц сестры и супруги, устремлял свой взгляд чуть выше их глаз, поднимал свои, слепые, в красный угол комнаты, а через него – переходил в другое состояние, в другой мир, в котором ему сегодня придётся остаться навсегда. Когда наступит этот миг – никто из них не знал, лишь предполагал, что, не минуя, наступит скоро. «Он придёт, яко тать,– повторял отец часто. – И всякий должен всей своей жизнью готовиться к нему».

От напомнившего о другом мире звонка в пятницу прошло три дня. За это время о. Александр успел привести в порядок свой внешний вид, своё физическое тело. Теперь оставалось ждать, когда примет его Господь. Грусти не было, не было суетливости,– весь лик отца отражал спокойное ожидание воли Всевышнего.

Вторник 17 сентября 2002.

Мало спали в прошедшую ночь, но всё равно, по привычке, встали рано. Читали утренние молитвы, тщательно поминая длинные списки усопших, которые непрерывной чредой всё являлись и являлись изо всех времён памяти.

Ввели инсулин. Позавтракали. Сестра Анна засобиралась домой. «Нюра,– попросил её брат,– поезжай, но ненадолго, я ведь скоро умру» – «Да что ты говоришь-то, милый! Что говоришь-то!» – и слёзы выступили на её глазах. – «Увидимся ещё. Что ты…» – повторяла сестра. Распрощались.

Но увидеться им в этой жизни больше не пришлось.

Я возвращалась с работы домой. Уставшая. Сутки выдались, как никогда, тяжёлые. Много выездов, нервозная обстановка, моё взволнованное состояние – всё собралось вместе, образуя один большой ком, который страшной болью давил на меня, не давая успокоиться и, хотя бы на минуту, сосредоточиться. Ехала в электричке, очень хотелось подремать, но не получалось. Мысли, мысли, мысли… Они, не отпуская, надоедливо окружали и мучили мой разум, навязчиво и бесцеремонно. На миг исчезая, они, те же самые, появлялись снова и с новой силой не давали покоя. Самое страшное заключалось в том, что каждая мысль несла вопросы, на которые предстояло найти ответы. Но их, ответов, не было. Они терялись в неразрешимой философии жизни и смерти.

Добравшись до дома, первым делом звоню родителям: «Как дела? Как прошли день и ночь?» – И, услышав мамин голос, старающийся быть спокойным, сама стала приходить в себя.

Мама передаёт трубку отцу: «Папочка,– спрашиваю,– ну как ты? Как дела?» – «Слава Богу,– отвечает. – Как ты отработала? Устала, небось?» – «Устала,– вздохнула я. – Пап, может придти, может, помочь что-нибудь?» – «Нет уж, отдохни! – говорит. – Что бегать-то будешь. Отдохни… А завтра уж и придёшь».

Несмотря на боли, на бессонную ночь отец говорил сдержанно, стараясь не рас-

страивать меня понапрасну, словно давая возможность отдохнуть перед надвигающимися событиями. Жалел он всех нас, как жалеть умеют только родители.

Разговор с отцом успокоил меня, его ровный голос развёл невесёлые мысли, и я уснула.

Проснулась около шести вечера, быстро вскочила и начала собираться к родителям. Срочно. Словно кто-то подстёгивал меня: «Надо!» – Я не вспомнила о нашей утрешней договорённости, что приду завтра. Её, договорённости, просто не было. Сейчас я вся находилась в такой спешке, которую не могу объяснить и сегодня: я не задавала себе вопросов и не искала на них ответов – всё это куда-то делось, пропало. Понимала только одно: надо идти. Немедленно надо идти. Надо успеть. Несуетливая спешка… И так всё быстро и складно получалось, как будто я давно уже готовилась к этому визиту. Скорее,– единственное желание. Скорее…

Было тепло и сухо, на деревьях желтели листья, чуть усиливался ветерок. Я торопилась, почти бежала по знакомой дорожке к родительскому дому. Случился какой-то перелом в душе, что-то отступило на время, произошла какая-то перемена. Было удивительно радостно только от того, что я через несколько минут увижу дорогих мне людей. Я бежала и бежала, как в детстве, без тяжёлых мыслей и переживаний.

На мой стук – двери открыла мама. Уставшее лицо осветилось улыбкой: «Олечка, ты? А мы сегодня тебя и не ждали. Думали – ты спишь».

…Неповторимая благодать, в отличие от моей городской квартиры, заполняла все комнаты родного дома. Здесь навсегда осталось моё детство – уют и тепло. Работала АГВ, батареи были тёплыми. Пахло лекарствами, яблоками, которые, я знала, лежали на террасе в корзине, возможно, в большом тазу. Горели во всех комнатах лампадки у икон, распространяя удивительную ауру церкви и покоя.

Отец тоже удивился и обрадовался моему приходу. Выглядел он неплохо, сразу начал расспрашивать меня о работе, семье, детях. Как же мне было хорошо с ними, со своими родителями! Измученная переживаниями последних дней, я душевно отдыхала, словно всё прошедшее было тяжёлым сном, который наконец-то закончился.

Я сидела рядом с отцом и массажировала его больную ногу. Так ему было легче. Он рассказывал, как у них сегодня ночевала тётушка Аня, как долго они не спали, вспоминая Коченяевку и всю-всю свою жизнь.

Лицо его светилось радостью. Мама собирала чай, встречая и угощая меня как дорогую гостью. И казалось, что в доме словно бы ничего не произошло, ничего решительно не поменялось, что наступила уверенная определённость, которую пока никто не понимал. Только через годы я стала догадываться, что это такое и откуда исходит, а теперь точно знаю,– эта уверенность и определённость исходила от отца…

Мы дружно пили чай, отец сидел с нами за столом. Беседуя, можно сказать, ни о чём, я вглядывалась в его лицо, пытаясь увидеть перемены. Лицо виделось исхудавшим, очень белым, но без следов мученичества. Он ни словом не обмолвился о своём состоянии, о том, как болит его сердце, как ноют ноги. Может потому, что мама успела дать ему лекарства. Он принял их автоматически, не задерживая на этом действии никакого внимания, точно все принятые таблетки не очень-то ему и нужны были, да и говорить об этом уже не хотелось: времени оставалось мало, и не к чему было тратить его на разговоры без содержания. Отец уже внутренне был сконцентрирован на другом, более важном, нежели на каждодневных бытовых мелочах. Хотя мелочами они стали совсем недавно. А вообще в жизни у него не было мелочей.

После чаепития опять я подсела ближе к отцу. «Ольга,– попросил он,– потри мне спину». – Лёгкими массажными движениями, и поглаживая, прошлась я по больной спине. – «Ну, Ольга, у тебя, как и силы нет,– пошутил отец. – Потри посильнее… Не можешь? Пойди, достань с чердака щётки, которыми овец чесали. Помнишь? А то вы

с матерью совсем обессилели: она еле-еле и ты также».

Мы с мамой на его шутку ответили доброжелательным тихим смехом. Слабо улыбнулся и отец. Он понимал всё и старался даже в таком состоянии хоть как-то развеселить нас и, увидев наши улыбки, унести их с собой в Божью Вечность.

Не хотелось говорить о болезни, о наказах – всё это уже было, и было много… Мавринские часы легко тикали, словно бежали по дорожке моего детства: « тик-так, топ-топ, прыг-скок, тик-так, топ-топ, прыг-скок …»

Зашёл Миша, сидел с нами, тихонько разговаривая с отцом по садовым делам. Отец с удовольствием разъяснял и советовал, как и что надо сделать до холодов.

Время бежало быстро, очень уж быстро.

Миша собирался уходить. Подошёл к отцу. Попрощались. «Живите дружно»,– дал отец сыну последний наказ, вслед осеняя крестом.

Вечерело. Настало время уходить и мне. «С Богом, Ольга… С Богом…»,– это были последние слова отца дочери…

В доме – тишина. Мама, проводить меня, вышла в прихожую. И здесь, в прихожей, также было тихо. Даже не слышалось тиканья часов, лишь один раз они напомнили о времени, негромко сделав восемь ударов.

Вечер вторника 17 сентября 2002.

Словно ушли болезни, а с ними и печали. Легко? Легко. Неестественно легко. Как будто разрешилась большая проблема. Или не разрешилась? Что происходит? Не понять. И не хотелось ничего понимать больше того, что есть. Даже думать ни о чём не хотелось. А они, думы, и не одолевали. Отступили думы. Тоже кончились, вроде…

Точно Высшая сила уверенно руководила ситуацией, и всё в сегодняшней жизни больше, чем всегда, было подчинено ей. Всё должно было происходить так, как происходит, а не иначе. И так происходило.

На улице ещё держалось тепло. Затянулось бабье лето в этом году. За посёлком над большой поляной сквозь высокие стволы сосен, меняя небесные краски, неторопливо играл закат. Ветра не было, но последние листья сами по себе опадали с деревьев. Быстро поворачиваясь, они кружили, мелькая разноцветьем, и, словно по невидимым ниточкам, быстро опускались на землю, подчиняясь великой воле земного притяжения. Как хороша жизнь! Как хорошо и умиротворённо в природе! Как хочется жить в этой жизни, как хочется, чтобы она не кончалась!

Не смотря на всё, я пришла домой уставшей: отработанные на «скорой» сутки не проходят бесследно. Хоть и отдохнула немного днём, но сейчас, к вечеру, усталость валила с ног. А дела домашние – они всегда дела – они не знают, тяжело мне или легко. Они накапливаются и терпеливо ждут, когда до них дойдут руки. Я попыталась что-то поделать по дому, но от усталости (так я тогда думала) у меня ничего не получалось, ничего не клеилось. Позвонила маме. «У нас всё хорошо,– успокоила она меня. – Вот арбуз с отцом ели, таблетки приняли. Сейчас лежит на диване, меня попросил не отходить, рядышком попросил посидеть. Говорили о том, о сём. Отдыхайте и вы. Спокойной ночи».

Но спокойствия не было. Я бралась за одно дело – оставляла его, бралась за другое – опять ничего не получалось… Уходила в другую комнату, прибиралась, переставляя вещи с места на место, принималась мыть посуду и, закончив, как потерянная, рассеянно ходила по комнатам, готовясь ко сну, при этом, который раз, рассказывая Григорию и Ване с Антоном о событиях прошедшего дня.

Звонок не был нежданным. Но всё равно – не во время. В трубке мамин взволнованный голос: «Оля, приезжай! – И почти без паузы: «Скорее…». На часах – посмотрела – 22.35.

Через 5–7 минут я была в доме на Садовой. Не разуваясь, забегаю в отцовскую комнату.

Разом, как ближний гром, обрушилось на меня осознание того, что его нет, нет моего отца, моего папы, моего дорогого чело-

века, наделённого высшей силой духа и глубокой мудростью, который был для меня и помощником, и советчиком и который, казалось, будет всегда.

Обрушилось тяжёлое ощущение пустоты и одиночества, хотя вот он, совсем рядом, но его уже не было. Не стало той сущности, которая составляла его всего, не стало огромного мира, безграничный объём которого вмещал отец. Существовало всё – только около. Любви, радости, печали,– ничего не было… Ни памяти, ни болезней.

Всё осталось в его душе, покинувшей земной мир по зову Отца Небесного.

Чуть удивлённое детской полуулыбкой просветлённое лицо спящего человека, взгляд из-под приоткрытых век устремлён вверх, в тот мир, который часто в последние годы являл ему грядущие тайны бытия.

* * *

Пылали ярко листья клёнов,
Всё шло в природе чередом,
На ветках птицы оживлённо
О чём-то спорили своём.

Внизу под ивою как стоик,
И почему-то одинок,
Уселся небольшой опёнок
На развалившийся пенёк.

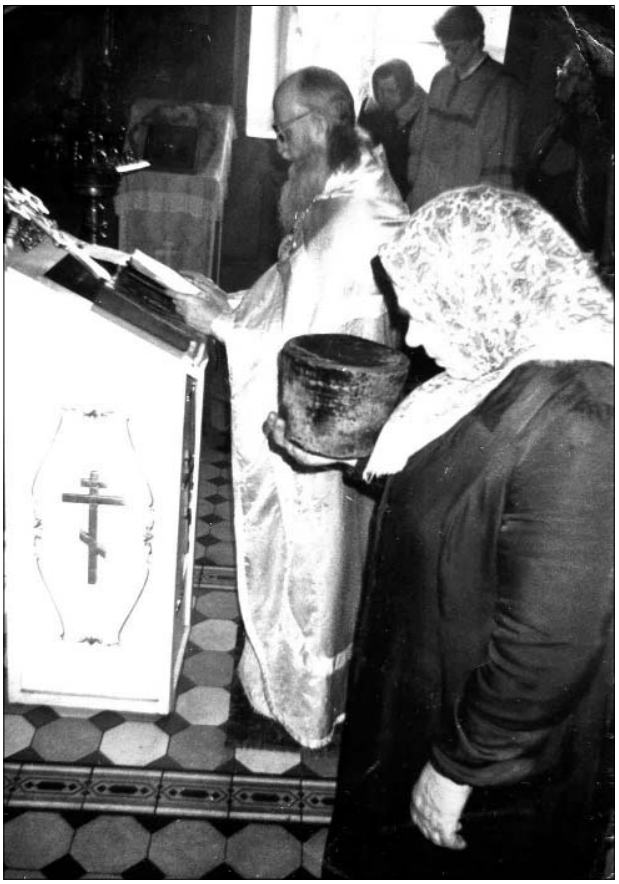
Лопух тянул большие лапы
Всё к небу, к небу – на восток…
А в доме умирал мой папа-
Мой неразгаданный пророк.

И вот его совсем не стало,
Угасшей Боговой звезды…
А осень пела, ликовала,
Справляя праздник красоты.

Мама, я и Серёжа.

Антон, папа, Ваня. Во втором ряду – мама, я, тётя Аня.

Рождество Христово. Крестовоздвиженский храм. 1999 год.



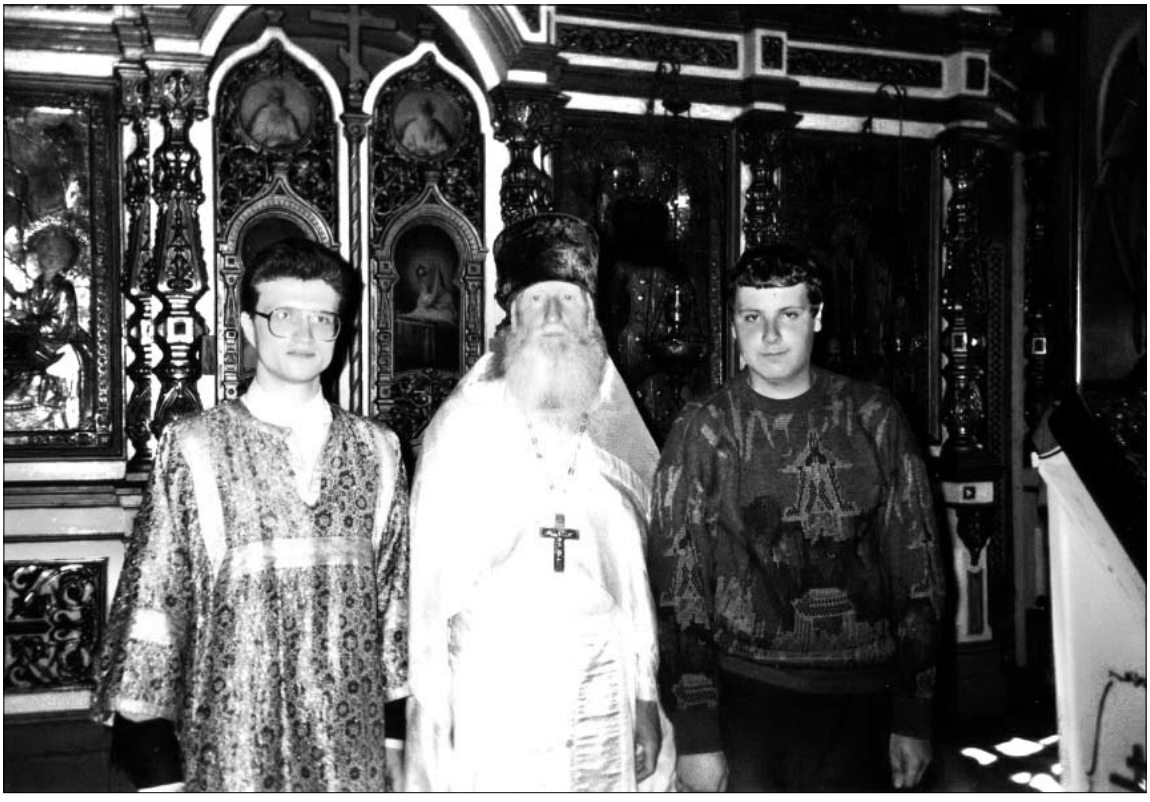
Фрагмент богослужения.

5-ая неделя Великого поста. 13 апреля, 1997 год.

С Дарами.

Крестовоздвиженский храм с. Марчуги. 1989 год. Слева – Нина Ивановна Воронцова.

Папа, мама, Миша.



Слева – Михаил Булеков, справа – Денис Пушнов. 28 августа, 1995 год.

Вход в Крестовоздвиженский храм с. Марчуги. Справа – памятная доска.

Папа с мамой. «Дожили до Пасхи!»

Праздник

В гостях у Фроловых. Справа – Аля (дочь Фроловых), мама, я, Серёжа, папа, Валентина Михайловна Фролова.

Похороны бабушки Насти. Прощание у дома. Слева от мамы – родная сестра по отцу тётя Дуся, её дети Лида и Ирина; справа – я, маленький Миша, тётя Нина, Серёжа, тётя Наташа, дядя Серёжа, Светочка, дядя Коля, дядя Миша.

Глава 17. ПОГРЕБЕНИЕ

Подготовка тела отца к погребению. – Приходила родня. –
Оставалась надолго. – Плач не умолкал. –
Ритуальные службы священнослужителей. –
В природе всё шло своим чередом. –
Улица Садовая заполнена людьми, цветами, слезами… –
Божественная литургия в храме села Марчуги. –
Вздрогнули ветки рябины над могилой отца.

Дом

Вторник 22.35. 17 сентября 2002.
Поднялся ветер, и безлистная яблоня сухо застучала в окно.

Неожиданно погас свет в доме, а вместе с ним – и фонари во дворе.

И было темно.

Зажгли свечи и лампады, и только их свет раздвигал темноту, проявляя суету подготовки о. Александра к новой жизни.

И надобно было собрать его, как на праздник. Так велел он.

Отец отошёл ко Господу мирно и не постыдно как истинный христианин.

Последние слова, произнесённые им, были: «Господи, помилуй!»

И они, эти слова, еле слышимые, навеки застыли на устах священника.

Близкие люди были рядом.

И слышался тихий плач в темноте.

По стенам мелькали несуразные тени.

Из стороны в сторону качались отсветы лампад и свечей, отвечая изменением причудливых конфигураций на каждое движение присутствующих.

Через два часа зажёгся свет, и на лицах проявились покрасневшие глаза, опухшие веки, усилились вздохи и всхлипывания.

Всё было объято великим горем.

Тело отца готовилось к погребению.

Через несколько часов оно, облачённое в ритуальные одежды, было перенесено в большую комнату и устроено на лавках перед иконостасом.

Отслужили литию.

Домашние стояли вокруг усопшего, не оставляя его одного, плакали.

А отец – красиво и величественно уходил всё дальше в обитель Творца.

Среда 18 сентября.

Неожиданно закончилось долгое бабье лето, и резко похолодало.

Ночью моросил мелкий дождь, и теперь воздух был сырым и остывшим. Казалось, что до последнего вздоха о. Александра,– ему Господь дал возможность насладиться летней красотой земного мира.

У себя дома священник Александр встречал людей в последний раз.

Приходили духовные собратья, и каждый из них служил панихиду. Беспрестанно читалось Евангелие, дом постоянно был полон народа.

Приходила родня. Оставалась надолго. Плач не умолкал.

Мужчины старались не плакать, отворачиваясь, смахивали слезу. Женщины плакали открыто; потом, обессиленные, устраивались на скамейке вдоль гроба.

Двери не запирались, звонок был отключён.

А люди шли и шли, чтобы проститься. Приходили и приезжали из ближних мест и дальних.

Приходили знавшие его – чтобы проститься, и не знавшие – поклониться.

Собрались родные, соседи и близкие – готовые помочь и поддержать в горе.

И дом был полон цветов.

Внук Антон долго стоял у гроба и прошептал мне: «Дедушка лежит, как плащаница».

Просветлённым являлось людям лицо о. Александра.

И белые кисти рук с длинными красивыми пальцами стали ещё белее и ещё красивее.

Правой рукой отец держал Евангелие, левой – крепко сжимал крест.

В белой ризе и высокой камилавке он выглядел не уходящим Туда, а пришедшим Оттуда, вдохновенный и радостный.

И даже в этот час отец, встречающий духовных чад своих, благословляющий всех их и молящийся за них, подтверждал снова и снова Слово Божие, что жизнь – она вечная.

Четверг 19 сентября.

Погода изменилась резко: приходилось одеваться в тёплые пальто, хотя всего дня два назад казалось, что бабьему лету не будет конца.

Похолодало ещё больше, и с утра неустанно моросил дождь.

Возле дома, во впадинках, образовались лужи, и в них плавали, отживши свой век, потемневшие листья.

Природа напоминала о неотвратимой кончине всего сущего на земле.

Печально было на улице, ещё печальней – в доме.

Люди, уставшие, едва ходили, и, отдохнув два-три часа, снова и снова молились об упокоении души новопреставленного протоиерея Александра.

В доме тепло чувствовалось мало, сильно пахло свечами и ладаном.

От множества постоянно горящих свечей окна освещались совсем неплохо, и на фоне непрерывно мокрых облаков дом со стороны смотрелся золотым ковчегом.

Приходили отслужить панихиду священники Виктор Спиридович (из Луховиц), Иоанн Мартынов (из Коломны), Виктор Ерохин (из Коломны), Сергий Зибров, Алексей Крылов, иеромонах Иосиф, благочинный о. Иннокентий (Язиков) и другие, малознакомые мне.

Беспрестанно читалось Евангелие.

Моление не кончалось ни днём, ни ночью, и лики святых над головой усопшего казались ожившими.

Матерь Божия заступнически взирала на новопреставленного, считавшего себя великим грешником.

Он шёл теперь на ответ за деяния земные ко Господу своему.

А Богородица прижимала к себе с материнской любовью младенца Христа, и нельзя было не поверить, что с такой же великой любовью встретит Она идущего к Ней, что Она, Владычица, умолит Господа о прощении грехов и о принятии его души в селение праведных.

Отец Александр учил: «Просите Матерь Божию искренне, по-детски, со слезами».

И все сегодня молились и просили, чтобы обрёл он «во блаженном успении вечный покой».

В природе же всё шло своим чередом, осень полностью вступила в свои права, и второй день не переставал заливать землю колкий дождь.

И у людей в доме, пропитанном благовониями, нарастало беспокойство – ведь завтра день похорон.

А погода не унимается…

Пятница 20 сентября. День похорон.

Господь управил дела: с утра дождь прекратился. Солнце не светило, но сумрачно не было. Наоборот, весь мир вокруг казался чистым и праздничным.

Утром к дому на Садовой сходился народ: служители церкви, близкие, родные, соседи, прихожане.

Словно боясь спугнуть тишину, спустившуюся на землю, мало разговаривали.

И то так тихо, что неслышно было о чём.

Утром из Самары прибыл протоиерей Николай Одинаркин – верный друг о. Александра, и, почти вбежав, с плачем припал ко гробу.

Добрый хозяин впервые не поднялся ему навстречу…

Под плач и рыдания вынесли гроб.

Улица Садовая заполнена людьми, цветами, слезами…

Священнослужители Сергий Якимов, Сергий Зибров, Алексей Крылов, Николай Одинаркин следовали за гробом с пением ирмосов Великого покаянного канона Андрея Критского:

«Помощник и покровитель
бысть мне во спасение;
Сей – Бог мой, и прославлю Его;
Бог отца моего,– и превознесу Его:
ибо Он торжественно прославился…»
(Исх. 15:1–2)

Разливалось по улице прощальное пение, полное человеческой скорби.

Всё дальше от дома удалялось траурное шествие.

И каждый мужчина хотел понести гроб, чтобы оказать свою последнюю почесть уважаемому человеку.

И часто менялись те, кто нёс прах через весь посёлок до центральной площади города.

Дождь притих, и ни одна капля не упала с неба во время скорбного шествия.

…Редкими тревожно-одинокими ударами колокола встретили Марчуги своего пастыря.

А он, праздничный и торжественный, приближался навстречу прихожанам: синий гроб, синяя камилавка, белая риза и, как всегда, сосредоточенное выражение лица.

Вот шествие достигло родной церковной сторожки с белыми занавесками на окнах…

И от ветра, и тревожного колокольного звона задрожал каждый листик вишен, посаженных у крыльца.

И падали капли с листиков вишен на влажную траву.

У церковных ворот, отдельно от всех, стояла Татьяна Владимировна Селиванова.

Процессия приближалась к храму.

Прихожане села Марчуги и встречали, и провожали сегодня своего духовного наставника.

Гроб с телом о. Александра установили у входа в храм.

И трепетное чувство охватывало всех, кто находился рядом, окружая тесным кольцом усопшего.

Двери, отворённые на паперти, дальше – двери, распахнутые в храм; и дальше и выше, под множеством горящих лампад и свечей – открытые Царские Врата!

Словно бы само горнее место определялось в завершении этого пути.

Протоиерей Николай Одинаркин, выполняя обет, данный другу, служил литию об усопшем перед занесением его в храм.

«Упокой, Господи, душу новопреставленного протоиерея Александра в месте светле, в месте злачном, в месте покойном и прости ему вся прегрешения вольныя и невольныя и даруй им Царствие небесное! Аминь»…

Голос часто срывался. Пенье прерывалось.

Слышались всхлипывания и плач.

Небольшой хор пел кондак «Со святыми упокой…»

В храме начиналась Божественная литургия.

Цветы на подоконнике, лики икон, начищенные до блеска подсвечники – всё, как всегда, кроме одного…

Отец Александр – в последний раз на литургии – молча расставался с каждым, кто пришёл к нему, прощая, прощаясь и благословляя.

Происходило неподдающееся сознанию действо, ведомое Высшими силами, и люди стояли, объятые трепетом, от прикосновения с Чудом.

«Господи помилуй…» – снова и снова повторяли мольбы почти ангельские голоса, уплывающие под самый купол, но, скорей всего, выше купола.

Быстро, один за другим, играли отблески свечей на лице отца, накрытом платом; играли на бордовом церковном покрывале с кистями; играли в лепестках цветов, усыпавших гроб, заставляя их переливаться разными оттенками, на удивительно белых руках, крепко и навсегда держащих Крест и Евангелие.

«Святый Боже,
Святый Крепкий,
Святый Безсмертный,
Помилуй нас!»

Свершалось каждение гроба.

Протоиерей Николай Одинаркин громко и необыкновенно торжественно читал «Апостол» так, что слышалось каждое отдельное слово, словно чтение его обращалось не только к тем, кто был в храме, а кто находился и вне его.

«Душа его во благих водворится…» – повторял хор заупокойный прокимен.

Золотые слова из Евангелия звучали сегодня не из уст о. Александра, но над ним.

«Символ веры» объединял живущих и ушедших, остающихся на бренной земле и пастыря, уходящего в жизнь вечную.

Херувимская песнь проникала в души присутствующих, и каждение на херувимской песне усиливало во много раз значение всего происходящего, объединяя земное и небесное.

Божественная литургия заканчивалась.

Мама обессилела от слёз и бессонной ночи.

Тётушка Анна Михайловна безмолвно и беспрестанно, как-то сразу по-старчески, плакала, тётушка Вера Михайловна собранно стояла вблизи гроба, тётушка Раиса Михайловна стояла с ней рядом, растерянно и отрешённо.

Резко повзрослевшие мои дорогие сыновья Иван и Антон вот-вот готовы расплакаться, но сдерживались, стараясь помочь, как только возникала необходимость.

Внучка Елена плакала, не переставая. В глазах девочки-подростка стояли слёзы, и она, не обращая никакого внимания на платочек, съехавший давно набок, и выбившиеся из-под него волосы, беззвучно плакала и плакала.

Двухлетняя внучка Катя во все глаза глядела на происходящее, для неё совершенно необычное, удивлённо и даже с некоторым испугом. И только на руках мамы Светланы вела себя относительно спокойно.

Здесь же, у гроба, на лавочке, можно было присесть больным и тем, кто не мог выстоять.

Выходил часто на улицу подышать свежим воздухом племянник отца Николай, которого дядя очень уважал. Николай ещё не ведал, что и ему немного осталось жить на этом свете.

Да и многие из тех, кто молился об упокоении души о. Александра, не знали, что отойдут ко Господу вскоре вслед за батюшкой. И многие из тех, о ком рассказано выше или упомянуто, не доживут до выхода в свет книги «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь».

Молился искренне за упокой своего дедушки и семнадцатилетний внук Иван – мой старший сын, не зная ещё и не ведая, что Господь призовёт его к себе всего лишь через девять лет (16 июля 2011 года).

Сын о. Александра – Сергей не мог быть на похоронах, поскольку в тяжёлом состоянии лежал в больнице.

Остался опорой семьи младший сын о. Александра – Михаил.

«Будя Имя Господне благословенно отныне и до века…» (Пс. 112:**2** [**1**])**.**

Начав соборное отпевание, благочинный игумен Иннокентий сказал слова о трудах о. Александра, о людях, которых он привёл к вере, и призвал помолиться вместе со всеми праведными об упокоении души новопреставленного раба Божия протоиерея Александра Сайгушева.

Собравшиеся в храме стояли с зажжёнными свечами и так стояли, словно бы каждый произносил ко Господу свою личную молитву за усопшего о. Александра.

Всё блестело в храме: свечи, иконостасы, лампады и слёзы в глазах.

«Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим…», – пел небольшой хор.

Вновь и вновь звучали проникновенные слова Евангелия: «Аминь, аминь, глаголю вам…»

Протоиерей Николай Одинаркин плакал во время чтения. И тяжело ему было очень.

«Слава Тебе, Господи, слава Тебе,– пел хор,– прими душу раба Твоего, новопреставленного протоиерея Александра.

Упокой его в недрах Авраама, Исаака и Иакова…»

И снова дрожал голос протоиерея Николая Одинаркина. Преодолевая себя, он сделал паузу, точно разговаривал со своим усопшим другом, давно ставшим ему родным: «Аминь, аминь! – глаголю вам. – Дух его со всеми вами!»

И в который раз пелось: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!»

И каждый повтор казался печальнее предыдущего.

Всё ближе и ближе подходило прощание.

«Душа его во благих водворится…»

Двенадцать. Двенадцать достойных отцов святой церкви с большими свечами, в белых ризах окружили гроб.

И было зрелище: красотой своей и силой своей равное страху.

Послышались всхлипывания, переходящие в плач. Неотвратимый. Неутихающий.

Раздались слова разрешительной молитвы.

Поющие стихиры: «Придите! Последнее целование дадим, братие, умершему, благодаряще Бога …»

Прощаются священнослужители: протоиерей Николай Одинаркин, протоиерей Сергий Зибров, игумен Иннокентий Язиков, священник Алексей Крылов, протоиерей Виктор Спиридович, протоиерей Виктор Ерохин, протоиерей Андрей Хмылов, протоиерей Евгений Каштанов, иеромонах Иосиф и другие…

Прощаются, обходя гроб с телом, родные и близкие, прощаются миряне из Воскресенского благочиния, соседних районов, Москвы, Одинцова, Луховиц, Оренбурга, Ульяновска, Самары, Коломны…

По окончании отпевания тело усопшего с пением Трисвятого выносят из храма.

«Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас…».

Впереди пономарь с крестом и зажжённой свечой.

Под рыдающие удары колокола, в едином гимне пения и плача, гроб с телом отца Александра обносят вокруг храма.

Двенадцать собратьев-священнослужителей.

В белых ризах.

* * *

Кладбищенская тишина, успокоив до горизонта мелкий дождь, внезапно вздрогнула, когда запели: «Вечная память! Вечная па-амять! Ве-е-ечная па-амять!»

Притихшие до того вороны, собравшись на кладбище, словно со всего мира, разом, испуганно, захлопав чернотой крыльев, поднялись высоко вверх, и, разорвавшись в небе, огромной каркающей тучей посыпались вниз, заполонив собою безмолвие погоста.

Вздрогнули ветки рябины над могилой отца, и с листьев скатились тяжёлые капли воды. Казалось, упали слёзы...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ПАМЯТИ СОБРАТА

Воскресенское благочиние с прискорбием извещает, что 26 октября исполняется сорок дней по кончине почётного настоятеля Крестовоздвиженской церкви села Марчуги, протоиерея Александра Михайловича Сайгушева. Почивший пастырь родился в 1937 году. Священнический сан принял в 1962 году. Богословское образование он получил в Московской духовной семинарии в г. Сергиев Посад в 1964 году.

С 1967 года о. Александр нёс пастырское служение в храмах Воскресенского района, пользуясь всеобщим уважением и любовью.

Высшая церковная власть должным образом оценила труды о. Александра, удостоив их высших наград – включительно до наперсного креста с украшениями.

Тяжёлая болезнь и последовавшая смерть прервали пастырскую деятельность протоиерея Александра 17 сентября 2002 года. Кончина маститого пастыря явилась тяжёлой утратой для верующих Воскресенского района. Его отеческая любовь к пастве, чуткость и отзывчивость, простота и доступность сделали его близким и родным для прихожан.

Вечная память тебе, почивший собрат, душа твоя во благих водворится.

Духовенство Воскресенского благочиния.

Газета «Наше слово» от 26 октября 2002 года.

Воскресенское благочиние с прискорбием извещает, что 26 октября исполняется сорок дней по кончине почётного настоятеля Крестовоздвиженской церкви села Марчуги, протоиерея Александра Михайловича Сайгушева.

Почивший пастырь родился в 1937 году. Священнический сан принял в 1962 году. Богословское образование он получил в Московской духовной семинарии в г. Сергиев Посад в 1964 году. С 1967 года о. Александр нёс пастырское служение в храмах Воскресенского района, пользуясь всеобщим уважением и любовью.

Высшая церковная власть должным образом оценила труды о. Александра, удостоив их высших наград – включительно до наперсного креста с украшениями.

Тяжёлая болезнь и последовавшая смерть прервали пастырскую деятельность протоиерея Александра 17 сентября 2002 года. Кончина маститого пастыря явилась тяжёлой утратой для верующих Воскресенского района. Его отеческая любовь к пастве, чуткость и отзывчивость, простота и доступность сделали его близким и родным для прихожан.

Вечная память тебе, почивший собрат, душа твоя во благих водворится.

Духовенство Воскресенского благочиния

ВЫСТУПЛЕНИЕ МИТРОПОЛИТА ЮВЕНАЛИЯ НА ЕПАРХИАЛЬНОМ СОБРАНИИ

Москва, Новодевичий монастырь, 23 декабря 2002 года

Открывая собрание, митрополит Ювеналий передал всем личное приветствие и благословение Святейшего Патриарха Алексия II. Его Святейшество пожелал духовенству быть светом миру и солью земли, усердно утверждая в вере своих прихожан.

Возлюбленные братья архипастыри, настоятели и настоятельницы монастырей, всечестные отцы и братья!

В уходящем году отошли ко Господу протоиерей Александр Сайгушев, игумен Лука (Донских), священник Вячеслав Переверзев, священник Вадим Крохин, протодиакон Стефан Сложеникин, и сегодня день кончины нашего протодиакона Сергия Стригунова. Вечная им память…

* * *

Отец Александр похоронен на Воскресенском городском кладбище, где нашли вечный покой многие миряне, то есть люди светские. Недалеко от его могилы, сразу же на входе, с левой стороны, покоятся останки известных граждан города Николая Ивановича Докторова и Николая Фёдоровича Хрипунова.

Могила отца Александра напротив их могил, справа от дороги, рядом с захоронением его матери Агафьи Арефьевны и сына Сергея. В одной оградке. Надгробный памятник выглядит очень скромно. Но отличается от всех своими формами: прямоугольные очертания мрамора, переходя плавно в резные линии, замкнувшись вверху с обеих сторон, образуют отшлифованный срез главки небольшой часовенки. Внутри её выгравирован образ отца Александра в богослужебном облачении, увенчанный крестом.

Пронзительные глаза, чуть прикрытые веками, тонкие брови, красивый прямой, с небольшой горбинкой, нос. Правильный овал лица обрамлён богатыми бакенбардами и ещё более богатой прямой бородой. Борода вся седая, лишь кое-где видны тёмные прожилки. Чуть заметна её раздвоенность. Волевые губы. Большой лоб прикрыт камилавкой – высоким цилиндрическим головным убором с расширением кверху, нагрудный крест с украшениями – почётные награды православного священника. Сзади, из-под камилавки, стекают на плечи длинные волосы.

И когда подходишь ближе, то его изображение своей динамичностью немедленно заполняет весь объём маленького надгробного храма. И от него, светлого образа отца Александра, веет навстречу тебе великой мудростью и таким таинством, что категорически пропадает сомнение в том, что жизнь вечная, как таковая, может отсутствовать.

Она есть. Достаточно встретиться взглядами с молчаливым протоиереем.

На памятнике гравировка:

ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСАНДР САЙГУШЕВ
02.01.1937–17.09.2002

Ушёл молитвенник усердный
В обитель вечного Христа.
Ушёл, ты наш сподвижник верный,
Носитель тяжкого креста.

Любим, помним

Цветочница выполнена из того же мрамора. Цветы здесь всегда находят место. И ритуальные, и живые. Верующий народ, да и не верующий, не проходит мимо захоронения отца Александра и свои знаки внимания постоянно здесь оставляет. Это, как уже упоминалось, и разные цветы, и корм божьим птичкам, и камушки, и щепотки земли из святых мест. Да и просто по душе останавливается народ постоять перед посланником Божьим, у которого есть о чём спросить и, осенив себя молитвой, следовать дальше по дороге, указанной Всевышним.

Вокруг памятника скромная, выкрашенная в чёрный цвет, трубчатая, в три четверти дюйма, оградка, дверцы которой всегда приоткрыты. Откуда этот, открытых дверец, обычай пришёл – никто пока объяснить не может. Наши личные предположения можно выразить так: дорога к вечной жизни и храму всегда открыта. Каждому. Пространства для исполнения желаний всегда достаточно.

Столбики двухдюймовые, закрытые сверху покрашенными в белый цвет шарами, чуть в диаметре потолще самих столбиков. За оградкой, с левой стороны, высится, создавая летом теневую ауру, лет сорока ясень. Он так быстро разрастался, что за короткое время стволом, можно считать – верхней частью корневища, заметно погнул нижнюю перекладину оградки. Внутри ограды, в дальнем правом углу,– тоже ясень. Помоложе первого. Он рос когда-то в виде раздвоенного ствола, но одна из развилок так в своё время вытянулась к тыльной проезжей части доро-

ги, что стала мешать транспорту, и её пришлось спилить. Внутри ограды, у передней стенки, растёт рябина. Почему-то она заболела и стала высыхать. Но, несмотря на болезнь, дерево плодоносит, украшает в красный цвет и без того красивые цвета соседних деревьев. Что есть сил тянется рябина к жизни, и ни у кого не поднимается рука её спилить. Пусть уж умирает своею смертью.

Мама, папа, бабушка Агафья.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И СЛУЖЕНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА САЙГУШЕВА

1937 2 января. Родился Александр Михайлович Сайгушев, село Коченяевка Вешкаймского района Ульяновской области.

1954 Окончил 7 классов Коченяевской неполной средней школы.
Работа в колхозе на разных должностях.

1956 6 ноября. Призван на действительную службу в ряды СА.

1956 5 декабря. Принял военную присягу.

1957 6 июля. Уволен в запас по болезни. Работа в колхозе на различных должностях.

1959 7 января. Трест «Мособлстрой» № 4 г. Воскресенск.

1960 2 июня. УМ-61. г. Воскресенск.

1960 27 августа. Управление механизации. Рабочий-путеец.

1960 Поступление в Московскую духовную семинарию.

1961 19 ноября. Повенчан с девицей Сусловой Марией Андреевной.

1962 11 февраля. Епископом Дмитровским Киприяном посвящён в священный сан диакона-воспитанника Московской духовной семинарии.

1963 3 февраля. Священник – воспитанник Московской духовной семинарии.

1964 17 июня. Получил аттестат об окончании Московской духовной семинарии.

1964 8 июля. Указ № 620 Митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена о назначении Настоятелем Владимирской церкви села Маврино Щёлковского района Московской области. **2 г. 10 мес.**

1967 15 мая. Указ № 485 Митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена о перемещении Настоятелем Крестовоздвиженской церкви села Марчуги Воскресенского района Московской области. **6 лет.**

1974 20 мая. Богоявленский храм города Коломны. **3 г. 7 мес.**

1977 декабрь. Церковь села Шарапово Одинцовского района. **8 мес.**

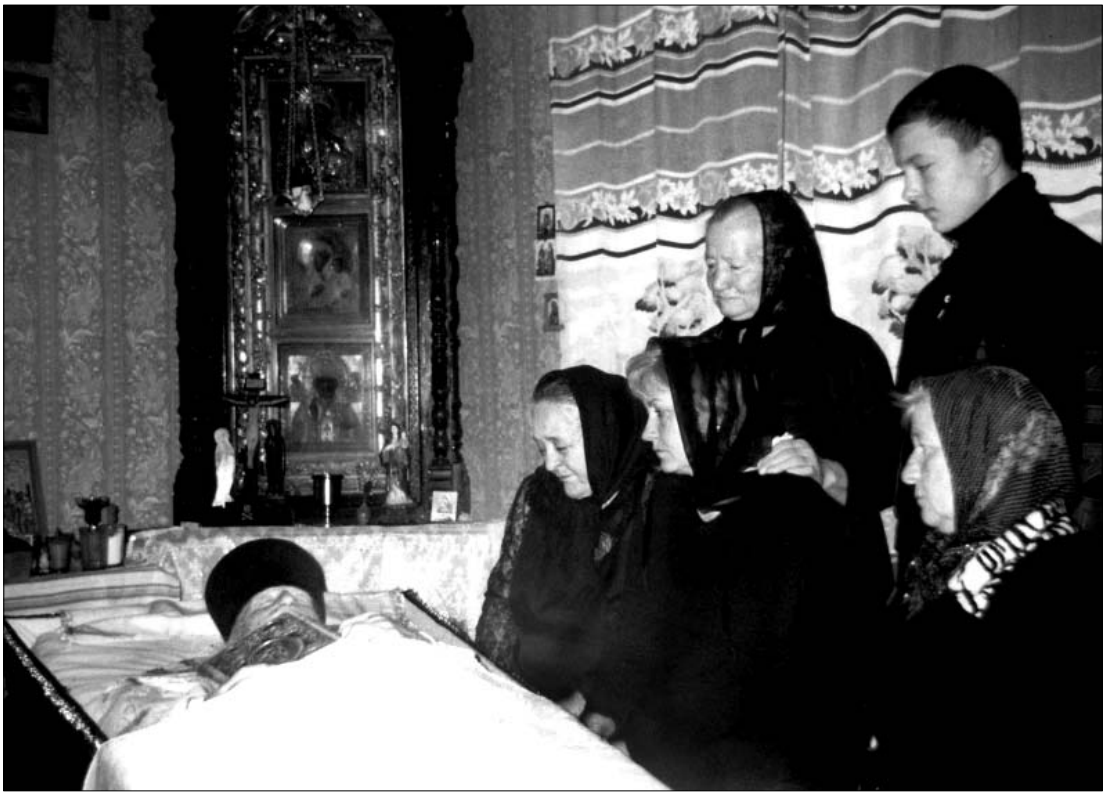
1978 16 июля. Церковь Архангела Михаила села Карпово Воскресенского района. **8 лет 7 мес.**

1987 февраль. Крестовоздвиженская церковь села Марчуги. **10 лет.**

1997 Почётный настоятель Крестовоздвиженской церкви села Марчуги. **5 лет.**

2002 17 сентября. Кончина о. Александра.

Усопший папа и я.



Тётя Вера, Антон, я, тётя Аня, мама.

Справа в первом ряду внучатая племянница Ольга Николаевна Сайгушева, внучка Лена, мамина племянница Галина Сергеевна Щербина (Лучинкина), я. Во втором ряду справа внучатый племянник Василий Владимирович Лесковец, внук Ваня, внук Антон.

Отец Николай Одинаркин, Миша, мама, я, Ваня.

«Исповедаюсь Тебе, Господу Богу моему, Святой Троице, Пречистой Божией Матери, Ангелу-Хранителю и всем Святым и Тебе, Отче, все моя грехи, которые совершали во вся дни и нощи и в настоящее время:

- согрешили перед Богом словом, делом, мыслями и всеми нашими чувствами душевными и телесными;

- согрешили перед Богом маловерием, суеверием, неисполнением обетов, данных Богу, ложною божбою, гаданием, ропотом на свою судьбу и на свою жизнь;

- согрешили леностью к молитве домашней, утренней и вечерней, бывали в Храме Божием рассеянными, невнимательными к слову Божию;

- согрешили в осуждении осмеянием недостатков ближних, осуждением священнослужителей, непочитанием старших, непослушанием и оскорблением своих родителей, неоказанием материальной помощи своим родителям и родным; ленились молиться за своих родителей и родных, не оказывали помощи бедным;

- согрешили гордостью, тщеславием, самолюбием, честолюбием, завистью, ненавистью, корыстолюбием, ложью, обманом, присвоением чужой собственности, гневом, враждою, ссорою, грубостию, сквернословием, празднословием, мщением, клеветою;

- согрешили леностью к труду, нечистыми помыслами, греховными вожделениями, различными плотскими удовольствиями, несоблюдением постов, невоздержанием в пище и питии, невоздержанием в супружеском ложе в запрещённое Церковью время, в несохранении супружеской верности, в несохранении своего девства и целомудрия, а также блудными помыслами, блудными делами;

- согрешили совершением абортов, а также не препятствовали к совершению их;

- согрешили пристрастием ко всему земному и суетному; к таинству Святой Исповеди и Святому Причастию приступали без должного христианского приготовления, на исповеди не всегда открывали свои грехи, утаивали их из-за стыда;

- согрешили всеми нашими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием и прочими чувствами душевными и телесными.

Обо всех грехах, нами содеянных и забытых, Тебе, Господи Боже мой, жалеем и повинны себя представляем, надеемся на милосердие Божие, что Господь простит нам все наши грехи вольные и невольные, ведомые и неведомые».

Прощание с домом, улицей…

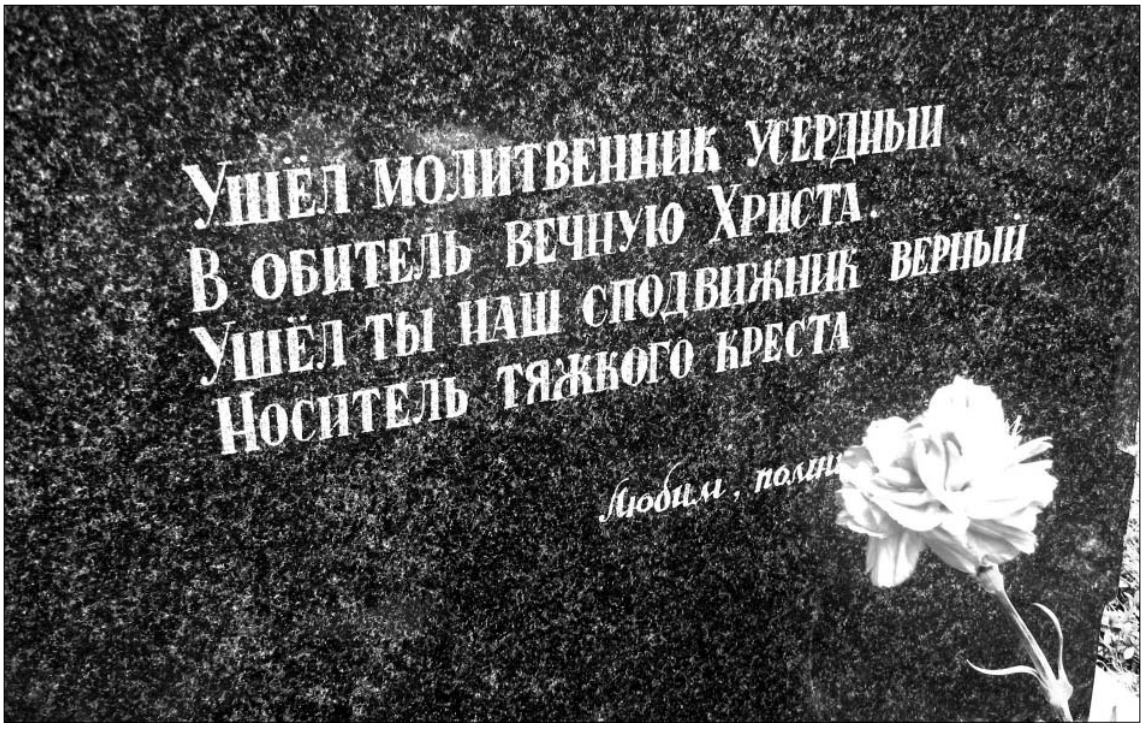
У храма.

Слева священник Виктор Ерохин (г. Коломна), тётя Вера, племянник Николай Васильевич Сайгушев, тётя Аня, священник Виктор Спиридович (г. Коломна), священник Николай Одинаркин (г. Самара).

Усопший о. Александр.

12 священников крестным ходом обносят гроб с телом усопшего вокруг храма.

Гроб с телом усопшего священники обносят вокруг храма крестным ходом.



Фрагмент надгробия.

Навсегда рядом с матерью Агафьей Арефьевной.

Глава 18. ВОСПОМИНАНИЯ об о. АЛЕКСАНДРЕ

Фрагменты биографии моей мамы. – Семья Сусла. – Мамины рассказы, записки. – Мария Подгорнова. – Марина Ушакова. – Ольга Дюканова. – Зоя Жарова. – Митрофорный протоиерей Одинаркин. – Священник Алексей Крылов. – Наталья Капранова. – Алексей Попов. – Антонина Кочегарова. – Священник Иоанн Брайко. – Зоя Плаксина. – Любовь Мускатинова-племянница. – Денис Пушнов. – Татьяна Селиванова. – Воспоминания внучек, внуков. – Михаил Булеков.

Мария Андреевна

* * *

Маме

Сердцу верится и не верится,
Что за мною так много лет.
Но, как прежде, не гаснет, теплится
В материнском окошке свет.

Ничегошеньки не забыла я, –
Стоит двери лишь отворить.
Дай же руки мне, мама милая,
Дай с тобою поговорить!

Я пришла к тебе, к тихой святости,
Всё прими и за всё прости.
Свои горести, свои радости
Больше некому принести.

Ночь волнуется листопадами,
А ты спой про садовый край,
Всё наладится, если рядом мы,
Только руки не убирай.

Твоя вечная колыбельная
Мной хранима всегда была,
В ней любовь жила беспредельная,
Вера истинная жила.

Всё простится мне, всё забудется,
Только пой, мама, только пой!
Пусть Садовая снится улица,
Да пусть слышится голос твой.

Начиная главу «ВОСПОМИНАНИЯ об о. АЛЕКСАНДРЕ», хотелось бы сказать, что, кроме личного, дочернего видения жизни отца, много материала для книги предоставлено теми людьми, кто хорошо знал протоиерея Александра Сайгушева как в духовной, так и в светской жизни. Это замечательные Мария Подгорнова, Марина Ушакова, Ольга Дюканова, Зоя Жарова, Николай Одинаркин, Алексей Крылов, Наталья Капранова, Иоанн Брайко, Антонина Кочегарова, Любовь Мускатинова, Денис Пушнов, Татьяна Селиванова, Михаил Булеков. Мои сыновья Иван и Антон, мои племянницы Света, Лена, Катя. Я очень им благодарна за добрую память об отце, о деде. Храни их Господь!

Большой объём фактического материала был подготовлен моей мамой Марией Андреевной Сайгушевой, или записан с её слов. Я ей также безгранично благодарна и низко кланяюсь за светлую радость, любовь и теплоту, что она дарила (и сейчас продолжает дарить) своей семье, всем чадам больших родословных ветвей Сайгушевых и Сусла. Храни её Господь!

ФРАГМЕНТЫ БИОГРАФИИ МОЕЙ МАМЫ

Бабушка по линии мамы – Анастасия Яковлевна Заволока родилась 16 декабря 1903года в селе Романовка Тальновского района Киевской области. Отец её Заволока Яков Романович, мать Заволока Александра Максимовна (из свидетельства о рождении).

Семья считалась зажиточной. В семье было много детей, и всем приходилось много трудиться. Бабушка Анастасия, одна из младших, часто рассказывала, как, ещё девочкой, ходила с отцом в ночное пасти лошадей.

Перед Первой мировой войной её отец Яков Романович, будучи раскулаченным, опасаясь полного разорения, принял решение вывезти семью в Канаду. Там семья прожила несколько лет. Маленькая Настя была устроена нянькой в богатую семью. Поэтому-то мы удивлялись, когда бабушка Настя иногда разговаривала с нами на английском языке. Конечно, многое позабылось, но многое в детской памяти закрепилось на всю жизнь. Через несколько лет Яков Романович с семьёй возвратился на родину. Одна из старших дочерей, видимо, сумев обосноваться на новом месте, осталась навсегда жить в Канаде.

В семье большое значение придавалось воспитанию детей, особенно их религиозному мировоззрению. Сколько я помню, и сколько помнит моя мама, бабушка Анастасия никогда, даже в молодости, не снимала головного платка, всегда, и на улице, и дома находилась с покрытой головой. Не приходится говорить о том, насколько она была религиозной, и в какой строгости и морали воспитывала своих детей.

Достигнув подходящего возраста, Анастасия вышла замуж за гр. Смакова. Устроились они в одном из городов западной Украины, у них родилось много детей. Но голод на Украине, безжалостно свирепствуя, уносил жизни. Умерли маленькие дети бабушки Насти, умер её муж.

Тогда бабушка Анастасия со своей мамой Александрой Максимовной, чтобы выжить, решили перебраться на новое место жительства в Подмосковье, куда много съезжалось людей для работы на железной дороге.

15 ноября 1936 года бабушка Анастасия вступила в законный брак с Сусла Андреем Лазарьевичем.

Андрей Лазарьевич, наш дедушка по линии мамы, родился и жил в Кировоградской области, имел семью и детей: старший сын Юхтым (во время Великой Отечественной войны воевал в партизанах, имел ранения), близнецы Ксения и Анна, младшая

Евдокия). Дедушке Андрею довелось воевать на Первой Мировой войне.

В тяжёлые времена у него умерла жена, и он один воспитывал детей. Когда старшие дети обрели самостоятельность, он, взяв с собой младшенькую Дусю, перебрался в Воскресенск, работал на железной дороге, чтобы жить самому и помогать детям.

Здесь они и встретились с нашей бабушкой, молодой и красивой Анастасией Яковлевной, с которой они поженились, нажили четверых детей (старший Михаил – 1937 года рождения, моя мама Мария –1940 года, Николай – 1944 года и Наталья – 1946 года, с чьих слов и ведётся настоящая запись). Жила с ними и дочка Андрея Лазарьевича Дуся – Евдокия, которая потом вышла замуж, и до конца жизни проживала в городе Раменское. Хочется сказать, что с её детьми Ириной и Лидией, а также внуками Александром и Викторией – от Ирины; Василием и Алексеем Березуцкими – что от Лидии, мы до сих пор поддерживаем связь.

Дети дедушки Андрея от первого брака, их дети также до последнего времени поддерживали общение, вели переписку, бывали у нас в гостях, бывали на Украине и мы. Из своего детства я помню, как в каждый праздник мы получали по почте поздравительные открытки с Украины, в основном от Юхтыма и его детей Веры, Франи и Михаила.

Много лет спустя бабушка Анастасия вместе с моей мамой (маме было лет 16) ездили на Украину в село Каменна Криница Кировоградской области к родным мужа. Моя мама, с большой теплотой вспоминая эту поездку, рассказывала, как радушно их принимала украинская родня, какое красивое само село, какие добрые и отзывчивые люди там проживают.

…Бабушка Анастасия и дедушка Андрей жили в деревне Неверово, на улице Мосстроя, в бараке № 25.

В 1948 году дедушка Андрей Лазарьевич, погиб во время несчастного случая на работе. Назначенное денежное пособие было мизерным. Бабушка Настя опять осталась одна, воспитывала детей, а младшей Наталье («кухарке»,– так шутя называл свою младшенькую дочку дедушка Андрей) было всего лишь около двух лет. Нелегко жилось, и детям приходилось много помогать по хозяйству. Бабушка держала корову, сажала большой огород. Много молилась, и Господь посылал ей сил, здоровья и терпения в нелёгкой жизни. По словам дяди Коли, он до армии пас лошадей и зарабатывал 700 рублей, а пособие на двоих младших детей составляло 400 рублей.

В 1959 году 1 сентября всех жителей барака 25 переселили в дом 16 по ул. Победы. (Не успела выехать последняя семья, как барак начали ломать). Это было счастье – жить в новом доме. В ванной стоял титан, который топили дровами, чтобы нагреть воду для мытья. Большой радостью было паровое отопление. (Котельная находилась в доме 18, она отапливала два дома: 16 и 18). Но трудно было прожить, не имея подсобного хозяйства, и многие жители на пустыре за городом (где сейчас улица Куйбышева) строили сараи и держали в них всякую живность: поросят, кур, коз, а некоторые – просто запасали дрова для титанов. Дядя Коля рассказывал, что ходить за дровами была его обязанность. «Пошлёт мать за дровами – противиться нельзя, надо идти. Вот наложу их в мешок и – на горбушку, тащу… Потом на спине то тут, то там болит… Занозы. Да… Было время…» Позже эта территория планировалась под другие застройки, и владельцам сараев предлагалось освободить их. Но никто не решался расставаться с нажитым. Тогда сараи по несколько за ночь сгорали по причине «неосторожного обращения с огнём», и тут уж, конечно, новых никто не строил. Мирились с тем, что есть.

Бабушка Анастасия умерла от осложнений калькулёзного холецистита (будучи в полном разуме отказалась от необходимости срочной операции) 18 августа 1979 года. Хочется отметить, что не смотря на тяжёлую жизнь, беды и потрясения, которые всё время сопровождали её, она не знала, что такое давление, инфаркты, инсульты… До последних дней читала много религиозной литературы, молилась.

Бабушка Анастасия Яковлевна, дедушка Андрей Лазарьевич, их сын Михаил (мой

дядя) похоронены вместе на Воскресенском кладбище.

На Воскресенском кладбище похоронена и моя прабабушка Заволока Александра Максимовна.

Любимый духовный стих бабушки Насти.

* * *

С другом я вчера сидел,
Смерть сегодня – мой удел,
Плоть мою во гроб кладут,
Душу на ответ ведут.

Припев:
О, горе, горе,
Горе мне великое.

Милости не будет там,
Коль не миловал я сам.
Вот и друга нет со мной,
Скрылся свет-хранитель мой…
Припев.

Мимо царства прохожу,
Горько плачу и гляжу,
Царство горнее я зрю,
Со слезами говорю:
Припев.

Свято царство, дом святый,
Грешных не приемлешь ты.
Как ты близок, дивный рай,
Но в иной иду я край…
Припев.

Не могу узнать тебя,
В бездну я низверг себя,
Весь я в пламени горю,
Песнь плачевно вопию.
Припев.

Я вовеки не сгорю,
Свята Бога не узрю,
Плохо я на свете жил,
Крепко Бога раздражил.
Припев.

Днех воскресных я не чтил,
Праздно время проводил,
Бога всуе призывал,
Страшный суд не вспоминал…
Припев.

Я не чтил отца и мать,
Мог и лгать, и обижать,
Ничему не веря, жил,
Во грехах всю жизнь ходил.
Припев.

Всякий грех творил стократ,
Райских не искал палат,
Все законы преступил,
Богохульником я был.
Припев.

Покаянья не хотел,
Бога в сердце не имел,
По делам воздаст мне он,–
Я не чтил его закон.
Припев:
О, горе, горе,
Горе мне великое.

Молитва

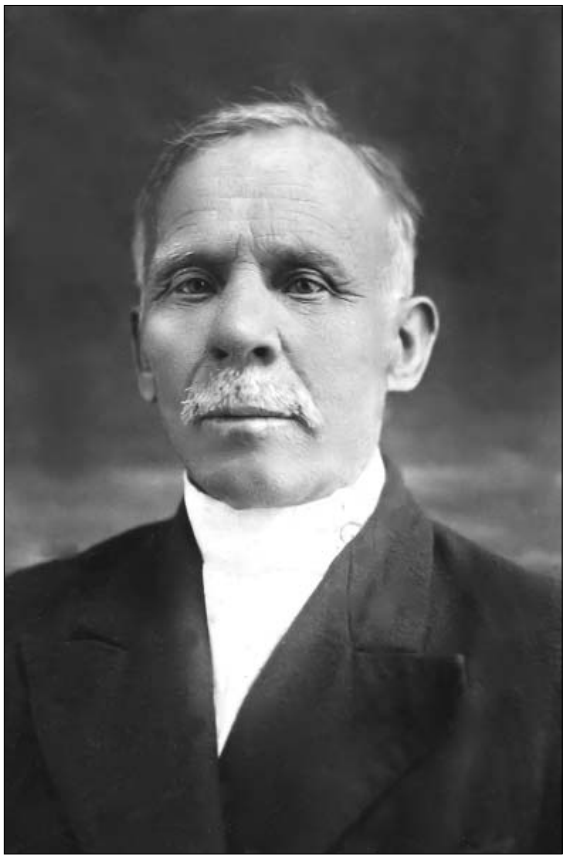
(Эту молитву в детстве читала бабушке Насте Сусла её бабушка).

Я лягаю рано спати,
Возле мене Божья Мати,
Ангелочки – в руках,
Иисус Христос – в головах.

– Миленький Иисусик,
Я до тебе ручки сло́жу,
Я здоровья в тебе про́шу
Для тата,
Для мамы,
Для всея родины…

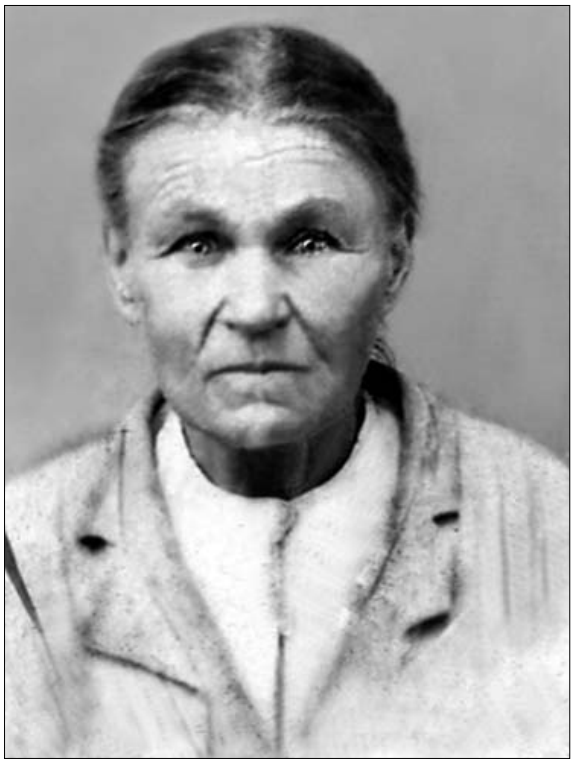
Выслухай, Иисусик,
Молитву малой детины.

Бабушка Анастасия Яковлевна.



Дедушка Андрей Лазарьевич.

Бабушка Настя с дедушкой Андреем. Справа налево дети – Миша, Коля, Наташа, Маша.



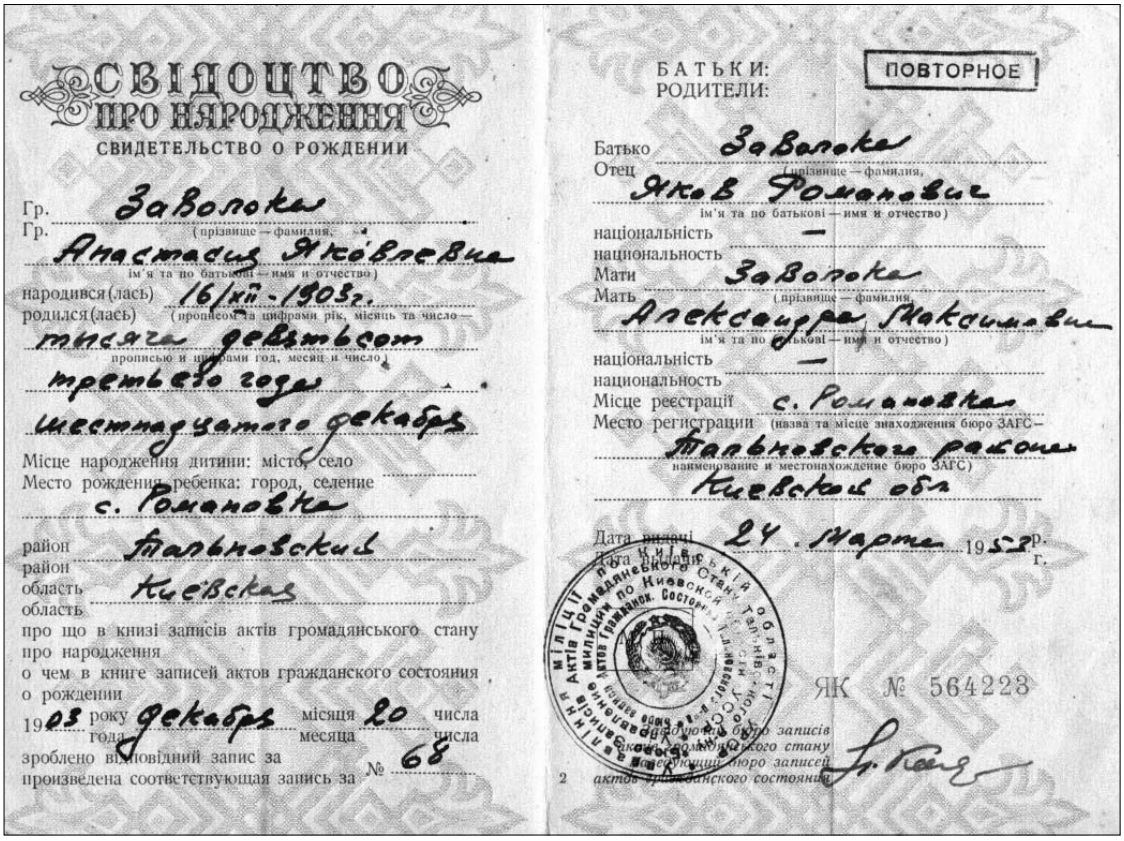
Прабабушка Заволока Александра Максимовна.

Мама с бабушкой Настей в саду. Деревня Неверово.

В верхнем ряду справа – мама. В первом ряду, 2-ая справа, мамина сестра Наташа.
Во время работы на фабрике в Егорьевске.

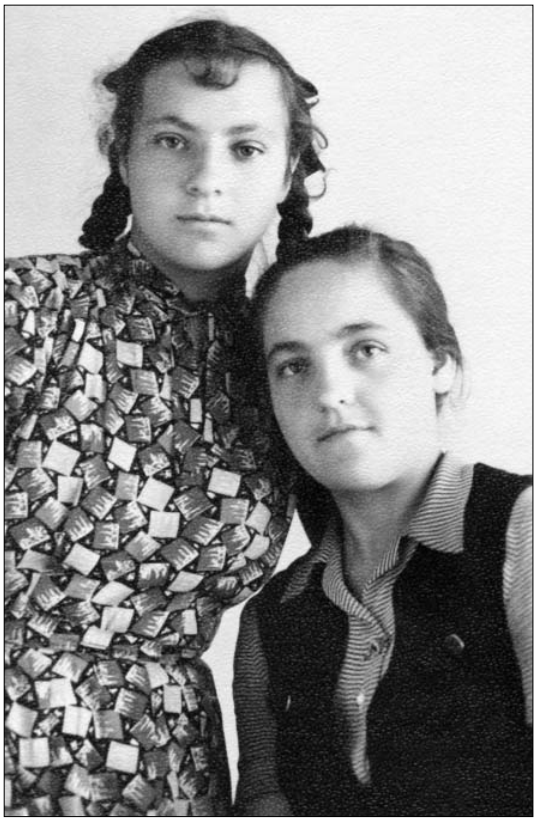
Бабушка Настя.
Хороша жизнь в новой в квартире с удобствами!

Свидетельство



Кто есть кто по маминой линии.

Мама с книгой. 13 июля 1958 года.



Справа мама, слева тётя Наташа.

2 «А» класс, школа № 3 д. Неверово. В первом ряду справа четвёртая-мама.
Учительница – Любовь Васильевна Зеленова.

Мама с цветами.

6 августа 1958 года.

Во время работы на железной дороге проводницей. Мама справа. 1960 год.

Во время работы на фабрике в Егорьевске. Справа – мама.

Мамин брат Николай.

Дочь деда Андрея Лазарьевича от первого брака. 1949 год. «На память мамочке от дочки Дуси»

Мамин брат Михаил и сестра Наталья. 15 августа 1965 года.

Около дома 16 по ул. Победы. Справа налево – дочь Наташа, бабушка Настя,
зять Сергей Степанович Щербина, сын Михаил.

Бабушка Настя с детьми. Справа налево – Коля, Маша, Наташа. 1957 год.

Мама и её брат Михаил

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Отдел Актов Гражданского Состояния

ПАСПОРТ ОБМЕНЕН

Воскресенск. районное Бюро ЗАГС 15 Ноября 1936г. г. Воскресенск Моск. Обл. области

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

№ 221

Гр. Сусла (фамилия)

Андрей (имя) Лазаревич (отчество)

гр-ка Сливко (фамилия)

Анастасия Яковлевна (имя и отчество)

вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния о браке 15-е Ноября 1936 года (прописью и цифрами год, число и месяц)

произведена соответствующая запись

Сусла (ум) (фамилия после заключения брака) Сусла (ена)

М. П. Зав. бюро ЗАГС Делопроизводитель

Свидетельство о браке.

Бабушка Настя с дочерью Наташей. Деревня Неверово, ул. Мосстроя, д. 25. 1958 год.

МАМИНЫ ЗАПИСКИ

«Господи! – восклицал он часто,– за что ты меня так любишь?» Отец чувствовал на себе постоянную любовь Бога, его внимание и участие. Отцу казалось, что он не достоин такого счастья.

Я его звала: «отец». Он меня: «радость моя».

«Разве когда думал я, что так долго проживу?» Больной и слабый с детства, продолжая болеть и в зрелом возрасте, никогда не ныл, не рассказывал о своих страданиях. Гепатит А, тяжёлая желтуха, кома, сахарный диабет, гангрена и слепота – не весь перечень болезней, постигший отца.

На людях никогда не акцентировал внимание на свои боли, не кричал, что у меня диабет, что дайте мне это и то, а вот этого мне нельзя. Напротив, когда его угощали пищей, запрещённой ему, говорил: «Нет, спасибо, не буду» – «Почему?» – «Почему? Просто не хочу». Был скромным. Умел и любил слушать собеседника. Умел найти общий язык с ребенком и взрослым. Дети его любили все. Всегда в кармане носил дежурную конфетку угостить ребятишек.

Всегда находил тему для разговора как с верующим, так и атеистом. Беседы могли продолжаться за полночь.

«Из Коченяевки в Воскресенск Шура приезжает к старшей сестре Вере Михайловне, которая здесь уже несколько обосновалась, и, поступив на работу в строительное управление, Шура на некоторое время устраивается жить у неё в бараке. Но стукачи везде находятся. И тут нашлись. Донесли, что вот, мол, есть человек без прописки и уже немалое время обитается тут. Сестру и брата вызывают куда надо. Скандал. Тогда Шуре от организации, где он начал трудиться, дают общежитие, и он после этого стал, как ему показалось, вроде бы, нормально жить. Но не тут-то было. О молодом человеке, как оказалось, очень «заботился» ещё и комсомол. Комсомолу стало известно, что Шура,– их Шура, член ударной бригады,– посещает православную церковь. И ездит он туда вечерами. И не куда-нибудь, а в сам Черкизовский храм! Только наступало следующее утро – начинались разборки: и коллективно, и порознь, и в первичной организации, и выше – непробиваемый оказался Шура. Храм – и всё тут! Это сейчас легко говорить. А тогда возможно и увольнение с работы, и кой что похуже».

Мария ПОДГОРНОВА

Мария Дмитриевна Подгорнова – жительница посёлка Карсун Ульяновской области. Лично знала о. Александра и многих известных старцев, навсегда вошедших в скрижали российского православия. Мне хотелось получить от Марии Дмитриевны авторское письмо, но в силу многих причин состоялась лишь беседа по телефону. Она быстро вспомнила меня, когда я представилась, ответив, что знала маленькую Олю, девочкой ещё знала, что радостно тронута, когда услышала голос дочери о. Александра. Вот что поведала Мария Дмитриевна.

«Я очень хорошо помню отца Александра. Как не помнить? Мы жили тогда одной верой, встречались часто. Я его ещё молодым знала, всё хотел батюшкой стать, молитвы знал, святых всех. С отцом Виссарионом встречались у нас потихоньку, о. Виссариона отовсюду гоняли из родных мест, вот он и жил понемногу: то – у одних, то – у других, то в одной деревне, то – в другой. А как уж соберутся вместе – не наговорятся, а потом молитвы и стихи духовные

станут петь. Где только они находили их?.. А слова-то в них настоящие… Поют, а сами плачут; а мы – кто подпевал, кто слушал… Но помногу-то нельзя было собираться. Можно за это было в тюрьму угодить. Тайком молились, чтоб чужие не увидели, не донесли…

Помню о. Александра, как он приехал из армии домой: худой, но радостный, что вернулся домой. И вот как-то мы на источник собрались, на Сурскую гору. Идти-то не так далеко, но и не близко. А он с нами, как сейчас помню, в лаптях, скорый такой. Мы на Николу всегда ходили на источник за святой водой. Кто с бутылкой, кто с бидончиком, у кого что есть. Идём, а боимся сами. Там в этот день всегда дежурили комсомольцы-дружинники, так их называли, а то и милиция. И, завидев ходаков, а их немало было, разгоняли палками. Бывало, что и попадёт по горбушке.

Из наших, кто пошустрей, успевали взобраться к источнику Николая Чудотворца на самый верх горы и набрать воды, а кто и не успевал. Бывало, что и отнять, и вылить воду-то могли. Всё бывало. Но мы всё равно ходили, про себя молитвы читали.

Власти много раз распоряжения давали снести гору, но хоть в вере не все признавались, но на такой поступок не решались – отказывались под разными предлогами. Боялись. Николай Угодник очень строгий святой.

Но потом всё-таки нашёлся один смельчак: на тракторе стал въезжать в гору, но перевернулся и разбился насмерть. А сейчас там хорошую часовню построили. Вот так. А в лесах-то наших многие монахи жили: старец Леонтий из Жадовского монастыря, Пашенька – Параскева Блаженная, о. Виссарион знал их. Да и отец Александр тоже, наверное, знал. Да и не говорили тогда об этом. Нельзя было.

О. Александр, помню, рад был очень, как в семинарию поступил. А как жить переехал в Московскую область, так многие из его деревни и из других – знакомые – ездили к нему: кто Москву посмотреть, кто ещё за чем. Всех он принимал. Приветливый был. И матушка – очень добрая. Всем найдёт хорошее слово. Я ведь у них тоже в гостях была. Ох, и хорошо принимали! Как родных…

Жаль, что пожил он мало. Но жизнь-то у него очень уж нелёгкая была. Всё для людей старался… Как приедет на Родину – всем гостинцы везёт, кому крестики, кому иконки подарит. Очень любили его у нас.

Марина УШАКОВА

Марина Георгиевна Ушакова (в девичестве Карпова). Живёт и работает в городе Воскресенске.
Окончила среднюю школу № 4, затем политехнический институт (ВЗПИ).
По специальности инженер-технолог. Много лет трудилась в химической промышленности.

ОН ПРЕДСТАВЛЯЛСЯ МНЕ ВЕЛИЧЕСТВЕННЫМ, ЗАГАДОЧНЫМ

В те времена, о коих я пишу, не принято было открыто говорить о вере в Бога, о духовной нравственности, хотя эти понятия и тогда публично существовали, но в сильно искажённых концепциях. И лишь стойкие служители православия да не изменившие его устоям люди сохраняли высокую мораль, интеллект и совесть как великое достояние России,

проповедуя эти непреходящие ценности в первозданном виде, несмотря ни на какие социальные коллизии.

Священник Александр Сайгушев являлся одним из тех редких служителей Христовых, кто безукоризненно олицетворял упомянутые нравственные категории.

Впервые я попала в дом Сайгушевых ещё совсем маленькой девочкой. Он незабываемо поразил меня своей непохожестью на те дома, в которых мне тогда доводилось бывать. И не только приятным запахом ладана, светом лампадок, множеством икон и других незнакомых мне предметов церковного быта, но и своей завораживающей атмосферой большой дружной семьи.

Бабушка Агафья Арефьевна, мать Александра Михайловича, прямая, худая, и, как мне казалось, была очень строгой женщиной. В детстве я боялась её до дрожи в коленках. Но сейчас, я понимаю, что эта кажущаяся строгость – всего лишь отпечаток неимоверно тяжелой крестьянской жизни, прошедшей в постоянном труде и заботе о детях.

Мария Андреевна, жена Александра Михайловича, хозяйка большого дома, сразу явилась мне женщиной необыкновенной доброты: всегда улыбчива, приветлива и гостеприимна. Никогда не отпустит, пока не угостит домашним творогом или душистыми горячими пирогами, печь которые – большая мастерица. Тогда, в моих детских глазах она казалась мне роскошно красивой, вернее, не казалась, а такой Мария Андреевна и была. Такой красивой остаётся и до сегодняшних дней.

Их дети, Оля и Серёжа, а потом и маленький Миша,– мои друзья на все времена с детства и по сию пору.

Но все же, главной опорой дома был Александр Михайлович. В детские годы, я не то чтобы боялась его, просто, наверное, робела. Прибегая к подруге Оле в гости, я никогда не заставала Александра Михайловича в праздности, как, впрочем, и остальных его домочадцев. Всегда в трудах и заботах, то на собственной небольшой пасеке, то на огороде. И всегда ему помогали дети, у которых были свои обязанности по дому и садуогороду. Меня в те времена это просто изумляло, поскольку у моих родителей тоже был небольшой приусадебный участок, но меня никогда не привлекали к сельхозработам. В моём тогдашнем понимании счастливого времяпрепровождения дети должны целыми днями носиться по улицам, кататься на велосипедах и вообще быть в состоянии весёлого ничегонеделанья.

Вспоминается случай, когда я, прибежав к подруге, застала её с братом за переборкой проросшей картошки. С великим изумлением я таращилась на Олю и Серёжу, которые споро работали, не выражая никакого неудовольствия. Надо, значит, надо. Александр Михайлович, строго сдвинув брови, сказал мне, что дети не пойдут гулять пока не закончат работу. Я, с изумлением глядя на него, хлопала глазами. Но тут же, улыбнувшись, он предложил мне присоединиться к ребятам, чтобы дело пошло быстрее. Мне было интересно и весело включиться в этот процесс. За смехом и веселой болтовнёй работа пошла быстрее, и время пролетело незаметно. Картошка была перебрана. Потом мы все вместе пили вкусный душистый чай с разнообразными травами, собранными Александром Михайловичем, и только ему одному известными.

У Александра Михайловича была изумительная особенность: нахмурившись, ввести меня в ступор, а потом рассмешить каким-нибудь присловьем, а я, прыская, чувствовала, как уходит из сердца скованность, и удивлялась сама себе, почему мне при виде его бывало боязно. Может, меня приводило в трепет невиданное мной в обывательской жизни облачение, в котором я иногда наблюдала Александра Михайловича перед уходом на работу. В те времена я ещё не бывала в храмах, не видела священнослужителей, и отец Олин представлялся мне величественным, загадочным,– просто существом из другого мира. И мысль о том, что этот необыкновенный человек может смеяться, шутить и быть, как все, казалась мне тогда просто кощунственной. Ведь он уходит на работу не на завод или фабрику, а в Храм, где совершаются необычайные таинства, звучит завораживающая музыка и куда, как мне тогда чу-

дилось, простым людям нет хода. Я совсем не представляла себе, что и как происходит в церкви, и что конкретно там делает отец подруги, но в своем одеянии он мне казался торжественно-неземным. И в то же время я видела, что это был обыкновенный папа, такой же, как и мой, когда встречал нас после второй смены и спрашивал про учебные дела, а мы, перебивая друг друга, щебетали или, потупившись, молчали, если хвастать было нечем. Иногда летом, выбрав свободное время, Александр Михайлович водил нас на лесное озеро купаться. Мы, ребятня, вприпрыжку бежали, орали на весь лес, стараясь перекричать друг друга. Он терпеливо ждал, пока мы напрыгаемся в воде, належимся в траве, и усталые поплетёмся по домам, чтобы наскоро перекусить и снова вырваться на волю. А в дни рождения своих детей и моих друзей, Оли и Серёжи, прекрасно пел весёлые и грустные застольные песни. Взрослые гости ладно подпевали его мощному, хорошо поставленному голосу, да и мы, заразившись, подтягивали, как могли.

Погружаясь в детские воспоминания, всплывают в памяти и курьезные случаи.

Однажды, в зимние каникулы, аккурат в канун Нового года, мы с подружкой решили сбегать на лесное озеро покататься на санках. Вода на озере вымерзла, снег был покрыт тонкой коркой наста, глянцевый и блестящий. Красота! Санки резво катились с горки, мы, утопая по колено в снегу, весело взбирались наверх и снова съезжали. Просто сидеть на санках показалось неинтересно и скучно, и мы начали придумывать, как бы ещё изловчиться. То садились друг за другом, то задом наперёд, то спинами друг к другу. Облепленные сосульками подтаявшего снега, мы съезжали с горки и сваливались в сугроб. Фантазия кипела и бурлила – было очень смешно. А под занавес нам пришла в головы потрясающая идея! Мы легли вдвоём на одни санки и лицом вперёд покатились с горы. Но то ли что-то не рассчитали, то ли санки не выдержали такой нагрузки, только вместо того, чтобы съехать по накатанной дороге, они совершили непонятный воздушный кульбит и выскочили из-под нас. Санки-то улетели в сторону, зато мы так и продолжили свой полёт, вернее съезд, чертя носами по замёршему насту. Когда, наконец, удалось затормозить, мы смогли посмотреть друг на друга. Красота, в кавычках, была неописуема. Лица горели огнём и саднили до крови. Испугавшись до самого сердца, не самого даже падения и боли, а того, что нас будут ругать родители, мы побежали к Олину дому (он был ближе), волоча за собой строптивые санки, и рыдали во всё горло. С опухшими лицами, зарёванные, мы влетели в дом, напугав до полусмерти необычным видом Марию Андреевну. Конечно же, ей было не до того, чтобы нас ругать. Она тут же послала отмывать ободранные носы и щеки, а сама стала сушить нашу одежду и отпаивать нас горячим чаем.

В этот момент вернулся с работы Александр Михайлович. Не знаю, как у Оли обстояли дела с сердцем при виде отца, а у меня от страха оно замерло и пропустило положенный удар. Дома меня за шалости почти никогда не ругали, поэтому я до ужаса боялась, что вдруг ей попадёт, как мне и не снилось. Я сидела ни жива, ни мертва, уткнув нос в чашку с чаем. Но, послушав рассказ о наших злоключениях и увидев разукрашенные ссадинами лица, Александр Михайлович только расхохотался, сказав, что теперь нас не узнает дед Мороз, когда придёт поздравлять с Новым годом, так что вряд ли нас ждут подарки. Мы, вздохнув с облегчением, рассудили, что главное – пусть дед Мороз приходит, а уж мы его сориентируем, кто есть кто. При всей кажущейся строгости Александр Михайлович был человеком мягким и весёлым.

Но мне запомнился единственный случай, когда он пристыдил нас до краски на лицах. Дело состояло в том, что мы с Олей убежали от её младшего братишки. Миша был забавный малыш, мы с удовольствием с ним возились и играли. Но потом понадобилось куда-то сходить по своим, как нам тогда казалось, уже взрослым делам. Конечно, обмануть Мишу не составило труда. Наврав ему с три короба и послав его за каким-то пустяком, мы сбежали. Вернувшись и не найдя нас, Миша не сми-

рился с нашим предательством и поднял такой рёв, что переполошил родителей. Вот тогда-то Александр Михайлович и отчитал нас, как говорится, «по первое число». В основном, конечно, попало Оле, но я тоже чувствовала себя виноватой. Мы стояли и краснели, искреннее думая, что больше никогда-никогда подобного не повторится. Но разовый всплеск краски стыда не помешал нам и впредь поступать также.

А какой изумительной красоты росли цветы в саду Сайгушевых от ранней весны и до поздней осени – предмет гордости Александра Михайловича: тюльпаны, нарциссы, пионы, флоксы, георгины, гладиолусы, астры. Моя мама тоже всегда выращивала цветы, но в какое-то лето не подоспели наши гладиолусы к первому сентября. Вечером, 31 августа, я помчалась к подруге и к удивлению застала возле их дома ребятишек со всех окрестных улиц нашего посёлка, прибежавших к Александру Михайловичу за цветами. Для каждого нашёлся букетик. Причём, творил их лично сам Александр Михайлович с любовью, тщательно подбирая каждый цветок, чтобы – ни, Боже мой!- какой-нибудь подвянувший или пожухлый попал в букет!

Шла беззаботная и счастливая для нас пора детства, и, казалось, что так будет всегда. Но мы вырастали, учились, женились, выходили замуж, разъезжались по разным городам, растили детей. С Олей мы никогда не терялись из виду, были в курсе жизненных дел друг друга. Но, к сожалению, в последние годы я почти не общалась с Александром Михайловичем. Сильным, здоровым и жизнерадостным, каким я его помню с детских лет, я его уже не видела.

Сейчас, когда прошло много лет, и мы сами стали родителями взрослых детей, я часто думаю, насколько мудры были наши отцы и матери в те непростые времена. Никогда не навязывали нам свое видение мира. Понимали, что жизнь меняется и сама расставляет всё на свои места, приближая нас к пониманию Истины. И то, что мы с Олей не растеряли нашу детскую дружбу, напротив, с годами она приобрела новый смысл и окрепла; то, что мы до сих пор нужны друг другу, делим наши радости и печали,– в том огромная заслуга наших родителей и, конечно же, беззаветного и незабвенного служителя Веры Христовой Александра Михайловича Сайгушева.

Ольга ДЮКАНОВА

Ольга Васильевна Дюканова, врач-невролог. Живёт в г. Воскресенске.

ОБЩЕНИЕ С НИМ ДЛЯ МЕНЯ БЕСЦЕННО

Когда Ольга Новикова сказала, что пишет книгу о своём отце протоиерее Александре Сайгушеве и попросила поделиться своими воспоминаниями о нём,– я с радостью согласилась, потому что этот человек оставил в моей душе неизгладимый след.

Познакомилась я с о. Александром в 1990 году, когда со своей подругой Ольгой (его дочерью) приходила к нему и Марии Андреевне в гости. Будучи гостеприимными хозяевами, они всегда были рады нам. Мария Андреевна накрывала большой круглый стол, главным угощением которого были вкуснейшие пирожки с капустой и яблоками. За трапезой велась неторопливая беседа о жизни, детях, семье. Отец Александр знал много рассказов из библии, с удовольствием рассказывал и разъяснял их. Поистине, в этом доме я отдыхала душой.

Батюшка был очень увлечённым человеком. Он любил всё живое, всё, что создал Господь. Особенно он любил птиц и живот-

ных, поэтому во дворе расхаживали важные индюки (они имели свои клички и отзывались на них), суетились непоседливые куры разных пород, копошились куропатки. Возле сарая, примостившись, кто где может, кошки и коты всех мастей, ожидали вечерней дойки коровы и своей порции парного молока. Отец Александр мог подолгу говорить о характерах своих питомцев, а я всегда с увлечением слушала неожиданные для меня истории из жизни этих удивительно разумных созданий. Он был прекрасным рассказчиком, тонко чувствующим настроение собеседника.

Ещё отец Александр очень любил цветы. Его сад пестрел от разнообразия тюльпанов, пионов, люпинов, маков, лилий, роз,– всего не перечесть! Он лично ухаживал за ними и очень любил дарить. Помню, у Ольги в доме всегда стояли в вазе живые цветы, а она с гордостью говорила: «Папа подарил!» Мне тоже неизменно дарили частичку этого великолепия в виде огромного букета, который долго-долго радовал глаз, поднимая настроение.

Впоследствии, в период тяжёлой болезни отца Александра, я посещала его довольно часто (в силу профессии врача), и всегда удивлялась стойкости, с которой он переносит выпавшие на его долю испытания. Обычно пожилые люди остро реагируют на малейшие недомогания, любят рассказывать о своих «болячках», порой преувеличивая, чтобы привлечь к себе больше внимания. Но отец Александр был полной противоположностью всему этому: он никогда первым не жаловался на боль, мучившую его, а говорил о ней только в том случае, когда я спрашивала «что, где и как болит» и оказался очень исполнительным и кротким пациентом. Обладая невероятной силой духа и будучи истинным христианином, он стоически и в то же время смиренно принимал всё, что посылал ему Господь.

Находясь рядом с отцом Александром, не проходило ощущение, что и тебе передаётся частичка безграничной веры и мудрости, которой обладал этот человек. Я лечила его тело, а он – мою душу. Предчувствуя близкую свою кончину, батюшка подарил мне «Молитвослов», лично подписал: « На долгую молитвенную память». Я очень дорожу этим подарком и в минуты скорби и печали обращаюсь к нему, вспоминая отца Александра. Общение с ним – для меня бесценно, и я благодарю Бога за то, что просто знала этого светлого человека.

Светлая память об отце Александре навсегда останется в моём сердце.

Зоя ЖАРОВА

Зоя Михайловна Бондаренко (Жарова). Главный специалист Воскресенского филиала ТФ ОМС.

НИКОГДА НЕ УЗНАЕШЬ, ЧТО ЖДЁТ ТЕБЯ ЗА ПОВОРОТОМ

На улице было как-то необычно тихо. Или это я просто ничего не слышала. Обычные житейские неурядицы буреломом лежали в голове, и мысли бродили в нём, как в лабиринте. Где выход – было совершенно не понятно.

Я шла домой своей, сто раз хоженой дорогой, не ожидая ничего нового и интересного. День выдался на редкость жаркий. Но солнце не собиралось ласкать меня своим взглядом и залезать в душу, чтобы хоть немного её согреть. Мой взгляд скользил по проезжей дороге, до боли знакомым домам, садам и прочим достопримечательностям поселкового атрибута.

Пустынная улица добавляла одиночества и сводила мою жизнерадостность почти к нулю. На этот самый ноль умножались все красоты ухоженных двориков, нивелируя и природу, и людей, её поддерживающих. А дорога тем временем, то изгибаясь, то поворачивая, делала свое дело – вела меня к дому.

Вот и очередной поворот. А за ним? А за ним немолодая красивая женщина везла коляску, инвалидную коляску… И мое сознание вернулось.

Мы встретилась глазами. ОН – отец Александр – не сидел, ОН восседал, как на троне, и просто, не по-царски смотрел на меня.

Мгновенье – и выход из «бурелома» был найден. Я живу, а, значит, могу изменить то, что хочу. Я могу ходить, думать, делать… могу!

И этому «могу» я обязана обычному взгляду необычного человека.

Протоиерей Николай ОДИНАРКИН

НАС РОДНИЛА СВЯТАЯ ВЕРА И ВЕЛИКАЯ ВОЛГА

С о. Александром мы познакомились во время учёбы в Московской Духовной семинарии. Я – чуть постарше его, учился на втором курсе, когда он только поступил. Как состоялась первая встреча, я не могу вспомнить, но мне кажется, что мы знали друг друга всегда.

Мы – оба с великой Волги, земляки. Ходили по одной земле, дышали одним воздухом. И когда ребята удивлялись нашей дружбе, подтрунивая, что вас, дорогие, водой не разольёшь, мы также, полушутя, отвечали: «Как же нам не дружить, когда мы её, воду-то, одну пили!»

Есть такая категория людей (условно, конечно!) – «особый человек». Так вот, о. Александр относился именно к таким людям, мимо которых нельзя пройти, не обратив на них внимания.

В о. Александре всё притягивало. Иногда ведь, как бывает, встретишься с человеком, поговоришь, и хочется поскорее расстаться, заняться своим делам, или просто отойти в сторону. С о. Александром всё было по-другому. Какой форсун он был! Всегда подтянут, аккуратно одет, подстрижен, на брюках – стрелочки…А как он галстуки любил! Однажды кто-то из сокурсников сделал ему замечание, что, мол, нельзя галстук-то носить, мол, посредством подобной вещи Иуда грех совершил. На что о. Александр спокойно ответил: «Грех можно совершить и не имея галстука».

Несмотря на то, что о. Александр родом из деревни и вырос в многодетной семье, без отца, погибшего на Отечественной войне, имел перед поступлением в семинарию только семилетнее образование,– он был очень развитым, эрудированным, духовно богатым человеком. Он проявлял неиссякаемый интерес к знаниям и ко всему, что его окружало. Его уважали друзья и учителя. Друзья – за доброту и отзывчивость, преподаватели – за скромность и выдержку. За

то, что мог обосновать свою точку зрения без подобострастия, но смело, откровенно, с большой уверенностью.

Те уроки православия, которые он так рано получил от верующих и священнослужителей в родном Поволжье, знания, приобретённые собственным опытом и в общении с монахами, укрывающимися в лесах и горных пещерах отрогов Жигулей,– всё это давало ему возможность вести диалоги на многие религиозные толкования с завидной компетенцией.

Разговорившись с о. Александром на любую тему,– разве можно было остановиться и уйти? Хотелось продолжать беседу ещё и ещё. Знания его казались неисчерпаемыми.

Вспоминается, как мы, семинаристы-друзья, приезжали на венчание о. Александра с Марией Андреевной, как сидели за свадебным столом. Какое большое внимание уделял достойный муж своей достойной избраннице, родным, друзьям! Мы поздравляли молодожёнов, говорили хорошие слова и, конечно же, пели песни, духовные и светские. Надо сказать, что о. Александр обладал очень редким голосом и слухом. Ему завидовали все семинаристы, иногда, правда, по-доброму подсмеивались над его необычной расстановкой ударности гласных «а», «я». Этот говор – незабвенная память о своей малой родине. Он так чётко выводил при чтении молитв «Святый Боже», с ударением на «я», что так иногда его семинаристы и звали: «Святый Боже».

В стенах семинарии и крепла наша дружба. В 1963 году я был призван в Советскую Армию, через три года демобилизовался и так соскучился по своему другу, что сразу поехал не домой, а в село Маврино Щёлковского района, где уже о. Александр получил приход и жил с семьёй.

Помню радость нашей встречи, долгие беседы на различные темы – духовные и светские. Мы были связаны крепкой духовной составляющей, потому не только слушали друг друга, но и чувствовали душу друг друга. И потом, в течение всей жизни, приезжая по делам в Москву, я навещал о. Александра в его Воскресенске. Сердце болело, если вдруг не увижусь. Нас роднила святая вера и великая Волга.

Считаю необходимым отметить, что с нами вместе учился Николай Фёдорович Маньков (ныне член отдела внешних церковных сношений), и мне хотелось за короткие приезды повидаться и с тем, и с другим. Когда я уезжал от Манькова, он по-детски обижался: «Опять к своему Сайгушеву спешишь?» или: «Опять к «Святый Боже?..» – но это уже шутливо, по-семинаристки.

А, переступив порог сайгушевского дома и обнимая своего друга, первое, что я слышал – так это такое же, по-детски, обидчивое: «Что ж ко мне-то? Маньков не пустил, что ли?» И мы долго, перебивая друг друга, рассказывали новости, делились радостями, горестями, успокаивали себя, поддерживая, как только можно.

Ночи напролёт мы вспоминали преподавателей, сокурсников, рассуждали на философские темы. Конечно, говорили о вечности, толковали притчи. Мы ни разу не поссорились за всю жизнь. Может быть, потому, что о. Александр был очень чувствительным и тактичным, и мы всегда знали, где в споре нужно остановиться. По жизни он являл пример доброго и чуткого человека, всегда принимал странников, богатых и нищих. А времена советские были страшные, тяжёлые времена. Помните мудрость: «А Вы не боитесь ходить? – спросили одного человека. – Нет,– был ответ. – Боюсь заблудиться!».

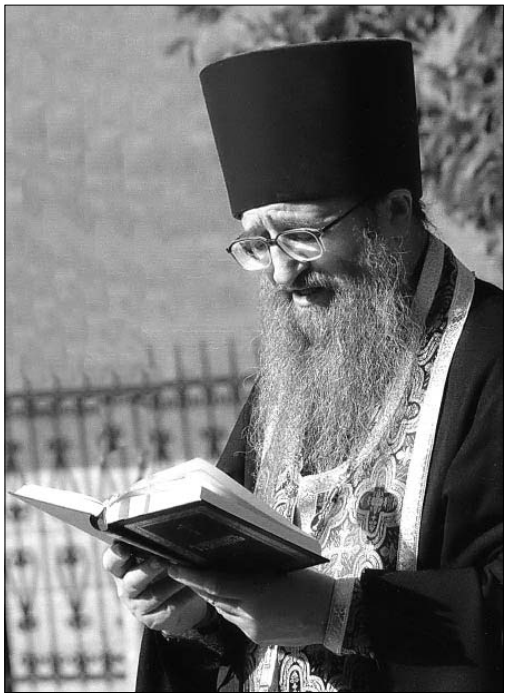
У о. Александра в любом деле был порядок. Его любила паства, его любили все те, кто пел, кто работал в храме и возле него. Он излучал глубокое благоговение перед высшими силами, перед верующими, заполняя всё окрест светом и радостью. Говорил громко, ясно, доходчиво, задевая самые заветные струны человеческих душ, преображая их в состояние святости. Даже будучи тяжело больным, он беспокоился о каждом и за каждого. Он оставался истинным пастырем, добрым пастырем: «добрый пастырь полагает жизнь свою за овец» (Ин.10:11).

В последний мой приезд о. Александр был прикован к постели. Но мы радовались встрече, смеялись и плакали… Всё было. Очень много вспоминали. Ему хотелось выговориться. Ведь он верил мне, как себе (так

и я верил ему), знал, что его исповедь уйдёт вместе со мной. Так было всегда… В эту встречу мы оба чувствовали (понимали!), что видимся в последний раз и прощаемся навсегда. Тогда же он сказал мне, что скоро умрёт и очень хочет, чтобы отпевал его именно я. Такой вот у нас уговор был. Я дал слово и сдержал его. Не высказать словами, как тяжело отпевать большого друга: глаза застилали слёзы, голос беспрестанно срывался, в горле стоял ком, во рту палила сухость. А сквозь слёзы я видел на платформе моего друга, провожающего меня. Он стоял и стоял перед глазами стройный, мудрый, с красивой улыбкой… И долго, долго – вижу – машет рукой вослед разлучающей нас электричке.

Протоиерей Алексей КРЫЛОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОТОИЕРЕЕ ОТЦЕ АЛЕКСАНДРЕ САЙГУШЕВЕ



Уходит в прошлое время гонения, время терпения, время страдания, время мучения за Христа, время горения, время любви ко Христу. Время горящей любви к БОГУ и ближним. Время самопожертвования.

Кто стоял, а кто падал, кто горел, как свеча, а кто тлел как осиновая головешка. Кто был на переднем плане в бою, а кто трудился в тылу, помогая бойцам духовного фронта выстоять и одержать победу над врагом. А враг у нас один – сатана.

Здесь на земле церковь наша называется воинствующею, и имеет неразрывную связь с церковью небесной – торжествующей (Евр.12,22,23; Еф.1,10; Еф.2,19; Рим.14,9).

Мы верим, что отец Александр Сайгушев сейчас находится у Престола БОЖИЯ на небесах. Он, ещё когда был молодым, ушёл добровольцем на фронт духовный, чтобы побеждать врага рода человеческого – диавола. Именно в то трудное время он подал прошение о поступлении в духовную семинарию. Через некоторое время женился и был рукоположен во священники. Затем был отправлен на приход – на фронт духовный. Он, отец Александр, и подобно ему молодые люди стояли, бились за правду БОЖИЮ. Были гонимы (ранимы), но с БОЖИЕЙ помощью залечивали свои раны и снова шли на передний край. И так до смерти.

Мне пришлось принять священство на много позже. В то время, когда Храмы стали открываться, гонений уже не было. Поэтому низко преклоняю главу свою перед покойным Батюшкой и теми, кто стоял вместе с ним. Их усилием, их трудом, их жизнью, их подвигом – мы сегодня живем. Они выстояли, они победили. О чем свидетельствуют сегодня новомученики и исповедники XX века, в земли Российской просиявшие.

Именно на них сбылись слова Спасителя – и будет Церковь БОЖИЯ существовать до скончания века (Мф.28,20). Вечная им память!

А тем, кто ещё жив (их так мало осталось), помоги им, ГОСПОДИ, донести свой крест.

С любовию о Воскресшем ХРИСТЕ!

Наталья КАПРАНОВА

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОН БЫЛ

Дом № 58 по улице Центральной села Карпова отмечен мемориальной доской: «Здесь родился и жил Суворов Дмитрий Васильевич, начальник политотдела легендарной 25 Чапаевской дивизии 1893–1919 год», ниже изображение шашки, будёновки и кобуры.

Домик совершенно ветхий, с покосившимся крыльцом, встретил меня прохладой внутри. Старенькая Наталья Дмитриевна в тёплой кофте, платке, словно в оправдание, сообщила: – Печку вчера только топила. Это у нас воздух такой. Свежий, деревенский. – и, немного погодя, устроившись на диване, продолжала говорить:

– Я с 1925 года рождения. Родители были верующие, но в церковь не ходили, хотя перед едой всегда читали молитвы. Да и я раньше в храме почти не бывала: работала, ездила в командировки. Я ведь инженер-испытатель, испытывала веретёна для прядильных фабрик, а потому, вроде, времени не было…

В 1983 году переехала из Коломны в Воскресенск. Была уже на пенсии, когда начала ходить в храм села Карпова. Там я встретилась с о. Александром. Он – ну! – необыкновенный! Я не знала ничего, присматривалась. А он один раз подходит ко мне и спрашивает: «Как вы поёте?» – Растерялась я, отвечаю: «Мирские – хорошо» – А он: «Благословляю! Становитесь на клирос!» – «Господи,– думаю,– я же ничего не умею» -Говорю как-то: «Батюшка, так хочется знать, так хочется по уставу петь» – Тут он выносит книжку старенькую, написанную на старославянском языке: «Возьмите,– говорит,– пожалуйста!» – так уж я обрадовалась. Она до сих пор у меня хранится как память. Тогда я так и научилась понемногу.

Я ведь редко сейчас в храм хожу, ноги болят, да и глаза не видят… А голос какой у о. Александра был! Какой голос! Читает Евангелие – всем слышно каждое слово, даже у дверей всё разберёшь, что читает. А как запоёт! Тон задаст!.. – А хор за ним! –

Наталья Дмитриевна Капранова. Певчая храма.

так складно получалось. А если тон чуть потеряем мы, певчие,– он тут же подхватит и выправит, как надо. Такой молодец…

А доброта его просто невозможная! Ни разу я не слышала, чтобы он голос повысил, на кого-то резко сказал что-то. А вот шутить любил. Я тогда только приехала, не всех знала, стеснялась. Как-то прихожу домой, а староста (тогда была Анна Ивановна Горячева) подзывает меня: «Наталья Дмитриевна, оставайся картошку копать!» Смелая была женщина, худенькая, но сильная. Много работала, своё имела хозяйство и для храма старалась. Тогда всё сами делали: и картошку сажали, и брёвна –во-о-о!- какие толстые распиливали. Так вот, она зовёт меня, а мне надо козочку подоить. Отвечаю, что, мол, подою козу и вернусь. Прихожу – картошка вся выкопана. Неудобно мне стало. А о. Александр вышел и зовёт меня: «Пойдём, Наталья Дмитриевна, чай пить». Я засомневалась. Неловко как-то. А он: «Пойдём, чай пить – не картошку копать». И всех рассмешил.

В сторожке каждый праздник отмечали. Сначала молились, затем трапеза. Все хотели попасть: там шли разговоры, пелись

духовные стихи. Места не хватало, сидели везде, не только на диванах и стульях. О каждом празднике о. Александр расскажет, о каждом святом – всю их жизнь знает, и нас выслушает. Столько знал – невозможно просто! У всех «ушки на макушке» – сразу притихнем… Очень любил батюшка Преподобного Сергия. Так много знал о нём, всё житие его знал, и нам рассказывал.

А уж в храме какие проповеди говорил – все наплачутся! Но по бумажке – никогда, память у него была отменная. И во время общей исповеди тоже о многом и хорошо говорил.

А когда служба кончалась, после панихиды у канона о. Александр всех благословлял на дорогу. Очередь к нему. Идут и идут. Крестом осенит, «С Богом!» – скажет. Очень добрый был, очень внимательный, никому не отказывал. Детей крестит, по головке погладит. Однажды на Пасху, во время крестного хода, о. Александр благословил меня нести огонь вокруг храма. Почему-то, не знаю, меня выбрал. Необыкновенный он был. Я об этом случае всем рассказывала, даже когда в Коломну приезжала.

А когда у него умерла мама (в 1985 году), он ко мне лично обратился: « Наталья Дмитриевна, оставайтесь мою маму поминать». Осталась я. Там были все наши: Михаил Антонович Никифоров (он из города приезжал помогать), Иван Васильевич, другие,– сели за стол с молитвой. После трапезы пели молитвы и духовные стихи. Во время пения «Тогда на грудь мне положите мой милый крестик золотой» – о. Александр даже заплакал. Очень переживал он.

Я тогда уже помогала по храму: убиралась, чистила подсвечники. Мы со старостой Анной Ивановной меняли в храме цвета к каждому празднику: к Рождеству – белый цвет, постом – чёрный, на Троицу – зелёный, на Пасху – красный. Батюшке хотели угодить – очень он любил, чтобы в храме чисто было и красиво.

Ещё я тогда стирала для сторожки и для храма. Батюшка спросит иногда: «Когда ты успела-то?» – а для меня это больше похвалы.

Все старались помогать о. Александру: Клавдия Прокофьевна, Елена Петровна, Ольга Васильевна Пузикова, её сестра Марья Васильевна Стёпочкина, очень хорошо пела Елизавета из Марчугов (не помню фамилии), Михаил Антонович Никифоров, Анна Фёдоровна Петропавловская, Зоя Плаксина из Марчугов, Мария и Клавдия – сёстры из города. Может, кого и забыла…

Я даже внука Серёженьку в это время брала с собой, ему лишь три годика было. Но ходил он охотно, радостно. Нравилось ему в храме.

У о. Александра было большое хозяйство, он много работал. В окно я видела, как он приезжал к соседям нашим Маркеловым за сеном на своей лошадке. Нагрузит целый воз, поедет, сам наверху сидит. Иногда с Михаилом Андреевичем – матушкиным братом приезжал. Помогал он ему. А так, на службу, на автобусе ездил.

Мы очень любили о. Александра и расстроились, когда его перевели в Марчуги, даже прошение сочинили, чтобы у нас его оставили. В Марчуги ведь все певчие, псаломщицы пошли вслед за ним. Все, все!

У меня вот фотография осталась, я её в церковном доме храню. На ней о. Александр с певчими. Это 1986 год. У нас там этажерочка небольшая, фотографии на ней в папке хранятся, вырезки из газет. Правда, немного их.

Я вырезала из газеты «Наше слово» статью о Дне памяти о. Александра 17 сентября и пристроила над иконой Божией Матери Троеручнице.

Да, все ушли вместе с ним, я одна осталась. Очень мне жалко было, когда он ушёл.

Сейчас наш храм – не то, что тогда, сейчас спонсоры появились. Такую красоту навели! А что-то не то. И батюшка новый очень хороший, добрый, отзывчивый. Стареньких жалеет. Но благодать о. Александра Сайгушева ушла, видно, навсегда.

Алексей ПОПОВ

Попов Алексей Валерьевич, предприниматель, 20.04.1974 г.р., из семьи Кургузовых – Дьяконовых, Лопатинского мкр. города Воскресенска Московской области.

«ПАМЯТЬ ОБ О. АЛЕКСАНДРЕ Я ПЕРЕДАЮ СВОИМ ДЕТЯМ…»

Отец Александр Сайгушев оставил в моей жизни и в нашей семье самые теплые и прекрасные воспоминания, которые берут свое начало из детства.

Я родился в крестьянской семье Кургузова Ивана Алексеевича (20.01.1913–27.11.1991 г.г.) и Кургузовой (Дьяконовой) Анны Петровны (21.09.1919–07.01.2010 г.г.) – дедушки и бабушки по матери Поповой (Кургузовой) Ольги Ивановны в доме на Лопатинском руднике. Здесь проходило и моё детство. Наша семья православная, верующая. Бабушка Анна Петровна состояла духовным чадом о. Александра, который всегда в нашей семье был на почётном уважаемом месте. Дети дедушки и бабушки – Поляхова (Кургузова) Нина Ивановна (01.08.1946 г.р.), Кургузов Александр Иванович (05.09.1948 г.р.) и моя мама Попова (Кургузова) Ольга Ивановна (23.07.1952 г.р.) прекрасно знали о. Александра. Бабушка Анна Петровна и о. Александр были земляками. Деревня Буты в Мордовии, где родилась бабушка и село Коченяевка в Ульяновской области, где родился о. Александр находятся на расстоянии 100 км. друг от друга и, естественно, им всегда было о чём поговорить.

С детских лет меня приучили к крестьянскому труду: обрабатывать землю, выращивать овощи, фрукты и ягоды, ухаживать за скотиной – животными. У нас в доме были козы, и о. Александр тоже держал коз. Он знал и любил крестьянский труд, бабушка с ним обменивалась козами и всегда советовалась, как правильно обращаться с ними и всякими другими крестьянскими делами. Я помню, что в семье шли беседы о многих премудростях садоводства и огородничества. Дядя Саша (Кургузов Александр Иванович) помогал

о. Александру заготавливать сено для коз на зиму.

Самое яркое впечатление из моего детства об о. Александре осталось, как он ездил в телеге, запряжённой лошадью. Это было и интересно, и увлекательно, что в городской местности имеет место крестьянский образ жизни, который вёл и поддерживал о. Александр.

Посещение с бабушкой богослужений в Крестовоздвиженской церкви села Марчуги, где о. Александр являлся настоятелем, считалось обычным делом, так как в нашей семье отношение к православной вере было очень серьезное, и церковные обряды присутствовали естественным образом в повседневной жизни. У нас молились и дома, и в церкви. После церковной службы обычно в церковном доме шла трапеза. О. Александр, шутя, отмечал, что пироги Анны Петровны самые-самые вкусные и говорил так: «Если к трапезе нет пирогов от Анны Петровны, то трапеза не удалась». У моей бабушки была родная сестра Шипилова (Дьяконова) Александра Петровна (1925–2012 г.г.), которая также состояла духовным чадом о. Александра. Она имела неплохой голос и пела в церковном хоре. После трапезы обязательно исполнялись духовные стихи, о. Александр очень любил петь.

Только по прошествии времени я осознал, как важно, что в моей жизни с юных лет было присутствие о. Александра до конца дней своих, т.е. до 17 сентября 2002 года.

Важно отметить, что уважение и почитание о. Александра с детства и по сегодняшний день только увеличивается: с каким человеком мне пришлось общаться и жить в родном городе Воскресенске! Его искренний открытый взгляд, уверенные слова, произнесённые вовремя, его действия и умение выслушать человека – имели за собой глубочайшую мыслительную природу настоящего верующего человека – христианина, священнослужителя Русской православной церкви.

На всю мою настоящую жизнь сильно повлиял один эпизод, связанный с о. Александром. Это было в 2000 году, мне 26 лет, о. Александр своими мудрыми наставлениями по супружеской жизни и сказанными вовремя нужными словами, способствовал совершению Обряда Венчания с Кабановой (Поповой) Натальей Юрьевной, укреплению семьи и рождению у меня сына Сергия 14 марта 2002 года. По причине тайны я не буду раскрывать, какие слова сказаны были со стороны о. Александра. Обстоятельства складывались таким образом, что присутствие о. Александра в моей жизни дали мощнейший толчок к правильному пониманию христианского вероучения, познанию глубоких духовных ценностей, утверждению в христианской вере.

Мой папа Попов Валерий Петрович (22.09.1951–27.08.2006 г.г.) и его род берет начало из села Карпово Воскресенского района Московской области, где в свое время о. Александр почти десять лет посвятил службе в храме Архангела Михаила упомянутого села.

Я провожу параллель между папой и мамой, и на этой параллели есть место для о. Александра – человека, достойного особого почитания не только моей семьёй, но и жителями села Карпово.

Отец Александр при жизни заслужил звание почётного настоятеля Крестовоздвиженского храма села Марчуги Воскресенского района Московской области.

Весной 2002 года шли приготовления к службе Пасхе Господней, и мне было приятно позаботиться об о. Александре и своевременно доставить его на ночную службу. Отец Александр к этому времени по состоянию здоровья не мог самостоятельно передвигаться, и я с превеликим уважением на руках доставил его из дома на службу и со службы домой. Никогда не забуду, когда вошли с ним в церковь: о. Александр – у меня на руках, и, как люди, стоявшие

в храме, оживились при виде о. Александра, заволновались. Произошло какое-то неожиданное движение в Храме, и все начали кланяться ему, и, кто смог, целовал ему руки.

Почитание о. Александра людьми было откровенное, искреннее и настоящее. После службы все прихожане подходили под его благословение, и каждому он сказал свои слова. Как выяснилось позже, для него эта была последняя служба в его родном храме.

Сейчас можно сказать, что официальный итог служения в Русской православной церкви отца Александра состоялся именно на Пасху 2002 года. Именно в день Пасхи все прихожане, без исключения, признали в нём своего духовного наставника, и каждый от души выражал ему своё почтение.

Память об о. Александре я передаю своим детям, чтобы знали историю своего родного города Воскресенска.

Помогая в благоустройстве Крестовоздвиженского храма села Марчуги, я отдаю должное памяти о. Александра.

Помогая в богоугодных делах, я отдаю должное памяти о. Александра.

Помогая на поприще Михаила Александровича Сайгушева – сына о. Александра, я отдаю должное памяти о. Александра.

Сегодня, составляя эти строки, я отдаю должное памяти дорогого мне наставника, памяти о. Александра.

Считаю большим событием в жизни родного города Воскресенска, что дочь о. Александра – Ольга Александровна Новикова (Сайгушева) создала книгу в память о своём отце – настоящем человеке. И считаю за честь предоставленную мне возможность написать несколько строк в это достойное произведение памяти о. Александра, ибо на таких людей должно равняться духовное будущее нашего родного города.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ
ОТЦУ АЛЕКСАНДРУ САЙГУШЕВУ!

Зоя ПЛАКСИНА

Жительница с. Марчуги,
прихожанка храма.

Мне уже много лет, но я хорошо помню о. Александра молодым, помню, как он пришёл на приход. Все сразу очень полюбили его, доверяли ему. Никто и не ожидал, что начинающий священник может быть таким мудрым, грамотным. Помню, как приезжала с ним его мама Агафья Арефьевна и матушка Мария, а вас-то, деток тоже хорошо помню, как вы играли возле храма.

Тогда и я помоложе была, а сейчас вот совсем глухая и слепая стала. Живу с внуком Серёжей, он храм очень любит, звонить вот научился на колокольне. Хорошо звонит. И на службе батюшке помогает. А отец Александр очень хорошо ко мне относился, знаю, молится он и ТАМ за меня, поэтому я живу так долго и богослужения не пропускаю, и силы мне Господь даёт. Видела недавно его во сне: он идёт мне навстречу во всём белом, радостный такой, подошёл ко мне и осенил крестом, благословил. Я даже проснулась от радости.

От автора:

Зое Ивановне, не знаю, сколько лет. Сколько себя помню, она всегда была подвижной старушкой с приветливым лицом и в очках с толстенными линзами. Когда в 2011 году умер мой сын Ваня, Зоя Ивановна приезжала к нам читать Псалтири. Поразило меня то, как она относилась к своему делу: совершенно бескорыстно, пищу не принимала, ночью спать не ложилась, практически не отдыхала, разговоров ненужных не вела, читала медленно и громко, освещая каждую строку фонариком (помимо основного света) и водя по строчкам большой лупой, а рано утром спешила на службу в Храм.

Дай, Бог, ей и Серёже доброго здоровья.

Антонина КОЧЕГАРОВА

ПО ЕГО МОЛИТВАМ ЖИВЁТ МОЯ СЕМЬЯ

Родилась я в 1961 году. Вскоре крестил меня о. Александр Сайгушев. Он же стал моим крёстным отцом. Это значит, что мне повезло вдвойне.

Мои родители Анатолий Иванович и Анна Петровна дружили с семьёй Сайгушевых, ходили в гости вместе с нами, с детьми, а также за советом и благословением. И всегда батюшка правильно, по-христианскому закону, рассудительно подсказывал, что делать, как вести себя. Отец Александр с матушкой Марией тоже посещали наш дом.

Время шло, мы росли. В свои двадцать лет я собралась замуж. Крёстный не был в стороне: он познакомился с Вячеславом – моим будущим мужем, благословил нас и обвенчал, скрепив узы брака на небесах. Я всегда чувствовала молитвенную помощь и поддержку как крёстного отца, так и крёстной матери Марии Аникиной – родной сестры моей мамы. Я очень благодарна им.

Своего первенца мы назвали Александром, второго сына – Алексеем. Отец Александр крестил их обоих. Мы часто встречались с крёстным, бывая у Сайгушевых всей семьёй. Сыновьям тоже очень нравилось бывать у них. Какие это гостеприимные люди! Всегда соберут на стол всё, что есть. Матушка Мария Андреевна с любовью, хлопотливо и быстро справлялась на кухне, а о. Александр в это время, да и потом, находил разговор на любые темы. Когда мы сейчас говорим «зайдём по делам» и, не снимая верхней одежды, стараемся быстро уйти, решив проблему, то в доме Сайгушевых было совсем по-другому. Без чая хозяева никогда не выпустят. Народу к ним приходило много, и никто без внимания и доброго слова не оставался. И в горе, и в радости мы прибегали к мудрости о. Александра.

Когда умерла моя мама, то обряд отпевания, заупокойную панихиду, совершал также о. Александр. Батюшка служил во многих храмах: в Коломне, Карпове, Марчугах, Шарапове, Маврине. Мне запомнились Марчуги. Сюда приезжали люди со всех сторон. Он говорил замечательные проповеди, доходчивые до каждого. Делал это от души. Учил добру, любви к ближнему, молитве, пресекал гордыню. И каждый думал, что это говорят о нём. Было задушевно до слёз.

И вот духовного моего отца не стало. Бог взял его душу на небеса. Вся наша семья, мы все скорбим о его ранней кончине. Но молитва связывает нас. Молясь об упокоении протоиерея Александра, я прошу его молитвы о нас.

В дни печали нахожу утешение, приходя на могилку о. Александра, подолгу разговариваю и советуюсь с ним. По его молитвам и проповедям и сейчас живёт моя дружная семья.

СВЯЩЕННИК ИОАНН БРАЙКО

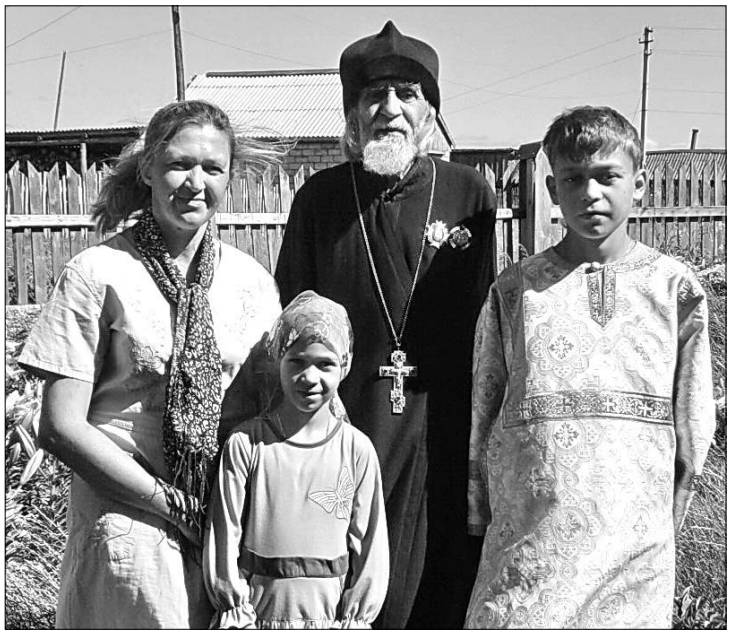
Родился в 1975 году в Подмосковье, в рабочей семье. Окончание средней школы совпало с известными изменениями в нашей стране. Стал посещать, а потом постоянно ходить в храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Акулово Одинцовского района. Через некоторое время сподобил Господь помогать в Алтаре. В Покровском храме был обвенчан со своею супругой, здесь же крестили первую дочку. В 2001 году поступил в Коломенскую Духовную семинарию, в декабре 2002 года был рукоположен во священника и назначен настоятелем Успенского храма села Шарапово Одинцовского района.
Вот какими мыслями поделился со мной священник Иоанн Брайко.

ДАР ПРИХОДУ УСПЕНСКОГО ХРАМА

Об о. Александре я узнал из документов, хранящихся в приходском архиве, а о его супруге мне рассказала прихожанка Гребневской церкви в Одинцово, узнав, что я служу в Шарапово, и сообщила адрес матушки Марии. Произошло это через год после смерти о.Александра. К этому времени я стал собирать исторические сведения о нашем храме, но о послевоенном времени мне было практически ничего не известно. Желание узнать и стало причиной написания письма матушке Марии Андреевне в Воскресенск. Правда, узнать что-либо из истории храма не получилось потому, что о. Александр прослужил в Шарапово чуть больше года (живя при этом в Воскресенске), а матушка Мария уже с трудом вспоминала события почти 30-летней давности. Но, искав одно, я приобрел, думаю, гораздо больше: общение с замечательным, глубоковерующим человеком, каковым является матушка Мария. Наше общение из письменного перешло в личное: сдавая экзамены в семинарию, я несколько раз заезжал к ней в Воскресенск, да и матушка нашла силы и приезжала к нам в Шарапово. Таким образом, не зная о. Александра лично, я через его верную помощницу познакомился и с ним. Наверное, нужно сказать о том, что среди богослужебных книг мною был найден рукописный акафист в честь иконы «Всех скорбящих Радость», оставленный о. Александром в дар приходу Успенского храма, в котором один из приделов – Скорбященский. Среди ныне изданных акафистов подобного я не встречал. Помню, однажды, после совершения таинства Крещения ко мне подошел один из крестных и сказал, что его крестили здесь в Шарапово в конце 70-х, и крестил о. Александр Сайгушев. У меня была фотография о. Александра, и я, показав её, подумал, что не каждый может вот так, по прошествии стольких лет, увидеть крестившего его священника.

Любовь МУСКАТИНОВА

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ ДАР СЛОВА ИМЕЛ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК



Любовь Александровна Мускатинова (Мартышкина) – двоюродная племянница. На снимке со своим отцом священником Александром Мартышкиным и детьми Марией и Михаилом.

Письмо 1.

О. Александр Сайгушев – мой двоюродный дядя. Я его помню с детства, когда он приезжал в родную Коченяевку. Это были, для меня лично, какие-то «таинственные» встречи.

Его приезда все ждали как праздника. Он навещал своего родного брата Василия Михайловича, но все знали, что его сюда тянуло и к односельчанам, да ещё любовь к родной земле.

В Коченяевке о. Александр крестил не только детей, но и взрослых, особенно наших родных. Чаще всего, крестил ночью. Я была крестной у своей племянницы. Помню, мы встали после полуночи (значит, о. Александр ночевал у нас), пришли родственники, которые крестить собирались. Окна занавесили. В простой тазик налили воды, зажгли свечи. Хорошо помню, как ходили вокруг купели. Это было так интересно и сказочно… В то время иначе нельзя было, боялись, но дело святое делали.

И самое значимое для меня – это Причащение. Мне было ещё лет пять – семь, может, поэтому я не проходила исповеди. Меня он причащал тоже ночью, но не только меня, но и старушек. Про них напишу ниже. Чаша была маленькой, лжица (маленькая серебряная ложечка с крестом на конце рукояти) и разные в то время непонятные для меня вещицы. Я старалась изо всех глаз (если можно так сказать) рассмотреть всё это. Просто впивалась, заранее уже думала, когда он вынет плат, чашу и другие принадлежности, чтобы всё-всё запомнить.

Ещё помню, что он привозил простые крестики на веревочках, круглые иконочки, пояски. Всё сразу разбиралось. Кроме этого служили, по-видимому, молебны, пели духовные стихи. Это знаю по рассказам. Сама я была крещена дядей Сашей. Да, я его так называю, по привычке, наверное. Так в детстве его называла. Когда мне было три месяца, умерла моя бабушка, его крестная мать, он приезжал её хоронить. 18 мая 1969 года бабушку похоронили. А на какой- то из последующих дней он меня покрестил, крестными стали Сережа и Оля.

Храма у нас не было, поэтому на моленья в праздники собирались у одной старушки в её очень маленьком домике. Звали её Мария Яковлевна Тумпурова. Это самая главная подруга дяди Саши. Позже она часто по его приглашению бывала в гостях в Загорске и Воскресенске. Про неё обязательно нужно сказать. С ней жила раба божья Варвара, помогала ей. С другого конца села приходила д. Фёкла. Она подавала о. Александру и о. Виссариону кадило. Оба её очень любили – очень простым человеком была. Вот эти три старушки и были подружками о. Александра, да и моими тоже. Я их хорошо помню, знаю. Умерли примерно после 80–90 годов. Брат Марии подвизался в каком-то монастыре (Псково-Печерском или в Почаеве). Она сама так же, как и брат, в годы гонений сидела в тюрьме.

Особая тройка НКВД – орган внесудебного вынесения приговоров, существовавший в СССР в 1935–1938 годах, обычно на

СПРАВКА

ТУМПУРОВА МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА, *1904 г.р., уроженка и жительница с. Коченяевка (Вешкаймский район), крестьянка, 20.12.37 тройкой при УНКВД по Куйбышевской области по ст.ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР незаконно заключена в концлагерь сроком на 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет, полностью реабилитирована 22.02.94.*

Ст. *58–10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст. 58–2 – 58–9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего кодекса.*

уровне области. Состоял из начальника областного управления НКВД, секретаря обкома и прокурора.

По рассказам моей мамы, дядя Саша всегда говорил – буду попом. Приезжал он к нам в Коченяевку, конечно, не часто, особенно в последнее время. Сама я была впервые в гостях у Сайгушевых в 1975 году и несколько раз в последующих годах. Встречали нас очень-очень гостеприимно. Водил о. Александр в зоопарк московский, в магазины какие-то громадные, в другие примечательные места. В общем, хотел показать нам, деревне, всю красоту столицы. По гостям ходили каждый день, к родственникам. Спасибо ему за всё. А посылки из Воскресенска?.. Это просто чудо для маленькой девочки (то есть для меня), которая, пока родители на работе в лесу, сходит с извещением на почту, получит посылку и, не дожидаясь их, возьмет маленький топорик и откроет крышку. Мама говорила: «Иду из лесу по нашему порядку (это мы так улицу называли), Люба идёт встречать. На ней три-четыре платья, одно из-под другого виднеется…» Помню, все Олины платья перемерю. Посылки они нам часто присылали. Конфеты шоколадные разные – просто целыми посылками. Вот, кажется, и всё. Это из детства.

* * *

О. Виссарион и мой отец о. Александр – вот они все вместе общались, ездили в гости. Отец часто к Сайгушевым ездил один. Там у них мои родители и венчались.

Простите за такое письмо, может Вам не понятное. Жалею только, что в последнее время связь потеряли. Да и извиняюсь, что не сразу ответила. Много разных годовых отчетов. Паспорт (о. Виссариона – О.Н.) ещё не копировала, попробую вечером, слишком он стёрт.

Письмо 2.

Первое. Паспорт о. Виссариона, Ольга, ты просила прислать. Вот о. Георгий (мой муж) сейчас отослал. Если не получите, то, может, не правильно что сделали. Его я так долго просила у р.Б. Марии Подгорновой (тоже они общались с о. Александром Сайгушевым), и вот 14 ноября она приезжала к нам и отдала его мне. Если хотите, то могу прислать домашний телефон её. Она может что-то рассказать. Живет в нашей области, в Карсунском районе. Ей лет 80, но все хорошо помнит и знает. Кстати, и про о. Виссариона больше её никто не знает. Именно по её воспоминаниям и выпустили книгу, где рассказывается об этом монахе. Думаю, расскажет и про батюшку.

Второе. Дело в том, что и моего папу зовут о. Александр. Так что, верно – о. Александр – мой отец, о. Виссарион и о. Александр Сайгушев все трое собирались вместе. Самым большим или важным делом у них (я так считаю) было ПЕНИЕ. Как они пели стихи! И как любили петь! Ну, про дядю Сашу я вообще молчу. И голос, и слух… Вот все они (может не так часто) и упомянутые старушки очень красиво пели! Я все ещё храню плёнки те самые, но, увы, ниче-

го не слышно, никакого звука. Тайно надеюсь, мол, найдётся специалист и всё восстановит. Также дела обстоят и у Марии Дмитриевны. Когда о. Виссарион (а жил он у М. Я. Тумпуровой) приходил к нам в гости, то после молебна (настоящего молебна с поминанием имён) сразу принимались за стихи. Пели так, что к нам приходили все соседи – сидели и слушали. Мы открывали окна настежь, чтоб всем было слышно. Это было до 1975 г. Почему-то за это нам ничего не делали. А вот о. Виссариона выгоняли из села милицией, если узнают, что крестил. Так мой отец, женившись на моей матери (приехал из другого села), стал верующим, стал петь, в церковь ездить. Тут и дядя Саша, видимо, сыграл определенную роль в судьбе моего папы. У него была возможность быть на службе у о. Александра Сайгушева в Марчугах. Вот и вспомнила сейчас один маленький случай. Папа на службе был в алтаре у о. Александра. Предупреждал он или нет, что нельзя переходить перед престолом, перед Царскими Вратами, не знаю. Но папа это сделал. «Быть тебе батюшкой»,– после чего сказал настоятель.

Не знаю, нужно ли это, но я напишу. Хочу сказать, откуда у нас корни идут. Мать о. Александра Сайгушева. Агафья Арефьевна, по-моему, из Куроедова. Отец – Михаил Тимофеевич (моя мама говорила, что он погиб на фронте) – из Коченяевки. Михаил Тимофеевич и Анастасия Тимофеевна (моя бабушка по маме и крестная о. Александра) – родные брат и сестра. Их родной дед Милантий из простых крестьян, но всё равно был раскулачен. Мама говорила, что вёл он домой быка Мирона (представляете даже кличку помню!), и прямо из рук чины советские взяли веревку и увели. Оставили без мяса, а бык был большой. А так весь наш род в лаптях ходил. А то говорили нам раньше, что только богатых раскулачивали.

Ещё в Коченяевке жила двоюродная сестра мамы и дяди Саши – Мария Яковлевна Сайгушева, сидела 10 лет за то, что колосья срывала и принесла домой за пазухой. Так вот от этого Милантия (по православному Мелетия) у нас было прозвище в селе – «милкань». Но прозвище не в плохом смысле, а как отличительная черта. Я всегда была там – милкань Люба, а дядя Саша – милкань Шурка. Здесь ударение на «шу».

Вспомнила ещё. Когда о. Александр приезжал хоронить родного брата Василия Михайловича (я по какой – то причине не была на кладбище), мама говорила, что он после отпевания (на похороны буквально пришло всё село), сказал слово. Слово о детстве, юности дяди Васи, как трудно приходилось в то время жить. Далее о. Александр перешел на нашу суету, безбожие, как мы все ответ дадим на суде и т.д. Сам плакал, и плакали все, без исключения, даже мужчины. Это я точно знаю. Диво было, что мужчины плакали. Тогда многие удивились. Вот какой пронзительный дар слова имел этот человек! Кстати, какую фамилию носил раньше наш род – Сайгушев или Сайгушов,– неизвестно. В то время было без разницы, как хотели, так и писали. Это моя мама с этим сталкивалась.

Денис ПУШНОВ

Денис Иванович Пушнов родился в 1979 году в г. Воскресенске. Окончил школу № 17. Служил в Российской армии. С отличием окончил МКЖТ. С тех пор работает на железной дороге, сейчас – начальником поезда. В свободное время посещает Свято-Пантелеймоновский храм, где служит певчим и чтецом.

МАМА БЫЛА СПОКОЙНА И РАДА ЗА МЕНЯ

Четырнадцатилетним мальчиком я впервые попал на службу к о. Александру. Хочу сказать, что я и раньше бывал в храмах и видел много святых действ, но знакомство с о. Александром

сыграло большую роль в моей жизни.

Рос я без отца. Время тогда для детей было непонятное: никаких тебе пионерских лагерей и сборов уже не было. И ничего не было, что могло бы достойно восполнить общение подростков. А четырнадцать лет возраст такой, когда не знаешь, чего хочешь, но изменить жизнь, найти что-то новое – хочется.

О. Александр очень тепло принял меня. Я уже умел петь и читать по церковно-славянски и мог помогать ему по службе. Постепенно он давал мне всё новые и новые послушания: почистить иконы, навести порядок в алтаре. И если я что-то делал не так, то он потихоньку делал мне замечания и учил, как это делается. Я не обижался и, конечно, мне нравилось, если всё нормально, получить от о. Александра похвалу. Сам я был резковатым мальчиком. Священник мягко и не назойливо учил меня корректности, умению общаться с людьми старшего возраста, которых в храме было большинство. Прихожане в основном одни и те же, но много людей приезжало, особенно в праздники, из далёких мест, из города и района послушать его обаятельный трогательный голос, увидеть незаурядное богослужение и обряды. Всем это нравилось.

Помню, после Великого поста, особенно на неделе жён-мироносиц, венчаться собиралось пар до десяти. Было очень тяжело, но о. Александр виду не подавал. После венчания он первым поздравлял молодых и давал им напутствие в жизнь, обращая особое внимание на взаимоуважение, взаимопомощь, на почитание родителей и любовь к Богу.

Очень торжественно в храме было во время соборных богослужений, когда на престольные праздники съезжалось духовенство всего благочиния: всё в цветах, вымыто, вычищено. И у всех в глазах – радость и волнение.

После была трапеза. Все знали,– ожидали! – что о. Александр расскажет опять что-то новое, интересное, что будет пение молитв и духовных стихов. Это самые незабываемые дни и настоящие праздники для души.

Вскоре о. Александр стал меня приглашать на освещение домов и квартир и на другие требы. Я охотно помогал ему.

В 1995 году о. Александр взял меня в Сергиев Посад. Эту поездку я вспоминаю до сих пор. Когда мы возвращались домой, было уже темно и он предложил мне остаться переночевать в их доме. Матушка тоже относилась ко мне очень ласково. Как-то по весне о. Александр попросил меня помочь ему по хозяйству. Я с удовольствием согласился, и мы с ним косили траву для скотины. Пололи картошку и свёклу, развозили навоз. Он мог бы все работы сделать и сам. Но, зная моё материальное положение и стараясь чем-то помочь мне, решил идти вот таким путём. Не обижал никогда. Мне часто приходилось удивляться: как это священник – и так много работает по хозяйству, не гнушаясь никакой работы; как это священник в простой одежде едет по городу на лошади без стеснения и смущения. Теперь-то мне понятно, что о. Александр – человек труда, крестьянского, большого, ежедневного. И его образ жизни во всём был примером и имел воспитательное значение.

Во время работы мы говорили обо всём. Он рассказывал мне про свою жизнь в Ульяновской области, про то, как рос без отца, как тяжело бывало порой, но Господь не оставлял его; рассказывал, какие позже пришлось пережить трудности: и преследование властей, и насмешки соседей. Всего хватало.

Но не только о себе рассказывал о. Александр. Он расспрашивал меня о друзьях, учёбе, наказывал обязательно учиться. Мне было приятно общаться с таким замечательным человеком, было радостно, что он интересуется моей жизнью.

Очень я любил, когда о. Александр позволял мне покататься на его лошади Майке. На лесном озере, которое недалеко от дома о. Александра, я купался сам, купал Майку, а она хоть и была строптивой, но, видимо, привыкла ко мне и слушалась.

Моя мама, приметив, что целыми днями пропадаю у о. Александра, решила познакомиться с его семьёй. Здесь её тоже приняли

очень радушно. Мама была спокойна и рада за меня.

Через много лет в одной из паломнических поездок, я случайно познакомился с архимандритом Никитой из Липецкой области (1948 г.р.) и много беседовал с ним. У меня осталось такое чувство, будто я поговорил с о. Александром. Странно, насколько похожи эти два человека: один священник, другой – монах. Похожи своим внутренним миром, духовностью, строгим подходом к соблюдению установленных правил и канонов, истинной, по-детски светлой, верой во Всевышнего и Его деяния. Ведь « посвятив себя однажды Господу,– говорил о. Александр,– нельзя лицемерить и лукавить. Это страшно…».

Я и моя мама, Майя Михайловна, вместе со всеми, кто знал о. Александра, очень скорбим о его ранней кончине.

Татьяна СЕЛИВАНОВА

К сожалению, я общалась с батюшкой мало.

Он был для меня образцом священника, человека, который безупречно служит Богу.

Батюшку Александра по жизни я вспоминаю постоянно. И когда мне предложили написать о нём, то оказалось, что последовательно и полно осветить рассказ о нём очень нелегко – так много осталось в памяти разрозненных, но светлых воспоминаний.

Я всегда воспринимала его как зрелого человека. Помню в детстве, мне было лет 8, мы с сестрой причащались в храме. Я не очень правильно могла прочитать молитву, но батюшка терпеливо, мудро, помог мне это сделать. Потом, сложив троеперстие, рассказал его значение. Помню, как останавливался автобус № 27, и стайка бодрых старушек в белых платочках, окружавшая батюшку, торопилась на литургию. В моей семье отношения к священнику были доброжелательные, хотя моя бабушка не была в числе упомянутых старушек. Мы, дети, заходили в храм из любопытства, полюбоваться на красоту богослужения. Лишь повзрослев, получив первые уроки жизни, пришла к ощущению Божьего бытия. Помню, молодой девушкой, окончив институт, просила благословения на работу. А батюшка, непосредственно так, говорит: «Что ж ты, такая большая, ещё не работаешь?» Я смутилась и ответила, что только закончила институт. Помню, как красиво о. Александр служил, долго, тщательно, не торопясь. Выходили из храма с радостью и удовлетворением: помолились…

Татьяна Селиванова.
ВРАЧ. Г. МОСКВА.

Нас батюшка венчал, а вот с крестинами получилась поучительная история. Мои друзья, предполагаемые крестные, ехали из Москвы на таинство. Утром я тщательно готовила праздничный стол. Вопрос крестин был оговорен заранее. Дорога дальняя, подруга приехала, и мы торопились на крестины. И вот, войдя в храм, видим, что таинство началось. Мы, естественно, просим разрешения присоединиться и извинить нас за опоздание, как нам казалось, по вполне понятной причине – «дорога из Москвы дальняя». Отец Александр был категоричен и тверд. Тогда муж подруги взялся решить нашу проблему «ничтоже сумняшеся». Он зарабатывал очень хорошо и не сомневался в успехе своего дела. Однако, его постигла та же участь. Со словами, что ещё никог-

да не встречал такого принципиального батюшку, пришлось уехать в другой храм, крестить дочь в Новлянске, где было так много младенцев, что нас пригласили только «во второй поток». Но обид на батюшку не осталось, ведь не правы были мы. Волею провидения мы оказались однажды гостями небольшого уютного дома. Мы, конечно, соблюдали субординацию и чувствовали себя неловко. Но разговор получился хорошим, батюшка много и интересно вспоминал. Рассказывал, как его мать, боясь за судьбу сына, не отпускала посещать богослужения, даже била его. Но тяга к Богу оказалась сильнее. Вспоминал времена гонений, говорил, что «Хрущев был похуже Сталина». Сетовал на изменившиеся нравы. Мне не хочется это пересказывать потому, что это точно было подмечено, и очень больно понимать, что о. Александр оказался прав. Батюшка болел, следы болезни, гонений на религию не могли не отразиться на здоровье. Помню, как он говорил: «Только бы не постом представиться».

И ещё одно обстоятельство. Я, как врач, понимала, что при таком диагнозе изменяется функция мозга, страдает память, мышление, реакция на окружающих, портится характер. Но это удивительным образом не относилось к батюшке. Помню, как он любил храм. Его привезут, с трудом он дойдет до алтаря и служит там. Он наставлял: «Торопитесь в храм, пока можете. Потом захотите, да не сможете».

У меня была маленькая дочь и совсем маленький сын, когда я узнала о смерти о. Александра. Конечно, я торопилась на отпевание. Помню красивый букет из белых роз, который я везла о. Александру. Было горько на душе, но я смогла проститься со своим любимым пастырем. Где бы я ни была – в дальнем ли монастыре, или на Святой земле, я всегда начинаю поминальную записку с имени о. Александра.

Недавно вышла книга «Несвятые святые» архимандрита Тихона (Шевкунова), и, конечно, в героях этой книги я узнала образ о. Александра – образ светлого, мудрого пастыря церкви Христовой.

ВОСПОМИНАНИЯ ВНУЧЕК, ВНУКОВ

Внучка СВЕТЛАНА

Светлана Сергеевна Евко (Сайгушева) – медицинская сестра. Живёт в г. Шахты Ростовской области. Замужем. Трое детей. Сын Даниил, 2003 года рождения. Сын Мирослав, 2007 года рождения. Дочь Виктория,2013 года рождения.

Мы жили в Егорьевске, но я любила приезжать к бабушке и дедушке. Иногда мама отпускала меня в Воскресенск на всё лето,– это был настоящий праздник для меня. Здесь фрукты и ягоды, отдых и молоко! Дедушка меня любил и жалел.

Помню, как он играл с нами (со мной и Ваней), припевая им же придуманную потешку: «Ток-ток, рита-ток, прыгали два зайца! Ток-ток, рита-ток, два весёлых зайца!». А нам было-то всего по 2–3 годика, мы прыгали и бегали вокруг обеденного стола в большой комнате, во всю стараясь изобразить зайцев. А он мог петь эту песенку

бесконечно, заменяя одно слово другим, но получалось очень весело. И мы с Ваней скакали, пока, сбиваясь и сталкиваясь лбами, не валились со смехом и визгом на пол.

Сейчас я живу в городе Шахты Ростовской области. Это в 30 минутах езды на автобусе от Новошахтинска. Там Украина. Там война. Мне очень страшно за детей. Я хожу в храм, молюсь, чтобы на земле был мир и поминаю моего дедушку и всех умерших родных.

Жаль, но мне выпало меньше других общаться с дедушкой, жаль, что его нет сейчас. Я рассказываю о прадедушке своим детям, хочу, чтобы они знали историю своей семьи, своих предков, уважали их, стремились быть похожими на них. О многом я теперь поговорила бы с дедушкой, посоветовалась. Но не пришлось.

Пока мы маленькие, кажется, что всё ещё успеется. А, как вырастаем, понимаем, что не успелось.

Могу только молиться за него.

Внучка ЕЛЕНА

Учитель математики. Замужем. На снимке с мужем Никитой и дочкой Анастасией, 2012 года рождения.

С тех пор как дедушки не стало, прошло уже много времени… Но в мыслях он всегда рядом… Никогда не забуду, как он учил первой в моей жизни молитве, рождественской. Я её под диктовку записывала, а он потом проверял у меня её наизусть…

Не забудется и то, как он вёл службы в храме, я всегда так гордилась, что это мой дедушка! Всё, что бы он ни говорил, было пронизано духовностью, при общении с ним меня никогда не покидало чувство, что это «Божий» человек.

Я очень хорошо помню дедушку и сейчас я постоянно чувствую его присутствие. Он молится за нас. Когда бывает трудно, я обращаюсь к нему, и всё устраивается, как надо.

А ведь когда-то дедушка крестил моего мужа Никиту в марчуговском храме. Вынося его из алтаря, дедушка моей будущей свекрови сказал: «Хорош будет жених!», на что она ему ответила: «Наш жених, ваша невеста». Так и случилось…

Внучка КАТЯ

Екатерина Михайловна Сайгушева – ученица 11 класса школы № 4.

Мне было два годика, когда не стало дедушки. Но я его запомнила. Я любила забираться к нему на кровать и шарить рукой под подушкой, зная, что обязательно найду там что-нибудь вкусненькое. Когда он успевал это приготовить?

А ещё я помню, когда дедушки не стало, я всем рассказала, что знаю, где дедушка… Он превратился в звёздочку, самую яркую!

Внук ИВАН

Иван Григорьевич Новиков – юрист. Женат. Имеет сына Диму, 2009 года рождения.
Умер 16 июля 2011 года. 14.45.
На снимке: Ваня с Димочкой на руках, слева Лена, справа Антон (крёстный) и Наташа. В день Крестин.

Я помню, что у дедушки была прялка, большая, старинная, с колесом, и он прял на ней шерсть от овец, легко управляясь. Когда он не видел, я тихонечко подбирался к прялке, чтобы покрутить колесо, я воображал себя капитаном на мостике и так играл. Это была забавная игра. А дедушка потом недоумевал, кто здесь озоровал и почему перепутаны и порваны все нитки? Конечно, я немножко боялся, что мне попадёт, но, к счастью моему, дедушка не догадывался, и никогда не подозревал меня в баловстве. Он просто отрывал большой спутанный кусок нити, выбрасывал его, а оставшуюся ровную нить ловко присоединял к большому мотку шерсти и прял дальше, с усмешкой поглядывая на меня. Я же сидел, на всякий случай, под большим круглым столом, и выглядывал из-под низко свисающей скатерти.

Когда же вечером приходило время кормить скотину, он звал меня: «Ваня, пошли тюк-тюк», это значило, что на кухне мне разрешат маленьким топориком рубить сахарную свёклу на мелкие куски. Это занятие тоже было очень интересным. А ещё я любил с дедушкой пасти коз и овец. Они были совсем ручные и никогда не разбегались. Дедушка доставал им из кармана припасённый кусочек хлеба или сахара, а они, ожидая лакомства, лезли тёплыми мордочками прямо в карман к нему.

Но самым интересным на прогулке было то, что с большого дуба на поляне всегда падали бананы, которые я очень любил. Когда дедушка их подбрасывал, я не видел, но вот когда они чудесным образом летели вниз к моим ногам, меня очень ра-

довало. Я удивлённо поднимал глаза вверх и рассматривал дуб, жуя банан, а дедушка, глядя на меня, ласково смеялся.

А ещё мы с ним каждую зиму собирались идти в лес за волчьим хвостом. Это мы в какой-то сказке вычитали. Пока был день, я даже припасы кой-какие делал, а ближе к ночи, когда темнело, и выл за окном ветер, дедушка, смеясь в усы, говорил: «Ну, что, Ваня, одевайся, пойдём за волчьим хвостом!» А я трусил, конечно, и придумывал всякие причины, чтобы не идти именно сегодня. И мы вместе смеялись.

К дедушке всегда приходило много людей, он с ним подолгу беседовал, бабушка угощала чаем. Помню, однажды пришли женщины пожилые и стоят у дома. А я же первый увидел, бегу к нему в сад, чтобы сообщить, и радостно так кричу: «Дедушка, иди скорей! Там твои подружки пришли!»

А если о серьёзном, то он – образец для нас всех во всём: в работе, в человеческих отношениях, в семейной жизни.

…Жаль, что его не стало так рано. Я часто бываю на его могилке и поминаю в Храме.

Царство ему небесное!

Внук АНТОН

Антон Григорьевич Новиков – экономист КБ Химмаш им. АМ.Исаева. Женат. Имеет дочь Софью, 2014 года рождения.

Дедушка всегда казался мне очень мудрым, интересным, талантливым, потому что всё, за что он брался, получалось у него очень хорошо. Я всегда смотрел на него с восхищением и старался подражать ему.

Когда я был маленьким, я очень хотел стать, как дедушка, священником. И даже будучи подростком, меня не покидало это желание. Лишь немного позже, взрослея, я начал понимать, какая это ответственность – служить Богу. Я видел, как много времени дедушка проводит в молитве, как усердно и долго читает перед службой, как старательно всякий раз готовится к Богослужению, как от многого отказывается в жизни вообще (пищи, отдыха, развлечений и т.д.). Я понял, что быть священником – не принадлежать себе,– принадлежать Господу. И ещё осознал, что я не смогу, как он…

Михаил БУЛЕКОВ

Михаил Юрьевич Булеков родился в г. Воскресенске. Все предки по материнской линии – село Воскресенское, д.Федотово, прабабушка работала на Фетровой фабрике. Бабушка застала открытие Химкобината в 30-е годы, начинала работать там же. Дед по отцовской линии родом из Рязанской области, работал в линейном отделении милиции на станции «Воскресенск». Родители всю жизнь работали на Воскресенском Химическом комбинате. Среднее образование – школа № 4, г. Воскресенск (выпуск 1989). Высшее образование – МГУ им М. В. Ломоносова, юридический факультет, дневное отделение (выпуск 1994 г.).

Трудовой стаж начал в г. Воскресенске, затем работал юристом в различных организациях и учреждениях г. Москвы и Московской области.
В настоящее время работает в одном из адвокатских образований г. Москвы. Проживает в г. Химки, Московская область.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ АЛЕКСАНДРЕ

Когда начинаешь что-то писать о других людях, всегда есть опасность высказать неправду: впасть в субъективизм, представить факты в выгодном только тебе свете, напридумывать лишнее для красного словца. Но по прошествии определенного количества времени, когда, задумываясь о дорогом ушедшем человеке, начинаешь чувствовать необходимость закрепить память о нём, передать эту память другим, не знавшим его, вдруг приходит какая-то ясность: « вот это было, а этого не было… а вот что он хотел этим сказать…» и тому подобное.

Такие вот примерно мысли пришли мне в голову, когда я приступил к подбору материалов о моём дорогом духовном отце – протоиерее Александре Михайловиче Сайгушеве, настоятеле Крестовоздвиженского храма села Марчуги Воскресенского района Московской области.

И вот, пользуясь предоставленной мне возможностью, движимый велением сердца, спешу записать всё, что осталось в моей памяти с тех, становящихся с каждым годом всё более далёких времён, когда, будучи московским студентом, я переступил порог марчуговского храма…

Это был период конца восьмидесятых и начала «лихих девяностых». Время, сумевшее сочетать в себе и распад великой страны, и бешеную деноминацию материальных и идейных ценностей, и невероятный подъем русской национальной и религиозной идеи, и «малиновые пиджаки», и появление неведомых социальных элементов («бомжи», «новые русские») и ещё очень-очень многое, в чем в будущем предстоит разобраться не спеша…

Говоря о таком человеке, как о. А., хотелось бы привести две цитаты из разных и, казалось бы, несовместимых, источников. Во-первых, вот слова Апостола Павла: «Хотя у вас тысячи наставников во Христе, но немного отцов» (1-е Послание к Коринфяном, 4: 15). Мне эта фраза приходит на ум всякий раз, когда я вспоминаю об о. А., не зависимо от моего на то произволения. Содрогаюсь внутренне от неё, когда прочитываю её в Апостольских посланиях, либо слышу на каком-то молебне. И вот вторая цитата, стихотворение японского поэта конца 19 – начала 20 века Исикава Такубоку, написанное в стиле хайку: «Могу ли забыть того, кто, не смахивая слезы, бегущей по щеке, показал мне, как быстро сыплется горсть песка». Как раз это хайку я и вспомнил на похоронах о.А., когда мы были приглашены в дом семьи нашего батюшки на традиционный поминальный обед в сентябре 2002 года…

А была в тот день, помнится, очень интересная погода! Сначала осеннее солнце и слегка горький на привкус воздух, а потом – лёгкий дождь (случилось так, что он пошёл как раз, когда мы были на кладбище). Хорошо запомнилось отпевание в марчуговском храме, куда, помимо простого народа, приехало много священников.

Каждое слово из читаемого на исход души Канона ложилось тяжело, воспринималось с трудом, но от этого очень хорошо всё было понятно: и о том, что некогда мы молились вместе в храме, а теперь вот нужно помолиться об ушедшем; и о том, что надо помнить добрые дела новопреставленного, которые он делал для нас.

Смерть о. А. каким-то образом разделила для меня мою жизнь на три эпохи: то, что было до моего знакомства с ним и прихода в Храм (период, неподходящий для изложения в данной ситуации), период знакомства и нахождения рядом с о.А. (к сожалению, весьма короткий), и, наконец, настоящее

время – то, что происходит после ухода о.А. в Вечность.

Чтобы яснее понять, кем являлся о.А. для меня во время моего знакомства с ним, начну по порядку.

ВСТРЕЧА

Произошла моя встреча с о.А. в 1991 году. Тогда я был студентом 2-го курса, на каникулах часто приезжал в Воскресенск и подолгу гостил у моей бабушки Клавдии Илларионовны Кузнецовой. К тому времени она уже часто посещала церковь в Марчугах, и мне стало очень интересно, а что там происходит, почему она часто ездит туда на автобусе. Плюс мои идейные юношеские искания, «поиск истины», как я это определял… Вобщем, в одно прекрасное воскресное утро моя бабуля взяла меня с собой в храм. Не помню точно, что меня больше всего поразило в тот день – моя решимость переступить порог церкви (до этого, благодаря «образованию», я почему-то боялся крестов и храмов) или внутренний вид старенького храма, откуда повеяло родным и знакомым,– но только день тот запомнился мне надолго, и я с той поры часто стал ездить в Марчуги на службу, пытаясь познать этот неведомый доселе мир Русского православия.

Увлечение стариной и «русская тематика» уже входило в моду. Это стало заметно со страниц газет и журналов, сквозило в выступлениях политиков, проскакивало в эстрадных песнях и даже во внешнем виде современников, но меня как-то особенно не трогало. Избрав для себя профессию правоведа, я четко (как оказалось впоследствии – ошибочно) уяснил, что моя будущая специализация никаким образом не будет связана ни с русской культурой, ни с Православием, ни с церковно-славянским языком. И всё же этот удивительный и неизвестный мир притягивал, манил. В десятом классе вдобавок я начитался Толстого, проникся идеей духовных исканий, увлекся философами-поэтами начала 20 века.

Появилась необходимость исповеди и причастия. О том, что крещёному православному человеку обязательно нужно совершить эти таинства, я узнал у другого священника. Им был известный в Москве проповедник отец Артемий Владимиров, который начал читать какие-то специализированные курсы на Филологическом факультете МГУ. Будучи по случаю на одном из его выступлений, я имел возможность в перерыве задать ему личный вопрос.

Не имея возможности причаститься в храме в столице, я попросил свою бабушку отвезти меня в деревенский храм, куда она часто ходила…

Исповедывал о.А. так называемой «общей» исповедью. Это когда в храме собирается много народа, священник читает молитвы и список «общих» грехов, а потом нужно подходить, и, если никаких особенных, незачитанных грехов, нет, просто получать разрешение. Я ведь тогда и знать не знал, что это так называется (в отличие от «частной исповеди», когда к священнику нужно подходить и лично рассказывать о себе и своих делах). Но уже именно в этой исповеди, в той манере, каким о. А. зачитывал «общие грехи», в интонации его голоса, я почувствовал что-то родное и близкое.

Зачастив в храм, я был примечен среди прихожан, и в один из дней, когда я подходил после службы приложиться к кресту, о.А. предложил мне зайти к нему в алтарь. Было очень странно, как это мне, человеку малоопытному в вопросах церковных, да проще сказать – совсем профану, было предложено посетить «Святая Святых». Но любопытство, как это часто бывает, взяло верх над малодушием, и вот я стал приходить к о.А. на службу в алтарь, где мог непосредственно наблюдать в течение нескольких лет, как совершает службу, а главное,– как совершает молитвенное дело этот человек.

Не только «прирожденным алтарником» – я не был даже сколько-нибудь воцерковленным человеком. В моей семье, весьма светской, мало говорили о религии. Зачатками духовного образования я обязан, главным образом, двум своим бабушкам – Антонине Петровне, крестившей меня, и уже упоминавшейся Клавдии Илларионовне. От последней я много слышал о жизни пре-

дыдущих поколений своей родни, в основном, о прабабушке – как та молилась, ходила в храм, соблюдала посты, проводила праздники. Но, конечно, никакие рассказы не могут сравниться с личным примером, и в храм я стал ходить только благодаря тому, что моя бабушка сама стала посещать церковь, а в её доме появились иконы, молитвослов и даже околорелигиозная литература – журнал «Наука и религия».

Первые свои посещения Алтаря запомнились мне плохо. Видимо, я ещё не был готов, не понимал толком церковно-славянского языка. Помню только, что о. А. мне сказал: «Да, видимо, полюбил ты Церковь…», а я в ответ смущенно промолчал. Молодёжи в то время в храмах было ещё мало. Лучше сказать, что её совсем почти и не было! В основном приходили старушки, доживающие свой век. Стариков в деревне я и не видел. Поумирали все, а те, что живы были, пили не по-детски… Как потом я сообразил, помощь в алтаре была просто необходима: пол подмести, свечи разжечь, воды нагреть, кадило подать, да и многое ещё чего сделать. Помнится, один старичок-алтарник в храме всё же был. Михаилом звали, тёзка мой…

Так произошла моя встреча с о. А. и храмом.

ХРАМ

Храм для о.А. был не просто «местом службы». Имея самое высокое духовное звание, какое только возможно для женатого священника: протоиерей, о.А. до самых последних дней своей жизни сохранил трепетное отношение к храму, где он служил в последние годы. Получалось очень интересно: вроде Крестовоздвиженская церковь в Марчугах для него родная, всё в ней знакомо. В обычной жизни человек привыкает к месту работы, его там мало что может удивить, и человек начинает относиться к нему с легким оттенком пренебрежения.

А у о.А. всё наоборот, он каждый раз заходил в храм, как в первый, и выходил из него, будто покидая навсегда. Помнится, он сказал однажды, что когда запираются церковные двери, и народ со служащими покидают церковь, «Ангелы чистят храм». Эти слова очень точно подходили к обстановке церкви в Марчугах тех лет. Храм-то деревенский, открыт был только по субботам-воскресеньям, да по большим церковным праздникам!

Забота о благоустройстве, убранстве храма составляла для о.А. одну из главных задач в, так сказать, «внешней» стороне его деятельности. Во времена нашего первого знакомства ещё сильно ощущалось наследие советского типа организации приходов: главные вопросы управления решает церковный староста, а священник – просто исполнитель служб и треб. И для о.А. нелегко давалась эта церковная «дипломатия» – соединение требований его как священнослужителя с интересами старосты.

Стоит сказать, что прихожане, да и члены церковно-приходсткого совета (так называемой «двадцатки») были людьми далеко не молодыми, да и не все с высшим образованием. Известно, что в советские времена за посещение храмов как минимум могли лишить членства в комсомольской организации, либо устроить скандал в институте или на работе, а то и чего похуже. Вот и осталась эта ноша православия на плечах полуграмотных старушек, но зато как они её несли! О.А. именно и был предводителем такого вот православного братства – со всеми вытекающими последствиями.

А какие это последствия? Проблемы у пожилых людей совсем иные, чем у тех, кто не озадачен каждодневным состоянием здоровья. Есть ещё заботы о детях, внуках, необходимость направления их духовного пути в нелёгкое для религии время. Плюс ко всему – желание всех и всё обсудить, а иногда даже (если не сказать: чаще всего) осудить. Нашему настоятелю приходилось не просто выслушивать эти проблемы, но именно их разрешать. Эта часть работы – исповедь, духовное наставничество, молитва, и является как раз основной, невидимой с первого взгляда работой священника на приходе.

Сейчас жизнь священнослужителей и их духовных чад совсем иная. Есть ли-

тература, есть возможность посещать святыни, причём как в стране, так и за рубежом. В конце концов, увидеть священника в общественном месте в рясе с наперсным крестом стало обычным делом. А тогда было совсем не так. Хотя, надо признать, что в конце 80-х в собственном смысле слова «гонений» уже не было. Но оставались школа, комсомол, партийные организации, демонстрации на площади и старые партийцы на пенсии. Этот мир не переносил никакой религии органически.

И о.А., выстрадавший всю тяжесть священнического креста в атеистическом государстве, оставался верен своим привычкам даже в «перестроечные» времена. В общественном транспорте на церковные темы не говорил, носил светский костюм (конечно, внешность его выдавала настоящего православного пастыря), обсуждать открыто Священное Писание в заведениях и учреждениях запрещал. На мой вопрос, свойственный студенту: «А как учиться, чтоб не потерять веру; что надо читать, а что не надо?» ответил приблизительно следующее: «Учиться надо. Но надо быть мудрым как пчела: садиться на разные цветы, но нектар собирать только с добрых цветов». Вот так и учил меня, неразумного.

Так вот о храме нашем. Во времена СССР и первые годы после 1991 года в Воскресенском районе действовало всего 4 православных храма: в с. Новлянском (городская черта), в с. Карпово, в поселке имени Цюрупы и в с. Марчуги.

(Для сравнения: по данным издания «Храмы Воскресенского благочиния», 2008 г., Москва, Издатель И. В. Балабанов, на сегодняшний день в районе 25 храмов.).

Являясь одним из главных духовных центров не только Воскресенского, но и других близлежащих районов (Коломенского, Раменского, Егорьевского), церковь Крестовоздвижения собирала на богослужения достаточно большое количество верующих. Много приезжали крестить, отпевать покойников. Лично меня крестили в возрасте 7–8 лет именно в Марчугах… Конечно, такое количество народа нелегко было обслуживать одному священнику. А дьякона в Марчугах в те времена и не было. О.А. много ходил по домам села и деревень Глиньково, Городищи. Это были либо требы на дому (причащение совсем немощных), либо отпевания. Позже стали часто приглашать и на освящение домов.

В такие походы о.А. стал брать и меня, когда я уже немного поднаторел в церковном пении и мог ему помогать.

В последние годы своей жизни о.А. заказал большую оцинкованную табличку на храм, которую можно видеть и сейчас. Из этой таблички узнать может каждый приходящий, что церковь «построена в 1768 году трудами вдовы лейтенанта флота Анны Михайловны Милославской…», трапезная (южная часть храма) построена в 1840 году, а колокольня в 1858 году. Также на этой памятной доске записано, что при настоятеле о. Александре Сайгушеве проведен водопровод, сделано паровое отопление храма, построена котельная. Когда привезли эту доску, о.А., будучи скромным человеком по природе, как-бы оправдываясь, произнес: «Да, вот… Решил и о себе написать немного. А то ведь помрёшь – кто вспомнит?», такой он был человек.

Храм имел и имеет прекрасную акустику. Высокий иконостас, особенно на закате летнего дня, когда служится «Всенощное бдение», представляет удивительное и незабываемое зрелище. Старинные лики при мерцании лампад так и тянут приложиться… Все это внешнее, само по себе настраивающее пришедшего в храм на молитву,– ничто в сравнении с великой радостью молитвы на службе о.А.! Его звонкий голос, мне кажется, я буду помнить всегда. У него был совершенно четко поставленный тенор (не удивительно, ведь учился наш настоятель в Московской духовной семинарии, в Лавре!). Кроме того, церковное пение было для него любимым душевным делом. Когда он благословил меня петь на клиросе, я часто слышал такие слова: «Голос есть у каждого. Только его, как дерево, надо обтачивать, облагораживать». Вместе с тем, голос о.А. имел какой-то народный оттенок – то, что как раз и притягивало на его службах. Иногда, особенно в последние

годы служения, его голос дрожал, испытывая необходимость остановиться, поплакать о чём-то своём, да и не о своём только.

Служил он бодро, не останавливаясь и не затягивая, однако и не торопясь, без пробелов. О.А. был ревнителем церковной службы, церковного устава и любил, когда всё шло по старинному чину: где надо – поём, где надо – читаем. О пропусках стихир не было даже и речи! Гораздо позднее, когда я начал посещать и другие храмы, особенно в больших городах, меня по началу удивляло, как это хор не поет положенного количества стихир на праздник, или поет не на тот глас, что положено? Для меня как ученика о.А. это было совершенно недопустимо. Со временем, конечно, я смирился и привык. Хотя он сказал мне однажды на мое замечание относительно этого: «Если в каком храме ты увидишь, что читают или поют не по уставу и дерзнёшь сделать замечание,– это будет по-Божьи». Не сразу я понял, что он имеет в виду. А имелось в виду следующее. Не надо лезть и учить, что и как надо петь. Но если чувствуешь, что уж явно нарушают и поют не по уставу, имеешь силу сказать,– то не молчи, и Господу это будет угодно.

Пропусков службы не допускал. В отпуск не ездил, говоря: «Разве от молитвы может быть отпуск?». Не любил он также, когда кто-то опаздывал из певчих или алтарников на службу. Иногда замечаний прямо не делал, но было видно – недоволен.

Так относился он к храму и к службе.

ПРАЗДНИКИ

В Крестовоздвиженском храме, казалось, есть только два престольных праздника: Борис и Глеб «ранний» – 15 мая, да Борис и Глеб «поздний» – 06 августа. Святые страстотерпцы Борис и Глеб – это очень древние Русские святые, братья-князья, пострадавшие от рук убийц, нанятых князем Святополком Окаянным. Оба брата, как и погубивший их Святополк, были детьми киевского князя Владимира Великого, крестившего Русь. Их подвиг не является подвигом мученичества в собственном смысле, как в первые времена христианства, а представляет собою особый вид святости («страстотерпцы»), который, как считается, являет собою неизвестный ранее в Византии, чисто русский вид святости. Они знали, что их родной брат готовит им погибель (это были политические мотивы, связанные с первенством княжения в тогдашней Руси), однако не предприняли ничего для своего собственного спасения, предоставив свою судьбу в руки Божии… Князья Борис и Глеб считаются также первыми святыми, канонизированными Русской Церковью. Их славянские «языческие» имена – Борис и Глеб (братья были крещены как Роман и Давид),– после стали общецерковными и очень распространенными в нашем народе.

Почему я упоминаю только эти два дня – 15 мая (день перенесения мощей Святых из Вышгорода в Киев) и 6 августа (день их кончины)? Дело в том, что основной праздник храма – 27 сентября, Крестовоздвижение, является одним из 12 главных праздников православной церкви (после Пасхи), и в этот день службы во всех храмах. То же можно сказать о другом престольном празднике нашего храма – дне Святого Николая Чудотворца, который также отмечается всеми без исключения. А Борис и Глеб – этот день отмечается не везде. Именно в этот день служба в Марчугах, а в других храмах нашего района её нет. Такое обстоятельство позволяет собраться на службу всем желающим и из других приходов, включая духовенство. Часто приезжали в Марчуги гости из Коломны, Егорьевска и других городов. Это были те, кто знал о.А. И, конечно, службы в эти дни проходили в нашем храме наиболее торжественно. Готовились к престольным праздникам заранее – убирали, готовили венки из живых цветов, устраивали «распевки» для певчих. Так как о.А. любил свой храм, службу и церковное пение, он старался участвовать буквально во всем. С каким-то особенным чувством благоговения все прихожане стремились в этот день,– а также накануне, на вечернее богослужение,– на службу. Вечером служба проходила в приделе во имя Святых (это

северный придел, слева). А утром заранее прочитывались «часы», потом возникала небольшая пауза – торжественно ждали приезда отца Благочинного. Его встречал о.А. с букетом цветов, после чего начиналась, непосредственно, и сама служба. Обязательным в этот день был крестный ход с иконой Святых вокруг храма, а также чтение всем служащим духовенством акафиста.

Вообще, отвлекаясь от темы, стоит сказать, что о.А. любил акафисты. Он ценил их, прежде всего, как молитву, которая позволяет глубже проникнуть в смысл праздника, причём воспринять его простым, что называется, «народным» языком. На мой взгляд, ему нравились Акафисты ещё как некое поэтическое произведение.

Не прочитать Акафист Борису и Глебу в день их памяти – это было абсолютно невозможное событие для марчуговского храма времён о.А.! Собственно, также, как пропустить что-либо из Октоиха (книга песнопений и молитв, употребляемая на каждый день недели) на воскресный день. К большому сожалению, подобное отношение священнослужителя к уставу церковной службы, ныне становится редкостью… Не хотелось бы никого осуждать, но факт: сейчас некоторые даже ставят под сомнение необходимость использования Акафистов по причине их «неканоничности»! Это особенно проявляется в городских храмах, воссозданных либо возведенных в годы «перестройки». У о.А. было совершенно иное отношение к Акафистам, да и к церковной службе вообще. Он любил повторять, что «Богослужение – это БОГО служение!». Внешняя чистота, опрятность, должна сочетаться в служащем, особенно в священнике, с благоговением к церковному уставу. И этот принцип отдельно был заметен в праздничные дни Храма! Да и вообще, если честно сказать, любой повод приехать в Марчуги в те времена лично для меня был праздником…

Любил о.А. и постные богослужения, особенно – Великий Пост, когда церковь буквально облачалась в чёрные цвета, а напевы становились протяжнее и трогательнее. Служил о.А. в те времена один, поэтому приходилось нелегко ему одному и молитвы исполнять, и исповедывать большое количество людей. Напряжение Великого Поста достигало своего, если можно так выразиться по-книжному, апогея в самую последнюю неделю, именуемую «Страстной». В эту неделю наш настоятель служил со среды (вечерняя служба) и до самой Пасхи. Великая суббота (последний день перед Праздником), считающаяся наиболее торжественным и вместе с тем строгим днём, отличающаяся от всех дней Великого Поста и Страстной недели, служилась о.А. ночью. Служба начиналась в 4 ч. утра, а заканчивалась около 8 ч. утра. Наверное, стоит сказать, что так в Великую субботу в Воскресенском районе в то время не служили ни в одном храме, да и сейчас тоже не служат. Позднее я узнал, что служба ночью в этот торжественный день совершается в Московской области только в Троице-Сергиевой Лавре…

Всегда радостным являлся день Пасхи. В это день о.А. преображался на глазах, был весел, бодр. Певчим говорились слова благодарности, что было особенно приятно в Великий день.

Из всех остальных праздников о.А. очень любил ещё Успение Пресвятыя Богородицы. Этот день можно ещё назвать «день прощания с летом» – когда лето уже совсем уступает осени. В центре марчуговского храма полагалась «Плащаница Богородицы», и было всегда много цветов. Кстати сказать, в нашей национальной церковной традиции Успение – это вроде как «вторая Пасха», праздник торжества жизни над смертью, день перехода Богородицы из жизни земной в жизнь вечную. О.А. учил с певчими к этому празднику, как правило, какие-нибудь песнопения, которые ранее не пелись хором на клиросе. А ещё на Успение стало традицией привозить в храм детей, чтобы подготовить их духовно к новому этапу жизненного пути, к новому учебному году. Дети обычно шумели, толкались, но о.А. никогда это не раздражало и не останавливало. Было видно, что он очень рад молодёжи.

ЛАВРА

Те, кто хотя бы раз в жизни смог побывать в Троице-Сергиевой Лавре,– не в качестве «туриста», не проездом, а именно на службах,– должно быть, понимают, что значит «лаврский дух». Этим «духом» был в полной мере до конца своих дней наделён наш настоятель. Да и кому, как не ему, выпускнику Московской Духовной семинарии конца 60-х годов, было суждено быть носителем этого духа, совершенно чуждого жителям нашего города первых пятилеток? Он сумел пронести любовь к «Дому Святыя Троицы» через все невзгоды и испытания своей жизни и часть её передать нам, неразумным неофитам конца 90-х… «Златоглавая обитель многим видится во сне, но кто в ней всегдашний житель – видит скорби лишь одне…»,– такие незатейливые строчки можно было слышать от уст о.А., когда он говорил о Святых местах вообще, и о Троице-Сергиевой лавре в частности. Он считал, что с поездками по Святым местам нужно «обращаться аккуратно»: не позволять обычной суете жизни вне дома и дорожным заботам заслонять образ святыни в душе. Можно, говорил он, всю жизнь прожить у какого-нибудь монастыря, а оказаться духовно обокраденным.

Однажды, когда я в первый раз по-настоящему собирался в Лавру, он дал мне адресок одной из своих старых знакомых лаврских старушек, которая давала кров паломникам. Это сейчас кругом – гостиницы, странноприимные дома, коммерческие ночлеги. А тогда приезжающим в Лавру простым людям приходилось ночевать, что называется, «по знакомым». Вот мне и повезло познакомиться с одной из них, путь к квартире которой открыл о.А. До сих пор где-то в книгах лежит исписанный батюшкой листок бумаги, указывающий адрес, путь от монастыря и даже время ходьбы («от монастыря – 15–20 минут»). Когда о.А. был уже серьезно болен и не покидал пределов Воскресенска, он очень радовался, когда кто-нибудь приезжал и рассказывал ему о своих впечатлениях о поездке к Святыням. Особенно чувствовалось его внимание к рассказам о Лавре. Просфорам, привезенным из Троицы, радовался как ребёнок.

Однажды я спросил его, как ему удалось поступить в МДА (видимо, для меня как студента был интересен именно этот аспект духовного образования). На что он мне рассказал примерно следующее. В те времена он отлично знал церковно-славянский язык и молитвы, необходимые прочитать на вступительном экзамене по памяти, но перед поступлением робость всё же присутствовала. Один из старых лаврских монахов (к сожалению, автор этих строк так и не сохранил в памяти его имени) утешал будущего семинариста: «Вы поступите, милейший, Вы поступите…». Видно, и молился монах о будущем пастыре. В то время возможность стать студентом духовного училища для советского человека была серьёзно ограничена различными цензами. У о.А. были шансы с точки зрения того, что он был из простой семьи да ещё и из деревни. Так вот, на экзамене, когда положено было прочитать на память положенный отрывок из молитвослова, о.А. не только его прочитал, но и продолжал читать дальше, как это идёт по книгам. Такое знание «материала», по словам о.А., воздействовало на экзаменаторов.

Будучи семинаристом, о.А. часто ходил на ранние службы и бывал в просфорной, наблюдал, как простые монахи пекут просфоры. Он потом часто рассказывал собравшимся в церковной сторожке, что лаврские просфоры выходили «со слезой» – во время их приготовления монахи пели духовные стихи, читали молитвы и … плакали. «Почему?»,– как-то задал я вопрос. В ответ о.А. только вздохнул и произнёс «Жизнь в монастыре суровая». Благодаря рассказам о.А. я узнал многое не только о чудесах в жизни простых верующих и монахов, но также и о том, что такое – быть монахом или священником (да и простым верующим) в советское время! Ведь и власти вмешивались в порядок богослужений, и не согласных с порядками монахов выгоняли из монастырей, всякое бывало… Но вместе с тем, рассказы батюшки о Лавре были полны жизненной правды, той правды которую не

найдёшь ни в скупых отчетах, ни в книгах. И все это чувствовали! Здесь, в этих рассказах, быть может, проявлялся характер о.А., ведь он не любил неправду и фальш.

Делая нам замечания по поводу церковного пения и чтения, он говорил, что «вы ещё не раз меня вспомните». И действительно, наравне с тем религиозным возрождением, которое мы наблюдаем по всей России, сейчас среди нас всё меньше и меньше по-настоящему честных и бескорыстных тружеников. Есть и певчие, есть и просфорницы, но всё больше – профессионалов, всё менее – благочестивых и бескорыстных любителей. А ведь именно на плечах таких людей держалась в свое время наша Церковь! Где, скажем, найти достаточно средств для поддержания профессионального хора, когда и налоги надо платить, и уголь для котельной закупить?.. Но «энтузиасты» находились. О.А. умел ценить бескорыстную и самоотверженную помощь, но ценил её по-своему, по-церковному. Он старался не «захваливать», но в то же самое время находил дорогие слова утешения и в нужное время, и в нужном месте.

Про Лавру о.А. любил говорить ещё так: «Многие не едут в Лавру на большие праздники или в День памяти Преподобного Сергия, говорят, что «народу много». Народу-то много, да благодати тоже! Ведь сколько в этот день служит владык; и если все они начнут вместе молиться Преподобному Сергию, разве он не услышит?..»

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Думаю, отдельные слова следует сказать о том, как о.А. относился к вопросам создания и– что весьма немаловажно в наше время,– сохранения семьи. Выше уже говорилось, что о.А. был представителем старых (в хорошем понимании слова) традиций, и это относится в первую очередь к традициям семейным. Многие молодые (и не очень молодые) люди, приходящие к нему за советом по тому или иному вопросу личной жизни, получали весьма содержательные консультации и советы. Лично автору этих строк приходилось немало беседовать с о.А. по вопросам будущего своей семьи, и до сих пор его советы помогают управлять «семейным кораблём» средь неспокойного житейского моря.

Весьма часто, отвечая на тот или иной вопрос духовно-нравственной стороны жизни, о.А. прибавлял: «Хорошо сделать то-то и то-то, в церковь сходить, в монастырь съездить, но ведь сейчас в семьях такое творится…». Не нужно «перегружать», учил он, своего супруга или супругу своей религиозностью, не нужно быть навязчивым. Но вместе с тем, необходимо искать компромисс, золотую середину и в этом вопросе. В пример он мог поставить (не называя конкретных имен) те семьи, которые не удержались именно благодаря такому мнимому благочестию. Самые дорогие для меня слова о.А.: «Одно дело – знать, другое дело – исполнять, третье дело – спасаться. А уж четвертое – спасаться в миру». Я постоянно вспоминаю эти слова именно сейчас, ведь в тот момент, когда я их услышал, мне было чуть больше 20-ти лет, и в полной мере оценить их смысл я не мог.

Своей семьей о.А. всегда очень дорожил. Многие, приходящие в гости к о.А., отмечали его радушие, гостеприимство. Конечно, немалая заслуга в этом состояла и его супруги – матушки Марии Андреевны и всех домочадцев.

Еще одна черта характера о.А.: он мог поставить в пример одних людей другим ничем не огорчая и не оскорбляя одних в глазах других.

Совершая в храме таинство Венчания, он не один раз говорил в небольшой проповеди молодым о том, что не следует смотреть на совершённый обряд как гарантию семейного счастья. «Не венец держит вас (семью), а вы держите венец!».

Мой отец, по воспитанию и образованию человек вполне светский, можно было бы даже сказать – атеистически настроенный (особенно в 90-е годы, когда рушилось мировоззрение эпохи строителей коммунизма), встречался с о.А. несколько раз, да и то, что называется, мельком. Однако даже эти короткие встречи запомнились ему настолько, что до сих пор в нашем семейном кругу он вспоминает его со словами: «Да,

грамотный мужик был, с ним можно было поговорить о многом…». Считаю данную оценку со стороны плохо знакомого с о.А. человека самой ценной. И вдвойне приятно, что этот человек – мой родной отец…

Когда я начинал делать первые неумелые шаги в семейной жизни, когда возникали первые конфликты и непонимание, я старался рассказывать, как мог, об этом своему духовнику. На что получал полные житейской мудрости ответы и слова, произнесенные от сердца: «Всё у тебя ещё впереди! Твои проблемы – это только «начало болезней»…

О ВРЕМЕНАХ

Как говорилось уже, о.А. достаточно редко на людях высказывался о политике. Хотя это было принято в 90-е. Говорили люди обо всем и везде: о Горбачеве, о Ельцине (причем не стесняясь в эпитетах), о новых ценах и законах, об изменениях в расписании поездов и новых экономических программах… Как любой человек, живущий в людском сообществе, о.А. не мог быть в стороне от тем, волновавших умы его прихожан. Часто, слыша о каких-то беспорядках или чьих-то неблаговидных поступках, он вздыхал и говорил: «Вот потому и гниём!», подразумевая под этим то, что человек всегда отвечает за свое поведение и несет ответственность за свои поступки.

Поскольку моё знакомство с о.А. состоялось в «эпоху перемен», я могу говорить и оценивать его только начиная с этого времени. О.А. определённым образом переживал перемены в стране, хотя, казалось бы, с точки зрения отношения к религии эти перемены были к лучшему. Конечно, восстановление монастырей и приходских храмов по России не могло не радовать сердце верующего. Однако этой радостью наш настоятель делился сдержанно, напоминая нам о том, что «времена всегда меняются». Что он имел в виду? Что он хотел до нас донести? Это пока мне не ясно. Могу констатировать только одно: о.А. говорил, что, конечно, хорошо когда храмы открываются, но нельзя допускать, чтобы предавались запустению и те, «старые» храмы. Под запустением у о.А. подразумевалось, прежде всего, отсутствие живой человеческой молитвы, молитвенного духа, если так можно выразиться. Батюшка наш ещё часто при этом напоминал слова Христа из одного из Евангелий: «Приду, найду ли веру на земле?».

Как истинный православный пастырь он продолжал дело служения народу до конца своих дней. Он всегда стремился к тому, чтобы вера обитала в сердцах его прихожан, чтобы она была действенна и в то же время – сокровенна; чтобы вера не кричала о себе на площадях и концертных площадках, а совершала в человеке таинственное преображение всей его сущности. И он прекрасно понимал, как это трудно в современном мире! «Одно дело – знать, другое дело – исполнять, третье дело – спасаться…»

Среди будничных хлопот он умел поддерживать в людях искру живой веры. Именно поэтому, быть может, не любил праздных разговоров и споров после службы. В церковной сторожке за чаепитием часто пелись духовные стихи, звучали рассказы о.А. о по-настоящему (как он говорил) верующих людях и их поступках в тяжелые для Церкви времена. На автобусной остановке в деревне, когда все ждали автобус до города, если и видел кого разговаривающим на «политические» темы, мог сделать замечание, если был «свой» человек. Правду говоря, он никогда не обрывал никого на полуслове. Замечание же делал деликатно. Мог его высказать не сразу, а спустя некоторое время, при надлежащей обстановке.

Сам же мог высказывать свое мнение только в кругу близких людей, при этом часто говорил на такие темы, как изменения богослужебной практики, нарушение устава, о том, что можно и что нельзя показывать по телевидению из числа передач на религиозную тему.

О.А. был человеком иной эпохи, иных времен. Я думаю, что люди, подобные ему, могли сохраниться в СССР только чудом. Но, несомненно, что именно такие люди, как о.А., оставили нам, россиянам 21-го века, живое свидетельство Веры – свой личный пример. А это гораздо весомее книжных томов и телевизионных передач!

Настоящая история жива, прежде всего, в людях. А потом уже – в книгах. Отец Александр дал нам уникальную возможность прикоснуться к живой истории России. Такой России, какую мы не познали из учебников. Может быть, эти знания помогут нам при возрождении духовности в нашей стране… Жаль только, что в новой России с её новой историей, какая бы она не была, там – уже не будет живого слова отца Александра!

ОТЕЦ ТИХОН

Дорогой наш настоятель, хотя и не любил рассказывать о своей духовной жизни («Какой там дух, грехи одни!»), тем не менее, порой коротко, в нескольких фразах давал некоторое представление о тех людях и обстоятельствах, которые формировали его личность. Чаще всего он упоминал о своей маме… Но также говорил и о простых верующих, монахах, священниках, диаконах, которые окружали его почти всегда, с детских лет.

Пожалуй, самым «таинственнным» из его «давних знакомых» (из числа здравствующих на тот момент) для меня являлся Архимандрит Тихон (Агриков), впоследствии – схиархимандрит Пантелеимон, принявший Великую Схиму бывший насельник Троице-Сергиевой Лавры, преподаватель Академии и семинарии в 60-е годы.

Прошли годы, прежде чем я по-настоящему раскрыл для себя роль о. Тихона в жизни о. Александра, хотя произошло это, увы, уже после смерти обоих…

Отец Александр не раз давал понять, что он на протяжения всей жизни, начиная с семинарии, исповедуется у о. Тихона, что о. Тихон «знает тайные и сокровенные стороны духовной жизни» его, о. Александра, а потому и даёт ему периодически советы, в том числе – как поступать с той или иной проблемой лиц, исповедующихся уже непосредственно у о. Александра. Жил о. Тихон в Подмосковье, неподалеку от Мытищ, о. Александр часто ездил к нему на электричке. Как-то раз о. Александр рассказал, что о. Тихон дал ему весьма важный духовный совет в трудной ситуации, когда необходимо было уже принимать решение о том, как поступить с приходом в связи с обострившейся болезнью о. Александра… Многие замечания о. Тихона касались и темы «времена и нравы» (то были 90-е годы!), некоторые приводились о. Александром как-будто бы к случаю. При этом батюшка говорил о себе, что называется, в третьем лице, намеренно исключая себя из участников события. Например, речь зашла как-то об одном молодом человеке, недавно пришедшем на клирос для помощи певчим (не об авторе этих строк). О. Александру нравились его успехи на ниве освоения церковно-славянского языка и служебных книг, он говорил примерно так: «Отцу Тихону передали, и тот сказал…» и дальше – что-то про особенности духовного роста этого человека.

Сейчас я прекрасно понимаю, что такие вот отношения могут сложиться на протяжении жизни только у духовно близких людей, это вызвано также и тем обстоятельством, что о. Тихон был преподавателем и служил в Лавре в то время, когда там учился молодой Александр Сайгушев. Но тогда я мог только догадываться об этом.

Недавно прочитал вышедшую в издательстве Свято-Троицкой Сергиевой Лавры книгу воспоминаний и наставлений о.Тихона. И хотя в этой книге ничего напрямую не сказано о нашем дорогом настоятеле, о. Тихону удалось мастерски передать атмосферу того времени и того места, которые оказали влияние на о.Александра.

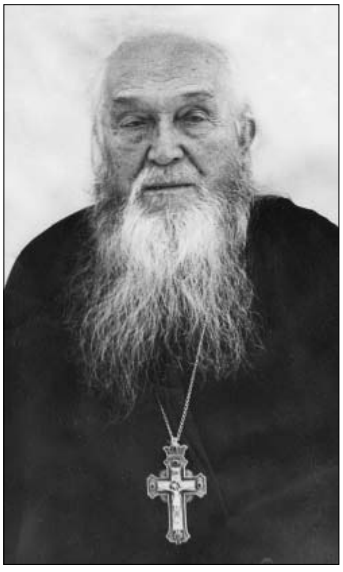
Так, описывая период 1960–1965 гг. в Лавре, о. Тихон отмечает, что эти годы можно назвать периодом процветания святой обители. «Это совсем ещё юные ребята- семинаристы и студенты Московской Духовной академии, которые приютились под молитвенным кровом великого Игумена земли Русской Преподобного Сергия. Он их воспитывает как боголюбивых, трудолюбивых и честных молодых тружеников для Церкви Божией и Отечества». «Решиться идти по духовному пути, да ещё в наше туманное, тревожное время – дело совсем нелегкое». «Будущее у этих молодых людей горькое, трудное и многострадальное».

Глава 19. СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ, С КОТОРЫМИ ОБЩАЛСЯ И ДРУЖИЛ о. АЛЕКСАНДР

Священник о. ЕвгенийТростин. – Схиеромонах Сампсон (граф Сиверс). – Схиеродиакон Ипполит. – Митрофорный протоиерей Николай Одинаркин. – Архимандрит Тихон (Агриков), в схиме Пантелеимон. – Митрофорный протоиерей Димитрий Фролов. – Протоиерей Алексий Евдокимов. – Протоиерей Александр Коробейников. – Протоиерей Владимир Маркин. – Протоиерей Александр Захаров. – Протоиерей Василий Бащук. – Протоиерей Димитрий Брысаев. – Иеромонах Виссарион. – о.Димитрий Болящий. – Митрофорный протоиерей Георгий Бреев. – Священник о. Александр Мартышкин. – Пресвитер Георгий Мускатинов. – Преподобноисповедник Гавриил Мелекесский. – Протоиерей Наум Куратчук. – Блаженный старец Василий. – Коченяевка. Список жителей.

В Московской духовной семинарии

СВЯЩЕННИК о. ЕВГЕНИЙ ТРОСТИН



Воспоминания об отце Евгении составлены по рассказам Капиталины Гавриловны Музыкиной, Анны Филипповны Смотровой, Клавдии Гавриловны Ивановой, Надежды Якшиной и сведений, собранных священником Спасской церкви с. Петровского протоиереем Василием Филевым, а также сюда вошли воспоминания Марии Андреевны Сайгушевой.

Евгений Павлович Тростин родился в 1878 г. в г. Покрове Владимирской губернии. Он был рукоположен в сан священника в начале XX в. Отец Евгений рано овдовел, его жена умерла, когда ей было 28 лет. На попечении о. Евгения остались трое малолетних детей. В 20-е годы XX в., когда начались гонения на церковь и многие храмы закрылись, Е.П. Тростин был выведен за штат. Тогда ему пришлось работать и учителем в школе, и фельдшером.

Несмотря на немногочисленность сведений о жизни о. Евгения до возглавления им в 1942 г. прихода Спасской церкви с. Петровского, вся его долгая подвижническая деятельность в качестве настоятеля этого храма свидетельствует о том, что это был очень одаренный пастырь и до конца преданный своему делу. Отец Евгений возглавил приход в самые трудные для России годы Великой Отечественной войны.

В 1941 г. церковь в с. Петровском была закрыта, но после недолгого перерыва, с приездом сюда в 1942 г.о. Евгения, службы возобновились. Прошло несколько лет, и известие о праведности священника из села Петровского разнеслось по всей округе. Люди стали приходить к нему не только из окрестных сел и деревень, но и приезжали из Москвы и других дальних городов. И это всё для того, чтобы принять участие в богослужении, исповедаться батюшке Евгению в своих грехах и услышать от него совет, напутствие – как поступить в той или иной житейской ситуации. Несмотря на такое большое количество прихожан, о. Евгений всегда внимательно всех выслушивал и никого не оставлял без наставления и совета. Как могло показаться, это был простодушный сельский священник, но, имея за плечами большой жизненный опыт, он давал советы, не только исходя из человеческой мудрости, но неся в себе великий дар предвидения. Рассказывают, что о. Евгений был прозорлив и многие его предсказания чудесным образом сбывались.

Отца Евгения постоянно окружали люди. В его небольшом домике-сторожке возле церкви ночевали многие прихожане, не только приехавшие из дальних мест, но и местные жители. Продукты, приносимые ему людьми, он всегда делил среди тех, кто оставался на ночлег. На слова, что эти продукты принесены ему, батюшка отвечал: «Ну, тогда посадите меня в подвал, чтобы я мог есть один». В иной раз в доме останавливалось до 15 человек, и все после службы собирались за большим столом. Больных старались накормить получше.

Когда о. Евгений побывал в известном женском Пюхтицком монастыре, то навестил одну прозорливую старицу Екатерину, которая стала называть священника Серафимом. Отец Евгений, подумав, что она забыла его имя, несколько раз попра-

вил старицу. Однако, несмотря на это, она неизменно продолжала называть батюшку Серафимом. В этой оговорке старицы люди, близко знавшие о. Евгения, видят глубокий духовный смысл – отец Евгений по своей необычайной доброте, простоте и силе веры очень был похож на величайшего русского святого Серафима Саровского.

Несмотря на свою большую духовную силу и непререкаемый авторитет среди прихожан, о. Евгений всегда был очень деликатен и никогда не навязывал свое мнение другим. Если случалось, что собеседник не разделял его мнение, священник больше не предлагал своих советов, но с пониманием относился к самостоятельному решению человека.

Е.П. Тростин скончался 1 октября 1967 г. в возрасте 89 лет. Тяжело болея, священник как-то сказал: «Мои похороны будут событием»,– и оказался прав. На похороны о. Евгения приезжали люди с разных уголков России. Только телеграмм об этом было направлено 117. В этот день на Петровской птицефабрике даже объявили выходной день, так как все работники собирались проститься с любимым батюшкой. Ограда церкви не вмещала всех присутствующих – таково было почитание священника.

СХИИЕРОМОНАХ САМПСОН (граф Сиверс)

Сампсон (Сиверс Эдуард Эсперович), схииеромонах. Родился 10 июля 1898 г. в Санкт-Петербурге в семье графа Эспер Александра Сиверса.

С детства маленький Эдуард получил глубокое религиозное воспитание. В 1909 году, в 11 лет, одна знакомая родителей, еврейка, сказала матери, что её сын будет из чреды Аарона – священников. О. Сампсон рассказывал: «Вечная Вечность и путь спасения через Православную Церковь!»

Блестяще окончив гимназию, о. Сампсон поступил в Петроградскую Медицинскую Академию. В 1918 г., в 19 лет, он принял Православие.

В 1918–1919 г.г.– послушник в монастыре прп. Саввы Крыпецкого Псковской губ. на ст. Торошино. Здесь в рясофоре о. Сампсона нарекли Александром в честь благоверного князя св. Александра Невского. В монастыре он проходил послушания: пас, мыл и доил коров; на кухне рубил дрова, чистил картошку, месил тесто; работал кучером игумена Василия; пас табун лошадей. Последним послушанием было проповедовать братии.

В 1919 г. арестован в монастыре. О. Сампсон просидел в вагоне 22 дня. Каждую ночь его допрашивали. Под Покров Божией Матери 14 октября 1919 г. о. Сампсона расстреляла бригада вагонщиков, человек 6–7, попали в руку с 10–15 шагов. Его караулили монахи, которые прятались под стогом сена. Подобрали ночью и под видом раненого красноармейца увезли в Петроград. После восьми операций пришлось около года лежать в госпитале.

О. Сампсона эвакуировали в Тихвин, в военный госпиталь. Год он находился в Тихвинском монастыре г. Тихвина Петроградской губернии, где долечивался. Епископ Алексий давал ему от Св. Патриарха Тихона поручения, совершенно секретные: он разъезжал по заключенным архиереям и поддерживал их связь с Патриархом и с Новгородским митрополитом Арсением, и с Петроградским митрополитом. Владыка Алексий очень любил о. Сампсона и направил его в Петроград в Александро-Невскую Лавру. С 1921 г. стал послушником Александро-Невской

Лавры и келейником иеросхимонаха Симеона, затворника. Вскоре в Лавре трапезы не стало, ничего не стало, и о. Сампсон поступил преподавателем рисования и черчения в среднюю школу. Потом вынужден был попасть воспитателем в общежитие малолетних преступников, которое находилось в здании бывшей Санкт-Петербургской Духовной Академии. Пострижен в мантию 25 марта 1922 наместником Лавры епископом Николаем (Ярушевичем). О. Сампсон принял постриг в мантию с именем Симеон, в честь Симеона Богоприимца. Красота и сила духа Лавры всё больше и больше покоряли его сердце. Здесь он по-настоящему взялся за старчество. Он вспоминал: «Александро-Невская Лавра! Монахи – красавцы; изумительно отчеканенные дикции, чтецы непревзойденные! Собраны со всей России. Очень редкие голоса, абсолютные октавы! А Авраамий!… Он священномученик – архидиакон Александро-Невской Лавры! Это была изумительная красота. Он славился своим голосом, он был выше Шаляпина. А когда он читал Евангелие – это было что-то неземное: бархатный бас и дикция Авраамия! Его сделали епископом. Он погиб на Соловках… А какое пение было в Лавре! Нигде не было такого. Какие таланты собрались! Кто там только ни был! Сколько там было прозорливых старцев, святителей! Как будто вся сила монашеского духа, что была тогда на Руси, собралась в Лавре».

Очень многие в Лавре закончили свою жизнь мученически.

В 1925 г. рукоположен Патриархом Тихоном во иеродиакона, 19 января 1925 г.– во иеромонаха в Александро-Невской Лавре архиепископом Вассианом.

Одновременно он был назначен казначеем Александро-Невской Лавры. После убиения митр. Вениамина (Казанского) Лавру вскоре захватили обновленцы, и почти вся братия впала в обновленчество. Епископы Алексий (Симанский), Николай (Ярушевич) и Григорий (Лебедев) стойко противостояли этим новым еретикам. По их ходатайству в праздник Крещения Господня на ранней Литургии совершилось рукоположение о. Сампсона. В Лавре Батюшка прожил 10 лет.

17 февраля 1932 г. арестован в Лавре. За 3 часа до ареста о. Сампсону явился преподобный Серафим Саровский и прочел ему медленно молитву – «Всемилостивую», которая сопровождала и оберегала его 18 лет лагерей и всего прочего. Это, по его словам, «была ненасытная пища» для него.

22 марта 1932 г. осужден на 3 года ИТЛ. С 1932 по 1934 г. находился в Соловецком лагере.

Когда поднялась очередная волна репрессий, о. Сампсона в 1938 г. заключили в тюрьму, искали повод для высшей меры наказания. Вторая Мировая война – ссылка в Баку в госпиталь под конвоем для расследования причин мора, так как о. Симеон ещё и врач (1941 г.).

Война с Японией, заключение в тюрьме на Дальнем Востоке (1945 г.). Японцы близко, заключенных должны расстрелять. Ночью, во время молитвы, о. Симеон утешал товарищей: «Вас не расстреляют! Господь услышал наши молитвы». И, правда, второй расстрел не состоялся.

В 1945 году о. Симеон ехал вдоль Ферганского канала на ишаке и упал в воду. Увидевшие это с другого берега киргизы вытащили и мертвого повезли на кладбище. По дороге в тряске вода и ил из него вышли, и он ожил.

В 1945 г.– побег из тюрьмы.

После побега о. Сампсон некоторое время жил в Борисоглебске, но жить без работы и без документов было невозможно и он поехал в Ставрополь к митрополиту Антонию. Владыка дал ему приход в Винодельном, а затем в большой казацкой станице Когульте (Ставропольский край, с. Винодельное, станица Когульта). Богомольные, сердечные, гостеприимные станичники очень полюбили Батюшку. Интерес к его проповедям был столь велик, что народ, вместо того, чтобы идти в клуб на развлечения, шел в церковь. Клубы оставались пустыми, а церковь была наполнена молодежью. Власти решили его арестовать. Прихожане спрятали его в бочку и увезли после службы. Владыка Антоний благословил о. Сампсона в Баку.

По дороге в Баку из Ставрополя в поезде его приняли за американского шпиона и посадили в тюрьму. Арестовали летом 1948 года. Думали, что о. Сампсон загримированный шпион. Когда разобрались, что волосы, борода и усы настоящие, не приклеенные, то его посадили в одиночную камеру, где он находился до 14 октября 1949года.

По выздоровлении в 1950 году о. Сампсон поехал в Пензу, к Владыке Кириллу, который его направил в Рузаевку. С этого прихода началось его многолетнее служение в Мордовии.

В с. Перхляй о. Сампсон был недолго. Вскоре ему дали огромный приход, рядом с Саранском в с. Макаровка. Батюшка со своими чадами отреставрировал двухэтажный кирпичный храм. Прихожане из Саранска стали приходить в Макаровку. Здесь его духовным чадом стал академик Владимир Александрович Филатов, знаменитый окулист. Здесь ему наконец-то выдали паспорт, и с этим мордовским паспортом о. Сампсон жил до конца своей жизни. Он в Макаровке прослужил 5 лет, затем недолго в Спасском – это было последнее место его служения в Мордовии.

В 1956 г. назначен духовником в женский монастырь в Полтаве. Здесь о. Сампсон, как истый монах, обрел радости монашеские, однако ненадолго. Игумения монастыря, видя, что Батюшка становится авторитетом для монахинь, испугалась, что он будет настоятелем монастыря. Из-за немирности со стороны игумении о. Сампсону пришлось уехать в Астрахань, а затем его в 1958 г. перевели в Волгоград.

Очень быстро о. Сампсон приобрел большое количество духовных чад. Авторитет его среди народа, почитание его искушало других священников, они не могли вынести этого, стали писать письма архиерею.

Архиерей, согласно жалобам протоиереев, своим судом решил дело в 1958 г., выпросив благословения у Патриарха Алексия «заточить» «иеромонаха Симеона в Печорский монастырь и лишить права священнослужения на 15 лет».

Вскоре все монахи и наместник монастыря, архимандрит Августин, стали заступаться за о. Сампсона, написали ходатайство Святому Патриарху Алексию. Тот, зная Батюшку, снял все запреты. Постепенно о. Сампсон вошел в полную жизнь монастыря, наладил общение со своими чадами, установив для них строгие правила жизни и общения, как для христиан первых веков. Жизнь Батюшки в Печорах была нелегкая: очень много было исповедников и монахов, и своих личных чад, и приезжих; очень обширная переписка – в день писем 30; очень много скорбей, незаслуженных наказаний, постоянная слежка, тяжелые болезни. Когда в монастырь назначили нового игумена, архимандрита Алипия, начались между ним и о. Сампсоном трения и недопонимания. Вскоре власти решили закрыть монастырь и открыть в нем музей. Всех монахов записали на Афон. Приказ об отмене отправки на Афон пришел через 2 месяца. Отношения с игуменом Алипием установились очень хорошие. Однако гонения не прошли. После того, как о. Алипий отпустил Батюшку на 4 дня на лечение, Владыка епископ Иоанн вынес решение: «Поездку считать самовольной отлучкой, запрещен в священнослужении на год без права носить клобук, крест, мантию». В ответ о. Сампсон написал епископу Иоанну: «В тюрьмах, ссылках, одиночках, карцерах, изоляторах мне было легче нести горе, чем здесь, в монастыре. Избиваемый там, мучимый, умирал там – но таких мук душевных я не знал там». Потом о. Сампсон писал своим чадам: «Я мирен потому, что убедился этими неделями, что попущенное несчастье имеет очень и очень глубокое «назначение» по своему смыслу, что епископ Иоанн был руководим не капризом капризной барыни, а внушением от Духа Свята. Это поругание дано мне на глубокий самоанализ, на несчетные великие и великие труды над собою, людям неведомые… Признаюсь, я очень страдаю, я седею по часам, я буду скоро неузнаваемый, но все это нужно именно людям».

В 1961 г. на Пасху владыка Иоанн снял с Батюшки все запреты. Игумен Алипий

благословил его литургисать, исповедовать монахов и мирян, совершать молебны, соборовать больных, отчитывать бесноватых. И так, без устали, на радость людям служил о. Сампсон около двух лет.

Но в 1963 году Господь попустил еще большую напасть: психически больная девица, из мести после отказа принять её в духовные чада, оболгала о. Сампсона публично и в письменной жалобе владыке Иоанну. Гражданская власть завела на Батюшку уголовное дело, а монастырская власть в отсутствии наместника учредила свой «монастырский суд». Созвали всю братию, прочитали жалобу больной и применили самую страшную кару – снять с него всё монашеское. Старцы и многие монахи плакали. На следующий день за оградой монастыря с большим трудом, облив ведром бензина, сожгли мантию Батюшки. Духовные чада собрали весь пепел и хранят его как святыню. После того как Батюшку административно раздели, ему была запрещена переписка и общение с духовными чадами. Бог вёл о. Сампсона такими тернистыми путями, какие для человеческого разума просто непостижимы. Невозможно осознать сколько и как он страдал. Игумен Алипий очень защищал и помогал Батюшке в монастыре. Через неделю после «монастырского суда» начальство попросило Батюшку уйти из монастыря, и он поселился в доме своего духовного чада до окончательного гражданского следствия. Гражданское следствие было недолгое и о. Сампсона полностью оправдали. После этого он поехал в Москву лично к Патриарху Алексию и обжаловал учиненную над ним жестокость. Св. Патриарх Алексий вернул ему сан и право на служение, назначил пенсию и посоветовал пойти за штат. Батюшка с большой покорностью вышел за штат.

Московский период жизни (с 1963 г.) о. Сампсона был настолько сложным, что повествование о нем лучше начать словами самого Батюшки: «Будучи заштатным священником, живя в Москве, шатаясь и переезжая с квартиры на квартиру и терпя всевозможные невзгоды и неприятности, которых бы я врагу не пожелал, я дошел до того, что моё здоровье резко ухудшилось, и я был разбит параличом (левосторонним), с чем и пролежал год, пережив страшно много и радостей, и горя… За это время я в Москве переменил 11 квартир.»

В Москве о. Сампсон полностью погрузился в духовничество: он был духовником Св. Патриарха Алексия, к нему приезжали многие архиереи, священники, монахи, ученые и простецы, студенты. Постепенно жизнь Батюшки и его духовных чад налаживалась. Нашли прекрасную дачу в Малаховке, на которой он жил летом 12 лет подряд. Зимой жил в Москве, постоянно ездил молиться в Богоявленский храм, совершал проскомидию. Когда о. Сампсона лишили возможности совершать проскомидию, тогда митрополит Иоанн Киевский благословил о. Сампсона устроить домашнюю церковь в честь Покрова Божией Матери. Так, по благословению митрополита Иоанна, по Промыслу Божию появился Московский «Покровско-Феофановский Кошский монастырь», как его назвал о. Сампсон, поскольку епископа Феофана Затворника он считал своим учителем.

В настоящее время могила старца посещаема, а благодарные за помощь и исцеления уже поют: «Преподобне Отче наш Сампсоне, моли Бога о нас»!

СХИИЕРОДИАКОН ИППОЛИТ

Схииеродиакон Ипполит (Клочков Иван Владимирович), 1910 года рождения, Саратовская губерния, Сердобский уезд.

В пятилетнем возрасте Ваня пошёл в Николаевский мужской монастырь города Петровска, где исполнял послушание. В 1920-е годы монастырь был закрыт. Игумена и монахов арестовали. Детей, находившихся на послушании в монастыре, среди которых был и маленький послушник Иван, комиссары обнимали, брали на руки, говоря: «Ну вот, вы спасены. Теперь не будете попам кланяться!». Дети плакали и расходились по домам. Вернулся домой и Ваня.

Когда мать решила женить сына и сосватала ему невесту, то Иван, помышляя лишь о монашеской жизни, убежал из дома.

В 1930-е годы он скрывался в селе Кривозерье Пензенской области в доме Ивана Васильевича Тугушева.

У Тугушевых была договоренность с колхозом, что их дом будет принимать пастухов. На самом деле, у них на ночлег останавливались не только пастухи, но и гонимые церковнослужители. Однажды прошел слух, что идут из «органов» с проверкой.

Спрятали Ивана в коровник, укрыли сеном. И все время, что в доме был обыск, Иван молился, как бы животному в голову не пришло сено есть. Молитва была услышана – проверяющие ушли ни с чем.

В 1938 году, скитаясь, Иван попал в Саратов, где жил у верующих людей. Когда началась серия арестов, чтобы не подвергать хозяев опасности, Иван покинул их дом. Какое-то время он жил на кладбище в склепе, юродствовал. Однажды, во время скитаний Ивану пришлось переходить Волгу по тонкому льду, и лед стал проваливаться. Когда же он перебрался, то сказал себе: «Если Господь оставил мне жизнь, то теперь можно все терпеть». Спустя короткое время его арестовали.

Иван провел в лагерях 10 лет. Он рассказывал потом, что вместе с ним в лагере сидел один архиерей, которому на работах размозжило упавшим ведром голову. Кто он был,– неизвестно. Освободившись,

Иван часто в Пензенской области посещал преподобного исповедника Иоанна (Оленевского). Батюшка Иоанн благословлял его, говоря: «Вот, ложись на печку у меня. И ни к кому не ходи».

В 1950-х гг. о. Иоанн скончался. После смерти старца Иван поступил в братию Троице-Сергиевой Лавры города Загорска. Здесь он был рукоположен в монахи. Стал Ипполитом. В обители о. Ипполит познакомился с наместником Лавры, будущим Патриархом Пименом. Между иерархом и простым монахом сложились теплые дружественные отношения. Вскоре стал иеродиаконом. На протяжении всего периода пребывания в Троице-Сергиевой Лавре выполнял послушание гостиничного.

Подвизался в Троице-Сергиевой Лавре до середины 1960-х гг., когда начались хрущевские гонения на Церковь. Власти распорядились оставить в обители не более 100 человек монахов, о.Ипполиту пришлось покинуть монастырь. Он уехал в родные места, в город Сердобск, где принял рукоположение – схииеродиакон Ипполит. Принял схиму до 1990 г.

3 мая 1990 года умер Патриарх Пимен, и многие из его личных вещей были присланы в Сердобск к о. Ипполиту. Многие люди из Пензенских и Саратовских краев посещали 80-летнего схииеродиакона Ипполита. Он обладал большим духовным опытом. Был наделен от Господа даром прозорливости. В 1986 г. он предсказал землетрясение в Армении.

За советом к старцу обращались не только простые люди, но и многие Владыки, прошедшие через Пензенскую и Саратовскую кафедры. Они предлагали ему принять священство. Но смиренный старец искал уже другого – он готовился «домой» – в Небесное Отечество. Его блаженная кончина наступила 13 декабря 1991 г. в Пензенской области города Сердобска.

МИТРОФОРНЫЙ ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ОДИНАРКИН

Родился в Самаре, на соседней улице с Покровским кафедральным собором. В этот же храм – а в те времена большого выбора и не было – впервые привела его на службу мама, и именно здесь он стал священнослужителем.

Вот что рассказывает сам о. Николай корреспонденту газеты «Волжская коммуна» Ольге Кругловой 06.01.2011 года (сокращённый вариант).

– Моя семья была благочестивая, мама каждый воскресный день приходила на службу, и как-то за ручку привела меня. Всё в храме меня заинтересовало. Поразили фрески, облачения духовенства, растрогала красота песнопений церковного хора. Я даже рот открыл, разглядывая певчих. Помню, мне сделали об этом замечание. Но я так был поражен необычной музыкой, словами, в которых просто уплывал в какую-то невиданную светлую даль. С каждым воскресеньем я открывал для себя что-то новое, рассматривал иконы, узнавал, кто на них изображен. Нельзя сказать, что в восьмилетнем мальчишке была сознательная вера, но какая-то заинтересованность начинала гореть в моем сердце. Полюбил ходить на службы.

Помню, церковные бабушки хвалили меня за то, что я хорошо крестился, порой же детишки крестятся быстро, небрежно. Во мне жило какое-то благоговение и сознание, что класть на себя крест надо со знанием дела.

Впервые вошёл в алтарь в 1951 году, десятилетним мальчишкой. Хотя в то время строго запрещалось, чтобы во время церковной службы священникам помогали дети, молодежь, но все равно ребята в алтаре бывали. Я так поглядывал на них, думал: ну, я, наверно, недостоин,– и всё же робко надеялся когда-нибудь войти в алтарь. Меня и ещё одного мальчика, Володю, чтобы мы все видели и слышали, бабушки всегда ставили вперёд. Так мы с этим Володей каждое воскресенье и стояли на службе. Моя мама как-то поехала в гости к родне в Саратов, я поехал вместе с мамой и пропустил одно воскресенье. Прихожу после поездки в храм, а Володи на привычном месте нет. Интересуюсь у бабушек про Володю, а они отвечают, что его священник позвал прислуживать в алтарь. Эх, как я расстроился, думаю, зачем только поехал в этот Саратов, лучше бы в алтарь попал. Я так сильно расстраивался! Но протоиерей Александр Надеждин, который в те времена был настоятелем Покровского кафедрального собора, видно, прозорливый был, узнал о моем таком сильном рвении. И перед одной службой ко мне подошел Володя и сказал, что меня батюшка ждет в алтаре. Я так обрадовался, просто побежал. Служили Всенощное бдение, и надо было выходить

с большой свечой в подсвечнике, надели на меня самый маленький стихарь, а он мне длинный… Я его держу рукой, чтобы не споткнуться, а другой рукой свечу держу. Бабушки все за меня переживали, говорили: «Коленька, осторожно, не упади!». Потом меня поздравляли, а мне так нравилось такое доброе ко мне расположение бабушек и священства. И с того дня я уже с нетерпением ждал каждую воскресную службу.

Власть запрещала в те времена молодежи даже близко к храму подходить. На Пасху у ворот стояли комсомольцы-дружинники и пропускали только стареньких бабушек. Такое творилось безобразие, что молодых гнали от храма, угрожали расправой, разбирали на собраниях в рабочих коллективах. Помню, уполномоченный по делам религии увидел нас, ребят, и, видно, выговорил старосте храма, и тот нас сразу выгнал.

Не было страха… Выгнали, и мы побежали в кино. А на следующее воскресенье я опять пришел в храм. Для меня служить в алтаре было почётно, об остальном я и не думал.

Я любил учиться и хорошо учился, и еще любил кататься на велосипеде. В Покровском соборе служил протодиакон Антоний Мавринский. Его родные дети уже взрослые, и он брал на воспитание ребят у нищих, которые приходили в храм. Так одновременно жило у него несколько мальчишек. Он все делал для этих детей. Сам готовил еду, покупал одежду, помогал с уроками. Много так он ребят поднял, стали они инженерами, военными, юристами… Както выросли все его подопечные, и протодиакон Антоний опять остался в одиночестве. На церковных службах мы с ним немного сблизились, сдружились, и вот протодиакон вызывает маму и папу и просит их разрешения, чтобы взять меня на жительство. В нашей семье было шесть человек детей, мы не жили богато, но и бедными не были. Родители благодарили, но отдавать меня не хотели, отвечали, что сами воспитают. Со временем протодиакон всё же смог убедить маму и папу, и я стал у него жить. И он мне сделал подарок – купил велосипед! Много к нему всякой бедноты приходило, и протодиакон на всех варил большую кастрюлю щей или борща. По выходным и по праздникам сам стряпал пироги. Он очень вкусно готовил и любил готовить. Ребята все были при храме, не хулиганы какие-то, просто покушать тогда не во всех семьях было что. Так вот протодиакон Антоний их подкармливал, мальчишки потрапезничают и благодарят за угощение. А уж протодиакон так был этому рад…

У отца протодиакона лежали духовные книги, я в них поглядывал. Открывал и читал Евангелие, молитвословы. Сам же протодиакон Антоний никогда меня не заставлял прочесть какую-то книгу или выучить молитву… Но его жизнь, его служение стали для меня примером, на который хотелось равняться. Так в восемнадцать лет я решил поступить в Московскую Духовную семинарию. Епископ Митрофан (Гудовский) – он сейчас похоронен здесь, в Покровском соборе,– написал мне очень хорошую рекомендацию.

Поступил достаточно легко, у меня же большой опыт работы в храме был, он и помог. Хотя в тот год было шесть человек на место! Многие ребята поступали в семинарию, а сами даже в храме-то ни разу не были, не знали самых обыкновенных вещей. Для меня это казалось удивительным… Учился в семинарии четыре года, было интересно, разные предметы, много изучали иностранных языков. Ездили в Москву – в театр, в кино, в музеи. Нас не воспитывали в замкнутом пространстве. Само место нашей учебы, Троице-Сергиева Лавра, воспитывало и подпитывало нас духовно.

По окончании семинарии на всех семинаристов из нашей комнаты – а жили мы по шесть человек – пришли повестки из военкомата. Меня забрали служить на Дальний Восток. Я был помощником начальника караула военного аэродрома. Сослуживцы относились ко мне по-разному. В основном хорошо.

Была такая официальная линия государства, что поп – значит, второго сорта человек. Все знали, что я будущий священник. Но офицеры, которые познакомились со мной,

меня уважали. Я на тему религии не говорил, больше молчал, потому что все мои разговоры приравняли бы к религиозной агитации. Однако, с людьми, которые не были «при исполнении» разговаривал. Жены офицеров расспрашивали меня о Православных праздниках, церковных терминах.

После армии я год проработал на заводе – 4 ГПЗ (Государственный подшипниковый завод), и по воскресеньям прислуживал иподиаконом в Покровском соборе. Познакомился со скромной девушкой Галиной, и она не побоялась пойти замуж за будущего священнослужителя. В то время для такого решения требовалось мужество, ведь власть была настроена против Церкви. Рукоположили меня в диаконы при Владыке Иоанне (Снычеве), и прослужил я в этом сане 19 лет. Потом рукоположили в священники, и я уже служу в Покровском соборе более сорока лет… И с моей матушкой Галиной мы живем уже более сорока лет, у нас двое сыновей, внучка и трое внуков.

Я помню время, когда по телевизору выступал Никита Хрущев и говорил, что скоро мы увидим последнего попа. А мы видим сейчас, как возрождается Православная Россия: в Самаре было два храма – стало больше сорока, а по области более трехсот пятидесяти приходов. По праздникам и воскресным службам храмы наполнены, а сорок лет назад только старушки ходили помолиться в церковь. Сейчас многие тянутся к храму, и это очень радует. Конечно, не все готовы к Исповеди и Причастию …

Мой Небесный покровитель – Святитель Николай. И это хорошо. В 1995 году мы с духовенством поехали в Иерусалим. Сели на пароходе в Одессе, и рядом с нами шел второй пароход. Вдруг началась такая качка, что посуда в буфете падала, на палубе всё ломалось и разбивалось от ветра. Страшно – жуть, мы же в открытом море. Стали читать акафист Николаю Чудотворцу, и шторм потихонечку стих, на нашем пароходе больших повреждений не было. А вот на том, который рядом шел, сбило мачту, и была там беда…

Мой старший сын работал в милиции, как-то звонит вечером и говорит, что здание областной милиции горит… Помните, какой страшный пожар был 10 февраля 1999 года, сколько людей погибло. Мы с матушкой – на колени и просить Бога и Николушку, чтобы сынок наш в живых остался. Я даже обет дал никогда не есть мяса… Сын вёл себя как герой, из полыхающего здания вынес несколько людей, Господь был так милостив к нему, что у него даже ожогов не было. Правда, было отравление угарным газом, и он лежал в больнице. Когда мы к сыну приходили, он все время повторял, что выжил только нашими молитвами… Он потом ушел из милиции и теперь трудится на руководящей должности в одной из ведущих фирм Самары.

Другая история была такая. Мы с матушкой никогда не жили на одном месте, поменяли пятнадцать квартир, последний наш частный дом сломали, и на месте его был построен высотный дом. Благодаря заботе тогдашнего мэра Георгия Лиманского нам в нём выделили квартиру. А отделка там черновая, надо было на ремонт много денег. Я при всём усердии не смогу столько заработать… Стали с матушкой молиться Святителю Николаю, ведь столько лет мы скитались без своего дома, и просили Николушку, чтоб хоть в старости пожить в теплой уютной квартире, да ещё со всеми удобствами. И что вы думаете? Нашёлся человек и помог, его даже цена ремонта не смутила.

Часто во время поста просят люди благословить на послабление, в основном с разными заболеваниями.

Я говорю так: постарайтесь сколько есть силы попоститься, пусть хоть три дня, и человеку разрешится потом некое послабление. В прежние годы для детей и студентов сам Патриарх даже во время строгого поста благословлял вкушать рыбу. Чтобы голова работала, чтобы хорошо учиться. Ревность в вере должна быть по разуму и по физическим силам. Можно так усиленно попоститься, что на праздник не останется никаких сил, и человек лежит обессиленный в кровати, вместо того чтобы прийти в храм на праздничную службу. И такие случаи не раз были.

Пусть и детишки постятся вместе со взрослыми. Не готовьте отдельно. Мои сыновья, когда были маленькие, вместе со мной всегда постились и от постной пищи только набирали вес. Многие Православные студенты интересуются, как же поститься в студенческой столовой или буфете. Так не покупайте пирожное, а купите коржик, воздержитесь немного, покушайте скромнее, чем обычно. Проявите свою любовь к Господу. Он же Сам постился целых сорок дней, и нам надо следовать за Ним. Рождественский пост не очень строгий, можно вкушать рыбу до 2 января. Когда человек постепенно отказывает себе в скоромной еде, то он тихонечко привыкает к постной, она ему становится в удовольствие. Новогодние праздники тогда легко встретить с постным столом. Наделать пельмени с картошкой, салаты с морепродуктами, фрукты и даже немного вина. Подарить подарки родственникам, детям и почувствовать приход праздника. – А как нам правильно подготовиться к приходу самого светлого праздника, к Рождеству Христову?

– Это самое время подумать о своей душе… Тело наше бедно или богато, но все равно похоронят, а вот душа-то вечная, каково будет ей… До Рождества надо обязательно поисповедоваться, покаяться, рассказать как на духу всё Господу и просить за свои деяния прощения. Перед Рождеством самое время вспомнить слова Христа, где Он призывает к делам милосердия. А то потом нас спросит Господь: когда Я алкал, вы Меня накормили, когда имел жажду, вы Меня напоили, был в темнице, вы Меня посетили? Мы удивимся: когда это было? Да рядом, просто мы прошли и не заметили. Так вот, в Рождественские праздники навестите и помогите нуждающимся, позаботьтесь о брошенных детях, сиротах и старых людях, поздравьте просто старенькую бабушку-соседку. Поверьте, она будет так рада! Подарите людям немного тепла, утешения, будьте щедры на любовь. И даже если в эти Рождественские дни вы не придёте каждый день в храм, а пойдёте к несчастным в больницы, в дома престарелых, в детские приюты, то это будет Господу приятно. И вашей душе будет радостно, она почувствует настоящий Праздник Рождества. Вы сами своими добрыми поступками как заново родитесь в эти Рождественские дни.

А у нас как бывает: люди затариваются мешками еды, везут в свои особняки и не желают замечать, сколько скорби вокруг… Учитесь помогать людям, и Рождественские праздники – хороший повод начать делать дела милосердия!

Господь родился в яслях в хлеву, Он появился на свет не в пышном дворце, хотя Творец мог бы для Сына Своего сделать всё что угодно. Но всё ведь промыслительно, и Бог показывает нам, какими мы должны стать кроткими, не нужно кичиться собой, своими талантами, а быть простыми. Мудрость – она заключается в простоте. Ты тихо стоишь в прихожей и смиренно ждешь, когда тебя позовут за стол… А как стыдно будет выходить из-за стола тому, кого выгонят, потому что он сам туда уселся, думая о своем величии. Надо полагаться на Бога, а не на себя.

У меня двое сыновей. Я всегда хотел двоих сыновей, чтобы один из них был мирянин, другой духовного сана. Совсем недавно мой младший сын Герман пошел заочно учиться в семинарию и стал служить диаконом в храме на Мехзаводе. У меня есть три внука, и дай, Господи, чтобы кто-то из них тоже стал служить Богу».

О. Николай окончил Московскую духовную семинарию в Троице-Сергиевой Лавре. При поступлении, что и мой отец, он был свидетелем, как будущие семинаристы при проверке их музыкальных способностей пели не молитвы, а русские народные песни. Душа тянулась к Богу, но не во всяком малом городке или селе в то время был храм, или были живы бабушки, которые нередко на свой страх и риск приводили внуков в церковь. Приёмная комиссия, в которую входили тогда известные богословы, профессора – Георгиевский, Талызин, Сарычев, Ушков, Остапов, была снисходительна. Отец последнего был секретарем

у Патриарха Алексия I. Преподаватели понимали, что главное – настрой душевный и желание служить Богу, а знания приходят при усердии и трудолюбии.

Перед началом уроков, по его рассказу, семинаристы из самых ревностных, в том числе и наш герой, непременно шли к раке с мощами Преподобного Сергия Радонежского, для того чтобы приложиться к мощам, как бы испрашивая благословения на грядущий день, и только тогда отправлялись на занятия. Самый дух православия проникал в каждую клеточку души и тела. Это как воздух, которым дышишь и не замечаешь, что дышишь. Но без молитв и служб уже невозможно жить. Ведь наши святые оберегают и предстоят за нас перед Господом. «И сегодня, когда Владыка посылает в Патриархию, в Москву, непременно заезжаю в Троице-Сергиеву Лавру и прикладываюсь к мощам преподобного,– говорит о. Николай и продолжает.– А тогда строго было у нас. На первых занятиях преподаватели сразу предупреждали, что светские увлечения надо забыть, если хотим преуспеть на пастырском поприще. Я как-то избежал искушений в юности. То ли застенчивый был, то ли больше книги привлекали да богослужения. Не вникал в суету житейскую. Так что училось легко, несмотря на строгости. Я и сейчас своим студентам в Самарской духовной семинарии стараюсь внушить вот это чувство благоговения и страха Божьего».

Как растет дерево? Год за годом нарастают кольца, корни все глубже уходят в земную твердь, а крона устремляется в небо. И нет в этом ни пафоса, ни бросающегося в глаза геройства. Так и в судьбе о. Николая пришла пора отведать «земного». После семинарии забрали служить в армию. Служил на Дальнем Востоке в авиационном полку. За это время почили друг за другом мама и папа. Когда пришло известие о смерти протодьякона Антония, то командир в ответ на просьбу отпустить на похороны только нахмурился и как отрезал: «Хватит, был бы родственник. Не поедешь». «Не довелось попрощаться с духовным отцом»,– грустно говорит о. Николай. Что же касается службы, был исполнителен, начальство не жаловалось, только вот замполит начитанный, хваткий оказался. Узнав, что в его подразделении служит верующий новобранец, как-то обратился к солдатам с вопросом: «Кто это из вас окончил приходскую сельскую школу?»,– чем вызвал улыбку у многих. И позже стал уличать Николая в невежестве, втолковывая, что религия – опиум для народа, заблуждение человеческого ума. На что Николай только и спросил: «А вы Библию читали?» – «Нет,– смутился замполит,– но я много других книг прочел»,– как бы оправдался тот. «О чём же мы с вами тогда толковать будем,– подвел итог короткой беседе Одинаркин,– вы же обязаны в вашем положении знать эту Книгу». «Замполит даже письма проверял. А вдруг мне Библию пришлют»,– улыбается о. Николай, вспоминая тот случай. Во время православного поста не обходилось без хитростей со стороны солдата. Как правило, Николай Одинаркин был раздающим в столовой. И постоянно мясо ему не «доставалось», а он отговаривался тем, что, мол, не рассчитал, чем вызвал подтрунивание сослуживцев над своей нерасторопностью. Легкость, открытость характера позволила молодому солдату избежать ненужных столкновений и ссор.

АРХИМАНДРИТ ТИХОН (Агриков), в схиме Пантелеимон

Архимандрит Тихон (в миру Василий Петрович Агриков). Кандидат богословия, духовный проповедник, схиархимандрит Пантелеимон родился 28 ноября 1916 году в селе Адоевщина Саратовской губернии в семье крестьянина. Защищал Родину в годы Великой Отечественной войны. «Пройдя тяжелый путь военной жизни, побывав не один раз на волосок от страшной смерти, пережив все страхи и муки войны, я, по великой милости Божией, вернулся под родительский кров, а вскоре потом попал и под кров Преподобного Сергия»,– писал впоследствии о. Тихон.

В 1950 году Василий Агриков окончил Московскую Духовную семинарию и поступил в Духовную академию, которую окончил со степенью кандидата богословия.

В 1953 году пострижен в монашество и возведен в сан игумена, а в 1958 году – в сан архимандрита.

С 1959 года – преподаватель «Пастырского богословия» в Московской Духовной академии.

В 1971 году архимандрит Тихон подал прошение об определении за штат. Жил в Закарпатье, в Мукачевской епархии. Известно, что архимандрит Тихон (Агриков) принял схиму с именем Пантелеимон.

Скончался 15 ноября 2000 года. Он умер во время Всенощной службы перед началом Великого славословия.

Его последними словами был священнический возглас на утрени: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»

Архимандрит Тихон прожил на земле 84 года, и всё же весть о его смерти была неожиданной. Последние годы жизни старца прошли в стороне от людских глаз и для многих представляли тайну. Лишь только самые близкие, а также духовные чада знали: батюшка молится в затворе, в уединении, место которого никто не мог назвать точно.

Свой духовный путь архимандрит Тихон (Василий Петрович Агриков) начал в обители преподобного Сергия. Решение стать монахом и священником было принято им уже в зрелые годы.

В 50–60-х годах насельник Троице-Сергиевой Лавры становится широко известным духовником среди православных. Его горячо почитают студенты Духовной Академии, где он преподавал. Он становится тем «светильником веры», к которому тянутся люди со всей России.

Облаченный в монашескую мантию, епитрахиль и поручи стоит отец Тихон у аналоя. На аналое – святое Евангелие и крест как свидетели невидимо стоящего здесь Господа Христа. «Аз же точию свидетель есть…» – слышится голос священника. На исповеди о. Тихона собиралось очень много народа. Он пробуждал в людях покаяние. Когда проводил общую исповедь в Трапезном храме Троице-Сергиевой Лавры, то весь храм плакал.

Когда он приступал к исповеди, к нему всегда выстраивалась очередь. В то время в Сергиевском Трапезном храме Лавры еще не было приделов преподобного Серафима Саровского и святителя Иоасафа Белгородского. На этом месте, у росписи Спасителя или Божией Матери, ставился аналой, и к батюшке была очередь исповедников. Она шла через всю церковь, от входа Трапезного храма до самого аналоя. Его чада пока дождутся своей очереди, бывало, и прочитают правило, и попоют, и подремлют, а батюшка все сидит и принимает народ до самого утра. На исповеди он сам задавал вопросы про то, что было забыто, объяснял все неясное. Потом дерзновенно читал разрешительную молитву. Он старался всех принять и утешить: сострадал в скорбях, на благословение раздавал крестики, иконки.

Несколько часов подряд в ночное время принимал батюшка людей. Вот он кончил

исповедь, и, кажется, келья должна дать ему покой и заслуженный отдых. Но не тут-то было. И в своей одинокой келье, под покровом темной ночи, он все думает о тех, кто ему дорог и кого ему поручил Сам Христос. Ведь он вовсе не оставил их там, в бурлящем круговороте жизни, а унес в своем сердце и в келье, вместе с ними молится, плачет, скорбит о них и тоскует.

«Духовная жизнь всегда была трудна, а в наше время – особенно. Если человек убежит от льва, нападет на него медведица. Убежит от медведицы – наскочит на него тигр. Спасаясь от тигра, он бросится в яму – там ужалит его змий… Вот как трудно спасаться чадам Божиим в наше лукавое время!»

Отец Тихон имел дар слез, дар молитвенного плача. Об этом знали немногие. Вернее, даже никто не знал, но и ныне живут люди, которые видели у него по утрам большое количество мужских носовых платков, насквозь пропитанных влагой. Так обилен был источник, которым подвижник омывал грехи и немощи своих духовных чад. Так относился к духовничеству отец Тихон.

«Пастырь Церкви Христовой,– писал батюшка в пору преподавания им Пастырского богословия,– должен пламенеть любовью к людям и любовью к горнему миру, пастырю нужно любить, что дышать воздухом. И любить, не делая различия, без расчета, без выбора. Любить и радовать всех, именно РАДОВАТЬ – это есть постоянное и тихое торжество истинной пастырской любви, ибо пастырь без любви, что цветок без цвета, утро без зари, день без сияющего солнца, или как по апостолу – потухшая звезда, блуждающая во мраке ночи (Иуд. 1, 13)».

Бывало, Великим постом, на пассии или в прилучившийся праздник, иеромонах Тихон (Агриков), иеромонах Кирилл (Павлов) и благочинный архимандрит Феодорит пели втроем. Об этом батюшка Тихон вспоминал позже, когда был на Кавказе.

Говорили, что спал он всего по двадцать минут: ляжет, поспит, потом встает и выполняет какое-то послушание. Работает, работает, снова ляжет, поспит немного и вновь продолжит трудиться.

Архимандрит Тихон был духовником академии и семинарии. Молодежь тянулась к нему. Он прекрасно преподавал и всецело отдавался служению Богу и людям. Его жертвенное служение было отмечено руководством Московской Духовной академии: в 1963 году батюшка получил звание доцента. У него был особый Божий дар обращать к Богу молодых людей. Они находили в пастыре Божием то, что жадно искали их тоскующие по Богу души.

Юноши, студенты, девушки и подростки приезжали к нему из Москвы. Нередко среди посетителей можно было встретить столичных ученых. Люди приезжали на исповедь и оставались ночевать, чтобы утром принять святые Христовы Тайны. Для начинающих молодых монахов он был примером, ибо вел настоящую аскетическую жизнь, был искренне предан молитвенному монашескому деланию. Он каждый день был в храме на службе. Люди приезжали к нему и в праздники, и в будни, всегда находя его в храме.

Архимандрит Тихон официально не был духовником лаврской братии, но многие монахи выбирали его своим наставником. Он очень любил братию. Господь за необычайную любовь архимандрита Тихона к людям открывал старцу тайные немощи других. Отец Тихон жил болью людей, которые были рядом, помогая им. Действенной была его молитва.

Конечно, такой огромный духовный авторитет не мог остаться незамеченным властями. В 60-х годах церковь была гонима. И с особенной силой враг обрушился на о. Тихона, сильнее чем на кого-либо, за его духовное окормление. Нет, его не арестовали и не посадили в тюрьму, но создали ситуацию, при которой он вынужден был покинуть любимую обитель и оставить преподавательскую деятельность.

Так отец Тихон был разлучен со своими чадами, и продолжалось это долгие годы. Он вынужден был скрываться, жить в уединении – то в горах Кавказа, то в Сухуми, то в Закарпатье.

По словам свт. Феофана Затворника, иноки – жертва Богу от общества, которое,

предавая их Богу, из них составляет себе ограду. Вот такой невидимой оградой был для России архимандрит Тихон. Он очень радовался нашему возрождению и говорил: «Это великое счастье, данное российским народам в честь новомучеников. В память той жертвы, той крови, пролитой многими, многими новомучениками и исповедниками Российскими».

Отец Тихон видел, ощущал наше время, «скудное верою и благочестием». «Всюду в жизни мы видим оскудение любви. Мы – это слабые дети расслабленной эпохи, и он укреплял в нас веру в Бога. Всей своей жизнью показывал твердость духа. Он умер во время всенощной службы перед началом великого славословия Богу.

Как свидетельствует Православная Церковь, так умирают праведники и святые. На его похоронах, несмотря на скорбь расставания, царила спокойная радость. В вечную жизнь провожали праведника. Только Господь определяет святость человека, но мы верим и уповаем на то, что в небесах появился новый молитвенник за Россию и за всех нас».

МИТРОФОРНЫЙ ПРОТОИЕРЕЙ ДИМИТРИЙ ФРОЛОВ

(По материалам публикаций иерея Андрея Степанова)

Детские и юношеские годы Димитрия Фролова прошли на Рязанщине.

Родился он в г. Рязани 2 февраля 1928 года в семье православных христиан Гавриила Ивановича и Анны Афанасьевны Фроловых.

Дорога к храму благодаря глубоко верующим матери и бабушке открылась для него ещё в раннем детстве. С десятилетнего возраста по зову сердца Димитрий начал алтарничать в храме иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость, неподалёку от Рязани.

Когда грянула Великая Отечественная война, отец его ушёл на фронт, но провоевал недолго, уже в 1942 году семья получила известие о его гибели.

До начала Великой Отечественной войны он лишь успел окончить начальную школу.

Однажды, четырнадцатилетним подростком, Димитрий попробовал сбежать на фронт, но его поймали, вернули матери и предложили помогать раненым бойцам в Рязанском эвакуационном военном госпитале, где он и помогал, чем мог, до окончания войны. Не счесть, сколько раз выезжал с санитарным автобусом на линию фронта, вывозя оттуда раненых, а вернувшись в госпиталь, кипятил в огромных котлах воду, необходимую для операций, приготовления пищи и для хозяйственных нужд; днями и ночами помогал медсёстрам ухаживать за больными, за что впоследствии был причислен к участникам Великой Отечественной войны и награждён различными похвалами (орден Великой Отечественной войны II степени и многие медали).

Именно в те годы укоренялась в его душе столь необходимая для христианина потребность в постоянной заботе о ближнем, жертвенная любовь к страждущим.

С детства дружил с Борисом Ротовым (будущим митрополитом Никодимом) и будущим архимандритом Авелем наместником Иоанно-Богословского монастыря, которые, вместе с ним проходили в соборе пономарское послушание.

После окончания войны тогдашний настоятель прихода отец Борис Скворцов благословил его готовиться к поступлению в духовную семинарию. Но военное лихолетье не позволило Димитрию получить даже

среднего образования. Пришлось, работая грузчиком и прислуживая в храме, несколько лет посещать вечернюю школу. Наконец в 1948 году мечта его осуществилась: успешно выдержав вступительные экзамены, Дмитрий Фролов был зачислен в Московскую духовную семинарию.

Во время учебы в семинарии Димитрий в чине иподиакона прислуживал во время богослужения у ректора протоиерея Александра Смирнова в Николо-Кузнецком храме вместе с будущим благочинным храма Преображения Господня в Богородском протоиереем Анатолием Новиковым. Они были дружны до самой смерти. Закончил семинарию в 1952 году.

С будущей своей супругой познакомился, когда она, Валентина Михайловна Шкуркина, пела на клиросе при храме Рождества Христова в Измайлово под руководством преподавателя Московской Духовной Семинарии М.Н. Виноградова.

В то время в том же приходе служил о. Иоанн (Крестьянкин). Матушка Валентина была его духовным чадом, имела высокодуховное воспитание, а также образование педагога младших классов. Милостью Божией эта чета соединилась.

10 августа 1952 года, в праздник Смоленской Иконы Божией Матери в г. Пушкино архиепископ Можайский Макарий (Даев) посвятил Димитрия Фролова в сан диакона. А через день, 12 августа, в престольный праздник в храме св. Иоанна Воина в г. Москве на Якиманке был посвящён в сан иерея тем же архиереем.

19 августа назначен настоятелем храма святителя Николая Чудотворца в г. Лосино-Петровский Московской области, где достойно служил 16 лет.

Прихожане были в большинстве своём Монинского камвольного комбината, набранными по лимиту. В эти тяжелые годы богоборчества служение было трудным и опасным. Запрещали воцерковлять даже собственных детей.

Несмотря ни на что, протоиерей Димитрий трудился не покладая рук Церкви и Отечеству на пользу. Чтобы получить разрешение местных властей на постройку котельной храма, каменной ограды и дома церковного причта, ему пришлось, по требованию градоначальства, асфальтировать дороги для города, а тем временем на стенах магазинов вывешивали плакаты с карикатурами и едкими эпиграммами на него. Его семья, с помощью Божией, выдержала и прочие гонения.

Протоиерей Димитрий всегда оставался мужественным воином за веру Христову, он был сугубо деятельным и ревностным пастырем: сам звонил в колокола, призывая народ к молитве; бескорыстно ездил на требы по всем окрестным деревням и селам, куда его только ни звали; воцерковлял людей.

В 1968 году, уже в сане протоиерея, отца Димитрия переводят настоятелем храма Вознесения Господня в городе Павлове-Посаде Московской области, где он прослужил до 1976 года.

Матушка Валентина всегда оставалась его надеждой и опорой, воспитала 3-х детей, получивших, с Божьей помощью, высшее образование, и ныне все остаются при храме.

Из паствы о. Димитрия в те годы выросли двое семинаристов, за одного из которых вышла замуж его дочь (прот. Сергий Степанов скончался 28 октября 2008 г.).

Спустя 10 лет о. Димитрий, как ветеран ВОВ, назначается настоятелем храма Владимирской иконы Божьей Матери в с. Юдино Одинцовского района Московской области для окормления военнослужащих местной воинской части, где прослужил 20 лет.

К осени 1997 года выходит постановление, что данная церковь и прилегающая к ней территория по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II становится Патриаршим подворьем.

А в феврале 1998 года 70-летнего отца Димитрия по причине преклонного возраста переводят клириком храма Преображения Господня в Богородском города Москвы ближе к постоянному месту жительства, где он служит ещё долгих двенадцать лет, щедро передавая свой огромный

пастырский опыт молодому поколению священников. Здесь он также выполнял важную миссию: нёс послушание по духовному окормлению командного и личного состава Н-ской воинской части, где прослужил до самого дня смерти, удивляя и вдохновляя всех духовной стойкостью и оптимизмом.

Отец Димитрий всегда был в благодушном настроении, радостным, добрым и мирным человеком. Он любил сочинять стихи на разные темы и часто за трапезой читал и дарил их присутствующим. Батюшка часто вспоминал отца Петра Чельцова, его святость и праведность, духовную и богословскую мудрость и его добродетели: смирение, терпение и преданность воле Божией.

У отца Димитрия большая семья: два сына и одна дочь, семь внуков и пять правнуков. Батюшка был строгим домостроителем своей семьи. В его семье всегда была строгость, и он воспитывал эту строгость не для того, чтобы ему принадлежала какая-то слава, он воспитывал свою семью в глубокой нравственности, законопочитании и страхе Божием. Он был образцом примерного супруга, отца и деда. Но самая главная его заслуга, что он показал пример пастыря доброго. Дети и внуки его также трудятся при храме (один из внуков пошел по его стопам и стал священнослужителем).

В августе 2010 года о. Димитрий почувствовал себя совсем плохо. Особенно мучили его боли и отеки ног. Он просит перевести его за штат, и просьба его была удовлетворена. Но без храма и без полюбивших его всем сердцем прихожан он уже жить не может. И вот, несмотря на тяжкий недуг, 82-летний старец продолжает участвовать в службах и исповедовать прихожан. Очень трогательно было смотреть, как он со своей палочкой, хромая и воздыхая, подходил к аналою и склонял свою убелённую сединой голову для принятия тайны Исповеди. С каким благоговением и тщательностью он совершал это трудное дело!

Перед самой Пасхой 2012 года он был удостоен высокой награды: права служить с отверстыми Царскими вратами до «Отче наш…» Но после этого он часто стал говорить: «Эх, жаль, догорает головёшечка. Ещё годок дал бы Бог пожить». Видно чувствовал, что жизнь на исходе.

Утром в Троицкую родительскую субботу отец Димитрий по обыкновению готовился идти в храм и собирался сослужить. Но… Господь призвал его в этот миг, как мы надеемся, уже на другое служение.

Это случилось 2 июня 2012 года, в день, когда Православная церковь молитвенно чтит память всех от века усопших православных христиан, накануне праздника Святой Живоначальной Троицы, на 85-м году жизни в связи с тяжёлым заболеванием сердца.

Провожать в последний путь отца Димитрия пришло множество прихожан, а также клирики вновь созданного Воскресенского благочиния города Москвы.

Похоронили его на Котляковском кладбище, рядом с могилой его зятя, тоже священника, протоиерея Сергия Степанова.

Самой большой наградой за его служение является благодарная любовь сотен и тысяч людей, которым на протяжении долгих десятилетий он помогал обрести главное – путь ко спасению! Об этом отец Димитрий просто и задушевно отметил в своём любимом стихотворении:

* * *

Горе ли в жизни какое случится,
Или тоска посетит тебя вдруг,
Или нужда в твою дверь постучится,
Богу молися, мой друг!

Или обида до сердца коснется,
Или тяжелый недуг,
Или надежда твоя разобьется,
Богу молися, мой друг!

Или в душе твоей станет порою
Холодно, пусто вокруг,
Или сшибёшься ты в жизни тропою,
Богу молися, мой друг.

В жизни кому ль не пришлось ошибаться,
В трудном, далеком пути…
Господу нужно усердно молиться,
Путь он поможет найти.

Брат мой, страдающий, горя не бойся,
Горе – лекарство души,
В скорби под Божию Руку укройся,
И помолися в тиши.

Вечного здесь, на Земле, не бывает,
Все покидают нас вдруг.
Милость же Божья во век пребывает.
Богу молися, мой друг.

Все мы страдаем, душою разбиты,
Все мы в печалях, грехах,
Но мы у Бога с тобой не забыты.
Все мы у Бога в Очах.

С нами Он в тяжкую пору страданья,
Крест нам – опора в пути,
Но не теряй же, мой друг, упованья
С верою к Богу идти.

Скоро окончится буря сей жизни,
Час расставанья пробьёт,
И над тобою в Небесной Отчизне
Вечное Солнце взойдет!

P.S. В главе 8-й я уже писала о нашей семейной дружбе с прекрасной семьёй Фроловых. Его творческие возможности были настолько интересны, а для нашей семьи, кроме того, представляют и большую историческую ценность, то я сочла необходимым привести одно из них в текст биографической справки. Оно написано по случаю приезда нашей семьи в дом Фроловых. В шутку, конечно, он подписал послание: Дм. Есенин (всё-таки, Рязань). Надо полагать, что и о. Александр ответы своему старшему другу писал также стихами. К сожалению, пока сочинения моего отца в поэтическом изложении, адресованные семье о. Димитрия, не обнаружены. См. ниже стих, а также Приложение 4.

Фреска на Крестовоздвиженском храме. Марчуги

+

ЕДУТ ГОСТИ К НАМ / СТИХ/

СЕГОДНЯ В ГОСТИ К НАМ ПРИЕХАЛ
МОЙ МИЛЫЙ ДРУГ, ТОВАРИЩ МОЙ,
НО ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО ДОЛГО ЕХАЛ
ПРИТОМ С НЕПОЛНОЮ СЕМЬЁЙ.

НЕ ВИЖУ БАБУШКУ АГАФЬЮ
КОТОРОЙ ЧЕСТЬ Я ДОЛЖЕН ДАТЬ
ЧТО РОДИЛА ТАКОГО СЫНА
КТО ДОЛЖЕН БОГА ПРОСЛАВЛЯТЬ.

И СЛАВИТ ОН ХРИСТА МЛАДЕНЦА
ЗВЕЗДА С ВОСТОКА К НАМ ПРИШЛА
И МНОГО РАДОСТИ ДЕТИШКАМ
В ДОМ ХРИСТИАНСКИЙ ПРИНЕСЛА.

РОДИЛСЯ САМ СПАСИТЕЛЬ МИРА
ВОЛХВЫ ДАРЫ ЕМУ НЕСЛИ
НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА
ЕГО СМЕЛЕЕ КРЕСТ НЕСИ.

НЕСИ БЕЗРОПОТНО И СМЕЛО
НАЗАД В ДОРОГЕ НЕ ГЛЯДИ
ТВОРИ С УСЕРДЬЕМ БОЖЬЕ ДЕЛО
ТЕБЯ ОН ЖДЁТ УЖ ВПЕРЕДИ.

ОТЕЦ ДУХОВНЫЙ АЛЕКСАНДОР
ТВОЙ ПРЕДОК БЫЛ ВЕДЬ РУССКИЙ КНЯЗЬ
~~ОН НЕМЦЕВ БИЛ, ХОДИЛ К ТАТАРАМ~~
ЕГО ТЫ ЧЕСТЬ НЕ БРОСИШЬ В ГРЯЗЬ.

ТЫ СЛУЖИШЬ ПРАВДОЙ, ВЕРОЙ БОГУ
ЗА ЧИСТЫЙ РУССКИЙ НАШ НАРОД,
ТАК ОСВЕЩАЙ ЕМУ ДОРОГУ
ВЕДЬ ЗА ТОБОЮ ОН ИДЁТ.

СВЕТИЛО ТЕЛУ ОКО ПРОСТО
ОНО ДОЛЖНО БЫТЬ КАК ЯНТАРЬ
ТАК ПУСТЬ ПРОСТИТ ГРЕХОВ ТЕ СО СТО
ГОСПОДЬ КОГДА ИДЁШЬ В АЛТАРЬ.

ТЕПЕРЬ Я МАТУШКЕ МАРИИ
ХОЧУ СКАЗАТЬ НЕМНОГО СЛОВ
ХРИСТОС СКАЗАЛ ВЕДЬ СОЛОМИИ
ЧТО ОН К РАСПЯТИЮ ГОТОВ.

МОЛИСЬ И ТЫ УСЕРДНО БОГУ
В ПЕЧАЛЯХ МУЖУ ПОМОГАЙ
НЕСИ ТЕРНИСТУЮ ДОРОГУ
НА ПОМОЩЬ БОГА УПОВАЙ.

ИДЁШЬ ЛИ В ХРАМ, СИДИШЬ ЛИ ДОМА
МОЛИТВУ ЧАЩЕ ПОВТОРЯЙ
КОГДА ИДЁТ ДИТЯ В ДОРОГУ
ЕГО КРЕСТОМ БЛАГОСЛОВЛЯЙ.

РЕБЁНОК СПИТ , А ТЫ МОЛИТВОЙ
ЕГО КРОВАТКУ ОХРАНЯЙ
~~И ВМЕСТЕ С БАТЮШКОЙ ЛЮБИМЫМ~~
~~ХРИСТА МЛАДЕНЦА ПРОСЛАВЛЯЙ~~

ХРИСТА МЛАДЕНЦА ПРОСЛАВЛЯЙ.

СЕГОДНЯ ЗДЕСЬ МЫ СОБРАЛИСЬ
БОГОЯВЛЕНИЕ ПОЧТИТЬ,
ТЫ СНАМИ БОГУ ПОМОЛИСЯ
ПОТОМ НАЧНЁМ ВСЕ ЧАЙ МЫ ПИТЬ.

ДЕТИШКИ ОЛЕЧКА С СЕРЁЖЕЙ
ОПРЯТНЫ, СКРОМНЫ И УМНЫ,
ОНИ ДЛЯ ВАС ВЕДЬ ВСЕХ ДОРОЖЕ
ХОТЯ НЕМНОГО ШАЛУНЫ.

МАЛЫ ПОКА ЕЩЁ РЕБЯТА
МАЛА ЗАБОТА С НИМИ ВАМ,
ПОСТОЙ ! ГОДКОВ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТОК
УТЕХА БУДЕТ СТАРИКАМ. ?

ПОКИНУТ ГНЁЗДЫШКО РОДНОЕ
А МОЖЕТ В ДОМИК ПРИВЕДУТ
СЕРДЕЧКО ЕКНЕТ ЗОЛОТОЕ
КОГДА СВЕКРОВЬЮ НАЗОВУТ

И ТЕСТЬ ВСЕГДА В "ПОЧЁТЕ" БУДЕТ ???
НАЧНЁТ ВНУЧАТОЧЕК КАЧАТЬ
И НИКОГДА ОН НЕ ЗАБУДЕТ
СВОЮ РОДНУЮ ГАШУ МАТЬ.

НЕ ДАЙ ГОСПОДЬ ЛИХОГО СЧАСТЬЯ
ГНЕВ СВОЙ ОТ НАС ТЫ ОТВЕДИ
В СЕМЬЕ ЧТОБ НЕ БЫЛО НЕНАСТЬЯ
НО ЧТО НАС ЖДЁТ ТАМ ВПЕРЕДИ ?

ТЕЧЁТ РЕКА СПОКОЙНО, РОВНО
НО ВИДНО БЫСТРО ЖИЗНЬ ТЕЧЁТ,
ИГРАЕТ ОЛЯ УЖ ПРОВОРНО
ГРАНИТ НАУКИ ПОЗНАЁТ.

СЕРЁЖА ТОЖЕ ПАРЕНЬ БРАВЫЙ
СТИХИ ОН ЗНАЕТ НАИЗУСТЬ,
ЖЕЛАЮ ЧТОБ СВОЕЙ ЗАБАВОЙ
ИЗ ДОМА ГНАЛИ СКОРБЬ И ГРУСТЬ.

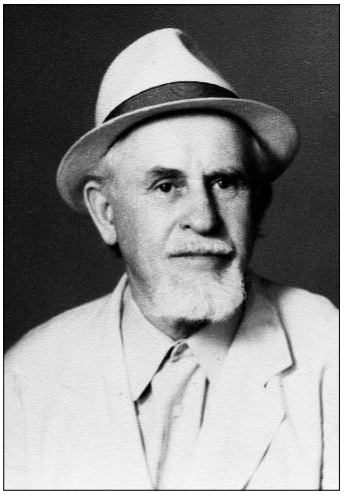
НУ ЧТО-Ж, СТИШОК Я ЗАКРУГЛЯЮ
ЕГО НА ПАМЯТЬ ВАМ ДАРЮ,
С БОГОЯВЛЕНЬЕМ ПОЗДРАВЛЯЮ
ЗА ВАС И БОГА Я МОЛЮ.

И НАС ВЫ ТОЖЕ НЕ ЗАБУДЬТЕ
В СВОИХ МОЛИТВАХ , А ПОРОЙ
ЗА ПЛОХ ПРИЁМ НЕ ОБЕЗСУДЬТЕ
КОГДА ПРИЕДЕТЕ ДОМОЙ.

ДМ. ЕСЕНИН. 21 ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

М О С К В А .

Протоиерей Алексей ЕВДОКИМОВ



Священник Алексий Евдокимов (Алексей Иванович Евдокимов) венчал моих родителей, он же крестил меня. Брата Михаила крестил протоиерей Димитрий Фролов. Протоиерей Александр Захаров крестил брата Сергея; венчал нас всех отец Александр Сайгушев.

Протоиерей Алексий Евдокимов был человек сложной и легендарной судьбы, повидавший на своём веку много и радости, и горя. Они очень дружили с отцом.

Родился о. Алексий 23 марта 1906 года в деревне Малышево, что недалеко от станции Бронницы. В самой деревне церкви не было. Его дядя Василий Парфёнович, торговец из крестьян, вместе с малышевскими жителями решили построить собственный храм. И всем миром его построили.

Уже с детских лет Алексей часто и охотно ходил в церковь, возведённую на средства дяди и сельчан. Мальчик имел хороший музыкальный слух, рано стал петь в церковном хоре.

В 1928 году Алексей Евдокимов женился на дочери о. Сергия Лебедева – Евгении Сергеевне. Чтобы содержать семью, он занимался всеми видами работ как сельскохозяйственными, так и промышленными. Работал в основном на московских предприятиях.

Началась война. Уже на второй день, 23 июня 1941 года, будущий священник, а пока рядовой Евдокимов, отправился вместе с земляками на защиту Отечества.

Их эшелон сразу направился к месту боев, к Великим Лукам. Там уже шли ожесточенные сражения. В дороге Алексей Иванович заболел воспалением легких. Его в Твери отправили в госпиталь, где он и пролежал полтора месяца.

После выздоровления он стал служить в инженерно-строительном батальоне. За время войны рядовой Евдокимов был и связистом, и сапёром. Он вместе с батальоном воевал в Белоруссии, Прибалтике, принимал участие в освобождении городов Бауск, Полоцк, Двинск, Мемель. За эти бои Алексей Иванович получил Благодарность Верховного главнокомандующего. В 1944 году его наградили медалью «За отвагу» и поощрили отпуском.

Закончив войну в Мемеле, он демобилизовался только в ноябре 1945 года. Наступила мирная жизнь, и нужно было искать свое место в этой новой жизни.

В начале 1947 года Алексей Иванович по совету своего тестя о. Сергия Лебедева пришёл на службу в село Новлянское, в только что заново открытую церковь святителя Иоанна Златоуста. Открывал её и стал первым настоятелем после перерыва священник Иосиф Ковальчук, служивший до этого в Крестовоздвиженской церкви села Марчуги.

Здесь Алексея Ивановича приняли псаломщиком. Пел он в храме пять лет, а 8 апреля 1952 года указом митрополита Крутицкого и Коломенского Николая был рукоположен в диаконы.

Поначалу Алексей Иванович с семьей жил в сторожке при церкви, а потом приобрел дом (прямо напротив храма).

Диаконом о. Алексий прослужил четыре года.

Назначенный в 1956 году настоятелем Иоанно-Златоустовского храма священник Павел Толмачёв был человеком не очень здоровым, говорил с одышкой и вести службу мог с трудом. Поэтому о. Алексия в 1956 году рукоположили в сан и назначили вторым священником в том же Иоанно-Златоустовском храме.

Основные обязанности по службе легли как раз на плечи 2-го священника. Отец Павел жил под Бронницами, недалеко от станции Удельная. В Новлянское приезжал в основном по праздникам и воскресным дням. В 1958 году, после двух лет священства, ко дню Св. Пасхи о. Алексий был удостоен

первой церковной награды – набедренника.

В 1961 году о. Павел Толмачёв по состоянию здоровья вынужден был оставить служение. О. Алексий со 2 января 1961 года назначается и.о. настоятеля храма, а с 16 октября того же года – настоятелем. Указ о назначении подписал митрополит Крутицкий и Коломенский Питирим.

В то время вторым священником в храме служил молодой священник Александр Захаров, которому в скором времени суждено будет крестить моего брата Сергея.

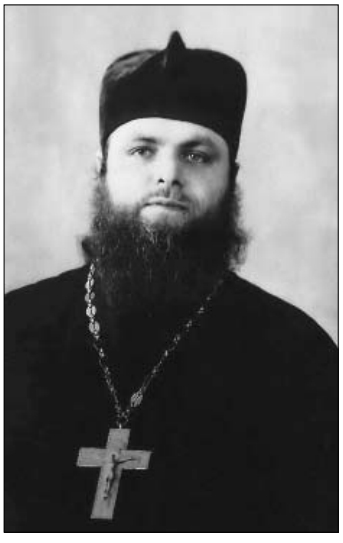
На Пасху 1968 года о. Алексий награжден саном протоиерея (12.04.1968), Шли годы, отец Алексий продолжал свое служение в храме. Но рано или поздно возраст дает о себе знать, силы убывают, здоровье иногда подводит. В 1984 году о. Алексию исполнилось 78 лет, и он решил уйти на пенсию (в заштат).

37 лет жизни посвятил и отдал отец Алексий служению в Иоанно-Златоустовском храме села Новлянского. Отец Алексий прошел все ступени священнослужителя: 5 лет псаломщиком (1947–1952), 4 года диаконом (1952–1956), 5 лет вторым священником (1956–1961) и 23 года настоятелем (1961–1984). Он удостоен всех патриарших наград. Одна из грамот гласила: «Протоиерею Алексию Евдокимову. В признание Вашего личного вклада в достижение славной Победы советского народа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Вам преподается благословение Божие и выражается благодарность за патриотическое служение Родине и Церкви. Пимен. 9 мая 1985».

К его государственным наградам прибавились медали «За оборону Москвы» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», орден «Отечественной войны» II степени.

В Воскресенском районе также один за другим открывались заново храмы, что в конце концов позволило создать свое Воскресенское благочиние.

Однако о. Алексий немного не дожил до этого времени. В самом начале 1988 года, перед Рождеством, 8 января, скончался. Могила его находится в церковной ограде, справа от алтаря.



ПРОТОИЕРЕЙ ВЛАДИМИР МАРКИН

В то непростое время многие верующие люди, вынужденные по разным причинам покидать свои родные места, стремились поселиться рядом с храмом, где ещё совершалась служба. Так с Троицким храмом в Удельной оказалась неразрывно связанной уникальная судьба семьи Капалиных, приехавших в посёлок в 30-х годах XX века. Все четверо сыновей Михаила Герасимовича и Марии Алексеевны (ныне схимонахиня Мария) стали священнослужителями: митрополит Калужский и Боровский Климент, архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий, архимандрит Василий, протоиерей Николай родились и выросли в Удельной.

«Большое духовное значение для нас имел храм в Удельной в честь Святой Живоначальной Троицы, – пишет митрополит Калужский и Боровский Климент в своей автобиографической книге «Возрастание в вере». – Этот храм небывалой красоты был построен в 1897 году по проекту архитектора Семёна Семёновича Эйбушитца… Храм находился в десяти минутах ходьбы от нас, он являлся нашим вторым домом, а его прихожане – нашей большой семьей. Там нас все знали и всегда в трудные моменты помогали».

По воспоминаниям Владыки, в те годы даже в простой воскресный день храм так заполнялся народом, что уже в начале Литургии в него нельзя было войти. Люди мо-

лились на крыльце и слушали службу у открытых ворот.

В доме Капалиных в те годы часто бывали священники, служившие в Троицком храме,– протоиереи Владимир Маркин и Николай Пташинский. Приезжали из Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Тихон (Агриков), архимандрит Варнава (ныне митрополит Чебоксарский и Чувашский), архимандрит Сергий (Петин), иеромонах Власий (Перегонцев), ныне архимандрит, служивший в то время в Сибири, студент Московской духовной семинарии Николай Старинский (ныне архиепископ Николаевский и Вознесенский Питирим), протоиерей Владимир Ганин, протоиерей Александр Сайгушев.

Со слов Ирины Анатольевны Кочегаровой – крестницы протоиерея Владимира Маркина: «Протоиерей Владимир Маркин родился 05.02.1938 г. в пос. Лопатинский. Проживал в пос. Удельная, там и служил Господу.

Тяжёлая болезнь, постигшая священника, на долгие годы приковала его к постели. Жена матушка Тамара, трое детей, как могли, поддерживали его. Но больше всех ухаживала за батюшкой мать жены.

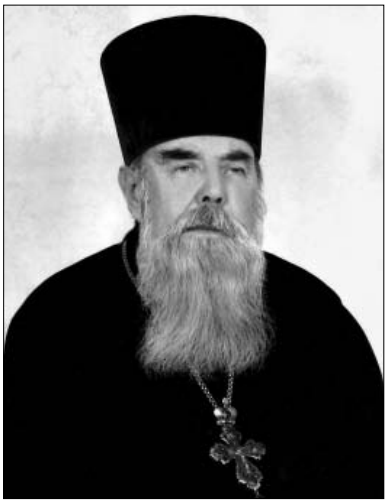
В последние годы семья протоиерея Владимира Маркина проживала в селе Марфино Мытищинского района Московской области. Протоиерей Владимир Маркин отошёл ко Господу 16 декабря 1996года и похоронен возле храма Святых апостолов Петра и Павла в Марфино.

Рядом с ним в 2002 году погребена его тёща (Мария в схиме Михаила), которая на протяжении многих лет ухаживала за батюшкой.

В настоящее время настоятелем этого храма является игумен Паисий – старший сын протоиерея Владимира Маркина.

В церковном хоре поёт его мать – матушка Тамара. О судьбе дочери Натальи и младшего сына Сергея – неизвестно.

Мать отца Владимира Маркина Мария похоронена на Воскресенском кладбище вместе с другим своим сыном Николаем, о судьбе её дочери Тамары – неизвестно».



ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР КОРОБЕЙНИКОВ

Протоиерея Александра Коробейникова с полным правом можно назвать потомственным священником. По свидетельству самого батюшки и сестры Марии, его мать, Ольга Кондратьевна, была из старинного священнического рода, представители которого служили Церкви еще в XVIII веке.

Отец пастыря, Павел Михайлович, в 1901 году окончил Киевскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, где и преподавал некоторое время. К моменту рождения сына (16 мая 1929 г.) был псаломщиком в селе Лысогорка Куйбышевского (Голодаевского) района Ростовской области. 10 августа 1937 г., в день Смоленской иконы Божией Матери, он, будучи уже в священном сане, был арестован в церкви во время молебна. С этого времени 8-летний Александр вместе с сестрой Марией воспитывался матерью (остальные семь братьев и сестер умерли от голода).

В конце 1937 г. овдовевшая матушка Ольга Кондратьевна с детьми переехала в город Новочеркасск Ростовской области, где Александр учился в общеобразовательной и музыкальной школе (по классу скрипки).

Несмотря на то, что многие в то страшное время отреклись от своих репрессированных близких, мать будущего священника от своего мужа и от Православной веры не отреклась. В том же духе она воспитывала своих детей. Она отказалась от должности учителя

(у нее было прекрасное образование) в школе, чтобы не преподавать детям атеизм, и работала в этой школе уборщицей. Семья жила в условиях тяжких испытаний и лишений.

В школе Александр учился на «отлично». Учеба не мешала ему посещать богослужения, что он делал, по примеру отца, неопустительно в воскресные дни и двунадесятые праздники.

Отец будущего пастыря, по словам батюшки, был настолько благочестив, что если воскресный день заставал его в поезде, то он выходил из поезда, компостировал билет и шел на службу в храм. Однажды Александр пропустил занятия в школе на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. На следующий день, по его рассказу, директриса решила его при всех опозорить, но запуталась в словах и сама попала в конфуз. Она, войдя в класс, подняла Александра с места, спросила его, где он был вчера. На что он ответил: «Конечно, в церкви». Та с пафосом начала говорить: «Где это видано, чтобы советские школьники в церковные праздники не ходили в школу?!». Мальчик не растерялся и сказал: «Например – я». Весь класс дружно рассмеялся. И позора не получилось.

В 1942 г. класс средней школы, где учился будущий отец Александр, был эвакуирован в станицу Цымлянскую (на Дону) из-за войны. После освобождения Новочеркасска от немцев, семья вернулась в Новочеркасск, а в 1943 г. переехала в город Снежное Донецкой области. Там будущий священник работал на шахте 15-бис разнорабочим и учеником столяра.

В 1947 г. поступил по конкурсу в Московскую Духовную семинарию, которую окончил по первому разряду. Был рукоположен в священный сан. После чего, уже не продолжая духовное образование, с 1952 г. стал проходить пастырское служение в селах Черкизово Коломенского района, Карпово Воскресенского района, Вороново Подольского района, снова в селе Карпово, в городе Воскресенске (село Новлянское), где и закончил своё служение. Последний раз Божественную литургию он совершил 6 ноября 2005 г.

Помимо пастырского креста он нёс ещё семейное служение. У него было семеро детей, которым он смог в безбожное лихолетье привить глубокую веру. Сын его, диакон Николай, служил в Успенском кафедральном соборе Коломны, в настоящее время – в храме святителя Иоанна Златоуста в Воскресенске (бывшее село Новлянское). При жизни протоиерея Александра некоторые из его внуков приняли священнический сан.

Обладая от Бога музыкально-композиторскими дарованиями, батюшка написал музыку к нескольким церковным песнопениям и создал семейный церковный хор. До сих пор его дети и внуки поют в Церкви.

Болезни одна за другой стали разрушать могучий организм отца Александра. Батюшка мужественно боролся с ними. Когда последний раз батюшка лёг в больницу, многие надеялись, что он пособоруется, причастится и снова всё будет, как раньше. Однако Господь судил иначе. 30 ноября он тихо отошел ко Господу.

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР ЗАХАРОВ

Ранним утром 1 апреля в келье церковного дома Успенского кафедрального собора преставился о Господе добрый пастырь, старейший клирик Коломенского благочиния – протоиерей Александр Захаров.

Отец Александр родился 16 декабря 1934 г. в городе Богородицке Тульской области в крестьянской семье, имел младшего брата Виктора. Его батюшка, Сергей Дмитриевич, двадцать лет служил в царской армии, а после был конюхом. Мама, Матрена Васильевна, работала на колбасном заводе, в годы Великой Отечественной была участ-

ницей трудового фронта. В преклонных летах она приняла монашество с именем Магдалина, живя благочестиво, безвозмездно трудилась в храме.

В детстве будущий священник очень любил математику, физику, увлекался радиотехникой, с удовольствием сам всё чинил. С ранней юности обладал богатым внутренним миром и чистой душой.

После окончания средней школы в 1953 году по рекомендации архиепископа Сергия (Ларина) поступил в Ленинградскую духовную семинарию. После двух лет учебы прослужил три года в армии связистом, а затем продолжил образование. Стоит отметить, что в семинарские годы он освоил фортепиано, скрипку, мандолину, а в армии научился играть на трубе.

В 1960 году Александр Сергеевич вступил в брак и вскоре митрополитом Ленинградским и Ладожским Гурием (Егоровым) был посвящен в стихарь и нёс послушание иподиакона. А 4 декабря 1960 принял первую степень священства. В сан диакона его рукоположил епископ Лужский Алексий (Коноплев). От этого владыки 19 марта 1961 года Господь сподобил его великой чести принять сан иерея.

По окончании семинарии в 1961 г. молодой священник в связи с переездом на постоянное место жительство в Подмосковье получил направление в Московскую епархию. 30 ноября 1961 года определением Митрополита Крутицкого и Коломенского Питирима назначен вторым священником в Иоанно-Златоустовскую церковь (село Новлянское, г. Воскресенск).

В 1974 году отец Александр Захаров возглавил приход Михаило-Архангельской церкви села Карпово Воскресенского района. В 1975 году возведен в сан протоиерея.

В 1977 году правящим архиереем нашей епархии стал митрополит Ювеналий. Отец Александр был однокурсником владыки в семинарии. Батюшка всегда с особой теплотой, вспоминая прожитые годы, говорил о митрополите Ювеналии самые искренние добрые слова, наполненные безмерным уважением. Он всегда подчеркивал особую одарённость владыки, его внутреннюю силу, мудрость и доброту, называл настоящим архиереем от Бога.

26 июля 1977 года протоиерей Александр Захаров стал настоятелем Богоявленского храма Коломны, а 23 марта 1978 года – благочинным местного округа.

Молодые и зрелые годы священства батюшки выпали на трудное для Церкви время советской власти. Много храмов разрушили или закрыли, и благочиния тогда включали в себя несколько районов. Так, до начала 90-х годов Коломенский округ объединял приходы Коломенского, Луховицкого, Озерского и Зарайского районов. Отцу Александру приходилось преодолевать большие расстояния, посещая действующие храмы, причём после длительных служб, исповедей и многих треб.

Он рассказывал, что священников было мало, а число причастников в воскресные и праздничные дни доходило до полутора тысяч. Времени катастрофически не хватало, а у батюшки было ещё трое детей. Вспоминая то время, о. Александр говорил об огромной нагрузке, от которой он так уставал, что к вечеру не оставалось никаких сил, ноги отекали, болели, ныли и теряли чувствительность. Питаться приходилось также на бегу. Главной же трудностью стала болезнь вен и тромбофлебит, закончившийся кровоточащими трофическими язвами, так что страдания старца поистине могут описать только слова праведного Иова: «Ночью ноют во мне кости мои, и жилы мои не имеют покоя. С великим трудом снимается с меня одежда моя; края хитона моего жмут меня». (Иов 31,17–18). Но «сила Божия в немощи совершается» (2Кор.12, 9). В 1989 году протоиерей Александр был освобожден от должности благочинного, а в 1993-м переведён в штат Успенского кафедрального собора Коломны.

Божией милостью в 1990 г. началось возрождение духовной школы в Коломне. По благословению митрополита Ювеналия в одном из корпусов Ново-Голутвина монастыря открылось епархиальное духовное училище. Именно здесь отец Александр преподавал будущим священникам

литургику–науку о богослужении. До сих пор те, кому посчастливилось учиться у него, вспоминают удивительные лекции и примеры из его богатого жизненного опыта.

Протоиерей Александр Захаров погребён у алтаря Никольского храма села Черкизово под Коломной рядом с протоиереем Димитрием Брысаевым.

ПРОТОИЕРЕЙ ВАСИЛИЙ БАЩУК

Родился Василий в 1929 г. в селе Подцирье (ныне в черте города Камень-Каширский Волынской области на Украине) в простой крестьянской семье. Родители – Родион и Мария привили сыну любовь к труду и молитве. С ранних лет вместе с матерью Василий посещал церковные службы и с 7 лет пономарил в Ильинском храме в Камене Каширском.

В 1947 г. Василий поступил в Волынскую Духовную семинарию. То было сложное послевоенное время. Зачастую не доставало самого необходимого и простого: пищи, учебников, письменных принадлежностей. На нескольких студентов приходился один стол и одна настольная лампа. Но эти временные житейские трудности не могли охладить сердце и угасить пламень веры молодых семинаристов. Семинарское братство было крепким, верным и бескорыстным, сплоченным совместным преодолением всех невзгод. И это братское общение продолжалось у однокурсников отца Василия в течение всей их жизни.

Господь наградил отца Василия незаурядными вокальными данными. С детских лет он пел в церковном хоре, а после поступления в духовную школу – в семинарском. Любовь к церковному пению и к украинской народной песне отец Василий пронес через всю жизнь, и эту любовь и эту культуру он привил своим детям и внукам.

В 1949 г. состоялась судьбоносная встреча – с дочерью псаломщика Преображенского храма в селе Тучине Ровенской области – Ольгой Николаевной Джум, которая стала верным и надежным спутником Василия Бащука на протяжении всей жизни, матерью четверых детей. В 1950 г. Василий и Ольга повенчались, а 5 февраля того же года Василий был рукоположен епископом Волынским и Ровенским Панкратием (Кашперуком) в сан диакона.

Через два месяца вместе с другими семинаристами был призван в армию, где прослужил три с половиной года. После окончании службы осенью 1953 г. был принят в 4-й класс Волынской Духовной семинарии, а 28 февраля 1954 г. епископ Волынский и Ровенский Палладий (Каминский) рукоположил диакона Василия Бащука в сан священника.

После окончания Волынской Духовной семинарии отец Василий поступил в Московскую Духовную Академию.

С 1955 г. иерей Василий – штатный священник церкви во имя святых Флора и Лавра в городе Кашире Московской области.

В 1959 г. отец Василий переведен в Александро-Невский храм города Егорьевска Московской области. С 1961 по 1979 г.– благочинный храмов Егорьевского округа. В течение ряда лет был одновременно и благочинным храмов Коломенского округа.

С 1968 по 1979 г.– настоятель Александро-Невского храма. Он окормлял многочисленную паству; как благочинный – поддерживал и окормлял собратьев-сослужителей. Особо заботился отец Василий о благоукрашении храма, о церковном благолепии. Его заботами был отреставрирован Александро-Невский храм, возведена церковная ограда, престолы церкви облачены в металлический и мраморные оклады.

В 1979 г. определено отцу Василию новое послушание – настоятеля храм Вознесения Господня в городе Павловский Посад, где протоиерей Василий также беззаветно отдает все силы церковному служению до своего последнего дыхания.

24 года нёс отец Василий крест пастырского служения в Вознесенском храме Павловского Посада.

15 декабря Божественную литургию и чин отпевания усопшего протоиерея Василия в Вознесенском храме, по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, совершил епископ Видновский Тихон. Погребен отец Василий в церковной ограде – за алтарем храма. В надгробном слове Преосвященный Тихон отметил: «Уходит «золотой фонд» Церкви. Те, чьи плечи вынесли неимоверную тяжесть атеистического бремени, чьими титаническими усилиями сохранено стадо церковное. Один год их пастырского служения равен десяти годам нашего времени».

Перед каждой службой приходят прихожане к могилке отца Василия, молятся об упокоении его души и верят, что он ходатайствует о них пред Престолом Всевышнего.

ПРОТОИЕРЕЙ ДИМИТРИЙ БРЫСАЕВ

Отец Дмитрий родился в 1929 году в селе Быковка Новодеревеньковского района Орловской области. С детства ходил в церковь вмч. Дмитрия Солунского за несколько километров, успевая на ходу прочитать акафист Спасителю наизусть. Окончив 7 классов, Дмитрий Брысаев поступил в Горный техникум в городе Сталиногорске. После двух курсов учебы он поступил в Московскую Духовную семинарию. В 1951 году венчался с Антониной Васильевной Бармушкиной. В том же году, в день празднования иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость был рукоположен архиепископом Можайским Макарием (Даевым) во священника и направлен в храм святителя Николая в селе Черкизово, где ревностно прослужил почти 55 лет.

В доме батюшки всегда царило простодушие и гостеприимство. Многие верующие в то холодное советское время находили здесь приют и тепло. Бывали в доме и архиереи, останавливался ныне почивший архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Многие люди из села и города, руководители и простые труженики приходили к отцу Димитрию за советом и утешением, приносили своих детей крестить и сами крестились, исповедовались, венчались, и таковых было множество за весь период служения батюшки. Он же дал и рекомендацию для поступления в Московскую духовную семинарию прихожанину храма Александру Сайгушеву.

Протоиерей Димитрий Брысаев в 1974 г. удостоен патриаршей награды креста с украшениями, в 1981 г. награжден орденом прп. Сергия Радонежского II степени, а в 1988 г.– митрой.

Похоронен отец Димитрий около алтаря Никольского храма на старом церковном кладбище, рядом со своей матушкой. Служа Богу вместе всю жизнь, они и после смерти остались вместе, показывая незабвенный образ христианской жизни.

Никольская церковь является памятником федерального значения. Это единственная церковь в Коломенском районе, которая не закрывалась и не была разрушена в годы советской власти. В этой церкви венчался известный советский писатель Борис Андреевич Вогау (псевдоним Пильняк) со своей первой женой Марией Алексеевной Соколовой – коломенским врачом.

Пильняк известен своим романом «Голый год», в котором описывает первые годы революции 1917 года, действие которых происходит в вымышленном городе, в котором прослеживаются черты г. Коломны. В 1937году, перед временным закрытием церкви, в богослужении участвовал поэт Леонид Пастернак.

ИЕРОМОНАХ ВИССАРИОН

Бурдасов Василий (ВИССАРИОН) Никифорович, 1898 г.р., уроженец с. Русская Хомутерь, житель с. Ясашный Сызган (Базарно-Сызганский район, Ульяновская область), служитель религиозного культа, 07.04.32 тройкой ОГПУ по Средневолжскому краю по ст.ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 8 лет. 17.11.43 особым совещанием при НКВД СССР по ст.ст. 58–10 ч. 2, 58–11 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 5 лет. Направлен 13.08.1949 ОСО МГБ СССР в ссылку на поселение в Богучанский район Красноярского края. Освобожден 27.09.1954. Реабилитирован прокуратурой Красноярского края 24.03.2004.

В 1912 г. родители отдали Василия послушником в Жадовский монастырь (Симбирская губерния, Корсунский уезд, Жадовская Казанско-Богородицкая пустынь). После шести лет служения, в 1918 году, Василия мобилизовали в Красную армию.

Демобилизовавшись через три года, он снова вернулся в Жадовскую пустынь. Это был 1921 год.

Рукоположение: монах, Виссарион. В 1925 году рукоположен в иеромонахи. Служил до 1927 года.

В начале 1920-х годов монастырь был закрыт.

В 1925 г. в обители оставалось два десятка насельников монастыря, в том числе настоятель монастыря архимандрит Каллист (Павлов) и иеромонах Виссарион.

Происходила служба в Казанской церкви бывшего монастыря.

В декабре 1926 г. у монахов обители были отняты последние 7 десятин земли и лошадь. Монахов старались выселить с территории обители. В 1927 г. иеромонах Виссарион был вынужден покинуть обитель и стал служить приходским священником в разных приходах Симбирской епархии, также в Ульяновской области, село Ясашный (Ясачный) Сызган, иеромонах. В 1932 году его арестовали вместе с иеромонахом Ираклием (Нечаевым Яковом Егоровичем), священниками Виктором Засыпкиным и Николаем Троицким.

До ареста он спрашивал старицу Пашу Таволжанскую о будущем и в ответ услышал:

– Переплывёшь на своей лодке три моря, а потому надобно лодку проконопатить.

Иеромонах Виссарион понял смысл этого предсказания лишь после 3-х арестов и лагерных испытаний

До того, в 1930 году, арестовали и отправили в лагеря последних монахов, проживавших на территории Жадовской пустыни, в том числе бывшего её настоятеля архимандрита Каллиста (Павлова). Тройка при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю 07.04.1932 года вынесла приговор: восемь лет концлагерей (Московская область, Дмитлаг НКВД, строительство канала Москва-Волга, Белбалтлаг, строительство Беломоро-Балтийского канала).

В лагере о.Виссарион встретил архимандрита и бывшего настоятеля Жадовской пустыни Каллиста (Павлова), о чем написал в дошедшем до нынешнего времени стихотворении «Прощай, обитель!», и поныне поющееся народом в тех местах, где иеромонах Виссарион служил в последние свои годы.

В декабре 1936 г. иеромонах Виссарион

был освобожден досрочно и уехал на родину в село Русская Хомутерь, уже в начале 1937 года за ним «пришли».

Из воспоминаний иеромонаха Виссариона: «В 1937 г. за мной приехали и хотели арестовать, но я из квартиры сбежал…»

До 1943 г. он находился на нелегальном положении (в своих родных местах). Однако, в 1943 г. был все же арестован и приговорён к двум годам лишения свободы (тюрьма ИТЛ), освобождён в 1945 г., после чего до 1949 года снова ушёл на нелегальное положение. Но его арестовали снова и сослали в Красноярский край (Новосибирская область). Освободили после смерти Сталина.

Осенью 1954 г., когда из тех суровых северных мест Красноярского края улетел последний самолет, иеромонаху Виссариону сообщили, что получен приказ о его освобождении. Самолета надо было ждать до весны, и тогда иеромонах Виссарион решил идти пешком. Он взял топор, небольшой запас еды и спички.

Только через 700 километров он набрёл на человеческое жильё.

После освобождения вернулся в родные места и стал служить в разных селах Ульяновской области.

Из воспоминаний Марии Дмитриевны Подгорновой:

«Выйдя из заключения, он решил было не служить («выращивать картошку и ничего больше не делать»), однако вскоре увидел сон: овцы на поле без пастуха, а когда спросил, чьи они, услышал голос: «Твои»…

М.Д. Подгорнова рассказывала и другой случай: «Идя домой после очередной отсидки стриженым и бритым, Виссарион заблудился и забрёл в деревню Коченяевку, где его не знали. И тут какая-то маленькая девочка, глядя на него, стала теребить мать за подол, приговаривая: «Батюшка!»,– на что он ответил: «Истинно, так и есть».

По рассказам М.Д. Подгорновой: «Иеромонах Виссарион был строг в отношении соблюдения богослужебных правил, но удивительно добр в обращении… Он вспоминал, что когда мальчишкой оказался в Жадовской пустыни и получил послушание пасти коров, сильно переживал, как бы кто из односельчан не увидел, какое у него «не выдающееся послушение».

Отец Адриан (Базарный Сызган) рассказал, как святые мощи великомученицы Варвары попали в Жадовский монастырь: «Мощи великой Варвары лежат в Киеве, во Владимирском соборе. К нам они попали благодаря отцу Виссариону, покойному игумену, служившему в Кадышеве. У него был там знакомый священник, имеющий отношение к переоблачению мощей. А у святых мощей есть такая особенность: на них с годами появляются особенные капельки, это капли мира. Их собирают и помещают в сосуд с чистым освященным елеем. Или они могут высыхать на мощах, осыпаются и их собирают частицами. У нас как раз собраны подобные довольно крупные частицы. А с отцом Виссарионом мы очень подружились, и он подарил мне эти святые мощи для Никольского храма в Оськино, часть их я и передал в Казанский Жадовский мужской монастырь. С этими мощами теперь идёт крестный ход. Мощи – от слова мощь! Если народ действительно искренне обращается, то проявляются великие чудотворения. Великие для каждого в отдельности, значимые для кого-то одного, а полезные для всех, для общего укрепления нашей веры».

Иеромонах Виссарион часто бывал в селе Копышёвка в доме блаженного юродивого, старца Василия, очень переживал, что не смог попрощаться с ним – его к тому времени уже не стало.

После освобождения о. Виссарион служит в Корсунском, Инзенском, Базарно-Сызганском районах Ульяновской области до кончины – 02.10.1974 год.

Место захоронения Ульяновская область, село Русская Хомутерь.

О. ДИМИТРИЙ БОЛЯЩИЙ

«Отец Димитрий был человеком, к которому, как говорят, не зарастала народная тропа. Никогда не знаешь, что он тебе посоветует, что скажет. Идешь к нему с болью в душе, а уходишь с утешением»,– так говорит о нём протоиерей Виктор Ерохин. А вот слова священника Александра Бавыкина: «Когда тяжело мне становится, я обращаюсь к нему с просьбой. И по его молитвам Господь подаёт».

Родился о. Димитрий в 1909 году в селе Нижняя Матрёнка Добринского района Липецкой области. Отец его, судя по воспоминаниям родственников, скорее всего, был военным, участвовал в I мировой войне. Дмитрий после смерти отца остался за старшего в семье. Рассказывают, что он не по годам был смышлёным, вёл домашнее хозяйство, делал покупки, заботился о матери, братьях. И соседям всегда охотно помогал, не терялся никогда.

В начале тридцатых годов, по совету родных и земляков, семья переехала в город Воскресенск, видимо, в поисках лучшей доли. Дмитрий работал пожарником. Он был очень открытым, общительным. Мама, Мария Петровна, работала посудомойкой. Она была женщина глубоко верующая и Дмитрию привила любовь к Богу и людям.

Вскоре началась война. Дмитрия призвали в армию. Служил он в артиллерийских войсках, на Калининском фронте. В 1941 году его тяжело ранило в позвоночник. Сначала он был доставлен в уральский госпиталь, затем в Москву. Врачи осколок так и не смогли извлечь, и он потом выходил сам, частями. Зимой его направили домой как неизлечимо больного и недвижимого. Доставили на станцию Воскресенск. И бросили. Обнаружили случайно – просто заметили, что в снегу что-то шевелится. Привезли матери.

Он стал инвалидом совсем молодым, в 32 года. Мария Григорьевна Фёдорова, в прошлом заведующая Воскресенской поликлиникой, вспоминает, как в 1952 году её мама предложила отцу Димитрию приехать к ним жить, в деревню Суворово. Отец Димитрий был, несмотря на тяжелую болезнь, очень добрый, веселый. До сегодняшнего дня она чувствует его предстательство за их семью. Не раз, по словам Марии Григорьевны, и она сама и мама её обращалась к нему за молитвами, советом, как поступить, как детей воспитать.

После 10 класса Мария Григорьевна очень хотела поступить в медицинский институт. Но не прошла – одного балла не хватило. Год проучилась в коломенском пединституте. А душа не лежала. Стала повторно сдавать. «Поступишь, закончишь и будешь меня лечить»,– говорил тогда отец Димитрий. И так случилось. Деревня Суворово находилась в промышленной зоне, и стали говорить, что скоро её снесут. В 1959 году отец Димитрий переехал в Пески. Суворово, действительно, спустя несколько лет снесли, а на месте дома, где жил батюшка, стоит сейчас бензозаправка. После переезда в Пески, лечили отца Димитрия не песковские врачи – а воскресенские: Мария Григорьевна Фёдорова и Лидия Васильевна Попцова.

По словам его родственников, в песковском доме было очень радостно и легко на душе. Люди молились, беседовали о духовном, житейском. Ухаживали за батюшкой и смотрели за хозяйством две женщины – его троюродная сестра Губина Елена из г. Ефремова и Ксения из Коломны. Комнатка, в которой лежал отец Димитрий, была очень маленькая, примерно 4 квадратных метра. На улице он мог бывать очень редко. Справа от него стояли тумбочка с настольной лампой и стул. Было очень много икон. Никогда не было газет, радио, только духовная литература. В доме жили кошки. Они заходили к ба-

тюшке и ложились на его больные ноги, он их очень любил.

Евдокия Владимировна Степанова вспоминает, как она стала старостой церкви села Черкизова: «Вызывает он меня и говорит, что мне – быть старостой. Я говорю: «Отец Димитрий, я не могу, малограмотная. У нас есть мужчина один очень хороший. Может, его назначить». А он отвечает: «Миленькая Евдокия Владимировна, да мы Вас не назначали. Вас назначила Матерь Божия, а не мы». Отец Димитрий молился за нас. Какой заброшенный храм я приняла – и так легко было идти! Я с радостью прожила это время – все 19 лет. У меня все шло хорошо».

Многие знавшие отца Димитрия говорили, что во время беседы его глаза, голубые, становились еще светлее, как бы начинали светиться изнутри. После беседы он всех благословлял Крестом. Отец Александр Захаров рассказывает, что однажды к батюшке пришла его мама. Она долгое время работала грузчицей, и у нее сильно болела спина, так что она не могла разогнуться. После беседы батюшка благословил ее Крестом и перекрестил спину. С этого времени никогда больше спина у нее не болела.

Мама отца Димитрия инокиня Мария была невысокого роста, по-монашески всегда одетая в темное, тихая, кроткая и всегда улыбающаяся, приветливая. Чем могла, она утешала людей. В молодости она была очень веселой, любила петь, водить хороводы. Как рассказывают родственники, к внучатам была ласковая, жалела их, очень переживала. Но никогда не баловала и голос не повышала. Учила любить Бога и молиться Ему. По возможности, одаривала гостинцами.

Жительница Коломны Клавдия вспоминает: «Я ездила сначала к отцу Иоанну (Крестьянкину) в Летово. Потом его оттуда перевели. И отец Иоанн передал меня отцу Димитрию. Я пошла в храм в Черкизово. Увидела его маму, окликнула. Она мне сказала, что без мужа к отцу Димитрию мне идти нечего. Муж мой Борис не ходил в церковь, и венчаться со мной не хотел, говорил – я не крещёный. Я молилась неделю. И вдруг Борис согласился идти со мной. Пришли мы. Отец Димитрий, как увидел меня, стал обличать меня моими грехами. Я плакала и думала, что теперь Борис ни за что не согласится со мной венчаться. Потом батюшка меня ласково позвал, благословил, а мужу сказал, что если повенчается со мной, у нас родится дочь. У Бориса не могло быть детей – он тяжело болел. Но мы повенчались, и у нас родилась дочь. Муж назвал ее Вера. Когда Верочка была ещё маленькая, она по ночам не спала – у неё были какие-то страхи. Мы не знали, что с этим делать. Как-то матушка Мария говорит мне: «Клавдия, а ведь Верочка болеет». И дала ей большую грушу. Дочка съела и с тех пор больше не боялась».

По воспоминаниям родственника отца Димитрия – Карпова Дмитрия Ивановича – к племянникам и племянницам он относился ровно, никого не выделял и не баловал. Часто что-нибудь дарил. Говорил о житейском, прививал любовь к Богу. Но делал это деликатно, понимая, что силой человека к Богу не приведешь.

У него всегда был народ. 8 ноября на Димитрия Солунского, в день его ангела, – собиралось до 70 человек. Сначала долго молились. Потом ставили столы, на улице – самовар. Расходились только к вечеру. Батюшка утомлялся очень, но все равно находил в себе силы с каждым поговорить, проститься, каждого благословить.

В 1977 году, на 94 году жизни, умерла Мария Петровна. Смерть матери отец Димитрий воспринял очень тяжело, ближе и роднее у него не было никого. Он все чаще стал болеть, но по-прежнему молился и принимал людей. Незадолго до смерти он сказал бывшим рядом с ним людям, что скоро его не станет и просил молиться о нём.

Он умер 19 июля 1979 года. В Никольской церкви села Черкизова долго не начиналось отпевание. Ожидали священников из Коломны. Народу было много, стояли на улице. Хоронили Дмитрия Васильевича Карпова, отца Димитрия Болящего, как ещё называли его. К обеду из Коломны приехали отец Виктор Ерохин и отец Александр Захаров.

После службы все пришли в дом на Речной улице поселка Пески. Отец Дими-

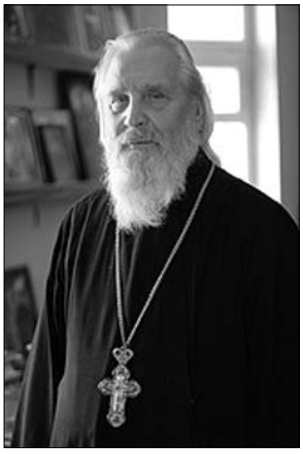
трий жил на берегу Москвы-реки, рядом с сосновым лесом. Он был неизлечимо болен, 38 лет пролежал в постели почти без движения. И почти каждый день в течение 20 лет в неизвестный рабочий поселок, где и храма-то никогда не было, спешили люди – за молитвами, советом, утешением.

Гроб с телом несли на плечах до самой церкви. Похоронили на кладбище в деревне Елино (рядом с поселком Пески). Многие из тех, кто знал отца Димитрия долгие годы, не подозревали, что он был монахом. В монашество с именем Досифей его постриг отец Иоанн (Крестьянкин), он же был его духовником.

Каждый год 19 июля, в день преставления отца Досифея, Димитрия Болящего, на его могилке собираются люди, служат о нём панихиду, просят батюшку, как живого, помочь, заступиться.

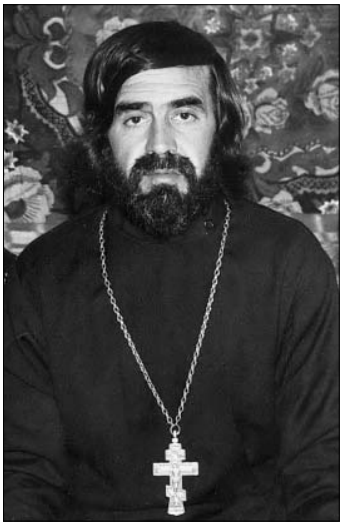
38 лет без движения, в постели. 38 лет служения Богу и людям. Нелегко они даются, эти простые, знакомые слова: «Сила Божия в немощи совершается».

МИТРОФОРНЫЙ ПРОТОИЕРЕЙ ГЕОРГИЙ БРЕЕВ



Митрофорный протоиерей Георгий БРЕЕВ – один из старейших московских клириков, настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском и епархиальный духовник Москвы – дважды в год он исповедует все московское духовенство. Можно сказать, что все православные священники столицы прошли перед его глазами. Многие пользовались и пользуются его духовной помощью.

СВЯЩЕННИК о. АЛЕКСАНДР МАРТЫШКИН



Мартышкин Александр Иванович родился в 1939 году в селе Малая Хомутерь Барышского района Ульяновской области. Крещён в родном селе в Покровской церкви. Образование – 7 классов средней М. Хомутерской школы. До армии работал в местном колхозе на разных работах за трудодни. Служил 3,5 года в Советской Армии. Окончил Кузоватовское училище механизации Ульяновской области по специальности тракторист-машинист широкого профиля с квалификацией слесаря 1 разряда. Работал токарем на заводе «Строймашина» г. Куйбышева и шофером в колхозе села М. Хомутерь.

В 1967 году женился на Сайгушевой Клавдии Васильевне, венчан с ней в Крестовоздвиженском храме с. Марчуги Воскресенского района Московской области настоятелем Александром Сайгушевым.

Проживал до рукоположения в с. Кочеяевке Вешкаймского района Ульяновской области. Работал в Инзенском химлесхозе в качестве сборщика живицы.

28.10.1979 г. года в Покровском кафедральном соборе архиепископом Куйбышевским и Сызранским Иоанном рукопо-

ложен в сан пресвитера (примерно месяцем раньше в сан диакона). По благословению Владыки Иоанна временно исполнял священнические обязанности в Св. Неопалимовской церкви г. Ульяновска В декабре 1979 г. назначен штатным священником Св. Неопалимовской церкви г. Ульяновска. С 1980 года – настоятель храма Рождества Христова с. Павловка Барышского района Ульяновской обл. Отошёл ко Господу 2 сентября 2012 года.

ПРЕСВИТЕР ГЕОРГИЙ МУСКАТИНОВ

Мускатинов Юрий Николаевич родился 11.12.1971. в селе Комсомольское Комсомольского района Чувашской АССР.

Образование средне-техническое. Специальность: техник-электрик высшего разряда.

Учится в Самарской духовной семинарии.

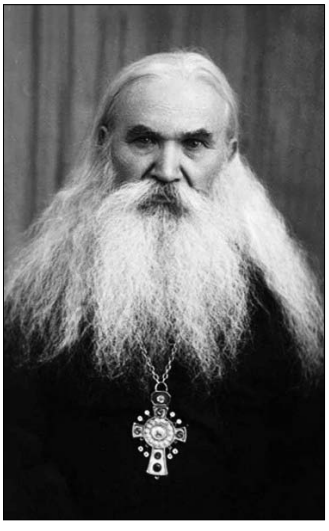
06.02.2007 года архиепископом Симбирским и Мелекесским Проклом в храме Св. бл. Ксении Петербургской села Арское Ульяновского района Ульяновской области рукоположен в сан диакона.

С этого же числа назначен Владыкой Проклом в клир храма Рождества Христова с. Павловка Барышского района Ульяновской обл.

09.07.2009 г. в Неопалимовском кафедральном соборе г. Ульяновска рукоположен в сан пресвитера. Настоятель Прихода храма Рождества Христова с. Павловка Барышевского района.

Указом № 29 от 5 декабря 2012 г. назначен первым помощником отца Благочинного I Благочиния Барышской епархии.

ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК ГАВРИИЛ МЕЛЕКЕССКИЙ



Выходец из крестьянской семьи, принял священный сан в разгар гонений на веру в 1921 году. В тюрьмах и лагерях провел в общей сложности 17,5 лет. Ещё до официальной канонизации во многих епархиях Русской Церкви архимандрита Гавриила почитали как святого.

…Будучи отроком, Иоанн обнаружил склонность к подвижничеству, с годами его ревность к благочестию возрастала все более и более. И, закончив учебу, он решает оставить мир с его соблазнами и уходит 12 ноября (по ст. ст.) 1903 года в монастырь Жадовская пустынь Карсунского уезда Симбирской губернии. Под покровом Жадовской Казанской Божией Матери несёт послушание. В это время в монастыре состояло 13 монахов и 26 послушников, настоятелем монастыря был архимандрит Макарий, которому в то время минуло 73 года. Послушник Иоанн Игошкин (по сохранившимся архивным документам) характеризовался так: «На послушании положителен, хороших качеств, очень способен, судим и оштрафован не был».

Жизнь преподобноисповедника Гавриила (Игошкина), архимандрита Мелекесского

(05.05.1888 – †18.10.1959) неразрывно связана с жизнью Русской Православной Церкви в XX веке. Трижды судимый, он никогда не жаловался на суровые условия лагерной жизни. О себе почти ничего не рассказывал, хотя все знали, какая у него была страшная судьба. Все свои беды он воспринимал как испытание его веры и любви к Богу.

Часто повторял: «На всё воля Господня, слава Богу за всё!» Он непоколебимо верил в Благой Промысел Божий о каждом человеке, в Покров Царицы Небесной над каждым из людей, безропотно и мужественно переносил страдания, говорил: «Я рад, что Господь сподобил меня пострадать вместе с моим народом и претерпеть сполна все скорби, которые не единожды выпали на долю православных. Испытания посылаются человеку от Бога и необходимы для его очищения и освящения».

Ничто не могло сломить его. До последнего дня своей земной жизни остался он верен Матери-Церкви. Далеко расходилась молва о праведности отца Гавриила. Кто бы ни приходил к нему, всех он принимал с любовью.

Для богатого, равно как и для убогого, всегда, на всякое время были открыты двери его дома. Иногда домочадцы говорили, чтобы батюшка немного отдохнул, но он всегда отвечал: «Здесь некогда отдыхать, уж очень много дел, там отдохну».

Годы земной жизни старца завершались. Душа его постоянно пребывала в непрестанной молитве. Молился батюшка не только днем, но и ночью, молился неустанно и непрерывно, не давая себе телесного покоя до самой смерти. За праведную жизнь Господь даровал о. Гавриилу дары прозорливости и исцеления.

Последние пять лет своей земной жизни архимандрит Гавриил посвятил написанию духовного наследия. Рукописи печатались на печатной машинке, раздавались и рассылались духовным чадам во все концы Советского Союза.

Его рукописи верующие вновь перепечатывали и передавали из рук в руки. Духовные повести отца Гавриила написаны простым языком … просты для чтения и понимания, … глубоки для духовного назидания и укрепления веры Христовой. Благодаря этим повестям многие обратились к Богу.

18 октября 1959 года архимандрит Гавриил отошел ко Господу. Множество чудес творил он при жизни, и до сего времени творятся им чудеса. Недаром народ почитает его святым угодником и исповедником Христовым, скорым помощником и ходатаем перед Богом. На его могиле всегда живые цветы. Его молитвами Господь утешает, ублажает и исцеляет всех, приходящих к нему. Воистину старец Гавриил – это великий светильник Божий, который светит всем.

20 декабря 2000 г. на родине святого преподобноисповедника Гавриила, в селе Сосновка (ранее с. Самодуровка) Сосновоборского района Пензенской области был установлен памятный деревянный крест на месте, где когда-то стоял дом, в котором родился святой.

5 июня 2004 года на родине был освящен новый храм в честь преподобноисповедника Гавриила.

ПРОТОИЕРЕЙ НАУМ КУРАТЧУК

Родился он в Белоруссии, в 1903 году, проживал в городе Димитровграде Вешкаймского района Ульяновской области, до ареста служил церковным сторожем.

Осуждён 03.12.1937 тройкой при УНКВД по Куйбышевской области. Обвинён по статье 58–10 часть 1 УК РСФСР. Приговорён к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован в мае 1989 года.

Это короткая справка из Книги памяти Ульяновской обл.

Наум Андреевич Куратчук – один из тысяч жертв советского периода истории. репресированных во времена больше-

вистского и коммунистического террора в СССР. Если читатель желает узнать подробнее о судьбе этого человека, может обратиться в архив города проживания или на ссылки интернета, и сделать запрос на имя Куратчука Наума Андреевича.

Протоиерей Наум Куратчук – достойный ученик святого преподобноисповедника Гавриила, архимандрита Мелекесского.

Всю жизнь архимандрит Гавриил посвятил служению Матери-Церкви, много лет прослужил в московских храмах: Марфо-Мариинской обители милосердия, Святителя Николая в Пыжах, Воскресения Христова в Кадашах и двух подмосковных, а также в храмах Ульяновска и Мелекесса. Как мы знаем, около четырнадцати лет отец Гавриил провел в заточении за веру Христову, пережил все ужасы и мучения тюрем и лагерей. До самой кончины своей иже во святых отец Гавриил являл собой пример истинного пастыря стада Христова, был любящим отцом духовным и попечителем о Церкви Божией.

На юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году причислен к лику святых. Его святые мощи почивают в Никольском соборе в г. Димитровграде Ульяновской области. Читатели вкратце познакомятся с его духовным наследием – это письма и проповеди и несколько повестей. Часть книги посвящена его сподвижникам, среди которых его родной брат Афанасий Иванович, принявший мученическую смерть от безбожных властей, и протоиерей Наум Куратчук.

Кроме того, нам известно, что протоиерей Наум Куратчук, служа настоятелем храма во имя Николая Чудотворца с. Оськино Ульяновской области, имел на паству большое положительное влияние.

Одной из многих его заслуг перед православной верой является то, что он в мальчике Николае из рабочего поселка Старое Тимошкино разглядел будущего священника о. Николая, будущего архимандрита Адриана (Н.Т. Шитова).

Из биографии о. Николая

Отец Николай (Николай Тимофеевич Шитов) с детства помнит рассказы своей бабушки. Она очень тепло пересказывала воспоминания деда (по отцу) Павла, который паломником ходил в Киево – Печерскую Лавру, в Новый Иерусалим, в другие монастыри русские. Эти её рассказы отложились в сознании мальчика, они и зажгли искру Божию – желание посвятить свою жизнь монашескому подвигу. Глубокий след в душе будущего священника оставила поездка в Троице – Сергиеву Лавру, в которую его много лет назад взял настоятель храма во имя Николая Чудотворца с. Оськино о. Наум Куратчук. Двенадцатилетний Николай, посещая храм с. Оськино, расспрашивал, интересовался всем духовным, богослужебными моментами, чем и приглянулся настоятелю. Спустя годы, отец Николай помнит пение хора, устройство храма, красоту богослужения – для него все было необыкновенно, сказочно. Он в те годы даже подозревать не мог, что когда – то станет священником, архимандритом и на многие годы настоятелем этого храма.

Отец Николай еще до окончания духовной семинарии хотел принять постриг, но тогда Господь управил иначе. 40 лет он вместе с матушкой шел к этому.

Служа в храме во имя Николая Чудотворца с. Оськино практически 40 лет, он является главным инициатором, попечителем строительства и настятелем Храма – часовни во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Архимандрит является неотъемлемой частью их истории.

Все эти значимые для истории русской православной церкви имена, наставники и ученики, ставшие сами наставниками (архимандрит Мелекесский Гавриил – протоиерей Наум Куратчук – архимандрит Андриан, настоятель храма с. Оськина) были объединены и великой верой в Спасителя, и великой территорией Среднего Поволжья.

Отец Александр Сайгашев, урождённый тех мест и часто бывавший в родной Коченяевке, всегда навещал святые места и товарищей – единоверцев.

Вот что рассказал о своём наставнике протоиерее Науме Куратчуке архимандрит Андриан: «Семья Наума Андреевича Курат-

чука (отец – Андрей, мать – Меланья, сестра – Анна) перед Первой мировой войной эвакуировались из Белоруссии, позже были раскулачены, жили в Мелекесском районе. Жили очень бедно. Наум Андреевич не гнушался любой работы, пас стадо, был сторожем. Он не был монахом, не имел жены (салибах). Жил по соседству с сестрой Анной.

В 40-ые годы многих арестовали и посадили в тюрьму за «пропаганду веры». В это же время арестовали и отца Наума, и архимандрита Гавриила.

Отец Наум отбывал срок в тяжелейших условиях в Сибири на повале леса.

Там он заболел, пошла кровь из ушей. Его отпустили на свободу – умирать…

Отец Наум едва добрался в родные края, в Майнский район, затем в Инзу.

Сестра Анна в то время работала в больнице медсестрой. Видя, что брат умирает, пыталась положить его на лечение, но, несмотря на то, что он был освобождён, никто не мог дать разрешения на госпитализацию «врага народа».

Сестра сама, как могла, выхаживала родного брата. Потихонечку, благодаря молитвам к Богу и стараниями сестры, он встал на ноги, немного окреп и смог ещё послужить во славу Божью.

Многие считали отца Наума прозорливым, приезжали к нему за советом, исцелением от недугов и душевным утешением.

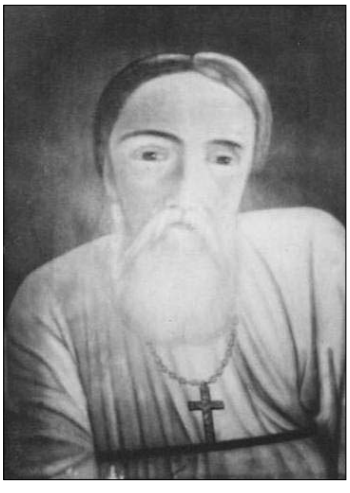
Не раз и сам отец Наум приезжал в Лавру поклониться мощам Сергия Радонежского, помолиться и встретиться со своим земляком, учеником, семинаристом из Коченяевки Александром Сайгушевым, которого любил как родного сына. Ведь будучи подростком (и после армии) Шурка Сайгушев частенько молился в Храме Николая Чудотворца села Оськино, и одним из первых его церковных наставников, конечно же, был о.Наум Куратчук.

И после окончания Семинарии священник Александр Сайгушев с женой и только народившейся дочкой Олечкой, бывая в родной Коченяевке, не мог не навестить Храм в селе Оськино и многострадального старенького отца Наума. Тот очень тепло встречал гостей и радовался каждой встрече.

Отец Наум пользовался большим уважением среди односельчан, и, когда умер, не смотря ни на что, в советское время гроб с телом почившего священника семь километров несли на руках через всё село…

Отец Наум Куратчук похоронен на кладбище в селе Оськино.

БЛАЖЕННЫЙ СТАРЕЦ ВАСИЛИЙ



Говоря о старце Василии надо помнить, что к нему приходили те люди, с кем о.Александру Сайгушеву пришлось встречаться или получить духовное воспитание на их трудах. Не то чтобы круг этих людей был ограничен Симбирской епархией, он был гораздо шире. Но всегда их путь проходил через село Коченяевку, Карсунь, Жадовская пустынь, с. Оськино и другие храмовые места жигулёвского Поволжья.

Всего несколько десятилетий назад в с. Большой Урень Карсунского района жил чудный старец по имени Василий, который был немощен телом, но духом силен. Его силы хватало на любовь ко всем людям, на молитвенный подвиг ради прощения людских грехов и облегчения чужих страданий. За советом к нему приходили даже люди высокого духовного звания.

К старцу Василию потянулись ходоки: кто с бедой, кто с просьбой – и все с гостинцами. Однажды зимой, во время войны, к старцу пришел отец Гавриил (св. преподобноисповедиик Гавриил, архимандрит Мелекесский), в кафтане и лаптях, как ни-

щий. Он сидел в дверях, на пороге и рассказывал о своей жизни.

– Его надо оставить у нас,– сказал старец Василий. Так отец Гавриил остался и прожил в этих краях три года, читал проповеди и причащал. Совершал Божественную Литургию.

Частенько бывает у старца Василия в с. Копышовке, подолгу ведут духовные беседы; бывало, служил у него в доме литургию, причащая старца и всех желающих. Исповедь вёл так, что все плакали. Отец Гавриил обращался к иконе Спасителя и говорил: «Господи, прими эти слезы покаяния и прости их согрешения».

Отца Василия навещал епископ Софроний (Иванцов), возглавлявший Симбирскую архиерейскую кафедру с 1946 по 1947 годы. Приходили вместе с о. Гавриилом. Владыка всегда подходил к старцу и просил: «Благослови». На что старец отвечал: «Ты благослови». Так они несколько раз друг другу говорили, в конце концов Владыка «сдавался» и благословлял старца как архиерей.

Частым гостем в этом доме был иеромонах Виссарион, бывший насельник Свято – Богородице – Казанского Жадовского монастыря. Он скрывался в годы репрессий у знакомых в г. Карсуне. Чтобы его не узнали, о. Виссарион приходил к старцу в женской шали. Он просил Святые Дары и причащал старца.

В начале 40-х годов о. Виссариона забрали. После десяти лет тюрьмы он опять пришел к старцу в дом, но того уже не было в живых. Виссарион очень сокрушался: «Я хотел его на своих плечах понести хоронить, но не пришлось».

На примере его жизни так явно и понятно значение слов: «Сила Божия в немощи совершается», а неугасающая вера в его помощь и по сей день еще раз доказывает, что воистину, «в память вечную будет праведник».

Василий Дмитриевич Струев родился 14 августа 1862 года в с. Большой Урень, точнее, в той части села, которая по-уличному называется Копышовкой. Он был женат – жену его звали Евфимией. Из 82 лет своей жизни 45 старец Василий находился в неподвижном лежачем состоянии – беда пришла в их дом нежданно, это случилось в 1905 году. В своем селе он исполнял обязанности старосты, а по профессии был вальщиком (валенки валял). Словом, жизнь его протекала в трудах насущных и попечениях о ближних, коих было у него целое село…

Но где-то что-то произошло, только однажды («в день бессребреников Космы и Дамиана» – записали родственники) вернулся он домой уже больным. Привезли его – «бревно». Первое время родственники ждали, что скоро умрет, но он не умирал. Говорить Василий Дмитриевич уже почти не мог. Когда о. Василий заболел, он жил в доме вместе с семьей племянника. Две семьи жили в небольшом домике, который сохранился до настоящего времени. Отец Василий лежал на кроватке, на улицу его возили на коляске. Тело у него все отболело, отпадало, а потом сделалось розовым, как у младенца. К о. Василию шли за помощью: кто с горем, кто с болезнью, кто за советом, с просьбой о святых его молитвах, о помощи об исцелении от болезней, телесных и душевных.

В Урене до сих пор помнят такой случай: один местный житель добирался от Чуфарово до дома пешком, а это 25 километров пути. Была зима, валенки маловаты. Ноги у Петра – так звали мужчину – намокли, начали болеть. Идти он не мог и стал замерзать. Мимо ехали два мужика на санях, растолкали его, лежащего на снегу. «К смерти,– говорит он им,– готовлюсь»… Привезли Петра домой, сапоги разрезали, а одна нога уже почернела. Фельдшер сказала Петру, что у него гангрена, ногу надо отрезать. Мать Петра пошла к старцу Василию, а он говорит: «Иди, Маня, домой, Петя успокоился… Иди-иди». Через три дня фельдшер пришла за Петром, чтобы отвезти его в больницу. Ногу – она была завязана детским одеялом – размотали, а там – красное тело, черноты больше нет. «Чем,– спрашивает,– лечили?». Про старца тогда говорить нельзя было. Домашние сказали: гусиным салом.

«Яко не до конца забвен будет нищий,
Терпение убогих не погибнет до конца».

Приложение 5

КОЧЕНЯЕВКА. СПИСОК ЖИТЕЛЕЙ

ЗДЕСЬ ПРЕДСТАВЛЕНА

Колхозная земельная шнуровая книга с. КОЧЕНЯЕВКА – родной деревни о. Александра Сайгушева. Пусть имена земляков будут всегда вместе с моим отцом.

Сведения из Государственного архива Ульяновской области. За каждой семьей был закреплен надел. Указывается только один представитель семьи. Можно считать его/её главой семьи. Фамилии приводятся по расположению улиц в с. Коченяевка на 1957–61 г.г.

1. Овтин Михаил Петрович
2. Рузанов Василий Савельевич
3. Вержев Дмитрий Матвеевич
4. Чернов Тимофей Иванович
5. Овтина Екатерина Григорьевна
6. Леонтьев Михаил Архипович (Леонтьева Агафья Осиповна)
7. Трофимова Мария Никифоровна
8. Исмакаев Николай Матвеевич
9. Чернов Павел Иванович
10. Новикова Мария Елисеевна
11. Рыжонкова (Рыженкова) Аграфена Васильевна
12. Юртанов Иван Семенович
13. Юртанов Даниил Семенович
14. Юртанов Павел Иванович
15. Тихонов Иван Афонасьевич (Афанасьевич)
16. Псакина Евдокия Логиновна
17. Гордеев Сафрон (Софрон) Анисимович
18. Вержев Иван Андреевич
19. Чернова Фекла (Фёкла) Ивановна
20. Тихонова Андрей Кузьмич (Тихонов Иван Андреевич)
21. Мурзинова Варвара Афонасьевна (Афанасьевна)
22. Мурзинова Просковья Афонасьевна (Афанасьевна)
23. Блохин Михаил Иванович
24. Исмакаев Михаил Архипович
25. Австанчикова Пелагея Николаевна
26. Савастьянова Екатерина Никифоровна
27. Австанчиков Иван Федотович
28. Трофимова Вера Анисимовна
29. Радаева Пелагея Ивановна
30. Митряева Е… Васильевна
31. Тихонова Просковья (Прасковья) Петровна
32. Кузоваткин Василий Павлович
33. Мокеева Анна Ивановна
34. Суняев Василий Тимофеевич
35. Глухова Елена Васильевна
36. Глухов Михаил Николаевич
37. Глухова Евдокия Николаевна
38. Колеганов Григорий Андреевич
39. Тихонов Михаил Никифорович
40. Казакова Анастасия Гордеевна
41. Колеганов Александр Андреевич
42. Чернова Вера Ивановна
43. Гордеев Михаил Иларионович
44. Австанчиков Василий Васильевич
45. Арискина Евгенья (Евгения) ??? кандровна
46. Князев Александр Михайлович
47. Борисова Наталия (Наталья) Петровна
48. Алякина Аксинья Матвеевна
49. Чапоргин Владимир Иванович
50. Гордеева Мария Ивановна
51. Кандрашкин (Кондрашкин) Григорий Иванович
52. Исмакаев Петр Семенович
53. Трофимов Николай Никифорович
54. Алякин Владимир Алексеевич
55. Колеганов Павел Дмитриевич
56. Исмакаева Анна Федоровна
57. Кандрашкин (Кондрашкин) Иван Андреевич
58. Псакина Софья Петровна
59. Гордеева Нина Павловна
60. Уткин Иван Васильевич
61. Рябова Пелагея Васильевна
62. Чапоргина Матрена Алексеевна
63. Алякин Михаил Васильевич (зачеркнуто)
64. Головизова Аграфена Павловна (зачеркнуто)

65. Трофимов Яков Никифорович
66. Чапоргин Семен Ермолаевич
67. Уткина Екатерина Васильевна
68. Исмакаев Иван Васильевич
69. Чечеватов Николай Петрович
70. Савельев Филипп Михайлович
71. Леонтьева Анна Никифоровна –
72. Новикова Зинаида Николаевна
73. Мокеева Татьяна Владимировна
74. Сайгушова (Сайгушева) Агафья Арефьевна
75. Алякина Татьяна Ермолаевна
76. Майорова Пелагея Сергеевна
77. Бозонкин Григорий Александрович
78. Тумпурова Ефимья Ивановна
79. Исмакаев Иван Сергеевич
80. Ратанов (Ротанов) Михаил Яковлевич
81. Ротанова (Ротанов) Пелагея Яковлевна
82. Мокеева Вера Ивановна
83. Рыжонков Василий Михайлович
84. Трофимова Мария Никифоровна (зачеркнуто)
85. Арискин Алексей Иванович
86. Рыжонкова (Рыженкова) Раиса Михайловна
87. Макаров Петр Иванович
88. Савельев Павел Дмитриевич
    Савельева Федосия Степановна
89. Суняева Екатерина Сергеевна
90. Ротанова (Ратанова) Анна Никитична
91. Новикова Софья Епифановна
92. Пильщикова Анастасия Михайловна
93. Гурьянов Николай Андреевич
94. Юртанова Устинья Федоровна
95. Юртанова Анисья Моисеевна
96. Австанчикова Анна Васильевна
97. Алякин Петр Алексеевич
98. Афонькин Николай Степанович
99. Юртанов Петр Иванович
100. Яковлева Пелагея Петровна
101. Юртанова Мария Сергеевна
102. Радаев Трофим Иванович
103. Колеганова Елизавета Афонасьевна
104. Блохин Петр Михайлович
105. Чапоргин Дмитрий Михайлович
106. Гурьянов Василий Андреевич
107. Гордеев Василий Иларионович
108. Борисова Татьяна Андреевна
109. Рыжонкова Евгения Васильевна
110. Давыткин Петр Матвеевич
111. Мокеева Вера Ильинична
112. Савельева Мария Филипповна
113. Леоньева Татьяна Корниловна
114. Давыткин Михаил Петрович
115. Яковлева Татьяна Ивановна
116. Тихонов Михаил Иванович
117. Чапоргин Иван Ермолаевич
118. Гордеев Иван Степанович
119. Мурзинова Мария Афонасьевна
120. Рыжонков Егор Иванович
121. Рыжонков Василий Иванович
122. Борисова Татьяна Герасимовна
123. Чернова Федосия Ивановна
124. Радаева Дарья Герасимовна
125. Юртанова Мария Тимофеевна
126. Радаева Клавдия Никифоровна
127. Радаев Николай Иванович
128. Псакин Иван Прохорович
129. Юртанов Алексей Степанович (зачеркнуто)
    Юртанов Петр Алексеевич
130. Кудряшова Наталья Герасимовна
131. Кудряшова Евдокия Елисеевна
132. Леонтьева Елена Михайловна
133. Кудряшов Андрей Герасимович
134. Ротанов Дмитрий Андреевич
135. Суняев Виктор Васильевич
136. Медникова Пелагея Тимофеевна
137. Федоров Федор Антонович
138. Герасимова Анна ивановна
139. Савельев Иван Павлович
140. Мокеев Василий Иванович
141. Кандрашкина Аксинья Маркеловна
142. Юртанова Пелагея Ивановна
143. Киреев Дмитрий Степанович (Киреева Елена Уваровна)
144. Рыжонкова Мария Васильевна
145. Чапоргин Василий Игнатьевич
146. Псакина Евдокия Сергеевна
147. Веревкин Михаил Степанович
148. Рыжонкова Вас??? Григорьевна
149. Елисеев Семен Иванович
150. Радаева Екатерина Сидоровна
151. Рыжонков Петр Михайлович
152. Исмакаев Прохор Павлович
153. Савельев Михаил Игнатьевич
154. Рыжонкова Анастасия Антоновна
155. Исмакаев Федор Кузьмич
156. Гордеев Иван Федорович
157. Борисова Федосия Андреевна

158. Юртанова Вера Петровна
159. Родионов Николай Григорьевич
160. Алякин Сергей Матвеевич (зачеркнуто) Алякина Еф??? Захаровна
161. Елисеев Николай Иванович
162. Елисеева Анна Степановна
163. Новиков Егор Степанович
164. Кнутова Анастасия Егоровна
165. Чернов Михаил Николаевич
166. Овтин Василий Михайлович
167. Рыжонкова Просковья Афонасьевна
168. Гордеев Павел Спиридонович Гордеев Иван Павлович
169. Черкасов Андрей Григорьевич
170. Ягина Просковья Антоновна
171. Ротанов Андрей Савельевич
172. Бозонкина Анна Федоровна
173. Сайгушова (Сайгушева) Аграфена Николаевна
174. Антонов Дмитрий Григорьевич
175. Сайгушова Анастасия Тимофеевна
176 Трофимова Анисья Павловна (зачеркнуто)
177. Исмакаев Михаил Васильевич
178. Алякин Филипп Иванович
179. Алякин Василий Алексеевич
180. Сайгушов Иван Иванович
181. Сайгушова Анастасия Феофановна
182. Чапоргина Татьяна Матвеевна
183. Тихонов Петр Иванович
184. Исмакаева Анисья Потаповна
185. Исмакаев Василий Павлович
186. Тихонова Пелагея Потаповна
187. Тихонов Михаил Иванович
188. Австанчиков Иван Федорович
189. Исмакаев Егор Сергеевич
190. Антонов Григорий Федорович
191. Сайгушов Василий Михайлович
192. Гордеева Акулина Кузьминична
193. Исмакаев Василий Архипович
194. Антонов Степан Григорьевич
195. Леонтьев Андрей Сергеевич
196. Исмакаев Иван Егорович
197. Мурзинов Алексей Иванович (зачеркнуто)
198. Дунаев Юрий Иванович
199. Ионов Михаил Иванович
200. Одутова Мария Григорьевна (зачеркнуто)
201. Вержева Елизавета???
202. Мурзинов Василий Николаевич (зачеркнуто)
203. Трофимова Агафья Васильевна (зачеркнуто)
204. Мурзинов Петр Иванович
205. Исмакаева Фекла Сергеевна

Корректировки внесены по состоянию на 1961 год.

Дополнительные записи:
200. Чапоргин Иван Михайлович
201. Филиппова Екатерина Алексеевна
202. Острокостова Мария Андреевна

Выписка из списка участников войны, вернувшихся и погибших, фрагмент

Всего погибло 108 человек
…
Рузанов В.С. Василий Савельевич, житель села, *вернулся с фронта*
Савельев В.П. житель села, *погиб*
Савельев М.Р. Михаил Родионович, житель села, *вернулся с фронта*
Савельев Т.И. житель села, *погиб*
Савельев Ф.М. Филипп Михайлович, житель села, *вернулся с фронта*
Сайгушев Д.Е. житель села, *погиб*
Сайгушев М.Т. житель села, *погиб*
Сайгушев В.Т. житель села, *вернулся с фронта*
Сазонкин Г.А. Григорий Алексеевич, житель села, *бронь на время войны*
Сазонкин Х.А. Харитон житель села, *погиб*
Сайгушев Д.П. Данил Потапович, 38 лет, житель села. На обелиске не указан
Суняев Н.Я. житель села, *погиб*
Суняев И.А. (Иван Антонович), житель села, *вернулся с фронта*
Стучков Евгений Александрович 27 лет, житель села. На обелиске не указан
Тихонов А.К. Андрей Кузьмич, житель села, *вернулся с фронта*
Тихонов Г.И. Григорий Иванович, житель села, *вернулся с фронта*
……

Глава 20. ПРИЛОЖЕНИЯ

1. *Награды о. Александра: благодарность Академии, набедренник, скуфья, камилавка, наперсный крест, протоиерей, палица, крест с украшениями.*
2. *Указы, предписания.*
3. *Фотографии.*
4. *Духовные стихи.*
5. *Стихи собственного сочинения.*
6. *Жизнь продолжается. «Душа его во благих водворится, и память его в род и род».*

Протоиерей Александр Сайгушев

Приложение 1

НАГРАДЫ о. АЛЕКСАНДРА САЙГУШЕВА

ОПИСАНИЕ НАГРАД

Набе́дренник – принадлежность богослужебного облачения священника Русской православной церкви. Имеет вид матерчатого продолговатого прямоугольника (плата), в центре которого изображён крест. Носится на длинной ленте у бедра справа, а при палице (у протоиерея и архимандрита) слева.Символизирует «меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф.6:17). Слово, которым должен быть вооружён священник.

Камилавка – головной убор в Православной церкви фиолетового или чёрного цвета в виде расширяющегося кверху цилиндра, является также наградой для священников.В русской церкви камилавка стала употребляться со второй половины XVII века, заменив собой скуфью. В 1798 году камилавка была отнесена к числу церковных наград.Камилавка покрытая наметкой, является частью монашеского облачения и называется клобуком.

Наперсный крест.

После камилавки следующая награда священника – наперсный крест, т.е. носимый на груди (на персях), поверх рясы или богослужебной одежды, называемой фелонь. Долгое время священники вообще не носили никаких наперсных крестов, как не носят их и по сей день на православном Востоке. Повседневный восьмиконечный крест ввел в обиход, предписав его носить *всем* батюшкам России, государь Николай II. Наградной же наперсный крест был учрежден ранее, в 1798 году. В советское время, как и сейчас, он являлся достаточно частой наградой. Но, чтобы как-то выделить награжденного из череды прочих лиц, награда вручалась либо одновременно с поставлением в иереи, либо вручение креста совмещалось с пожалованием камилавки и набедренника, вручением ордена или назначением на новое место.

Протоиере́й – первосвященник; титул, даваемый лицу белого духовенства как награда в Православной церкви. Протоиерей – старший иерей (официальное название православного священника). До появления термина *протоиерей* обиходным названием старшего православного священника в России было протопоп. Протоиерей обычно является настоятелем храма.

Палица, это – четырехугольный плат, привешиваемый за один угол, сверх саккоса на правом бедре. В награду за отлично-усердную службу право носить палицу иногда получают от правящего архиерея и заслуженные протоиереи, носящие ее также с правой стороны, а набедренник в таком случае помещается на левой.

Кре́ст с украше́ниями – крест, носимый священником на груди (на персях), поверх облачения. Отличительной особенностью этого вида наперсного креста является использование при его изготовлении эмали, филиграни, гравировки и камней. Как правило, кресты с украшениями производятся ювелирными мастерскими.

Награждение крестом с украшениями производится Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Его получают священники, которые ранее были награждены палицей, но не ранее чем через 5 лет после награждения. Возложение креста на священника производится правящим епархиальным архиереем, либо, по его благословению – викарным архиереем. При возложении архиерей возглашает «аксиос».

1988

ВСЕМИРНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ
ЗА СПАСЕНИЕ
СВЯЩЕННОГО ДАРА
ЖИЗНИ
ОТ ЯДЕРНОЙ
КАТАСТРОФЫ
МОСКВА 1982

988 · ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ КРЕЩЕНИЯ РУСИ · 1988

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
МОСКОВСКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

5 июня 1963 г.
№ 697
Тел.

СВЯЩЕННИКУ АЛЕКСАНДРУ САЙГУШЕВУ

Совет Московской Духовной Академии и Семинарии своим постановлением от 5 июня 1963 года (Журнал Совета № 10, утвержденный ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВОМ, СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ А Л Е К С И Е М 12 июня с.г.) выражает Вам благодарность за пожертвования в Церковно-Археологический Кабинет Академии.

ИНСПЕКТОР Московской Духовной
Академии и Семинарии
Иеромонах Филарет (ФИЛАРЕТ)

СЕКРЕТАРЬ Совета Академии
Протоиерей А. Остапов (А.ОСТАПОВ)

МИТРОПОЛИТ
КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

УПРАВЛЯЮЩИЙ
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

«25» апреля 1967 г.
№ 311.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее настоятелю Владимирской церкви с.Маврина Щелковского района Московской области священнику С А Й Г У Ш Е В У Александру Михайловичу в свидетельство того, что он М Н О Ю награжден к празднику Св.Пасхи – НАБЕДРЕННИКОМ.

Московская Патриархия
Управление Московской Епархией

† Митрополит Крутицкий и Коломенский.

МИТРОПОЛИТ
КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ
УПРАВЛЯЮЩИЙ
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ
«3» Июля 1968 г.
№ 884

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Дано настоящее священнику Крестовоздвиженской церкви с.Марчуги, Люберецкого района Московской обл. С А Й Г У Ш Е В У Александру Михайловичу в свидетельство того, что он м н о ю награжден за Божественной Литургией 2-го Июля 1968 года - С К У Ф Ь Е Й .

Московская Патриархия
Отдельный Московский Епархиальный

..... МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ.

МИТРОПОЛИТ
КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ
УПРАВЛЯЮЩИЙ
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

«3» Апреля 1969 г.
№ 360

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Дано настоящее настоятелю Крестовоздвиженской церкви с. Марчуги, Московской области священнику С А Й Г У Ш Е В У Александру Михайловичу в свидетельство того, что он м н о ю награжден к празднику СВЯТОЙ ПАСХИ - К А М И Л А В К О Й.

Московская Патриархия

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ.

МИТРОПОЛИТ
КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

УПРАВЛЯЮЩИЙ
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ
31 Марта 1972г.
№ 292

У К А З

НАСТОЯТЕЛЮ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
С.МАРЧУГИ, ВОСКРЕСЕНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ
ОБЛАСТИ СВЯЩЕННИКУ О.АЛЕКСАНДРУ САЙГУШЕВУ

По м о е м у представлению за усердные труды на пользу Церкви Христовой ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВО, СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ П И М Е Н, наградил Вас ко дню СВЯТОЙ ПАСХИ 1972 года - НАПЕРСНЫМ КРЕСТОМ.

О чем и выдан Вам настоящий указ.

† Сергий

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

У К А З
МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО И КОЛОМЕНСКОГО, УПРАВЛЯЮЩЕГО МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

№ 277 . 15 . Апреля 1976 г.

СВЯЩЕННИКУ С А Й Г У Ш Е В У АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ, БОГОЯВЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ г.КОЛОМНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

По м о е м у представлению за усердные труды на пользу Церкви Христовой ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВО, СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ П И М Е Н , наградил Вас ко дню СВЯТОЙ ПАСХИ 1976 г. САНОМ ПРОТОИЕРЕЯ.

О чем и выдан Вам настоящий Указ.

Русская Православная Церковь Патриархия Управляющий Московской Епархией

+ Серафим

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

МИТРОПОЛИТ
КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

УПРАВЛЯЮЩИЙ
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ
8 Апреля 1981г.
№ 274

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Дано настоятелю Михаило-Архангельской церкви села Карпово Воскресенского района Московской области протоиерею Александру Сайгушеву в том, что по моему представлению, за усердные труды на благо Церкви Христовой Его Святейшество Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен удостоил его к Празднику Святой Пасхи награждения ПАЛИЦЕЙ.

+ Ювеналий, МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

УПРАВЛЯЮЩИЙ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

119435, Москва, Г-435, Новодевичий пр., дом № 1, корп. 1 тел. 246-08-81

№ 175 «9» марта 1987 г.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Дано настоятелю Крестовоздвиженской церкви села Марчуги Воскресенского района Московской области протоиерею Александру Сайгушеву в том, что, по моему представлению, за усердные труды на благо Церкви Христовой Его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен удостоил его к празднику Святой Пасхи награждения КРЕСТОМ С УКРАШЕНИЯМИ.

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

Ф. ТГ-12

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЁМ: го ___ час. ___ мин.
Бл. № 55
Принял: Валя

ПЕРЕДАЧА: го 9 час. 50 мин.
№ связи
Передал: Данилов

Из Москва №) 445/010
СЗ сл. 4 го 17 час. 06 мин.

Служебные отметки:

Адрес: п/о Марчуги
почтой - деканат
с. Марчуги
Воскресенского района
Московской
Крестовоздвиженской
церковь протоиерею
Александру Сайгушеву

Сердечно поздравляю ваше высокопреподобие дорогой отец Александр с полувековым юбилеем вашей жизни и двадцатипятилетием иерейского служения. От всей души желаю вам доброго здоровья, благословения дальнейших и предобильной помощи Божией, дальнейшего служения святой церкви и людям. Призываю на вас и трудах ваших

Медынская типография, зак. 115, тир. 150 000х100, 1-11-83 г.

благословений

Митрополит Крутицкий и
Коломенский Ювеналий.

XII-87 г.

Грамота
сия преподается
протоиерею
Александру Сайгушеву
в ознаменование благословенного
юбилея Двухтысячелетия
Рождества Христова
Московский Патриархат
Митрополит Ювеналий (Поярков)
Единство и Мир
Митрополит Крутицкий и Коломенский

ГРАМОТА

По благодати, дарѹ и власти, ѿ архіерея великаго
гда нашего іисса хрта, даннѣй намъ, сего добръ
проходящаго служенїе іерея Сайгушева
Александра Михаиловича, свящ. Богоявленского
храма г. Коломны Московской обл. сдихомъ достойна
быти сгубым чести и на степень протоіерейства поставили ѥсмы
лѣта гдня ѵацѣдмца апреля вѣ 15 день.

Онынѣ оубо протоіерей Сайгушев Александр
имать въ началѣ стоати пресвутеровъ на службахъ бжественныхъ,
и ѿ всѣхъ, сущихъ съ нимъ, вящше почитаемь быти, якѡ
саномъ высшимъ назначенованный.

Подобаетъ же ѥмѹ и ѡбразъ быти вѣрнымъ чрезъ
свойственное ѥго чинѹ благочестное житїе, и словеса здравыя,
и трвды мтвенныя.

Во свидѣтельство поставленїа ѥго въ санъ протоіерейства
дана ѥмѹ сїа граммата, рѹкою нашею подписанная и
печатїю оутвержденная.

Лѣта ѵацѣдмца апреля вѣ 15 день.

Боуеи Милостъ
Смиренный Сарафим,
Митр. крутицкій и коломенскій

№ 247 1976 г.

Приложение 2

УКАЗЫ, ПРЕДПИСАНИЯ

Д О П Р О С

СТАВЛЕННИКУ ПЕРЕД РУКОПОЛОЖЕНИЕМ

ВО ДИАКОНА.

1962 года февраля месяца 6 дня проситель Сайгушев Александр Михайлович определенный, согласно его прошению, на ~~священническое~~ диаконское место к Даниловской церкви Академии.

при опросе показал:

1. От роду я имею 25 лет, сын рабочего

2. Обучался в Московской Духовной семинарии

3. Женат первым браком на девице, дочери рабочего Сусловой Марии Ивановны. православной.

4. Исповедания православного, с раскольниками и сектантами в религиозном общении не состою.

5. В преступных политических делах не замешан, и тюремному заключению присужден не был и вообще дел, препятствующих посвящению в духовный сан, не имею.

6. Болезням заразительным и неизлечимым не подвержен и телесных недостатков, препятствующих священнодействию, за собою не имею.

7. Рукоположения во диаконский сан ищу для славы Божией и спасения душ, с искренним намерением послужить Святой Церкви, как Святых Отцов правила, церковные уставы, повелевают.

Для сего обязуюсь:

- 2 -

а/ Всякое священнодействие и молитвословие совершать по чиноположению церковному, с благоговением, довольствуясь добровольных за то даянием от своих прихожан, а в воскресные и праздничные дни, без уважительных причин, не опускать богослужений - не только литургий, но и положенных по уставу служб.

б/ Утверждать своих прихожан в истинах веры и благочестия, проповедуя им Слово Божие "благовременно и безвременно".

в/ дом свой правити, т.е. воспитывать своих детей и содержать домашних своих, как то подобает служителю алтаря, и не давать им поведением поводов к соблазну прихожан.

г/ В св.алтаре и храме буду держать себя, как того требует святости места, внушая уважение к святыне и другим.

д/ В проходимом служении вести себя буду благочестно, достойно высокому своему званию, опасаясь, как бы не уронить оное или не причинить верующим соблазна своим недостойным поведением.

е/ Одежду буду носить только присвоенную духовному званию скромную и приличную, волос и бороды не стричь, соблюдать установленные Православной Церковью посты, никаких задорных поступков: нетрезвости, картежной игры, табакокурения, посещения театров, ристалищ и тому подобных - допускать не буду.

ж/ О благолепии храма и правильном ведении церковного хозяйства обязуюсь иметь постоянное попечение и без уважительной причины перепрашиваться в другой приход не буду.

з/ Памятуя, что священнослужитель без воли своего епископа ничего не совершает, обязуюсь все распоряжения своего духовного начальства исполнять беспрекословно, а равно и все церковные документы вести в надлежащем порядке.

и/ Ни к каким политическим обществам принадлежать не буду.

к/ Ставленную грамоту буду благоговейно хранить и всегда содержать в памяти.

л/ Для постоянного напоминания о принятом мною высоком звании, чтобы возгревать в себе дар благодати диаконства, кроме богослужений и таинств, обязуюсь упражнять себя чтением Слова Божия и свято-отеческих творений. А для сего обязуюсь иметь нижеследующие настольные книги: Святую Библию, Книгу правил святых Отцов и Соборов и Книгу о должностях пресвитеров приходских, а по возможности и творения Св.Иоанна Златоустого, св. Василия Великого, Св.Тихона Задонского.

м/ Копию с настоящего допроса обязуюсь иметь и хранить у себя для постоянного руководства, почему оправдываться неведением своего долга не буду, и присягу, данную мною перед духовником на исповеди, а равно и врученные мне грамоту и Поучение святительское новопоставленному диакону, твердо хранить обязуюсь.

К сему допросу руку приложил и копию с сего допроса получил Сапунов

Допрос производил Архим. Тихон

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ

«12» Февраля 1962 г.

№270

Москва, Г-34, Чистый пер.. 5

УДОСТОВЕРЕНИЕ

О РУКОПОЛОЖЕНИИ В САН ДИАКОНА

Настоящее дано САЙГУШЕВУ Александру Михайловичу, восп.2 кл.Моск.Дух.Сем.,
(имя, отчество, фамилия)

в том, что он рукоположен в сан диакона 29 января/11 февраля 1962 года
(когда)

Епископом Дмитровским КИПРИАНОМ, в Скорбященской церкви, что
(кем)

на Большой Ордынке в Москве,
(в каком храме)

в чем и выдано сие удостоверение за подписью и с приложением печати.

Дано до времени выдачи ставленнической грамоты.

Московская Управление делами Патриархия

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
ЕПИСКОП ДМИТРОВСКИЙ Киприан

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАНЦЕЛЯРИЕЙ Протоиерей В. Виноградов.

818

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ

«4» февраля 1963 г.

№191.

Москва, Г-34, Чистый пер., 5

УДОСТОВЕРЕНИЕ

О РУКОПОЛОЖЕНИИ В САН СВЯЩЕННИКА

Настоящее дано воспитаннику 3 класса М.Д.С. Александру САЙГУШЕВУ
(имя, отчество, фамилия)

в том, что он рукоположен в сан священника 21 января (3 февраля) 1963 года
(когда)

мною, Епископом Дмитровским К и п р и а н о м, в Скорбященской
(кем)

церкви, что на Большой Ордынке в Москве,
(в каком храме)

в чем и выдано сие удостоверение за подписью и с приложением печати.

Дано до времени выдачи ставленнической грамоты.

Московская Управление делами Патриархия

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
ЕПИСКОП ДМИТРОВСКИЙ Киприан

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАНЦЕЛЯРИЕЙ

Вх. № 20 7/II 63.

Московская Патриархия

УЧЕБНЫЙ КОМИТЕТ

при Священном Синоде

18 июня 1964 г.

№ 126

Москва, Г-34, Чистый, 5
тел. Г 6-63-84

ОКОНЧИВШЕМУ МОСКОВСКУЮ ДУХОВНУЮ
СЕМИНАРИЮ В 1963-1964 УЧЕБНОМ ГОДУ
СВЯЩЕННИКУ САЙГУШЕВУ АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ

Настоящим Вы направляетесь в распоряжение Высокопреосвященного ПИМЕНА, Митрополита Крутицкого и Коломенского, для назначения Вас на пастырское служение в вверенную Высокопреосвященному епархию. Направление выслано Его Высокопреосвященству.

О Вашем прибытии к Высокопреосвященному, времени и месте назначения для прохождения пастырского служения уведомите письменно Учебный Комитет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ УЧЕБНОГО КОМИТЕТА
ПРИ СВЯЩЕННОМ СИНОДЕ РЕКТОР МОСКОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И СЕМИНАРИИ МАГИСТР
БОГОСЛОВИЯ ПРОФЕССОР ПРОТОИЕРЕЙ (Н.РУЖИЦКИЙ)

ЧЛЕН-СЕКРЕТАРЬ УЧЕБНОГО КОМИТЕТА
ПРИ СВЯЩЕННОМ СИНОДЕ МАГИСТР БОГОСЛОВИЯ
ПРОТОИЕРЕЙ (Н.НИКОЛЬСКИЙ)

1

МИТРОПОЛИТ
КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

УПРАВЛЯЮЩИЙ
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

«8» июля 1964 г.
№ 620

Мавринео

У К А З

СВЯЩЕННИКУ САЙГУШЕВУ АЛЕКСАНДРУ

КОПИЯ: УПОЛНОМОЧЕННОМУ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР по г.МОСКВЕ и МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
А.А. ТРУШИНУ

О.БЛАГОЧИННОМУ ЦЕРКВЕЙ ЩЕЛКОВСКОГО ОКРУГА
СВЯЩЕННИКУ КОНДРАТЬЕВУ ГЕОРГИЮ АНДРЕЕВИЧУ

ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ОРГАНУ ВЛАДИМИРОВСКОЙ ЦЕРКВИ с.МАВРИНО МЫТИЩИНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Определением моим от 8 июля 1964 года Вы, согласно Вашему прошению и просьбе Исполнительного органа Владимирской церкви с.Маврино Мытищинского района Московской области благославляетесь для служения во Владимирскую церковь с.Маврино, вместо священника МИХИНА П.П., переведенного в г.Щелково.

Московская Патриархия Управляющий Московской Епархией

..... Митрополит Крутицкий и Коломенский,
Управляющий делами Московской Патриархии

2

МИТРОПОЛИТ
КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ
УПРАВЛЯЮЩИЙ
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

«15» мая 1967 г.
№ 485.

У К А З

НАСТОЯТЕЛЮ ВЛАДИМИРСКОЙ ЦЕРКВИ с.МАВРИНА ЩЕЛКОВСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ СВЯЩЕННИКУ АЛЕКСАНДРУ С А Й Г У Ш Е В У

КОПИЯ: УПОЛНОМОЧЕННОМУ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР по МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ –
А.А. Т Р У Ш И Н У

О.БЛАГОЧИННОМУ ЦЕРКВЕЙ ЩЕЛКОВСКОГО ОКРУГА ПРОТОИЕРЕЮ ГЕОРГИЮ КОНДРАТЬЕВУ

О.БЛАГОЧИННОМУ ЦЕРКВЕЙ ЕГОРЬЕВСКОГО ОКРУГА ПРОТОИЕРЕЮ ВАСИЛИЮ Б А Щ У К У

ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ОРГАНУ ВЛАДИМИРСКОЙ ЦЕРКВИ с.МАВРИНА ЩЕЛКОВСКОГО РАЙОНА МОСК.ОБЛАСТИ

ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ОРГАНУ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ с.МАРЧУГИ ЛЮБЕРЕЦКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Определением МОИМ от 15 мая 1967 года Вы, по заключении договора с Исполнительным органом Крестовоздвиженской церкви с.Марчуги Люберецкого района Московской области, благословляетесь для служения в вышеуказанную церковь.

† Ю.Ч.Ч., МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ.

С. 12/05-67 г. В.И.

МИТРОПОЛИТ
КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

УПРАВЛЯЮЩИЙ
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ
20 Мая 1974
№ 368

4

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее священнику С А Й Г У Ш Е В У Александру Михайловичу в том, что он по м о е м у благословению командируется на временное служение в Богоявленский храм г.Коломны, Московской области, на время болезни свящ. ПЕТУХОВА Г.А.

Московская Патриархия

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

По окончании служения в вышеозначенном приходе удостоверение возвратить в Московское Епархиальное Управление.

3 экземпляра

б

У К А З

МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО И КОЛОМЕНСКОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

№ 645 «14» Июля 197 8г.

ПРОТОИЕРЕЮ АЛЕКСАНДРУ С А Й Г У Ш Е В У

Копия: БЛАГОЧИННОМУ ЦЕРКВЕЙ ЕГОРЬЕВСКОГО ОКРУГА ПРОТОИЕРЕЮ ВАСИЛИЮ БАЩУКУ

-"- ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ОРГАНУ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА КАРПОВА ВОСКРЕСЕНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Протоиерей Александр Сайгушев назначается настоятелем Михаило-Архангельской церкви села Карпова, Воскресенского района Московской области.

Московская Патриархия Московское Епархиальное Управление

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

7

УКАЗ

МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО И КОЛОМЕНСКОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

№ 112 « 10 » февраля 1987 г.

НАСТОЯТЕЛЮ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА КАРПОВО ВОСКРЕСЕНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПРОТОИЕРЕЮ АЛЕКСАНДРУ САЙГУШЕВУ

Копия: БЛАГОЧИННОМУ ЦЕРКВЕЙ ЕГОРЬЕВСКОГО ОКРУГА ИГУМЕНУ НИКОНУ (МАТЮШКОВУ)

-"- ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ОРГАНУ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА МАРЧУГИ ВОСКРЕСЕНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

-"- ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ОРГАНУ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА КАРПОВО ВОСКРЕСЕНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Протоиерей Александр Сайгушев назначается настоятелем Крестовоздвиженской церкви села Марчуги Воскресенского района Московской области.

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

У К А З

МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО И КОЛОМЕНСКОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

№ 599 «9» июня 1997 г.

НАСТОЯТЕЛЮ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
СЕЛА МАРЧУГИ ВОСКРЕСЕНСКОГО РАЙОНА
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПРОТОИЕРЕЮ АЛЕКСАНДРУ САЙГУШЕВУ

Копия: БЛАГОЧИННОМУ ЦЕРКВЕЙ ВОСКРЕСЕНСКОГО ОКРУГА
ИГУМЕНУ ИННОКЕНТИЮ (ЯЗВИКОВУ)

-"- ПРИХОДСКОМУ СОВЕТУ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ
ЦЕРКВИ СЕЛА МАРЧУГИ ВОСКРЕСЕНСКОГО
РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Протоиерей Александр Сайгушев освобождается от должности настоятеля Крестовоздвиженской церкви села Марчуги Воскресенского района Московской области и назначается почётным настоятелем Крестовоздвиженской церкви села Марчуги Воскресенского района Московской области.

Русская Православная Церковь · Управляющий Московской епархией · Московский Патриархат

† Ювеналий, МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

Приложение 3

ФОТОГРАФИИ

Миша в дни службы в Армии

Мои дети Ваня и Антон. 1990 год

Престольный праздник. Слева от папы о. Александр Коробейников. Во втором ряду слева от мамы – Софья Гавриловна, справа – Александра Максимовна (духовная сестра А.Ф. Петропавловской, пострадавшая за веру). В последнем ряду слева М.Н. Никифоров. Май 1987 год

Справа папа, Ваня, Антон, мама. Во втором ряду: Сергей, я. Миша

Таинство Крещения
совершено над
Антоном
Григорьевичем
Новиковым
имя отчество фамилия

Крестный отец
Алексей Владимирович
Новиков
имя отчество фамилия

Крестная мать
Светлана Сергеевна
Щербина
имя отчество фамилия

Крещение совершено
в храме
Крестовоздвиженском
с Марчуги

Таинство Крещения
совершил
протоиерей о. Александр
Сайгушев

Московский Патриархат
Крестовоздвиженская церковь с. Марчуги Воскресенского района
Московская епархия

10 августа 1988 г.

Документ Крещения Антона

Светочка Сайгушева (Серёжина дочь).
Г. Егорьевск

Серёжа и я перед школой

Я, Миша, Серёжа

С Михаилом Булековым в церковной сторожке

Успение Богородицы. Папа, Ваня, Антон и я

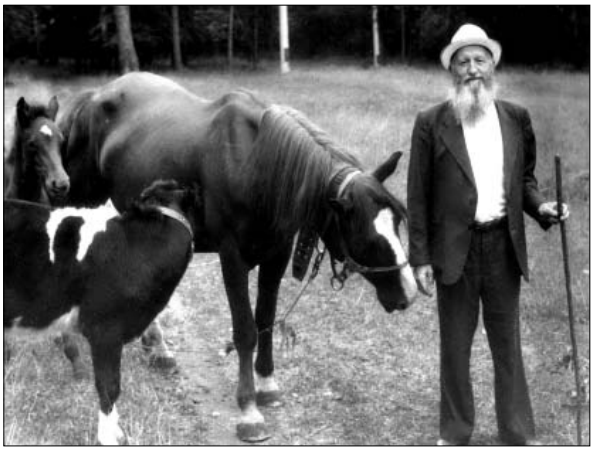
В церковном доме

Михаил, Ваня, я, Григорий

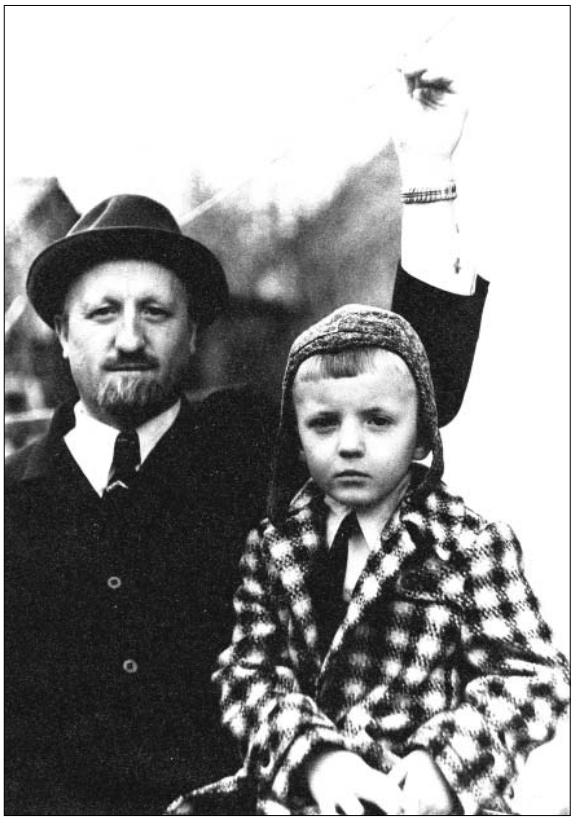
После венчания. Папа благословляет Мишу и Свету иконой

Венчание Миши и Светы

Папа, Миша, Света, мама.

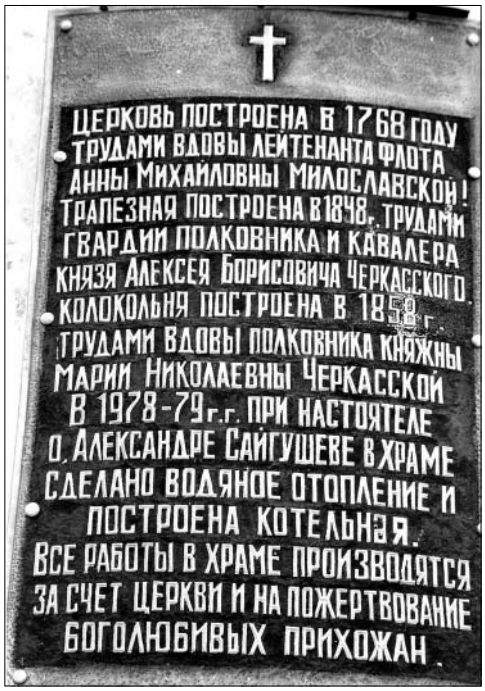


Пастырь – он всегда пастырь



Папа, Миша

1 класс средней школы № 4. Серёжа в четвёртом ряду второй слева. Учительница Гаврилова Мария Сергеевна.



Мемориальная доска
на Крестовоздвиженском храме
с. Марчуги

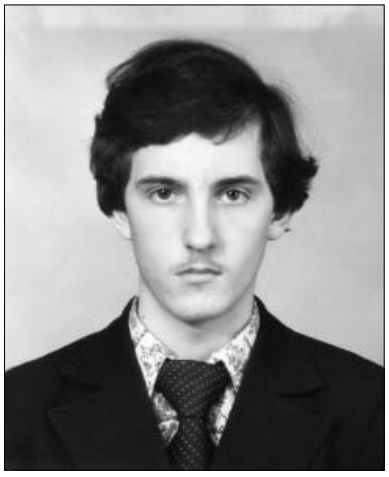
Папа, бабушка Агафья, Миша, мама

Серёжа в третьем ряду крайний справа. Выпускной класс средне школы № 4.
Учителя: слева И.В. Кудряшова, А.Н. Привалов, Н.А. Третьякова, А.Ф. Бузницкий, В.А. Радлевич,
А.Ф. Агафонова, А.П. Соболева, З.М. Шумилина, Л.Н. Фокина, Л.А. Диденко, В.И. Каширина

Мише 5 лет

Светочка Сайгушева
(Серёжина дочь). г. Егорьевск

Я и мои дети



Сергею 14 лет

В саду у дома: папа с мамой, Серёжа, Миша, я,
Валентина Михайловна Фролова

Катя Сайгушева

Библейский сюжет. Картина в доме

Справа бабушка Агафья с сестрой Екатериной Арефьевной

Захоронение о. Александра
на Воскресенском кладбище

Захоронение бабушки Агафьи
на Воскресенском кладбище

Приложение 4

ДУХОВНЫЕ СТИХИ, КОТОРЫЕ ЛЮБИЛ ЧИТАТЬ И ПЕТЬ о. АЛЕКСАНДР

Духовными стихами в русской словесности называют народные песни на религиозные сюжеты. Песни эти пелись бродячими певцами-странниками на ярмарках, базарных площадях, у ворот монастырских церквей – везде, где находилось достаточное число благочестивых слушателей. О любви русского человека к такой форме религиозного самовыражения достаточно говорит тот факт, что вплоть до н. XX в. духовный стих бытует гораздо шире, чем даже былины. По сравнению с героическим эпосом религиозная поэзия проявляет гораздо большую жизненность.

Нелепо искать в духовных стихах богословски точных, догматически выверенных формулировок. Вообще ученость – как принадлежность рассудка – не может служить показателем духовной зрелости и мудрости. Зато их недвусмысленно подтверждает благоговейно-сыновнее, трепетное и любовное отношение ко Спасителю, составляющее главный нерв народной веры.

Если «старинушки» о «святорусских богатырях» со временем остаются в репертуаре народных певцов преимущественно на севере России, то духовный стих продолжает сохраняться почти на всем протяжении земли Русской.

Время их появления установить с достаточной точностью затруднительно, можно лишь уверенно утверждать, что пелись они каликами перехожими на Святой Руси с незапамятных времен. В той форме, в которой стихи эти дошли до нас, они существовали уже в XV-XVI вв. На это время учитывая общий духовный подъем в России приходится и расцвет русской духовной поэзии.*(Духовно-историческая школа).*

***

Слова – Алексей Плещеев, 1877
Музыка – Пётр Чайковский

Был у Христа-Младенца сад,
И много роз взрастил Он в нём.
Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплесть венок Себе потом.

Когда же розы расцвели,
Детей еврейских созвал Он;
Они сорвали по цветку,
И сад был весь опустошен.

«Как Ты сплетешь Себе венок,
В Твоем саду нет больше роз?»
«Вы позабыли, что шипы
Остались мне», – сказал Христос.

И из шипов они сплели
Венок колючий для Него,
И капли крови, вместо роз,
Чело украсили Его!

Страдания Богородицы

На мрачной горе, у подножья креста
Пречистая Матерь стояла
И с горьким рыданьем, глубокой тоской
На муки страдальца взирала.

Предсмертные, страшные стоны Его
До слуха Ея доносились,
И крупные слёзы одна за другой
Из глаз Ея тихо катились.

И сбылось пророчество старца того,
Словес его таинства - сила,
Великое горе терзало Её,
Оружием душу пронзило.

– О, Сын Мой и Бог Мой, – шептала Она
За что Ты так много страдаешь?
И с первым приветом с лаской в душе
Как прежде Ты Мне не внимаешь?

Все муки Твои и позорную смерть
С Тобой разделить я готова,

О, дай же услышать из уст мне Твоих
Святое желанное слово.

Очей моих свет, утешенье мое,
Любовь Ты моя всеблагая!
Зачем Ты меня оставляешь одну? –
Скорбела так Матерь Святая.

И вот на ответ, на великую скорбь
Возшёл Искупитель любовью:
– Я волю Пославшего должен свершить
И мир обновить Своей Кровью.

Покорно велению Бога Отца
Земное служенье кончаю,
Вот сын Твой –
возлюбленный Мой ученик,-
Тебя Я ему поручаю.

Любить и покоить он будет Тебя
И в горе Тебя упокоит.
Не плач Ты, о Матерь моя, обо мне,
Тебя не одну оставляю.

О Матерь Моя! О Матерь Моя!
Тридневного жди воскресенья,
Я первую, Матерь, утешу Тебя,
К Тебе мое всё сожаленье.

И вот наш Господь уже дух испустил
За люд, и за грех во спасенье…
И плакала мать у подножья Креста
И не было Ей утешенья.

***

Скоро, скоро день прискорбный
И час смерти подойдёт,
Скоро Ангел мой Господень
Горьку чашу поднесёт.

Он разлучит душу с телом,
И душе он даст приказ:
– Ты иди скорее к Богу,
Ждёт тебя Он сей же час.

О, как страшно и ужасно
На ответ к Нему идти,
А ещё всего страшнее
Все грехи с собой нести.

Как явлюсь к лицу Христову,
На престоле он сидит,
За мои грехи велики
На меня он не глядит.

И с поникшею главою
На коленях мне стоять,
Горько плача и стеная,
Но прощенья не видать.

Как налево посмотрю я:
Искуситель мой стоит,
Прегрешения велики
Держит он в руках своих.

Он читал их, и рыдал я
Не имея спорить сил,
Ведь от юности до смерти
Он всю правду говорил.

Сладко ел я, пировал я,
Не жалел сирот и вдов,
Бедных нищих не дарил я,
И не чтил я Божьих слов.

В постный день я не постился,
Говоря, что есть – не грех,
А теперь мне страшно стало
Перед Богом дать ответ.

Отца с матерью не чтил я,
Им старался возражать,
А теперь ужасно стало
Перед Богом отвечать.

Как направо посмотрел я:
Ангел Божий, светлый свет…
И взглянул ему я в руки –
Добрых дел у меня нет.

И затем сказал Христос мне:
– На земле есть мой закон,
Кто его не выполняет,
Тот пойдёт навек в огонь.

Добрых дел нисколько нету,
Взгляд куда теперь не кинь,
Царства Божьего не видеть
Мне вовек веков. Аминь.

***

Все вы братья мои, сёстры,
Вы – в беседе за столом,
А моя душа прегрешна
Обитает под окном.

Всё я вижу, всё я слышу,
Когда помин мне идёт,
Но уста мои сомкнуты,
Господь воли не даёт.

За меня молитесь Богу,
Дайте помощи душе,
Ну, а я куда ни гляну,
Всё кругом грехи одне.

А ты, Ангел мой Хранитель,
Что стоишь прочь от меня?
– Ты же Божий раб прегрешный,
Не могу хранить тебя.

Ты на свете красовался,
Никогда не звал меня,
А теперь ты безутешный,
Не увидишь бела дня.

Ты предстанешь у Престола,
Что там будешь говорить?
А я, Ангел твой Господень,
Не смогу тебя хранить.

Жил ты, жил на белом свете
Но добра не сотворил,
И своей душе прегрешной
Ты ничем не угодил.

– Вы меня теперь простите,
Час разлуки мой настал,
Вы молитву вознесите,
А я в мире жить устал.

Ухожу от вас навечно
К Всемогущему Творцу,
Вы молитесь тут сердечно,-
Жизнь моя пришла к концу.

Знать, Господь прислал за мною –
В этой жизни есть конец, –
Удаляюсь в мир иной я,
Где Премудрый наш Творец.

Надо мной зажгите свечи,
Полотном накройте прах,
Не могу сказать вам речи,
Предо мной великий страх.

Рядом с вами моё тело,
Но сомкнутые уста,
И душа моя взлетела,
Вас прошу ради Христа:

Вы меня простите, милые,
Не забудьте вы меня,
Проводите до могилы,
Разлучаюсь с вами я.

Плоть мою зароют в землю,
Где останется мой прах,
Но грехи мои не стлеют,
Для души откроют страх.

Вы молитву вознесите,
Попросите вы Творца,
Ухожу с врагами биться, –
Божья милость без конца.

Чтоб пройти мне все мытарства
С упованьем на него
И взойти в Небесно Царство,
Где страдания Его…

Крестик

Как надо мною совершили
Обряд крещения святой,
Тогда на грудь мне положили
Мой милый крестик золотой.

Он с той поры мне стал защитой,
Он с той поры всегда со мной,
И на груди моей сокрытой,
Всегда блистает крестик мой.

Грудь от страдания теснится,
И льются горести рекой,
Душа к Всевышнему стремится,
И я целую крестик мой.

На милость Бога уповаю
И с чувством веры и любви
Заветный крестик надеваю,
Как бы помощника в пути.

Когда я крестик надеваю,
Чтоб быть хранимым от вреда,
Я с тёплой верою желаю
Ему молиться навсегда.

Как спутник жизни краткой, бренной,
Не расстаётся он со мной,
Он для меня – помощник верный,
Заступник и хранитель мой.

Ему вручу свои желанья,
Всю волю, молодость свою,
Чтоб сохранил от нареканья
Он душу честную мою.

Едино в жизни утешенье,
Отрада в горести и щит
Когда, в минуту искушенья,
Всесильный крест меня хранит.

О, мой бесценный крест-хранитель,
Не оставляй меня в пути,
Где я скитаюсь бренный житель,
Там душу светом просвети.

В моём пути ты – провиденье,
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
И сердце не окамени.

Иду по жизни сиротою,
Отец и мать в земле сырой,
К кому прильну с своей бедою,
Кто из чужих займётся мной?

Мы о Христе – все братья-сёстры,
Давно так люди говорят,
Но их холодные объятья
Мой ум и сердце леденят.

Твоя божественная сила-
Как бы стена и крепкий щит,
Она вселенную покрыла
И недостойных нас хранит.

К тебе дерзаю, моя сила,
С тобой силён я и богат,
С тобой ничто мне – злоба мира,
С тобой ничто мне – самый ад.

Когда же дни мои прервутся,
Придёт час смерти роковой,
Когда глаза навек сомкнутся,
И тут пусть блещет крестик мой.

И под крестом моя могила,
И на кресте моя любовь.
Ведь на Кресте Спаситель мира
Пролил свою пречистую кровь.

В последний путь

Вот скоро настанет мой праздник,
Последний торжественный пир,
Душа моя горестно взглянет
На здешний покинутый мир.

Умоют меня и причешут
Заботливой нежной рукой
И новое платье наденут,
Как будто на праздник большой.

Друзья и родные сойдутся,
Навечно простятся со мной
И горько слезами зальются,
Желая мне вечный покой.

При тихом торжественном пенье,
При блеске свечей восковых,
При вечном молчанье – забвенье
Я встречу друзей и родных.

Во гроб меня скоро положут,
Последний мне долг отдадут,
Парчой небогатой прикроют,
В дальнейший мя путь понесут.

Друзья и родные сойдутся
И близко ко мне подойдут,
Родные в могилу опустят
И вечную память споют.

***

Душа моя грустью убита:
Я воли Твоей не творю.
И дверь мне к спасенью закрыта,
Закрыта дорога к Царю.

Закрыта моими грехами,
А их у меня целый лес,

Они возрастали с годами, –
Им место привольное здесь.

Растил я их все самовольно,
Злой прихотью их поливал,
Гонялся за мнимым раздольем,
И сам от себя воровал.

И время уж минуло много,
Растратил я всё, что имел,
Виднелась святая дорога,
Но я подойти к ней не смел.

Виднелась святая дорога
На Родину, в небо, домой,
Я прятался в жизни от Бога,
А он Всеблагий был со мной.

Своей благодатной любовью
Везде он меня настигал,
Теперь самому непонятно,
Зачем от него убегал?

И вот Он любовию к сыну,
Открыл мне глаза наконец,
Воскресла былого картина,
Опомнился грешный беглец.

Я вспомнил, и брызнули слёзы,
И сердцу вдруг стало легко,
И все опасенья, угрозы
Куда-то ушли далеко.

И вижу вокруг меня – сети,
И козням не видно конца…
О, если же мы – Его дети,
Пойдёмте на голос Отца.

Стих о гонимом еврее

Напой, христианка, холодной водой,
Страдальца, который стоит пред тобой.
Бог тяжкою карой меня поразил,
За то, что я сына Его оскорбил.

А Сын поднимался на гору Голгоф,
Невинную кровь проливать за врагов,
С тяжёлою ношей Большого Креста,
Присел он
чуть-чуть отдохнуть у крыльца.

Пришельца святого со смехом я пнул,
И в чём, сам не знаю, Его упрекнул.
С тех пор я скитаюсь, по свету брожу,
Не знаю куда и когда я приду…

Я сяду вздохнуть,– а уж ветер гудит,
Иди! Путь далёкий тебе предстоит.
Я теми местами не раз проходил,
И видел я много забытых могил.

И видел я много и царств, и царей,
И видел, как злато губило людей…
О, люди!
Страшитесь прогневать Творца!
Скитанье души не узнает конца!

***

Где-то там далеко и не так уж давно
Жил премудрый и опытный старец,
И всегда он твердил, и всегда говорил:
– Слава Богу за скорбь и за радость.

Припев:
Слава Богу за всё!
Слава Богу за всё!
Слава Богу за скорбь и за радость!

Если ты заболел, тяжело занемог,
И с постели не можешь подняться,
Значит, так суждено, по делам нам дано,
И не надо роптать и бояться.

Припев.

Если кто-то тебе слово грубо сказал,
И не так он к тебе обратился,-
Знай, на это, мой друг,воля Божия тут,
Чтобы ты перед ним повинился.

Припев.

Если друг на тебя
Клеветал и роптал,
То и в этом не надо смущаться,
Видно, это Господь
Для спасения дал,
Надо здесь и любить, и смиряться.

Припев.

Если встречный тебя
Ни за что оскорбил,
Не старайся пред ним оправдаться,
Знай при этом при всём,
Даст Господь тебе сил,
Что Господь помогает спасаться.

Припев.

Если, может казаться,
Что крест твой тяжёл,
Не под силу тебе он тут дался.
Знай, Господь не по силам
Тебе не пошлёт,
Не ропщи, а люби и смиряйся.

Припев.

Научись ты творить
Волю Божью всегда,
Даже если мы будем гонимы,
И с сумой на плечах,
Со слезами в глазах,
И родными не будем любимы…

Припев.

Если будет печаль,
И болезни, и скорбь,
Если в жизни страдать нам придётся,-
Никого не вини,
А всегда говори:
– Всё от Бога нам грешным даётся.

Припев.

Благодарственная песнь

Вот на пути стоит селенье,
И благодатный дом стоит,
Там сели сёстры за трапезу,
И их Господь благословит.
А вы воспойте райским хором,
За благодать – благодарить…
Всем надо духом укрепиться
И всем по-Божьи надо жить.

Припев:
Ангелы поют, ангелы поют,
Ангелы поют на небеси,
А мы грешны бренными устами
Восхваляем Бога на земли.

И нету лучшего привета,
Коль чтите недостойных Вас,
Храни, Господь, на многая лета,
За то, что любите Вы нас.
Своей молитвой ежедневной
Мы будем Господа просить,
Чтоб дал возможность умиленья,
За Вас Его благодарить.

Припев:
Благодарим Тя, Христе Боже,
За хлеб, за соль, за благодать
Да ниспошли Ты в этом доме
Всем царство Божие избрать!

***

Прошу тебя, угодник Божий,
Святой великий Николай
В житейском море утопая,
Мне руку помощи подай.

К твоей иконе припадаю,
Меня, угодничек, спаси,
Тебя на помощь призываю,
Молитву к Богу вознеси.

Враги повсюду окружают,
Мне преграждают все пути,
Моей погибели желают,
Чтобы в рай Господний не войти.

Ты всем помощник есть великий,
Для всех являешься родной,
Прошу тебя, угодник Божий,
Умилосердись надо мной.

Ведь ты молитвами своими
Спасаешь в море корабли,
К тебе с мольбою прибегаю,
Прошу, в скорбях мне помоги.

И ты явился у оконца,
В узельце злата положил,
Родитель-старец помолился,
Лихие мысли отклонил.

Чудес невысказанных море
Угодник Божий сотворил,
Ты всем, когда являлось горе,
На помощь сразу приходил.

И Ты пред Господом великий,
К Тебе взываю и молю:
Проси у Господа прощенья
За душу грешную мою.

***

Торжествуйте, веселитесь.
Люди-братии со мной,
И с восторгом облекитесь
В ризу радости святой.

Нынче бог родился в мире, –
Бог богов и царь царей.
Не в короне, не в порфире
Сей небесный иерей.

Он родился не в палатях,
И не в убранных домах,
Там не видно было злата,
Где лежал он в пеленах.

Невместимый, он вместился
В тесных яслях, как бедняк.
Для чего Христос родился?
Почему он беден так?

Он родился, чтоб избавить
Нас от дьявольских сетей,
Возвеличить и восславить
Нас любовию своей.

Мы сегодня будем славить
День такого торжества.
Честь имеем всех поздравить
С днём Христова Рождества!

* * *

Не унывай, не унывай, душа моя,
Уповай ты, уповай на Господа.

Соловей

Ты не пой, соловей,
Возле кельи моей
И молитве моей
Не мешай, соловей.
  Не свищи вечерком
  На заре под окном
  И молитве моей
  Не мешай, соловей.
Я и так много лет
Безутешно страдал,
Много бед и скорбей
С юных лет испытал.
  Улетай ты скорей
  Прочь от кельи моей
  И молитве моей
  Не мешай, соловей.
А теперь я боюсь
Прежних дней и людей,
Лишь скорбями делюсь
С тихой кельей моей.
  Ах, зачем напевать,
  Что хочу я забыть,
  И в душе воскресить,
  Что нельзя возвратить.
Улетай поскорей
В те далёки края,
Улетай ты туда,
Где отчизна моя.
  И пропой ты при ней,
  Как с больною душой
  Вспоминаю о ней,
  Заливаясь слезой.
Ты пропой ещё так,
Как живу я в тиши
И люблю только храм,
Рай земной для души.
  И, хоть трудно забыть,
  Те минувшие дни,
  Но я должен любить
  Только чётки одни.
Только прежних я слёз
Уж теперь не боюсь.
Только прежних грехов
Да паденья страшусь.
  Я хочу позабыть
  Тот обманчивый свет
  И решил здесь прожить
  До конца своих лет.
Прилетай, соловей,
Когда кончу я путь,
На могилке моей
Сядь тогда отдохнуть.
  Ты пропой, как я жил,
  Как я скорби терпел,
  Как скорбящих любил
  И всем сердцем жалел.
Прощебечь, как я крест,
Данный мне от Небес,
Самый дар дорогой,
Я с терпением нес.
  И обиды за грех
  От врагов я имел,
  Тогда вместо утех
  Я молился и пел…
Прощебечь, что прощал
Всех врагов я своих
И Творца умолял
О прощении их.
  Полети ты к тому,
  Кто любил там меня,
  Приведи, укажи,
  Где могилка моя.
Пусть всплакнёт,
  и вздохнёт,
Вспомнит,
  кто здесь такой…
Со слезами споёт
«Со святыми упокой»…

Сценка на Рождество (из записей о. Александра)

(СЦЕНАРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ)

Пастух: Ныне настало время избавленья,
Христа Спасителя рожденье в Вифлееме.
Ах, какое торжество!

Царь: Послушай, друг любезный,
Какое ты славишь Рождество
И какое прославляешь торжество?
И кто ты будешь?

Пастух: Я из ближнего села, сельский пастух.

Царь: А зачем ты сюда пришел
И что здесь дивного нашел?

Пастух: А я пришел чудо посмотреть
И Младенца Бога в яслях узреть.

Царь: Да разве тебе Младенец Чудо?
Не лучше ль тебе убираться к овечкам отсюда?

Пастух: А я, кажется, вам не мешаю
И на Бога посмотреть весьма желаю.
А вы, как муж почтенный,
Богатством, славой одаренный,
Зачем пришли в вертеп убогий сей?

Царь: Да в нем родился второй Моисей,
Я Его мудрость уважаю и, как Бога, почитаю
И принес Ему несчетные дары.

Пастух: А мы пришли с горы,
Нас ангелы послали,
Которые славу в вышних Богу воспевали.
А вы кто будете, милостивый государь?

Царь: Да меня зовут персидский царь-звездочет,
Я есть блюститель всех звезд и комет.

Пастух: Ах, верно, вы ученый человек?

Царь: Так точно, учился я весь век
И ныне дни в науке провождаю,
Что было, будет, все я знаю.
А как об этом ты узнал?

Пастух: Да мне все Божий Ангел сказал.

Царь: Смотри, не лги!

Пастух: Ей-ей не лгу. Всю истину скажу
Точь-в-точь, что видел в прошлую ночь,
Товарищи легли, заснули,
А я и глаз не мог сомкнуть.

Царь: Да почему же?

Пастух: Боялся, как бы волк к овечкам не пробрался.
Слышу, гром загремел, я так и оторопел.
Гляжу – ангел летит
И надо мной остановился.
А я ему низко-низко поклонился.
А он мне сказал: пастушок, пастушок,
Бери свой посошок,
И товарищей буди и во град Вифлеем иди.

Царь: А вы что сделали?

Пастух: Мы взяли из стада по ягненку
И пошли в дорогу потихоньку.
А нас сия звезда с востока
Сюда привела.
Чего же нам спорить, давай прославим родившегося Христа!
(исполняется колядка)

Встреча Иисуса Христа

Проходят по городу вести: Господь нас идёт посетить,
но кто удостоится чести, в чьем доме Он будет гостить?

Подумала я в своём сердце: «А может придет Он ко мне?»
Как встретить Небеснаго гостя, ведь в доме порядка-то нет».

Нельзя оставаться в покое, когда у нас нет чистоты,
и мою я много и чищу, везде расставляю цветы.

В день этой разгарной работы старушка мне в двери стучит:
болезни, нужда и заботы, печали и старческий вид.

Но я ей сказала: «Смотрите, я занята – всюду дела,
и жду я Великого Гостя»,– и бедная молча ушла.

Тут вскоре другой появился – оборванный, бледный, без сил.
Казалось: от ветра валился, и сам он смиренно просил:

«Я с ранней поры совершаю далекий и тягостный путь,
устал, изнемог, умираю. Позвольте зайти отдохнуть».

Ему я сказала: «Как жалко, что я не могу Вас принять,
жду Важновеликого Гостя»,– и дальше пошёл он опять.

Под вечер конец всей работе, всё приняло праздничный вид,
одна угнетала забота, что скоро Господь посетит.

Я думала: «Выйду навстречу, Ему поклонюсь в тишине».
Вдруг вижу: дитя горько плачет и прямо подходит ко мне.

Оборвана вся одежонка, глазёнки от плача блестят,
облитые кровью ручонки, и босые ножки дрожат.

Я только сказала: «О Боже! Дитя – и то терпит нужду,
но малому всякий поможет, я ж Гостя Великого жду».

День этот прошёл не напрасно, работа повсюду видна,
и в доме уютно и чисто, до ночи сижу я одна.

Минута идёт за минутой, а гость дорогой не стучит,
зашёл он к другому кому-то, там радость и счастье дарит.

Заплакала в скорби глубокой, и горько так сделалось мне,
и слезы катились потоком безмолвно в ночной тишине.

О счастье своём сожалела, поникла на грудь головой.
Уснула – и вижу во сне я: явился Господь предо мной.

Любовью светилися очи, когда Он со мной говорил:
«И днем я и в сумерках ночи три раза к тебе приходил.

Три раза меня отсылала приюта у ближних искать».
«Ох, Боже,– в слезах я сказала,– Тебя не могла я узнать».

Отец мой, Отец милосердный, прости за ошибку меня,
что я Тебя в праздник, Спаситель, как надо принять не смогла.

«Прощай,– Он сказал напоследок,– нам прошлого не возвратить,
кто бедным в беде не поможет, тот Мне упустил услужить». (2 раза)

Приложение 5

СТИХИ СОБСТВЕННОГО СОЧИНЕНИЯ о. АЛЕКСАНДРА

* * *

Сына в армию я провожаю
И даю свой отцовский наказ:
Подчиняйся начальству, сыночек,
Выполняй командирский приказ.

Ты служить будешь Родине нашей,
Должен быть ты всегда начеку,
И тебя все ребята, поверь мне,
Уважать тогда будут в полку.

Я горжусь, что тебе доверяют
Охранять нашу Родину-мать,
И напутствую и завещаю
Все уставы точь-в-точь выполнять.

***

Посвящается брату Василию
и его жене Анастасии Сайгушевым

Мы в селе живём богато
И в хозяйстве видим рост,
Очень я люблю, ребята,
Коченяевский колхоз.

А дела у нас в колхозе
Прямо скажем, не плохи,
О доярке Сайгушевой
Мною сложены стихи.

Управляется на ферме,
И растит троих детей,
Быть во всём ей надо первой, –
Вот такой девиз у ней.

Поспевать повсюду надо, –
Ведь забот, – не мало их,
Быть наставницей отрадно
Для доярок молодых.

Есть и правило у Насти:
Если слово дашь, – держи, –
Надоить пять тысяч литров –
Вот какие рубежи!

Никогда у нашей Насти
Не расходятся слова,
И о ней по всей округе
Ходит добрая молва.
День за днём в работе жаркой
Молоко рекой течёт,
Потому-то ей в колхозе
И признанье, и почёт.

Знаешь, милый брат Василий,
С Настей всем нам повезло,
Ведь твою Анастасию
Уважает всё село!

***

На долгую память…

Сегодня мы узнали день печали:
Ушёл от нас из жизни человек,
Но мы, пока что живы, не забудем,
Наш друг, ты нам запомнился навек.

Ты в жизни путь прошёл неоценённый,
И верил только в чудо добрых дел,
Но оборвался век,
как будто недожитый,
В мгновенье ока мимо пролетел.

Ты сеял семя, к счастью для природы,
И собирал хорошие плоды,
И жизнь тебя сполна вознаградила
И благодарно приняла труды.

Детей растил ты с честью для народа,
И в трудный час их щедро вдохновил,
А, если сын в далёкий путь собрался,
Ты от души его благословил.

Свои заботы с Машею делил ты,
Боясь рассыпать чувства, как букет,
И всей семейной жизнью наслаждался,
И знал, что лучше этой жизни нет.

И у детей предсказана дорога,
Желать благословенного пути,
Ты чтил всегда родителей и Бога,
Так как же им другим путём идти?

***

Идёт у Сайгушевых свадьба,
Все знают об этом друзья,
Стихи в этот день сочиняю,
И вам прочитаю их я.

И с Браком Законным поздравить –
Сюда собралась вся родня,
На пир-торжество молодые
Вчера пригласили меня.

Они повстречались случайно,
И надо же этому быть,
Что Рита с Серёжей так крепко
Друг друга смогли полюбить.

Сегодня скрепили вы узы,
Скрепили надолго, навек,
Хочу, чтоб вы счастливы были,
Как может любить человек.

Для вас все дороги открыты,
Вся радость на вашем пути,
А если настигнут невзгоды, –
Вдвоём можно их превзойти.

Детишки появятся вскоре,
Придётся вам вырастить их,
Успехи, удачи и горе
Делите всегда на двоих.

Ещё попрошу, дорогие,
Чтоб мать не обидеть, отца,
Тогда у родителей будут
Наполнены счастьем сердца.

***

Я песню слагаю о мире,
Её пропоют на земле,
О том, как народы России
Решают вопросы в Кремле.

В газетах призывы читаем
И слышим их клич боевой,
И мирной широкой тропою
Идём по стране трудовой.

Шагаем родною тропою,
Пусть вязнем в глубоких снегах,
Одёжка, пускай, кой-какая
Да лапти легки на ногах.

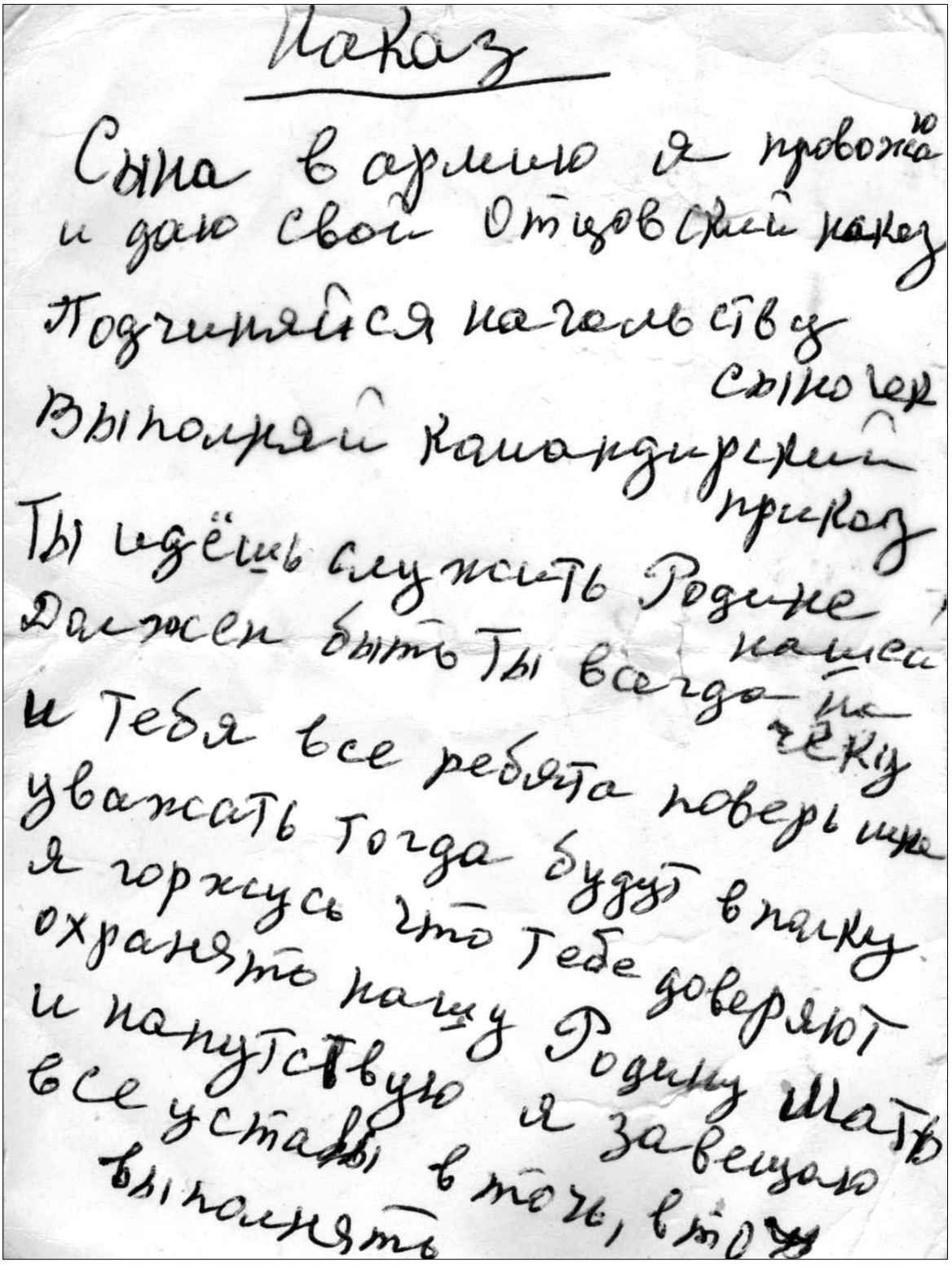
Друзья согревают нам души,
И вместе мы в ногу идём,
Живём хорошо. Будем – лучше,
И верим, что счастье найдём.

И планы мы в жизнь претворяем,
Есть в сельском хозяйстве разбег,
И с каждой минутой и часом
Всё выше взойдёт человек…

И с мирной великой победой
Строители нашей земли
Вон сколько заводов и фабрик
Так быстро построить смогли.

Мы праздник сегодня отметим:
Победу великих побед,
И думаем мы, что свете
Счастливей страны нашей нет.

Работай, учись, если хочешь,
Твори, созидай на века…
Ведь сила у нашей России
Поверьте: ох, как велика!



Наказ

Сына в армию я провожа
и даю свой Отцовский наказ
Подчиняйся начальству
сполна
Выполняй командирский
приказ
Ты идёшь служить Родине
нашей
Должен быть Ты всегда на
чеку
И тебя все ребята поверь уважать тогда будут в полку
я горжусь что тебе доверяют
охранять нашу Родину мать
и напутствую я завещаю
все уставы в том, в том
выполнять

Приложение 6

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ДУША ЕГО ВО БЛАГИХ ВОДВОРИТСЯ, И ПАМЯТЬ ЕГО В РОД И РОД

Сын Иван и Лена в День бракосочетания 14 июля 2007 года

Ваня с сыном Димой. Родился 10 июня 2009 года

Дима у папы на Марчуговском кладбище
в день памяти 16 июля 2015 года

Внук Дима.

Я с внуком Димой. 2014 год

Я и мои сыновья: справа Антон, слева Иван. 8.02.2011 год

В День бракосочетания сына Антона и Наташи. 26 апреля 2014 года

Антон, Наташа и Сонечка Новиковы

Моей внучке Сонечке 1 годик.
Родилась 26 июля 2014 года

Ваня с бабушкой Машей.
Бабушка после болезни. 2007 год

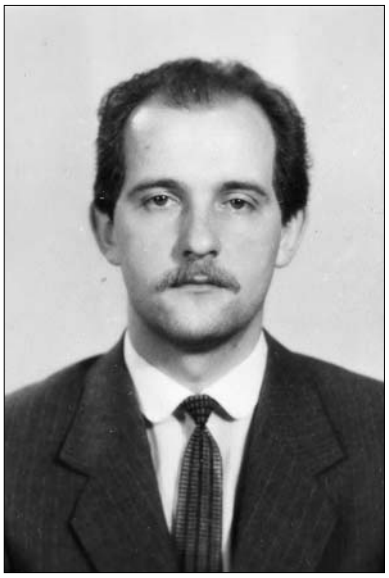
Вика Евко. Родилась 13 мая 2013года.
Ростовская обл., г. Шахты

Я с учителями: Валентиной Петровной Чернышовой
и Маргаритой Алексеевной Барановой

Моя племянница Светлана Сергеевна Сайгушева
и Алексей Сергеевич Евко в День бракосочетания
29 сентября 2012 года. Город Шахты Ростовской обл.

Мама и её сестра Наталья.
Мама после перенесённого инсульта. 2007 год

Брат Михаил с женой Светланой
и дочкой Катей-первоклассницей



Сергей

Племянница Катя Сайгушева
со своей племянницей Настенькой

Сыновья: справа Иван, слева Антон. 2009 год.
Крепкая дружба – навсегда.

Мама и тётя Аня (папина сестра, её кончина
25 января 2010 г.). Рождество 2008 года.

Антон. Прощанье с братом.
Кончина Ивана 16 июля 2011 года

Антон. На могиле брата Ивана.
Марчуговское кладбище. 2011 год

Лена, Никита, Настенька Фетисовы. 2015 год

Племянница Света с мужем Алексеем Евко и детьми:
справа Данила, слева – Мирослав,
на руках маленькая Вика. г. Шахты, 2015 г.

В День бракосочетания Лены
и Никиты Фетисовых.
16 июля 2010 года

Зоя Андреевна Новикова
с правнуком Димой

Сын моей племянницы Светланы –
Мирослав

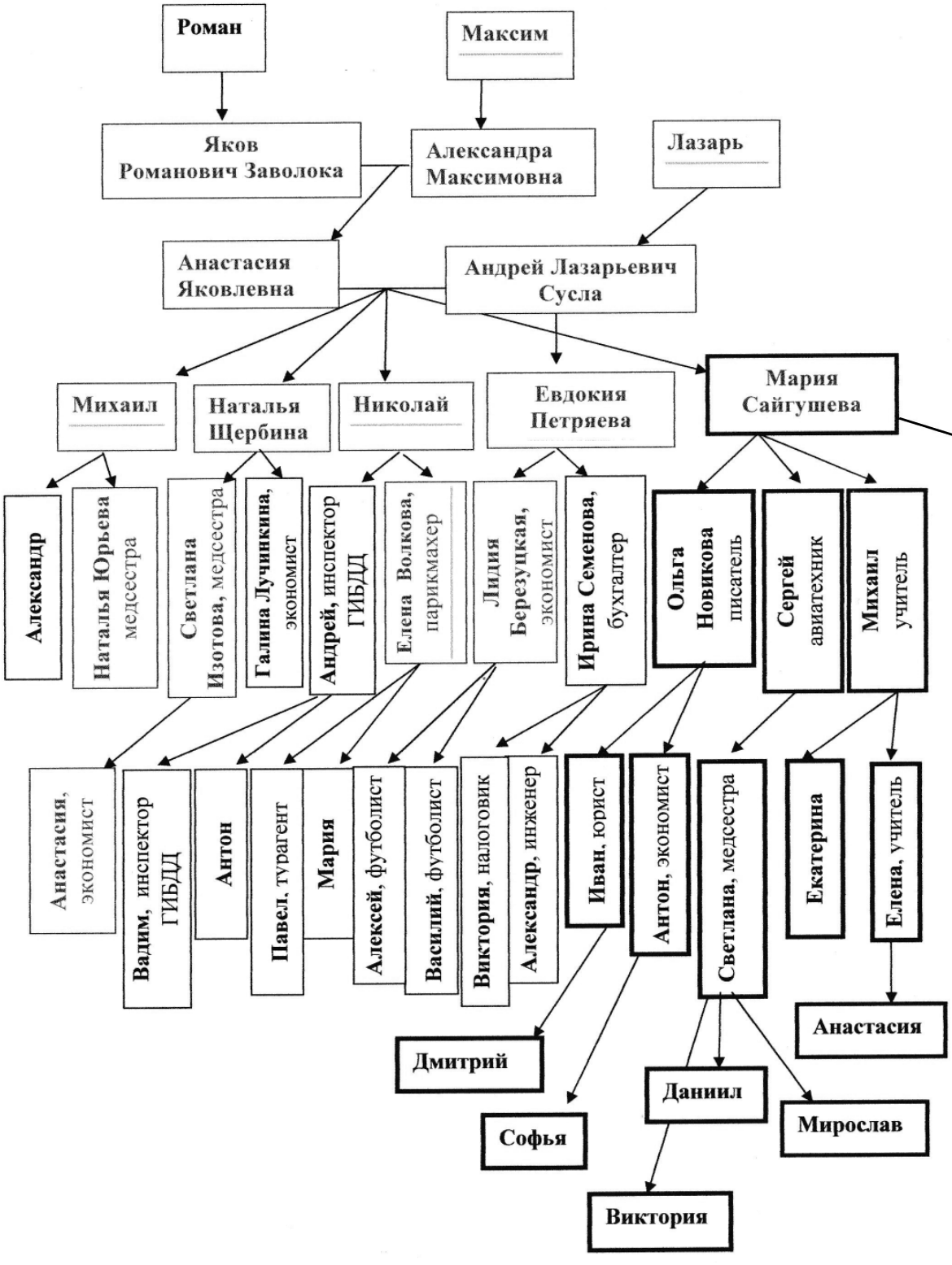
Тётя Рая Карпова (Сайгушева).
Умерла 2 сентября 2009 года

Мама у могилы Сергея в день его похорон на Воскресенском
кладбище. Кончина 28 июля 2010 года

Правнук Даниил.
Кадет Шахтинского Казачьего кадетского корпуса им. генерала Я.П.Бакланова.

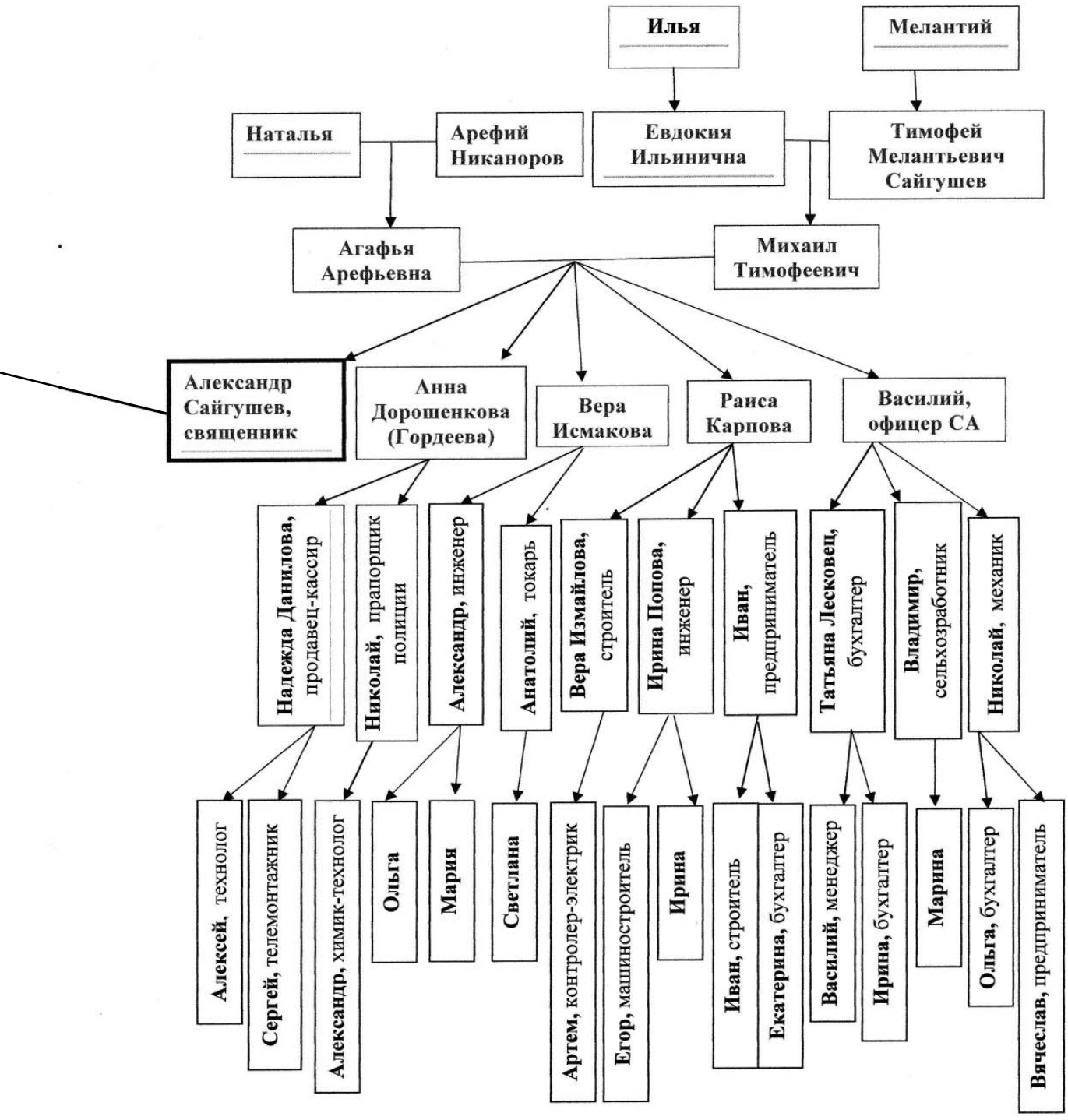
Сонечка

РОДОСЛОВНАЯ
(Материнская ветвь)



Родословная составлена на 8 февраля 2016 года.

РОДОСЛОВНАЯ
(Отцовская ветвь)



БИБЛИОГРАФИЯ

Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового заветов. Издание Московской патриархии. М., 1990.

Богданова Т.А. Из академических «историй»: Вестник церковной истории. 2007.

Булгаков С.В. Настольная книга священно-церковно-служителя. Издательский отдел Московского патриархата. 1993.

Введенский С. Исторический очерк раскола, старообрядчества и сектантства в России.

Государственный архив Ульяновской области Ф. 134. Оп. 9. Д. 136. Л. 13.

Государственный архив новейшей истории Ульяновской области.

Гуркин В.А. История Жадовской пустыни. Московский Журнал. 2005. N6. С. 54–56.

Дмитриев В. Симбирская Голгофа. Убитые священники.

Договор о создании, Устав, Правила внутреннего распорядка, Концепция развития и иные нормативные документы Православной гимназии имени преподобного Сергия Радонежского. Сергиев Посад, 1998–2001.

Ильин В.Н. Краеведческий справочник – путеводитель. Вып. 1. Ульяновск: Симбирская книга, 2001.

Каноник, или Полный молитослов. Издательский отдел Московского патриахата. 1994.

Каптерев Н. «О греко-латинских школах в Москве в XVII в. до открытия Славяно-греко-латинской академии».

Летопись Православной гимназии имени преподобного Сергия Радонежского. Сергиев Посад, 1998–2001.

Материалы Всероссийской научной конференции «История и культура».

Митрополит Сурожский Антоний. Труды. М.: «Практика», 2002, С. 117.

Москва. Все православные храмы и часовни.– Изд-ва: Эксмо, Алгоритм, 2009.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.

Протоиерей о. Иоанн Ильичев Сергиев (Кронштадтский). Довременное творение.

Розов А.Н. Симбирский священник Николай Васильевич Розов. V Сытинские чтения Симбирской губернии. 1907, стр. 140–143 ГАУО, ф. 134, оп. 7, ед. хр. 699.

Симбирские епархиальные ведомости, 1897.

Смирнов С. История московской Славяно-греко-латинской академии» (М., 1885).

Смирнов С. История Московской духовной академии до её преобразования 1814–1870 (М., 1879).

Скала А. Церковь в узах. История Симбирской-Ульяновской епархии в советский период 1917–1991 годы. Ульяновск: Дом печати, 2007.

Суслов А., Фролов А. Очерки истории Воскресенского края. М., «НОВАЛИС», 2012.

Интернет программы.

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Дудин. ПРАВЕДНИКИ И ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ 3

ГЛАВА 1. 1996 ГОД. Я С ВАМИ И С БОГОМ 7
Кардиологический блок реанимационного отделения. – Молчание не могло длиться вечно, когда мы остались одни. – Гангрена делала своё чёрное дело. – «Я с вами и с Богом!» – Стояла радостная погода последних дней февраля. – Папа, просыпайся! Лето. – По всей округе горели торфяники. – «За что Бог так любит меня?» – Он верил, что будет жить всегда.

ГЛАВА 2. ЗВОНОК 17
Улица Садовая. Наряд бабьего лета. – «Папочка, ты меня слышишь?» – В далёком селе Коченяевка.– Прабабушка Наталья, бабушка Агафья Арефьевна. – Шурки опять в школе не было. – Прозвище – «Поп». – Колхозный водовоз. – Где жил филин? – Хомутерь, храм Покрова Пресвятой Богородицы во имя Святителя и Чудотворца Николая. – Шурка и Вооружённые Силы. – История села Коченяевка. – Отъезд в город Воскресенск.

ГЛАВА 3. ВОСКРЕСЕНСК. ПОДГОТОВКА К СЕМИНАРИИ 29
Трест «Мособлстрой» № 4. – Рабочий-путеец. – Что знал Сашка? – Сурская шишка.– Раскольники.– Жестокость советской власти. – Ликвидация Жадовсой пустыни. – Арест архимандрита Каллиста.– «Сведений о дальнейшей судьбе нет». – Св. Антиминс оказался на полу. – Евангелие брошено на окно. – На месте храма – зернохранилище. – Шлаковата. – Село Черкизово.

ГЛАВА 4. ЧЕРКИЗОВСКИЙ ПОГОСТ. ЦЕРКОВЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ 39
Протоиерей Дмитрий Брысаев. – Анна Ахматова «Под Коломной». – Комсомольцы – беспокойные сердца. – Люберецкое отделение милиции. – Историческая справка. – Черкизово и Старки. – Здесь бывали В. Брюсов, Б. Пастернак, М. Лозинский. – Труды протоиерея Дмитрия Дудко. – Пора вступительных экзаменов. – Сердечный друг Николай Одинаркин.

ГЛАВА 5. ОТЕЦ ШЁЛ К СВОЕЙ КОНЧИНЕ СПОКОЙНО 47
Вся жизнь – молчаливая проповедь. – Однажды, гуляя в парке. – Отчего праздник в душе? – Любовь к родине, любовь к невесте. – 1963 год – год моего рождения. – Тётя Маня, Кочегаровы. – Мой братик Сергей. – Пятница 13 сентября. – «Принесите мне горячего чаю!» – Суббота 14 сентября. – Подготовка к небесному взлёту. – Бабье лето. – Полдень.

ГЛАВА 6. МАВРИНО – НЕЗАБЫВАЕМЫЙ СЛЕД В ПАМЯТИ НАШЕЙ СЕМЬИ 65
Первое назначение. – Историческая справка о храме Владимирской Божьей Матери села Маврино. – Переезд семьи. – Всё виделось сказочным чудом. – Соседи, помощники и гости. – Приезд бабушки Агафьи. – Чистый говор Верхнего Поволжья. – Трогательное расставание. – Подарки прихожан.

ГЛАВА 7. ВОСКРЕСЕНСКОЕ БЛАГОЧИНИЕ 79
Крестовоздвиженская церковь села Марчуги. – Улица Садовая. – Родня. – Детская библиотека. – Мы и грядки. – Отец и гриб-подосиновик. – Единение с природой. – О чём трещит сорока? – «За горою у колодца». – Золотой берег Москвы-реки. – Бездонная яма. – Хлеб надо зарабатывать. – Отец и цветы. – Счастливые зимы. – Новый Год. – Рождество Христово. – Мы летали как ангелы.

ГЛАВА 8. РОЖДЕНИЕ БРАТА МИХАИЛА. ОКРУЖЕНИЕ 99
Школа. – Рождение брата Михаила. – В школе учили, что Бога нет. – Валентина Петровна Чернышова. – Трогательное отношение к родным. – Священник Дмитрий Фролов, его дети. –

Молитесь, и всё будет. – Сахарный диабет. – Начало страданий. – Где хранились богослужебные книги и облачение? – Марчуговское окружение. – Наталья Григорьевна Сазонова и другие. – Спевки в церковной сторожке. – Суть успения Святой Богородицы. – О. Ипполит.

ГЛАВА 9. ПЕРЕД ПОСЛЕДНЕЙ СУББОТОЙ 117
Продолжение субботы 14 сентября. – Мишина зыбка и его крестины. – Протоиерей Владимир Маркин. – Светлый ряд имён отцовского общения. – Неси свой крест – в рай попадёшь. – Ещё продолжение субботы 14 сентября. – День Ангела святого Александра Невского. – Хороший нынче чай! – Отец и гуси. – Поволжье, красный террор. – Последняя суббота в жизни отца.

ГЛАВА 10. КОЛОМНА, БОГОЯВЛЕНСКИЙ ХРАМ 129
Древний храм, именитый город. – Мы с братом и службы. – Какие добываются знания и где? – Духовная академия: историческая справка. – Диакон-воспитанник, священник-воспитанник. – Отец всегда был лидером. – О. Виссарион. – Старец Сампсон (граф Сиверс). – Сан протоиерея. – Духовные чада отца. – «Я знаю, что Ваша молитва сильна».

ГЛАВА 11. МОЛИТВЫ НА НЕБЕСАХ БЫЛИ УСЛЫШАНЫ 147
Приступ боли на службе. – Операция по удалению аппендицита. – «Пришла беда – отворяй ворота!» – Сахарный диабет. – Гепатит. – Капельницы не помогали. – Врач сказал, что папа может умереть. – Слёзные молитвы, обращённые к Спасителю. – Отцу стало лучше. – Прошение «за штат по состоянию здоровья». – Жизнь, полная тревог и страданий.

ГЛАВА 12. «КУДА ЗОВЁШЬ, ТРОПИНКА МИЛАЯ…» 161
Воскресенье 15 сентября 2002 года. – День Ангела. – Договор с церковным советом. – Служба в Успенском храме села Шарапово Одинцовского района. – Священник о. Иоанн Брайко. – Сёстры Анна, Раиса, Вера. – Духовные сёстры – две боголюбивые прихожанки Мария Васильевна Стёпочкина и Ольга Васильевна Пузикова. – Акафист иконе Божьей Матери Всех Скорбящих Радость. – Моя молитва.

ГЛАВА 12а. БЛАГОДАТНАЯ КАРПОВСКАЯ ЗЕМЛЯ – НАПОМИНАНИЕ О РОДНОЙ КОЧЕНЯЕВКЕ . . . 179
Вторая половина воскресения 15 сентября. – Настоятель Михаило-Архангельской церкви села Карпово. – Благодатная карповская земля – напоминание о родной Коченяевке. – «Саша Сайгушев – поп». – Водовоз. – Протоиерей Александр Захаров – крёстный отец брата Сергея. – Смерть бабушки Анастасии Яковлевны. – Служение, пение псалмов, молитв и духовных стихов. – Семейные перемены: несколько слов о моей личной жизни и брата Сергея. – «Идёт у Даниловых свадьба…». – Награждение палицей. – Смерть бабушки Агафьи Арефьевны.

ГЛАВА 13. НАКАНУНЕ СМЕРТИ о. АЛЕКСАНДРА 201
Каждый день начинался с мольбы. – Крест с украшениями. – Последнее назначение. – Крестовоздвиженский храм. – Во дворе – лошадь. – Женитьба брата Михаила. – «Вы очень мало знаете, учитесь!» – Ремонт храма. – Почётный настоятель Крестовоздвиженской церкви. – Инфаркт. – Медленно, но верно, утекала его жизнь.

ГЛАВА 14. ГАНГРЕНА. ОПЕРАЦИЯ 215
У постели о. Александра. – Гангрена. – Конфликт в реанимации. – «Отпустите меня домой». – Семейный совет. – Принятие решения на операцию. – Упование только на Всевышнего. – Господи, дай силы!

ГЛАВА 15. ВСЕ МОЛИЛИСЬ ЗА ЗДОРОВЬЕ ОТЦА 227
Раны при диабете не заживают. – Все молились за здоровье отца. – Слуги Тьмы. – Слепота и борьба с ней. – История про сапоги. – Архимандрит Тихон (Агриков). – «Грешный я!» – Рождение внучки Екатерины. – Достойные имена медперсонала. – Дар предвидения. – «Крёстный, благословите!»

ГЛАВА 16. ПРОЩАНИЕ 241
Всех тяжелей было отцу. – Мало спали в эту ночь. – Ответов на вопросы не было. – Немедленно надо идти, надо успеть. – Я бежала и бежала, как в детстве. – Вспоминали Коченяевку и всю свою

жизнь. – «Живите дружно», – дал отец сыну последний наказ. – Его нет, нет моего отца, моего папы, моего дорогого человека.

ГЛАВА 17. ПОГРЕБЕНИЕ 253
Подготовка тела отца к погребению. – Приходила родня. – Оставалась надолго. – Плач не умолкал. – Ритуальные службы священнослужителей. – В природе всё шло своим чередом. – Улица Садовая заполнена людьми, цветами, слезами… – Божественная литургия в храме села Марчуги. – Вздрогнули ветки рябины над могилой отца.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА 260

ГЛАВА 18. ВОСПОМИНАНИЯ об о. АЛЕКСАНДРЕ 271
Фрагменты биографии моей мамы. – Семья Сусла. – Мамины рассказы, записки. – Мария Подгорнова. – Марина Ушакова. – Ольга Дюканова. – Зоя Жарова. – Митрофорный протоиерей Одинаркин. – Священник Алексей Крылов. – Наталья Капранова. – Алексей Попов. – Зоя Плаксина. – Антонина Кочегарова. – Священник Иоанн Брайко. – Любовь Мускатинова-племянница. – Денис Пушнов. – Татьяна Селиванова. – Воспоминания внучек, внуков. – Михаил Булеков. –

ГЛАВА 19. СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ, С КОТОРЫМИ ОБЩАЛСЯ И ДРУЖИЛ о. АЛЕКСАНДР 319
Священник о. ЕвгенийТростин. – Схииеромонах Сампсон (граф Сиверс). – Схииеродиакон Ипполит. – Митрофорный протоиерей Николай Одинаркин. – Архимандрит Тихон (Агриков), в схиме Пантелеимон. – Митрофорный протоиерей Димитрий Фролов. – Протоиерей Алексий Евдокимов. – Протоиерей Александр Коробейников. – Протоиерей Владимир Маркин. – Протоиерей Александр Захаров. – Протоиерей Василий Бащук. – Протоиерей Димитрий Брысаев. – Иеромонах Виссарион. – о.Димитрий Болящий. – Митрофорный протоиерей Георгий Бреев. – Священник о. Александр Мартышкин. – Пресвитер Георгий Мускатинов. – Преподобноисповедник Гавриил Мелекесский. – Протоиерей Наум Куратчук. – Блаженный старец Василий. – Коченяевка. Список жителей.

ГЛАВА 20. ПРИЛОЖЕНИЯ 359
Награды о. Александра: Благодарность академии, набедренник, скуфья, камилавка, наперсный крест, протоиерей, палица, крест с украшениями. – Фотографии. – Духовные стихи. – Стихи собственного сочинения. – Жизнь продолжается. – «Душа его во благих водворится, и память его в род и род».

РОДОСЛОВНАЯ (Материнская ветвь) 412

РОДОСЛОВНАЯ (Отцовская ветвь) 413

БИБЛИОГРАФИЯ 414

Новикова Ольга Александровна

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР САЙГУШЕВ. ЖИЗНЬ.

Документальная повесть

Редактор: Л.А. Дудин
Технический редактор: Е.В. Агапова
Стихи в тексте Ольги Новиковой
Компьютерная вёрстка: А.А. Минаева, Д.В. Минаев

ООО Издательство «Серебро Слов»

Сайт: *http://tvoyakniga.ru*
E-mail: *serebro.slov@gmail.com*
Телефон: *8 (926) 433-33-99*
Интернет-магазин: *http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/*

Подписано в печать 12.07.2016
Формат 60x84/8. Бум. офс. №1.
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Тираж 200 экз. Заказ № 914

Отпечатано в ГУП МО «КТ» «Воскресенская типография»
140200, Московская область,
г.Воскресенск, ул.Вокзальная, 30
E-mail: vosprint@mail.ru Тел: 8 (496) 442-45-42